

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Редакторы раздела:

ДМИТРИЙ НИКОЛАЕВИЧ ЖАТКИН – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения Пензенской государственной технологической академии (г. Пенза)

ЛАРИСА МИХАЙЛОВНА ВЛАДИМИРСКАЯ – доктор филологических наук, профессор Алтайской академии экономики и права (г. Барнаул)

УДК 801.81:398.21

Abdullabekova U.B., *Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, English Language Department, Dagestan State Institute of National Economy (Mahachkala, Russia), E-mail: irma-uma@mail.ru*

SIMILE IN KUMYK FOLK TALES. The aim of the article is to analyze the functioning of the similes in Kumyk folk tales. The author concludes that lexical-semantic fields of "people", "fauna", "body parts of animals" often act as the subject of the comparison in Kumyk folk tales. The images of simile are the meteorological phenomena, celestial bodies, topography, landscape, names of places, food and others. The author also analyzes the linguistic realization of a simile in Kumyk tale. It has two ways of expression: analytic and synthetic way on the level of syntax, or affixational and non-affixational way of actualization of comparison on the level of morphology, that is the form of a comparative phrase, connected by means of a postposition *йимик* that has a meaning of "like" and the phrase formed from the stem of the verb in past perfect tense using affixes *-дей* / *-дай*. The simile criteria in Kumyk folk tales are the beauty, speed, size, etc.

Key words: simile, the tales of the Turkic peoples, fairy tale, Kumyk fairy tale, the subject of simile, the image of simile, the linguistic realization of simile.

У.Б. Абдуллабекова, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка Дагестанского государственного института народного хозяйства, г. Махачкала, E-mail: irma-uma@mail.ru

СРАВНЕНИЕ В КУМЫКСКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Целью статьи является анализ функционирования сравнений в кумыкских народных сказках. Автор приходит к выводу, что предметом сравнения в кумыкских народных сказках чаще всего выступают лексико-семантические поля "человек, люди", "животный мир", "части тела животных". В качестве образа сравнения выступают метеорологические явления, небесные светила, рельеф, ландшафт, название местности, продукты питания и другие. В статье также анализируется языковая реализация сравнения в кумыкской сказке, которая осуществляется в форме сравнительного оборота, присоединяемого с помощью послелога *йимик* "наподобие, подобно", а также образуется от основы глагола прошедшего перфективного времени при помощи аффикса *-дей* / *-дай*. Приоритетными признаками сравнения в кумыкских народных сказках выступают красота, скорость, размер и др.

Ключевые слова: сравнение, сказки тюркских народов, сказка, кумыкская сказка, предмет сравнения, образ сравнения, языковая реализация сравнений.

В данной статье мы попытаемся выделить сравнения в кумыкских народных сказках, которые соответствуют эстетической задаче создания образа, способствуют эмоциональности, оценочности, интенсивности, образности. Выбор и использование выразительных средств зависит от стиля произведения.

Сравнением называют образное словесное выражение, в котором изображаемое явление уподобляется другому по какому-либо общему для них признаку, при этом в объект сравнения выявляются новые, неординарные свойства [1, с. 415].

Сравнения делают язык сказок богатым и сочным. В кумыкских народных сказках сравнение употребляется реже, чем эпитет.

Сравнение состоит из следующих элементов: предмет сравнения, образ сравнения и основание сравнения.

Предметом сравнения в кумыкских сказках выступают:

1. Лексико-семантическое поле "человек, люди" (*улан* "парень", *кыыз* "девушка", *паша* "паша", *къарт* "старик", *Энем* "Энем", *ёлавчу* "путник"): *Ибрагим бавда не мишлер да ашап, гъавуз-дан суге да ичип, къалагъа багъып юрюй, къараса, къаладан гюн чыкъгъан йимик болуп бир кыыз чыгъып геле* ("Ибрагим ва пери кызылар"). *"Ибрагим, поев фрукты в саду, попив воды из водоёма, идёт в сторону дворца, смотрит, из дворца выглянула девушка подобно солнцу". Узакъ къалмай ону артындан*

ел болуп гелеген къарт да етише ("Пачаны уланы ва шайтан ел") "Сразу по истечении некоторого времени, за ним прибывает старик словно ветер".

2. Лексико-семантическое поле "проявление качеств человека, его эмоций, этикета" (*тюзлюк* "правда", *насип* "счастье", *намус* "совесть").

3. Поле "животный мир", "части тела животных" (*ат* "лошадь", *тюре* "верблюд", *бёрю* "волк", *оьгюз* "бык", *ит* "собака", *тана* "бычок", *тюлкюню* *къулагъы* "ухо лисы", *бут* "нога"): *Тана учгъан къаракъушдай тогъайгъа тюшюп гете* ("Хинтив ва ону уланы Митиш"). *"Бычок, словно летающий орёл, оказывается на пойме". Тюре ел йимик болуп гете* ("Ибрагим ва пери кызылар"). *"И верблюд помчался быстрее ветра"; Аюв къарай, базыкъ буту къара къабакъны чору йимик, чор болуп тура* ("Аювну оьлтюрген ат"). *"Медведь смотрит, задняя его нога опухла, как нарост тыквы".*

В западнокупецкой группе тюркских языков для обозначения общего названия лошади параллельно употребляются два слова: *ат* и *алаша*. Однако употребление этих двух слов в языке имеет неодинаковый объём и сферу [2, с. 104]. Лошадь является частым героем кумыкских народных сказок. В кумыкских сказках широко распространены лексемы, связанные с названием лошади: *ат* "лошадь", *айгъыр* "жеребец", *алаша* "конь", *тай* "жеребец".

нок", ябу "кляча", *байтал* "кобылица", *тулпар* "скакун", *йылкы* "табун". В кумыкских народных сказках кыпчакизмы *алаша* "конь" и *тулпар* "скакун" употребляются один-два раза.

4. Поле "растительный мир", "живая и неживая природа" (*тавну башы* "вершина горы", *тамурлар* "корни", *тегенек* "шип, колючка", *будай* "пшеница", *терек* "дерево"): *Ибрагим гезлерин ача, йымыртгъа йимик тавну башына тюшгенлер* ("Ибрагим ва пери кызылар"). "Ибрагим открывает глаза и видит: оказались они на *верхушке горы*, похожей на яйцо".

5. Лексико-семантическое поле "разные предметы" (*жавгъар* "драгоценный камень", *тепси* "поднос", *къаланы башы* "крыша замка").

6. Предметом сравнения в кумыкских сказках также являются: *дег* "див", *аждагъа* "дракон": *Дег дагъы да ятып, тойгъунча юхлап тура ва атылып атына да минип, елдей болуп уланны да, кызыны да артында етише* ("Уч бутлу ала ат"). *Див* поспал сполна, полежа немого, взобрался на коня и словно ветер догнал парня и девушку".

Богаче всего предметом сравнения в кумыкских сказках представлен кластер "человек", а затем "растительный и животный мир".

В сказках выделяются следующие семантические группы слов в качестве образа сравнения:

1. Слова, связанные с миром неодушевленных предметов:

А) метеорологические явления (*ел* "ветер", *къар* "снег"): *О да, елдей болуп, Порсукъну уюне ете* ("Порсукъ неге яшынып яшай"). "Он тоже, **словно ветер**, добирается до дома барсука";

Б) небесные светила (*гюн* "солнце", *ай* "луна"): *... ай йимик балкып турагъан кызы* ("Къара атлы кызы"). *... девушка, светящаяся как луна*;

В) рельеф, ландшафт, название местности (*тав* "гора", *от* "огонь", *хум* "песок", *кёк* "небо", *таш* "камень", *тавлар-ташлар* "горы-камни", *толкъун* "волна", *дюнья* "мир, вселенная", *ёл* "дорога", *анакъ* "пещера", *женнет* "рай"): *Ол тав кёк йимик бийик тав болгъан* ("Къарачач"). "Та гора, **подобно небу**, была высокой горой";

Г) растительный мир (*япракъ* "лист", *къабакъны чору* "сушок от тыквы"): *Бу заманда пачаны юреги "бу магъа не айтар экен?", – деп, ел ойнагъан япракъ йимик къартыплай* ("Армудухан"). "В это время сердце царя билось в ожидании, что он мне скажет, всё его существо дрожало, **как листочки дерева шелестят от ветра**".

2. Слова, связанные с предметами домашнего обихода:

А) продукты питания (*йымыртгъа* "яйцо", *къабакъ* "тыква", *алма* "яблоко", *эт* "мясо", *май* "масло", *сув* "вода", *ханц* "уксус", *бал* "мёд"): *Энем ачувундан ачыгъан ханц йимик пышгъырып* ("Ким, ким уяв, ким уяв?"). "Энем от злости дышала, **словно уксусом**"; *Ибрагим, гюнчыгъып, гюнню иссилиги оьтуп, уянып къараса: йымыртгъа йимик тавну башында тура* ("Ибрагим ва пери кызылар"). "Ибрагим, после того, как **вышло солнце**, **иссякло солнечное тепло**, просыпается и видит вершину горы, **напоминающую яйцо**";

Б) разные предметы (чарыкъ "свеча", сояв "висюлька", багъана "столб", чалгъы "коса", илп "нитка", кюлте "сноп", худур "бурда, полужидкое месиво", сурат "фотография"): *Дег аввал тавну ачып, сонг къаланы будай кюлте йимик кычагъында алып юрюй* ("Салман терек"). "Див, раскрыв гору, схватил в **охапку, как будто сноп пшеницы** и понёс туда **весь дворец**"; *Мужукъ бир тёбелейчи, худурну йимик этип* ("Бёрюню дорбагъа салгъан мужукъ"). "Мужик так **бьёт, что превратил его словно в полужидкое месиво**";

В) оружие (окъ "стрела", тапанча "ружьё"): *Батырбек, хынжалын да суваруп, окъдай болуп, аювну уьстюне чапгъан* ("Авчу Батырбек"). "Батырбек, **обнажив кинжал, как стрела**, **погнался за медведем**".

3) Слова, связанные с животным миром:

А) дикие животные (къоян "заяц", арсланкъаплан "лев", киш "соболь", тюлкю "лиса"): *Киш йимик къап-къара ат етише* ("Ибрагим ва пери кызылар"). "Чёрный-чёрный конь, **как соболю, скачет**".

Лексемы *къоян* и *тавшан* "заяц, кролик" параллельно употребляются в кумыкских сказках. Лексема *тавшан* относится к кайтакскому диалекту кумыкского языка. Факт параллельного употребления диалектной лексической единицы и литературной лексемы можно объяснить тем, что сказители многих сказок являются носителями кайтагского диалекта, так как Южная Кумыкия, на территории, которой распространён кайтагский диалект, является сокровищницей фольклора. "Сен ондан **варехат бол**,

ол къояндан да къоркъач", – *дей тюлкю* ("Армудухан"). "Ты не бойся его, он даже трусливее **зайца**", – говорит Лиса". *Тавшан-ны да ашайлар* ("Тюлкю-тюлкю – тюлю алтын"). "И **зайца съели**".

К.М. Мусаев пишет, что "в некоторых языках, например, в кумыкском языке, встречается факт использования наряду с основным для западнокыпчакских *къоян* "заяц, кролик", употребление *тавшан* "заяц, кролик", и этот факт, по мнению К.М. Мусаева, отражает более раннюю связь западнокыпчакских языков с огузскими" [2, с. 116]. Но в качестве образа сравнения используется только лишь лексема *къоян*.

Б) птицы (*къаракъуш* "орёл"): *Тана учгъан къара къушдай тогъайгъа тюшюп гете* ("Хинтив ва ону уланы Митиш"). "Бычок, **словно летающий орёл**, оказывается на пойме;

В) домашние животные (*эшек* "осёл").

4. Слова, связанные с человеком (*батыр* "герой", *яш* "ребёнок", *етти нарт* "семь нарт", *къатын* "женщина").

Языковая реализация сравнения в кумыкской сказке осуществляется в форме сравнительного оборота, присоединяемого с помощью послелога *йимик* "наподобие, подобно". Послелог *йимик* выражает сравнение по качеству. Управляющий послелог *йимик* ставится после управляемого слова, т.е. после того, с чем сравнивается то или иное явление или персонаж. "Как и во всех тюркских языках, в кумыкском языке на месте предлогов европейских языков употребляются послелоги" [3, с. 88]. Управляемое слово в неопределённом падеже (больше всего примеров): *Къаланы ичнде бир кызы бар, ай йимик шавла бере* ("Салман терек"). "Внутри дворца **есть девушка, светящаяся подобно луне**", либо в родительном падеже: *Мужукъ олай бир тёбелейчи, худурну йимик этип* ("Бёрюню дорбагъа салгъан мужукъ"). "Мужик так **бьёт, что превратил его словно в месиво**"; *Хан-ны, гюнню йимик, уч кызы болгъан* ("Кечел Алини хабары"). "У хана были **три лучезарные дочери**".

Сравнение в кумыкских сказках может выступать и в форме деепричастного оборота, содержащего послелог *йимик*: *... гюнчыгъан йимик болуп бир кызы* ("Ибрагим ва пери кызылар"). "... появилась девушка, **словно солнце взошло**"; *Бираздан булар артына къарай, къараса, къатты ел йимик болуп*, кызыны ягъында юхлайгъан баягъы улан геле ("Хинтив ва ону уланы Митиш"). "Смотрят: **словно сильный ветер, скачет тот молодец, который был тогда у девушки**".

Часто сравнения образуются от основы глагола прошедшего перфективного времени при помощи аффикса *-дей / -дай*: *Пача тюлкюню бу сёзлерин эшитгенде аркъасында тав тюшгендей паракат бола* ("Армудухан"). "Услышав эти слова **лисы, царь почувствовал себя так, как будто с него сняли большой груз**"; *Улан буса тавну ашайгъандай таш ташый* ("Ярлыны уланы"). "Удалой молодец так **расправлялся с горой, будто глотал камни**". Такие сравнения в кумыкских сказках выполняют синтаксическую функцию обстоятельства образа действия.

Встречаются в кумыкских сказках также развёрнутые сравнения: *...къатынлар тавукъну сойгъанда семизине къарайгъанда йимик, бу да бу адамланы тутуп, гетерип къарал* ("Бир гёзлю дев"). "...как женщины проверяют жирность зарезанной курицы, **див также выбирал крупных людей**"; *Улан: "Воллагъ, анам, мени игитлигим не болсун, эртен учгъан къара къушну тюшде йимик алып табар эдим!", – дей* ("Салман терек"). "Сын говорит: "Ей, богу, **мать, что от моих сомнений, утром ушедшего со своего гнезда вечером по запаку оставили драться с медведем**, в грамматическом плане сравнения образуются аналитическими и синтетическими формами. Для кумыкского сказочного текста характерно одинаковое употребление двух грамматических форм сравнения. Это характерное свойство тюркских языков.

Приоритетными признаками сравнения в кумыкских сказках выступают:

- красота: *Хан-ны, гюнню йимик, уч кызы болгъан* ("Кечел Алини хабары"). "У хана были **три лучезарные дочери**";

- скорость: *... ат къатты къабу ел йимик чалт барып* ("Уч бутлу ала ат"). "... конь **мчал как быстрокрылый восточный ветер**";

- форма, размер: *Таш тамгъа тийип анакъдай бир уллу мешик этип къойгъан* ("Агъа-инилер"); "Камень **дотронулся до стены, и выдолбил огромную дыру, словно пещеру**";

- трусость, смелость: *Мени уланымны аюв булан ябушма да къюп, оьзюгюз къоянлардай къаып гелгенсиз!*, – деп ("Уч бутлу ала ат"). "Моего сына оставили драться с медведем, а сами, **словно трусливые зайцы, убежали**"; – говорит";

- свет, цвет: *... ай йимик балкып турагъан кызы* ("Къара атлы кызы"). "... девушка, **светящаяся как луна**"; *... гюн йимик*

йыртыллайгъан зат ("Аманат ва девлер"). "... лучистое существо".

Кумыкские сказочники используют приведённые сравнения для характеристики красоты героини, скорости коня, мужества героя, различных черт персонажей, уподобляя их предметам, явлениям, хорошо знакомым слушателю сказки из обыденной жизни.

Таким образом, в качестве предмета сравнения в кумыкских сказках выступает лексико-семантическое поле "человек", в качестве образа сравнения выступают чаще всего метеорологические явления (ел "ветер"), и небесные светила (гюн "солнце", ай "луна"), затем – животные (къян "заяц") и продукты питания (йымыртгъа "яйцо", алма "яблоко", къабакъ "тыква"). В качестве приоритетного признака сравнения выступают красота и скорость. В языковом выражении характерная особенность тропа "сравнение" в кумыкских народных сказках, обусловленная спецификой тюркских языков, – выражение сравнения в форме сравнительного оборота, присоединяемого с помощью послело-

га *йимик* в неопределённом или родительном падеже. А также сравнение может выступать в форме деепричастного оборота с глаголом *бол* – "быть".

Сравнение встречается в большей степени в речи рассказчика, в волшебных сказках.

Совокупность сравнений, представленных в кумыкских народных сказках, включает как кумыкские общенародные сравнения: ай *йимик* "луноподобная", гюн *йимик* "лучезарная", ел *йимик* "словно ветер", елдей *болуп* "словно ветер", *етти нартны йимик* "подобно семи нартам", будай *кюлте йимик* "словно сноп пшеницы", *йымыртгъай имик тав* "гора похожая на яйцо" и типично сказочные, ситуативные: ел *ойнатагъан япракъ йимик къартыллай* "дрожит, словно листочки дерева", *кёк йимик бийи ктав* "гора высокая, словно небо", *намусунг тамчы сув йимик таза* "совесть твоя чиста, словно капелька воды", *къара къабакъны чору йимик чор* "нарост, словно нарост тыквы", *сонг къалаланы будай кюлте йимик къучагъында алып юрюй* "схватив, словно сноп пшеницы".

Библиографический список:

1. Фатеева Н.А. Тропы как семантические образования. *Стилистика и литературное редактирование*. Под ред. проф. В.И. Максимова. Москва, 2007.
2. Мусаев К.М. *Лексика тюркских языков в сравнительном освещении*. Москва, 1975.
3. Дмитриев Н.К. *Грамматика кумыкского языка*. Москва – Ленинград, 1940.

References

1. Fateeva N.A. Tropes as semantic formations. *Stylistics and literary editing*. Ed. by prof. V.I. Maksimova. Moscow, 2007.
2. Musaev K.M. *Lexica of Turkic languages in comparative illumination*. Moscow, 1975.
3. Dmitriev N.K. *Grammar of Kumyk language*. Moscow – Leningrad, 1940.

Статья поступила в редакцию 03.02.15

УДК 82.01/09

Aleksandrovich N.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Common Humanities Training and Mathematics Education, Anapa Branch of Moscow State Humanities University n.a. M. A. Sholohov (Anapa, Russia), E-mail: nataliaaleks@mail.ru

Horoshok T.A., Cand. of Sciences (Philosophy), senior lecturer, Head of Department of Common Humanities Training and Mathematics Education, Anapa Branch of Moscow State Humanities University n.a. M. A. Sholohov (Anapa, Russia), E-mail: tanuho@mail.ru

DISCUSSION AS A STAGE IN INTERPRETATION OF A LITERARY TEXT (WITH REFERENCE TO "A HERO OF OUR TIME" BY M. LERMONTOV). The article deals with a method of discussion as a step to the most objective and complete understanding of a literary text. Conceptual approach seems the most optimal for the solution of controversial questions of understanding and interpretation of texts, for a concept is taken as a unit for analysis. Concepts are mental elements; a set of concepts as units of individual consciousness forms a conceptual sphere, i.e. the author's picture of the world. It is embodied in a literary work with the whole complex of language means of different levels. The novel "A Hero of Our Time" by M. Lermontov was taken as a material for discussion, as it is one of the precedent texts of Russian culture. The article describes modeling of the cognitive and propositional structure of concepts as systems of the poet's ideas about the Caucasus as one of Lermontov's key concepts. The discussion within the conceptual analysis of the novel leads to deeper comprehension of Lermontov's ideas.

Key words: discussion, concept, conceptual sphere, conceptual analysis, cognitive and propositional structure, interpretation.

Н.В. Александрович, канд. филол. наук, доц. каф. общегуманитарной подготовки и естественно-математического образования Анапского филиала Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, г. Анапа, E-mail: nataliaaleks@mail.ru

Т.А. Хорошок, канд. филос. наук, доц., зав. каф. общегуманитарной подготовки и естественно-математического образования Анапского филиала Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, г. Анапа, E-mail: tanuho@mail.ru

ДИСКУССИЯ КАК ЭТАП ИНТЕРПРЕТАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»)

В статье описывается применение метода дискуссии в процессе концептуального анализа романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» как современного и наиболее продуктивного вида анализа художественного текста. Дискуссия играет важную роль в этом процессе, поскольку позволяет приблизиться к авторскому видению предмета.

При решении спорных вопросов понимания и интерпретации текста концептуальный подход, применённый авторами, представляется оптимальным, поскольку в качестве единицы анализа берётся концепт как ментальное образование. Совокупность концептов как единиц индивидуального сознания складывается в концептосферу, или картину мира поэта, и воплощается в художественном произведении целым комплексом языковых средств разных уровней. В статье предлагается

моделирование когнитивно-пропозициональной структуры (КПС) концептов как системы представлений М.Ю. Лермонтова о Кавказе, что в итоге способствует пониманию образа, наиболее близкому авторскому.

Ключевые слова: художественный текст, концепт, концептуальный анализ, дискуссия, интерпретация.

В 2014 году исполнилось 200 лет со дня рождения М.Ю. Лермонтова, и это событие заставило с новых позиций взглянуть на творчество поэта, сделало актуальным его мнение по вечным вопросам бытия.

Настоящая статья посвящена применению дискуссии в учебном гуманитарном процессе, в частности, при проведении анализа художественного текста. Казалось бы, это довольно специфическая сфера образовательного процесса, однако текст в широком понимании исследуется не только филологами, но и социологами, политологами, культурологами, психологами и т.д. Текст, вслед за Ю.М. Лотманом, рассматривается «в качестве свёрнутой программы целой культуры» [1, с. 517], поскольку, прежде всего, это знаковый комплекс.

Любая знаковая система, по словам А.С. Кармина, и текст в том числе, как культурное явление может принимать разнообразные формы – вещи, ритуала, художественного произведения, речи и т.д., – и подлежит осознанному прочтению и пониманию [2, с. 122 – 124]. Поскольку любое культурное явление может иметь любое количество интерпретаций, то неизбежны споры, чья интерпретация точнее и почему. Таким образом, возвращаясь к анализу текста в целом и применению для этого дискуссии, в частности.

Дискуссия – одна из наиболее востребованных форм проведения занятий. В учебном процессе дискуссия зачастую возникает стихийно, и дидактические недостатки восполняются насыщенным содержанием.

В современной науке и практике утвердилось около двух десятков форм проведения дискуссий, которые различаются целевой установкой, содержанием деятельности и количеством участников. Современные техники проведения дискуссии позволяют включить 20 и более человек. Любая дискуссия начинается с подготовительного этапа. Это, во-первых, решение организационных вопросов и, во-вторых, постановка цели и задач.

Ставим цель: реконструировать индивидуально-авторское представление М.Ю. Лермонтова о Кавказе посредством концептуального анализа романа «Герой нашего времени» как одного из прецедентных текстов русской культуры.

Необходимо подчеркнуть, что процедура концептуального анализа текста универсальна и позволяет составить достаточно объективное, т.е. основанное на лингвистических фактах, представление о картине мира автора. Единицей анализа при этом выступает концепт, т.е. индивидуальный образ фрагмента действительности, выраженный языковыми средствами и социокультурно обусловленный.

В тексте концепты образуют концептосферу, или авторскую модель мира, и реализуются ключевыми словами, а также их синонимическими и антонимическими рядами. В настоящей работе представлена попытка реконструировать индивидуально-авторское представление М.Ю. Лермонтова о Кавказе.

Для этого на занятии решаются следующие задачи:

- 1) выделить ключевые слова – носители концептуального содержания в тексте романа;
- 2) выявить синтаксические позиции ключевых слов и смоделировать когнитивно-пропозициональную структуру каждого концепта;
- 3) описать представления о Кавказе, объективированные в романе.

На подготовительном этапе участники дискуссии получили задание, которое включало выдвижение гипотез. Необходимо было установить, насколько изучен образ Кавказа в творчестве Лермонтова и, в частности, в романе «Герой нашего времени». Затем на занятии студенты обобщают точки зрения учёных по проблеме, выделяют спорные вопросы и противоречия, высказывают собственные мнения, соглашаются или спорят.

Традиционно считается, что Кавказ, Кавказский край занимает исключительное место в жизни и творчестве Лермонтова. По словам Н.В. Белинского, «Кавказ был колыбелью его поэзии, ... и после Пушкина никто так поэтически не отблагодарил Кавказ за дивные впечатления его девственно величавой природы, как Лермонтов...» [3, с. 27].

Географически Кавказ – это территория между Черным, Азовским и Каспийским морями, в пределах Альпийской складчатой области, занимающая свыше 500 тыс. кв. км. Происхож-

дение названия точно не установлено, возможно, оно связано с хеттским «каз-каз» – название народа, жившего на южном берегу Чёрного моря; впервые встречается у древнегреческого драматурга Эсхила в трагедии «Прикованный Прометей». Прежде всего, Кавказ ассоциируется с горной местностью, поэтому в настоящем исследовании и рассматривается как горная система.

Гора с древности была для человека символом Вселенной, осью мира. Значение «гора», по данным М.М. Маковского, соотносится со значениями «огонь», «душа», «дождь», «облако», «смерть» [4, с. 126-127].

Студентам было дано предварительное задание самостоятельно сделать выборку всех контекстов, где есть упоминания о Кавказе. Таким образом, уже в начале занятия установили, что в романе встречается около 100 таких обширных контекстов.

Далее было необходимо проанализировать контексты и выделить позиции субъекта, объекта, предиката и пр., затем представить в виде когнитивно-пропозициональной структуры (КПС). Пропозиция в такой структуре является языковым выражением модели конкретной ситуации, а именные и предикатные отношения в ней строятся в зависимости от авторского отношения к деталям данной ситуации. Этот этап работы выполняется для того, чтобы наиболее полно восстановить авторское представление о предмете, т.е. достигнуть максимально близкого к авторскому его понимания.

Выборка показывает, что Кавказ в романе представлен в виде когнитивно-пропозициональной структуры (КПС) с позициями субъекта, предиката, объекта, обстоятельств места и образа действия, а также атрибутивными характеристиками. Наиболее равномерно и объемно, как и можно предполагать, составлены позиции субъекта и обстоятельства места.

Субъектом действия, по мнению автора, могут быть *долина* (2 упоминания); *название Чертовой долины; Койшаурская долина, скалы, обрывы, крутизна обрыва; утесы, гребни утесов; отрасли Машука, голова Машука* – (2); *гора; горы* (3); *горки; Гуд-гора; глубокое ущелье* (4); *расселина; вершины гор* (2), *громады Бешту, Змеиной, Железной и Лысой горы; Казбек; Эльбрус; обвалы на Крестовой; пропасти* (2); *провал; перевоз через Крестовую гору; обломки скал; зубцы скал; проезд на Кавказ; горный воздух; горный ветер*.

Ср.: *Кругом, теряясь в золотом тумане утра, теснились вершины гор, как бесчисленное стадо, и Эльбрус на юге вставал белою громадой, замыкая цепь льдистых вершин, между которых уж бродили волокнистые облака, набежавшие с востока*.

В качестве субъектов встречаются и имена нарицательные, их фрагменты, и реальные географические названия. В словаре М. Лермонтова в тысяче самых частотных слов *гора* занимает 145 место [5, с. 763], а *Кавказ* – уже 765 место [5, с. 764]. Это указывает на то, что Кавказ для поэта, скорее, архетипический образ мировой горы, нежели конкретный географический пункт, место службы. Предикатами чаще всего служат бытийные глаголы (*быть, находиться, лежать, зиять, возвышаться*), которые передают значение места, времени, реальности или гипотетичности того, о чём сообщается. Обилие глаголов-связок создает ощущение динамики событий и передает авторское отношение к горной стране как чему-то непостоянному, но в то же время и желанному месту.

Ср.: *Это было в сентябре; и точно, день был чудесный, светлый и не жаркий; все горы видны были как на блюдечке*.

Ср.: *По мнению здешних ученых, этот провал не что иное, как угасший кратер; он находится на отлогости Машука, в версте от города*.

Другие глаголы-предикаты можно разбить на семантические группы: глаголы действия (*пересекаться, пугать, расстрелять (коляску), разбежаться, превращаться, подниматься, сходиться, вставать, чернеть, гудеть, выглядывать, сверкать*) движения (*тянуться, вести*), состояния (*куриться, дымиться, тесниться, замыкать, ожидать*) и зрительного восприятия (*рисоваться, синеться*). Такое разнообразие предикатных возможностей говорит о том, что поэт, действительно, хорошо знал и понимал горную страну, воспринимал её как живое меняющееся существо.

В романе встречается несколько контекстов, в которых субъектами выступают *горный воздух* или *горный ветер*. Предикатом является глагол *освежить*.

Ср.: *Когда ночная роса и горный ветер освежили мою горячую голову и мысли пришли в обычный порядок, то я понял, что гнаться за погибшим счастьем бесполезно и безрассудно.*

Ср.: *Когда я проснулся, на дворе уж было темно. Я сел у отворенного окна, расстегнул архалук – и горный ветер освежил грудь мою, еще не успокоенную тяжелым сном усталости.*

Можно выделить и такие оригинальные субъекты, как *старые кавказцы* и *приезд на Кавказ*.

Ср.: *Я знаю, старые кавказцы любят поговорить, порассказать; им так редко это удается...*

Ср.: *Приезд его на Кавказ – также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти...*

Так, в ряде контекстов проявляется концептуальный признак Кавказа как места, где можно найти смерть.

Ср.: *Я подошел к краю площадки и посмотрел вниз, голова чуть-чуть у меня не закружилась, там внизу казалось темно и холодно, как в гробе; шиштые зубцы скал, сброшенных грозой и временем, ожидали своей добычи.*

Атрибутивные конструкции передают качественно-оценочную информацию. Они характеризуют горы (вершины, зубцы и отлогости гор), скалы, холмы, ущелья, расселины, обрывы и долины. Например, долина у поэта *славная*, холм *высокий*, *покрытый пеленою снега*; ущелье *глубокое*; скалы *обледеневшие*; гора *проклятая*, *высокая*, горы *воздушные*, *крутые*, *неприступные*, *покрытые девственными снегами*, *кудрявые*, *озаренные южным солнцем*; вершины у гор *зеленые*, *темно-синие*, *изрытые морщинами*, *покрытые слоями снега*; *синие* зубцы Кавказа; *утёсы*, *висящие с обеих сторон*.

В качестве атрибута гор встречаются синий и белый цвета, которые традиционно рассматриваются как символы всего духовного. Синий – цвет неба, «холодный» цвет, настраивающий на размышления. Белый – цвет снега, зимы, смерти и, кроме того, это цвет чистоты (девственные снега) и мудрости, которая приходит с годами (вершины у гор *тёмно-синие*, *изрытые морщинами*, *покрытые слоями снега*). Сочетание белый – синий создаёт эффект «удвоения» выражения чувств: Кавказские горы у поэта вызывают восхищение, почтение и трепет, с одной стороны, с другой стороны, поэт прекрасно осознаёт обманчивость и смертельную опасность горной красоты. Неудивительно, что лексические единицы с семантикой жизни и смерти часто встречаются у Лермонтова в одном контексте с описаниями гор.

Ср.: *Налево чернело глубокое ущелье; за ним и впереди нас темно-синие вершины гор, изрытые морщинами, покрытые слоями снега, рисовались на бледном небосклоне, еще сохранявшем последний отблеск зари.*

Ср.: *... вдали те же горы, но хоть бы две скалы, похожие одна на другую, – и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что кажется, тут бы и остаться жить навеки...*

Но, как известно, жизнь конечна, и Лермонтовский оксюморон оказывается парафразом смерти, и получается, что свою

жизнь и смерть поэт связывает с горами как вселенским символом, осью мира, тем самым расширяя личное пространство и время до бесконечности.

В описаниях гор поэт пользуется зеленым и золотым цветами. Зеленый – традиционно цвет природы, надежды, воскресения и обновления, но, с другой стороны он же символизирует моральный и физический упадок, ужас и безумие. Золотой – цвет солнца и богатства, но он же символизирует предательство, отчаяние, безумие и болезнь. Очевидно, что совпадает концептуальный признак безумия, то есть, несмотря на великолепие, для поэта горы представляют потенциальную опасность, что соотносится с внутренней формой имени концепта «горы», его значениями «душа» и «смерть».

Ср.: *Славное место эта долина! Со всех сторон горы неприступные, красноватые скалы, обвешанные зеленым плющом и увенчанные купами чинар, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а там высоко-высоко золотая бахрома снегов, а внизу Арагва, обнявшись с другой безымянной речкой, шумно вырывающейся из черного, полного мглой ущелья, тянется серебриною нитью и сверкает, как змея своею чешуёю.*

Таким образом, атрибутивные характеристики выделяют такие концептуальные признаки горной страны как *древность*, *величие*, *неприступность*, *изменчивость* и *потенциальную опасность* для человека.

Объектную позицию занимают существительные *долины*, *гора*, *отлогости гор*, *зубцы Кавказа*, *скат Машука*, *Эльбрус*, *скалы*, *морщины скал*, *вершины*, *утес*. Выборка показывает, что поэт осмысляет Кавказ как ориентир (*оглянулся на долину; указал на гору*), труднопроходимую, изменчивую и обманчивую местность (*через горы не передеешь; спуститься по скалам; карабкался на утес; не знает наших гор*), убежище (*солнце пряталось за вершины*) и предмет восхищения, которым любуются, *наводя телескоп, описывают*.

Позиция места, по определению, является наиболее репрезентативной, ее анализ помогает восстановить, какими концептуальными признаками, по мнению Лермонтова, отличается Кавказ как место действия (пространство). Так, на Кавказе можно *жить (пребывать)*, *всю жизнь оставаться, путешествовать, служить, проезжать через Кавказ, здесь может свести судьба, здесь можно найти и смерть*. Очевидно, что в данной позиции актуализируются такие концептуальные признаки Кавказа как убежище, пункт назначения, место службы, жизни и смерти, вершина, верх. Доминантными среди них оказываются место назначения и убежище.

На заключительном этапе проводится анализ всех позиций, выделяются доминантные и второстепенные концептуальные признаки, сравниваются данные по другим позициям КПС. Далее определяется степень совпадения/несовпадения полученных результатов с традиционной или предварительно установленной точкой зрения. Выявленные совпадения концептуальных признаков, реализованных в разных позициях, доказывают, что Кавказ осмысливается поэтом как убежище, место назначения, жизни и смерти, при этом оставаясь в сознании Лермонтова архетипическим концептом, имеющим символическое значение (ось мира). В ходе дискуссии студенты убеждаются, что Кавказ для поэта – не просто горная система, а жизненное пространство, в котором он жил и искал свой путь.

Библиографический список

1. Лотман Ю.М. Тезисы к семиотическому изучению культур. *Семiosфера*. Санкт-Петербург, 2004.
2. Кармин А.С. Тексты и их интерпретация. *Основы культурологии: морфология культуры*. Санкт-Петербург, 1997.
3. Белинский В.Г. Герой нашего времени. Сочинение М. Лермонтова. *М.Ю. Лермонтов в русской критике*. Москва, 1955. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/lrk/lrk-025-.htm>
4. Маковский М.М. *Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов*. Москва, 1996.
5. Частотный словарь языка М.Ю. Лермонтова. Под ред. В.В. Бородина, А.Я. Шайкевича. Составители А.А. Авдеева, В.В. Бородин, Н.Я. Быкова, С.М. Козокина, Н.А. Гордеева, Л.А. Макарова, А.Я. Шайкевич. *Лермонтовская энциклопедия*. Москва: АН СССР, Институт русской литературы; Сов. энциклопедия, 1981. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermont/lre-lfd/lre/lre-762-.htm>

References

1. Lotman Yu.M. Tезisy k semioticheskomu izucheniyu kul'tur. *Semiosfera*. Sankt-Peterburg, 2004.
2. Karmin A.S. Teksty i ih interpretaciya. *Osnovy kul'turologii: morfologiya kul'tury*. Sankt-Peterburg, 1997.
3. Belinskij V.G. Geroj nashego vremeni. Sochinenie M. Lermontova. *M.Yu. Lermontov v russkoj kritike*. Moskva, 1955. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermont/critics/lrk/lrk-025-.htm>
4. Makovskij M.M. *Sravnitel'nyj slovar' mifologicheskoy simvoliki v indoevropskikh yazykah: Obraz mira i miry obrazov*. Moskva, 1996.

5. Chastotnyj slovar' yazyka M.Yu. Lermontova. Pod red. V.V. Borodina, A.Ya. Shajkevicha. Sostaviteli A.A. Avdeeva, V.V. Borodin, N.Ya. Bykova, S.M. Kozokina, N.A. Gordeeva, L.A. Makarova, A.Ya. Shajkevich. *Lermontovskaya `enciklopediya*. Moskva: AN SSSR, Institut russkoj literatury; Sov. `enciklopediya, 1981. Available at: <http://feb-web.ru/feb/lermenc/lre-lfd/lre/lre-762-.htm>

Статья поступила в редакцию 03.02.15

УДК 81, 42

Volkova A.A., Cand. of Sciences (Philology), senior researcher, Exploratory Research Laboratory, Tomsk State University (Tomsk, Russia), E-mail: volknas@mail.ru

THE PROBLEM OF UNDERSTANDING IN THE MEDIA DISCOURSE AS REFLECTION OF MODERN LANGUAGE TRENDS

(The study is supported by the RFH, project number 14-34-01022)

Informational-consumer activity of audience includes receiving, learning, evaluation and memorizing of information. An urgent problem in informational-consumer activities of mass audience is misunderstanding of information. Naturally, the texts, which contain a large number of foreign-language inclusions are more difficult to understand. In the analysis of radio text some language communicative tactics that facilitate the process of understanding of foreign language inclusions and of a text as a whole are allocated. The author states that the use of these tactics in the text leads to elimination of the problem of perception and understanding of foreign words. It is obvious that the lack of basic communicative tactics that implement a strategy for understanding of radiotext interspersed with foreign language elements is in the way of an adequate understanding of the text. In our view, the implementation of this strategy is a prerequisite for successful communication.

Key words: understanding, strategy, communicative tactics, media, foreign elements.

A.A. Волкова, канд. филол. наук, Лаборатория поисковых исследований Томского государственного университета, научный сотрудник, г. Томск, E-mail: volknas@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В МЕДИАДИСКУРСЕ КАК ОТРАЖЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ ЯЗЫКОВЫХ ТЕНДЕНЦИЙ

(Исследование проводится при поддержке РФНФ, номер проекта 14-34-01022)

Информационно-потребительская деятельность аудитории включает в себя приём, усвоение, оценку и запоминание информации. Острой проблемой информационно-потребительской деятельности массовой аудитории является непонимание. Закономерно, что тексты, в состав которых включено большое количество иноязычных вкраплений, оказываются более сложными для понимания. При анализе радиотекстов были выделены некоторые языковые коммуникативные тактики, облегчающие понимание иноязычных вкраплений и текста в целом. Использование данных тактик в тексте снимает проблему восприятия и понимания иноязычных слов. Очевидно, что отсутствие основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания радиотекстов с иноязычными вкраплениями, затрудняет адекватное понимание текста. В нашем представлении, реализация указанной стратегии есть обязательное условие успешности коммуникации.

Ключевые слова: понимание, стратегия, коммуникативная тактика, средства массовой информации, иноязычное вкрапление.

Проблемами коммуникации занимаются в той или иной мере все гуманитарные науки, и прежде всего – лингвистика, психология, социология, философия. Любое взаимодействие между автором и аудиторией возможно лишь в случае полного или хотя бы частичного совпадения у них понятийного аппарата, представлений о мире, окружающей реальности. Отмеченный фактор весьма важен в условиях массовой коммуникации. Представляется значимым замечание Т.В. Чернышовой, которая считает принципиальным при исследовании результата взаимодействия между участниками коммуникации учитывать общность стереотипов автора и адресата [1].

Обращает на себя внимание изменение речевого поведения участников массовой коммуникации, связанное с увеличением доли фатки (что традиционно было характерной чертой разговорно-бытового общения).

Особый интерес в контексте обсуждаемой проблемы представляют радиопередачи, целевой аудиторией которых является ориентированный на современные тенденции слой населения.

Например, в радиопередаче «Дорожная карта» (радиостанция «Эхо Москвы»):

АЛЕКСЕЙ СОЛОМИН: Здравствуйте. Как вас зовут?

СЛУШАТЕЛЬ: Меня зовут Артём.

АЛЕКСЕЙ СОЛОМИН: У вас голос-то молодой такой.

Вам сколько лет, если не секрет?

СЛУШАТЕЛЬ: 38 вроде бы.

АЛЕКСЕЙ СОЛОМИН: А, 38. Ну, вы уже, я так понимаю, развелись.

СЛУШАТЕЛЬ: Не угадали. Я еще даже не женился.

АЛЕКСЕЙ СОЛОМИН: Господи. Ну, и что, как вы считаете, как правильно делить имущество?»

В формировании автором сообщения отмечается приоритетность интересов слушательской аудитории. Автор заинтере-

ресован в установлении доверительных отношений со «своим» слушателем и реализует эту задачу, говоря языком близким и понятным адресату.

Радиостанция и её слушательская аудитория находятся в диалектической связи. Характер радиозфера обусловлен направленностью на целевую аудиторию, и, наоборот, слушатель выбирает радиостанцию в соответствии со своими коммуникативными потребностями.

Успех коммуникации зависит от обоих коммуникантов. Автор, создавая информационное сообщение, должен учитывать компетенцию потенциального слушателя, в то время как к слушателю тоже предъявляются определенные требования, необходимые для успешного взаимодействия с автором: он должен обладать достаточным кругозором, объемом фоновых знаний для адекватного восприятия текста [2].

Поскольку важнейшей функцией радиопередач является ознакомление слушателя с новыми понятиями современной жизни, заимствованными в большинстве своём из зарубежных культур, в состав текстов входит значительное количество новых единиц иноязычного происхождения (иноязычных вкраплений). Процесс восприятия текста осуществляется посредством идентификации реципиентом услышанной языковой единицы с уже имеющимися у него знаниями о языке и мире и причисления данной языковой единицы к группе уже освоенных или неосвоенных понятий. Вследствие этого текст, содержащий иноязычные вкрапления, часто представляет особую трудность для восприятия и понимания.

Во многих исследованиях коммуникация изучается преимущественно с точки зрения выявления стратегий воздействия (стратегии дискредитации, уговаривания, создания положительного имиджа и др.) и способов их реализации: (Т.Г. Винокур; В.З. Демьянков; О.С. Иссерс; В.С. Третьякова и др.). В настоя-

щей работе изучению подвергается *стратегия обеспечения понимания* и её реализация в медиатексте.

Информационно-потребительская деятельность аудитории включает в себя приём, усвоение, оценку и запоминание информации и проявляется в следующих видах:

- полная – полное прочтение, просмотр, прослушивание и анализ;
- частичная – поверхностный просмотр без анализа и серьезных выводов;
- отказ от приема сообщения в случае его неактуальности (незаинтересованность в статье или передаче) или переизбытка информации определённой направленности или темы, когда возникает угроза «пресыщения информацией» по тому или иному вопросу.

Острой проблемой информационно-потребительской деятельности массовой аудитории является непонимание. Обычно выделяют два типа непонимания:

- 1) субъективное – нежелание аудитории и отдельных субъектов разобраться в проблемах, усваивать и запоминать терминологию;
- 2) объективное – обусловленное незнанием новых слов, особенностями личного восприятия и общественными стереотипами, а также всякого рода искажениями передачи информации в СМИ.

Необходимо отметить, что продукция СМИ, формально доступная большинству населения, потребляется по-разному.

Особенности потребления и усвоения массовой информации напрямую зависят от уровня подготовленности аудитории к приятию информации, который можно выявить на основании следующих признаков:

- степени владения словарем языка СМИ в целом;
- степени понимания конкретного текста;
- степени развития внутреннего оперирования (адекватная смысловая интерпретация текста);
- адекватное воспроизведение смысла текста в речи.

Закономерно, что тексты, в состав которых включено большое количество иноязычных вкраплений, оказываются более сложными для понимания [3].

Например, в радиопередаче «Говорим по-русски» (радиостанция «Эхо Москвы»):

«МАРИНА КОРОЛЕВА: *Давай только не будем в поисках волн улетать слишком далеко, а то будем страдать от джетлага (от англ. jet – реактивный самолет, lag – отставание). Так называют физический дискомфорт из-за несовпадения работы биологических часов человека со временем и ритмом окружающего мира. Как явление джетлаг возник из-за долгих перелетов со сменой часовых поясов, сегодня же он может появиться и из-за долгой ночной работы в кластере.*

ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ: *В чём-чём? А, я, кажется, поняла. Но для верности загляну в словарь. Кластер (от англ. cluster – скопление) образуют «несколько компаний или предпринимателей на одной территории и с общей жадой к креативу». Ну, например, авиакомпании, туроператоры, турагентства, отели, автопредприятия объединяются в туристический кластер.*

При анализе радиотекстов были выделены некоторые языковые коммуникативные тактики, облегчающие понимание ино-

зычных вкраплений и текста в целом: тактика перевода, тактика дефиниции, а также контекстуальная тактика. Использование данных тактик в тексте снимает проблему восприятия и понимания иноязычных слов.

При анализе коммуникации было выявлено, что для адекватного понимания текста особенно важно, чтобы были пояснения к иноязычному слову, если оно является ключевым словом (словосочетанием) текста.

Полученный материал свидетельствует о разном уровне понимания читателями текста. Очевидны три основных уровня понимания. **Адекватное понимание** проявляется в ситуациях точной соотнесённости информантом представления о смысловом наполнении слова с его словарным значением. При этом мы, естественно, не рассчитывали получить от испытуемых точную словарную дефиницию, то есть допускали вариативность вербального воплощения интерпретации слова (словосочетания): «*must have*» переведено «нужно иметь», «должен иметь», «необходимо иметь». **Частичное понимание (недопонимание)** представлено случаями неполной или неточной интерпретации языкового факта. Здесь различается **осознанное** недопонимание, когда интерпретатор вербализует неуверенность в понимании иноязычного вкрапления и теста («*USB-интерфейс*» – «что-то, связанное с современными технологиями»; «*пин-ап-девушки*» – «возможно, имелись в виду девушки выше среднего») и **неосознанное** – когда недопонимание устанавливается исследователем («*must have*» – «название тренда», «хочу иметь»; «*принты*» – «дословно: печать, окрас, покраска», «устройство для печати», «распечатка»).

В случае отсутствия авторских комментариев к иноязычному вкраплению, введённому в текст, читатель, интерпретируя незнакомые языковые единицы, опирается на имеющиеся у него знания и опыт и, как показал эксперимент, не всегда осуществляет верную интерпретацию, следовательно, получает неточную информацию.

Непонимание иноязычного вкрапления находит выражение в двух типах, **осознанное** непонимание квалифицируется самим информантом («*ребрендинг*» – «абсолютно не поняла, о чем речь», «не понимаю, потому что это ключевое существительное – подлежащее, несущее смысловую нагрузку»; «*fashion victim*» – «конечно, тот, кто не знает английский язык, никогда не дойдет «своим умом» до понимания этой части текста», «не понятен смысл выделенного словосочетания»), **неосознанное** непонимание квалифицируется исследователем в случаях, когда информант дает неверную интерпретацию.

Анализ проблемы коммуникативных неудач дает основание прийти к заключению, что важнейшей причиной коммуникативной неудачи является несоблюдение принципов речевого общения, в частности, нарушений коммуникативно-прагматических норм, связанных с пониманием текста.

Таким образом, очевидно, что отсутствие основных коммуникативных тактик, реализующих стратегию обеспечения понимания радиотекстов с иноязычными вкраплениями, затрудняет адекватное понимание текста. В нашем представлении, реализация указанной стратегии есть обязательное условие успешности коммуникации.

Библиографический список:

1. Чернышова Т.В. *Тексты СМИ в зеркале языкового сознания адресата*. Барнаул, 2005.
2. Демьянков В.З. Лингвистическая интерпретация текста: универсальные и национальные (идиознотические стратегии). *Язык и культура: Факты и ценности: к 70-летию Юрия Сергеевича Степанова*. Москва, 2001.
3. *Краткий курс лекций по дисциплине «Теория коммуникации»*. Available at: http://studme.org/17010514/menedzhment/factory_obuslovlivayuschie_ponimanie_soobscheniya

References

1. Chernyshova T.V. *Teksty SMI v zerkale yazykovogo soznaniya adresata*. Barnaul, 2005.
2. Dem'yanov V.Z. Lingvisticheskaya interpretatsiya teksta: universal'nye i nacional'nye (idio'etnicheskie strategii). *Yazyk i kul'tura: Fakty i cennosti: k 70-letiyu Yuriya Sergeevicha Stepanova*. Moskva, 2001.
3. *Kratkij kurs lekcij po discipline «Teoriya kommunikacii»*. Available at: http://studme.org/17010514/menedzhment/factory_obuslovlivayuschie_ponimanie_soobscheniya

Статья поступила в редакцию 25.02.15

УДК 81.2

Ivanov S.S., PhD, Cand. of Sciences (Linguistics) senior lecturer, Nizhny Novgorod State Technical University n.a. R. E. Alexeyev (Nizhny Novgorod, Russia), E-mail: sayar@sandy.ru

MECHANICS AND MATHEMATICS SPECIALIZED VOCABULARY STRUCTURE. Mechanics and mathematics terminology occupies a special place in the English word stock. Integration and differentiation processes in these sublanguages are intensified and the number of terms describing various phenomena is constantly increasing. Research in mechanics and mathematics sublanguages, including systematic description of their vocabulary, is of great theoretical and practical importance. The article deals with principles of creating mechanics and mathematics specialized vocabulary structure on the basis of a structural-probability analysis, using a concept of distributional vocabulary. A detailed description is given of various systems and subsystems forming the sublanguages in question and their word-stock is analyzed from the point of view of many component term structures and new formations. The results obtained may be used in the theory and practice of modern lexicography and translation and word-building models could be used in creating algorithms for computer-aided translation programming.

Key words: specialized vocabulary, word stock, sublanguage of mechanics and mathematics, structural-probability analysis, distribution vocabulary, term structures

С.С. Иванов, канд. филол. наук, доц. Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева, г. Нижний Новгород, E-mail: sayar@sandy.ru

ПРИНЦИПЫ ПОСТРОЕНИЯ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «МЕХАНИКА И МАТЕМАТИКА» (на материале английского языка)

Терминосистема подязыков механики и математики занимает особое место в системе английского общенационального языка. Процессы интеграции и дифференциации лексики в этих подязыках усиливаются и число терминов, описывающих различные явления, постоянно растёт. Изучение подязыков механики и математики, разработка и системное описание их лексики имеет не только большое теоретическое, но и прикладное значение. В данной статье рассматриваются принципы построения терминологического словаря по специальности «Механика и математика» на основе метода структурно-вероятностного анализа с использованием концепции распределительного словаря. Описываются различные системы и подсистемы, образующие данные подязыки, анализируется их лексический состав с точки зрения построения одно, двух и многокомпонентных терминосочетаний, а также различных новообразований. Представленная классификация может послужить основой, как в теории, так и практике объективной лексикографии для создания отраслевых лексических минимумов, необходимых при обучении иностранным языкам специалистов узкого профиля, а словообразовательные модели могут сформировать базу алгоритмов, используемых в программах машинного перевода.

Ключевые слова: специализированный словарь, словарный состав языка, подязык механики и математики, структурно-вероятностный анализ, распределительный словарь, терминосочетание.

Механика – наука о законах движения тел – имеет отношение ко всем явлениям природы и творениям техники, ко всем естественнонаучным дисциплинам, а терминосистема «Механика» занимает особое место в системе общенационального языка.

Развитие механики как науки происходило в тесной связи с развитием математики. При исследовании реальных объектов природы и техники в механике вводились некоторые абстрактные модели (материальная точка, твердое тело и др), приближенно представляющие соответствующие объекты. Дальнейшее построение механики осуществлялось для этих моделей по принципам, принятым в математике: вводились основные понятия и определения, формулировалась совокупность необходимых и достаточных аксиом и после этого доказывались основные закономерности в виде тех или иных теорем. Таким образом, механика реализует свои задачи математическими методами, и в результате грань между механикой и математикой нередко стирается. Поскольку оба подязыка зачастую оперируют одной и той же лексикой, такой, например, как *непрерывность*, *сходимость*, *переменная* (величина), *матрица*, *одномерный*, *квазистатистический* и т. п., представляется целесообразным рассматривать оба подязыка как единое целое.

Изучение подязыков механики и математики, разработка и системное описание их лексики имеет не только большое теоретическое, но и прикладное значение. Для лингвистики подязык механики и математики представляет интерес в плане социолингвистического освещения следующих проблем:

1. Подязык механики в целом обладает сложными терминологическими системами, подлежащими изучению и унификации совместными усилиями математиков-механиков, лингвистов и социолингвистов.

2. Механика, как отрасль современной науки, представляет собой одну из сфер функциональной дифференциации языка.

3. Литература, освещающая различные вопросы в области механики и математики, подвержена значительной стилистической дифференциации, но подязык механики, как и любой другой, всё же остается тесно связанным с общелитературным языком, о чём красноречиво свидетельствуют такие фрагменты, как вступления заключения, связки, переходы, без которых не может существовать ни одна научная работа.

Однако попытки описания лексического состава подязыка механики довольно редки. Существующая справочная литература немногочисленна и в основном даёт толкование логической стороны понятий [1; 2; 3].

Целью нашего исследования является описание лексического состава подязыка механики как с точки зрения входящих в эту отрасль терминологических областей, так и описание лексики этих областей с учетом одно, двух и многокомпонентных терминов.

Исследование было выполнено методом структурно-вероятностного анализа (СВА) с применением концепции распределительного словаря (РС). Основная идея структурно-вероятностного метода, разработанного в середине прошлого века проф. Н.Д. Андреевым, состоит в том, что качественные признаки языковых единиц самым непосредственным образом связаны с их количественным распределением в потоке речи и что изучение первых неотделимо от исследования вторых. Иначе говоря, данный вид лингвистического анализа базируется на том, что существует прямая взаимозависимость между структурными оппозициями в языке и вероятностными соотношениями в речи [4, с. 265 – 267].

Поскольку любому сдвигу в системе языка обязательно предшествует изменение в речи, постольку одним из объектов исследования семантики языка мы избрали систему речи. Выходя в социальную сферу и реализуясь в ней, лексические единицы данного языка могут приобретать новые функционально-семантические качества. Таким образом, словарный состав

языка, его система лексики находятся под влиянием различных экстралингвистических факторов, обусловленных развитием как самой социальной сферы, так и языка в ней. Говоря о воздействии социальной сферы на язык, следует подчеркнуть, что это воздействие проявляется в изменениях, связанных с функционированием, развитием и взаимодействием лексики в различных подязыках, процесс выделения которых стремительно усиливается в связи с процессами дифференциации в науке, технике и других сферах социальной деятельности.

Применительно к лексике метод СВА дает возможность судить о её свойствах, опираясь на тексты узкой, специальной тематики, т.е. увидеть общие закономерности в их отдельных проявлениях. Концепция распределительного словаря (РС), учитывающего функциональные, структурные и вероятностные свойства языка по данным речи, позволяет достаточно объективно решать сложные теоретические, технические и методические задачи. Одной из важнейших теоретических задач является обнаружение системности в лексике, т.е. выявление того, каким образом сложно организованная семантика слов проявляется в разных лексических уровнях. Техническая задача заключается в организации информационно-поисковых систем на базе созданных РС. В методическом плане данные РС могут быть использованы как в теории, так и в практике объективной лексикографии, создания отраслевых лексических минимумов, необходимых при обучении иностранным языкам специалистов узкого профиля. Отраслевая лингвистика, будучи наукой о подязыках и специальных семантических полях, должна в первую очередь опираться на распределительный анализ [5, с. 496].

Проведённое исследование, в ходе которого был проанализирован лексический массив, насчитывающий более 100000 словоупотреблений, показало, что специализированный словарь насчитывает 2890 лексических единиц и представлен следующими системами:

- 1) классическая механика, включающая в себя теоретическую механику (classical mechanics, including theoretical mechanics);
- 2) механика сплошных сред (continuum mechanics), включая сопротивление материалов (strength of materials);
- 3) гидромеханика (hydromechanics);
- 4) аэродинамика (aerodynamics).

Поскольку механика реализует свои задачи математическими методами, на современном этапе получают дальнейшее развитие такие области математики как численные методы – метод конечных разностей – finite difference method, дифференциальные уравнения – differential equations, метод конечных элементов – finite element method, метод Галёркина (упрощение уравнений для дальнейшего использования в методе КЭ), метод сеток mesh method (для плоских конструкций), метод конечных объемов – method of finite volumes (для гидравлических расчётов), метод наименьших квадратов, – least squares analysis, метод Рунге-Кутты (дифференциальные уравнения в действительных производных), т.е. методы с широким использованием ЭВМ: САПР (Computer-Aided Design). Программы, используемые для расчётов, включают в себя:

- MSC. ADAMS (MacNeal-Schwendler Corporation. Automatic Dynamic Analysis of Mechanical Systems) – автоматизированные динамические расчеты механических систем;
- ANSYS (Analysis System) – прочностные и газодинамические расчеты;
- NASTRAN, LS-DYNA (Livermore Software Dynamic Analysis) – многоцелевая программа конечно-элементного анализа, SOLIDWORKS и др.

Для решения динамических задач, особенно динамики жидкости и газа используются такие программы как ADAMS и др. Поэтому неудивительным является дальнейшее развитие подсистемы гидродинамики, проявляющееся в появлении такого направления, как вычислительная гидродинамика (computational fluid dynamics), которое широко применяется для компьютерного моделирования судов.

Подязык классической (теоретической) механики насчитывает 567 словарных единиц и включает в себя следующие подсистемы:

- 1) основные понятия векторного исчисления (fundamental notions of vector analysis);
- 2) основные понятия общей механики (fundamental notions of theoretical mechanics);
- 3) кинематика точки (kinematics of a point);
- 4) кинематика твердого тела (kinematics of a rigid body);

- 5) относительное движение (relative motion);
- 6) основные понятия динамики (fundamental notions of dynamics);
- 7) работа и энергия (work and energy);
- 8) динамика материальной точки (kinetics of a particle);
- 9) геометрия масс (mass geometry);
- 10) статика (statics);
- 11) динамика механических систем (kinetics of a material system);
- 12) колебания (vibrations)

В подязыке механики сплошных сред отмечено 376 словарных единиц в 11 подсистемах:

- 1) основные понятия (fundamental notions);
- 2) деформированное состояние (state of strain);
- 3) напряженное состояние (state of stress);
- 4) основные понятия по испытанию сопротивления материалов (fundamental notions of materials testing);
- 5) энергия упругой деформации (elastic strain energy);
- 6) теория прочности (theories of strength);
- 7) стержни (bars);
- 8) пластины и оболочки (plates and shells);
- 9) теория выпучивания (theory of buckling);
- 10) соприкосновение двух тел (contact of two bodies);
- 11) колебания и удары (vibrations and impacts).

Подязык гидродинамики состоит из 10 подсистем, включающих 1013 терминов и терминосочетаний:

- 1) основные понятия механики жидкости и газа (fundamental notions of fluid mechanics);
- 2) реология (rheology);
- 3) кинематика жидкости (kinematics of fluids);
- 4) гидростатика (hydrostatics);
- 5) динамика идеальной жидкости (dynamics of perfect fluid);
- 6) динамика реальной жидкости (dynamics of real liquids);
- 7) вычислительная гидродинамика (computational fluid dynamics);
- 8) колебания и волны (vibrations and waves);
- 9) прикладная гидравлика (applied hydraulics);
- 10) гидрометрия (hydrometry);
- 11) турбомашины (rotodynamic machines).

Подязык аэродинамики представлен следующими подсистемами с общим количеством – 934 словарных единиц:

- 1) основные понятия аэромеханики (fundamental notions of aeromechanics);
- 2) аэронавтика и воздушные суда (aeronautics and aircraft);
- 3) сопротивление жидкой среды (resistance of a fluid medium);
- 4) классическая аэродинамика, включающая такие мини-системы, как профили крыльев, несущие крыла, воздушные винты, несущие винты (classical aerodynamics including such mini-systems as aerofoil sections, aerofoils, propellers, rotors);
- 5) аэродинамика вязких жидкостей (aerodynamics of viscous fluids);
- 6) динамика газов (gas dynamics);
- 7) динамика гиперзвуковых течений (dynamics of hypersonic flows);
- 8) динамика разреженных газов (dynamics of rarefied gases);
- 9) магнето-гидродинамика (magneto-fluid-dynamics);
- 10) аэроупругость (aeroelasticity);
- 11) аэрометрические приборы и приспособления (aerometric apparatus and devices);
- 12) динамическая метеорология (dynamic meteorology).

В табличном виде (на английском языке) вышеперечисленные подязыки можно представить следующим образом:

В своём исследовании мы опирались на изложенную классификацию, поскольку она является общеизвестной и общепринятой у специалистов данной отрасли науки.

Весь специализированный словарь представлен как отдельными терминами, так и двух-, трёх- и многокомпонентными терминосочетаниями, причём количество последних весьма ограничено.

В список базовых терминов входят такие лексические единицы как analysis, element, equation, energy, solution, boundary, problem, point, finite, function, force, value, order, define, derivative, vector, body, theory, linear, dimensional, component, computer, coordinate, initial, formulation, technique и др. Многие из них составляют основу так называемой «интернациональной лексики», обслуживающей подязык науки и техники в нескольких языках. Перечисленные лексемы отмечены исключительно во всех ис-

Classical mechanics including theoretical mechanics	Continuum mechanics including strength of materials	Hydromechanics	Aerodynamics
fundamental notions of vector analysis	fundamental notions of continuum mechanics	fundamental notions of fluid mechanics	fundamental notions of aeromechanics
fundamental notions of theoretical mechanics	state of strain	rheology	aeronautics and aircraft
kinematics of a point	state of stress	kinematics of fluids	resistance of a fluid medium
kinematics of a rigid body	fundamental notions of materials testing	hydrostatics	classical aerodynamics including aerofoil sections, aerofoils, propellers and rotors
relative motion	elastic strain energy	dynamics of perfect fluid	aerodynamics of viscous fluids
fundamental notions of dynamics	theories of strength	dynamics of real liquids	gas dynamics
work and energy	bars	vibrations and waves	dynamics of hypersonic flows
kinetics of a particle	plates and shells	applied hydraulics	dynamics of rarefied gases
mass geometry	theory of buckling	hydrometry	magneto-fluid-dynamics
statics	contact of two bodies	rotodynamic machines	aeroelasticity
kinetics of a material system	vibrations and impacts		aerometric apparatus and devices
kinetics of a material system			dynamic meteorology

следованных подязыках, показывая также и наибольшую частоту употреблений. Это и не удивительно, поскольку из-за частого употребления многие из этих терминов давно уже перешли (или переходят) в разряд общенаучной лексики [6, с. 214-215].

Кроме базовой, общенаучной лексики в словаре представлены как специальные, так и узкоспециальные механико-математические термины. В первую группу входят такие термины, как *derivation*, *expansion*, *exponential*, *dimensional*, *complex*, *nodal*, *Cartesian*, *distortion*, *matrix*, *mesh*, *node*, *nodal*, *normal*, *validity*, *to converge*, *to derive*, *to linearize*, *to superpose*, *tangentially* и др.; во второй отмечены *antihourglass* (*viscosity*), *dilatation*, *dilatational*, *extremization*, *nonlocality*, *to overrelax*, *to refine*, *to superimpose*, *viscoplastic*, *viscoplasticity*, *singularity*, *solver* и др. Интересно отметить, что существительное *solver* появилось в словаре в конце XX века в значении *метод, процедура решения (уравнения)* и стало широко использоваться в разного рода терминологических сочетаниях: *band solver*, *frontal solver*, *eigensolver*. В современных словарях приводятся такие значения как *программное или аппаратное средство решения задач или проблем, решатель а) решающее устройство б) расчётная программа; программа для решения (напр., уравнения)*.

Специализированные **двухкомпонентные** терминосочетания могут быть как с бессоюзной связью, так и союзного типа: *vector quantity* (*векторная величина*), *equipollent vectors* (*равные векторы*), *equipotential surface* (*эквипотенциальная поверхность или поверхность уровня потенциала*), *resolution of a vector* (*разложение вектора на составляющие*), *главные компоненты тензора* (*principal components of a tensor*). Характерными моделями для построения двухкомпонентных терминов являются NN, AN, NofN, NNoNumN, ANofN и др.

Трёхкомпонентные терминосочетания весьма характерны для современного словаря механики: *векторное произведение двух векторов* (*vector product of two vectors*) *главные компоненты тензора* (*principal components of a tensor*), *угол собственного вращения* (*longitude of the nodal line*) и образуются по формуле NNoNumN, ANofN, NofNN, и NNoN.

Четырёхкомпонентные сочетания представлены следующими моделями: NNNN: *boundary layer velocity profile* (*распределение скоростей в пограничном слое*), NprepPartIIN: *rotation about a fixed point* (*вращение вокруг неподвижной точки*), NofNofNN: *product of inertia of a material system* (*центробежный момент инерции механической системы*), AANofN: *principal central axis of inertia* (*главная центральная ось инерции*), NNoNumN: (*vector product of two vectors*) *векторное произведение двух векторов*, NofNprepNprepN: *moment of area with respect to a plane*, и др.

Пятикомпонентные модели могут быть представлены сложными сочетаниями: ANofNprepNprepN: *statical moment of a surface with respect to a plane* (*статический (геометрический) момент поверхности относительно плоскости*), NofNNprepN: *wake of the boundary layer behind an aerofoil* (*след пограничного слоя за крылом*), NNoNofNN: *inflection point of the velocity distribution curve* (*точка перегиба кривой скорости в пограничном слое*), NNoNofNN.

Шестикомпонентные терминосочетания характерны для подраздела «профили крыльев» и построены по следующим моделям AAANN: *flat-convex circular arc aerofoil section* (*дуговой профиль с плоской нижней поверхностью*), APartIIANN: *crescent-shaped circular arc aerofoil section* (*серповидный профиль*) ANofANprepNprepN *статический момент механической системы относительно точки* (*statical moment of a material system with respect to a point*).

Семикомпонентные терминосочетания встречаются реже и представлены моделями NNNprepNofNN: *pressure distribution curve along the chord of an aerofoil section* (*кривая распределения давления по хорде*), ANofNprepNofANN: *fundamental equation of flow through the conduit of variable cross-section area* (*основное уравнение течения газа по газопроводам переменного сечения*).

Наиболее часто встречаются двух- и трёх- компонентные терминосочетания – в том числе и новообразования – в таких терминсистемах, как механика сплошной среды: сопротивление материалов, механика деформируемого твёрдого тела и механика жидкости и газа).

Например: *non-hydrostatic stress*, *non-hydrostatic load*, *elastic strain engineered components*, (*компоненты проектирования упругой деформации*), *elastic strain energy density* (*плотность энергии упругой деформации*), *strain gradient plasticity theory* (*теория градиента деформации пластичности*), *plastic shear strain* (*пластическая деформация сдвига*).

Здесь отмечены и следующие **новообразования**: *elastic strain engineering ESE* (*проектирование упругой деформации*), *nanoidentation* (*наноиндентирование*), *athermal dislocation nucleation* (*атермическое зарождение дислокаций*).

Для описания движения жидкости в ограниченном пространстве вводится термин **sloshing**, образованный в результате слияния двух основ – глагола *to slop* и существительного *slush*.

Ex.1: *Sloshing is a strongly non-linear phenomenon featuring often spray formation and plunging breakers. Движение жидкости в отсеках является в значительной степени нелинейным явлением*

нием, характеризующимся частым образованием брызг и возникновением килевой качки.

Ex.2: Elastic strain engineering is defined as achieving the desired functional properties by controlling elastic (X), where X denotes position vector in a material. Проектирование упругой деформации определяется как достижение желаемых функциональных свойств путем управления упругим (X), где X означает радиус вектор в материале.

Ex.3: Nanoindentation means the radius of curvature of the probe tip is of nanoscale dimension, from several hundred to a few nanometers. Наноиндентирование означает, что радиус кривизны наконечника зонда является наномасштабным измерением, от нескольких сотен до нескольких нанометров.

Различные методы расчёта, применяемые в механике деформируемого твёрдого тела, привели к появлению таких терминосочетаний, как allowable stress design /method – метод расчёта допустимых напряжений, limit state design – расчёт предельного состояния, idealized structural unit method (идеализированный метод конструктивных элементов), damage tolerant structural design (проектирование высокоресурсных конструкций).

Ex.1: In contrast to the allowable stress design, the limit state design is based on the conditions that the structure ceases to fulfill its intended function. В отличие от расчёта допустимых напряжений, расчёт предельного состояния основывается на таких условиях, что конструкция перестаёт выполнять предназначенную ей функцию.

Ex.2: The idealized structural unit method (ISUM) has been recognized as an efficient and accurate methodology for the progressive collapse analysis of steel plated structures such as ships, offshore platforms and box-girder bridges. Идеализированный метод конструктивных элементов был признан как эффективная и точная методология анализа прогрессивного распада покрытых сталью конструкций, таких как корабли, морские платформы и коробчатые балки мостов.

Реакции различных материалов на различные воздействия привели к появлению таких **новообразований** как springback, snapback, twistback. Все три термина употребляются как синонимы и переводятся как 'отскакивание', т.е. упругое последствие, возникающее у какого-либо материала как динамическая реакция на внезапное воздействие от кручения, сжатия или удара: springback (отскакивание, последствие от силы сжатия),

snapback (отскакивание, быстрый возврат в первоначальное состояние после удара); twistback (возвращение в первоначальное состояние после кручения).

Лексический состав словаря пополняется и другими терминами и терминосочетаниями, возникшими за счет переосмысления уже имеющихся в языке слов. Например в механике получило распространение терминосочетание Serendipity elements, переводимое на русский язык калькой «серендиповы элементы», т.е. элементы, в которых используются специально подбираемые серендиповы функции. Свое название эти функции берут начало от трех принцев Серендипа, героев сказки Горация Уолпола, прославившихся своими неожиданными открытиями. Впоследствии возник и термин «серендипность», означающий умение находить неожиданные решения какой-либо задачи, что подтверждается данными этимологического анализа: *serendipity – the faculty of making fortunate discoveries by accident [coined by Horace Walpole, from a Persian fairytale The Three Princes of Serendip, in which the heroes possess this gift]: ex.: The solution has got to be found, and it won't be found by serendipity; It has to be worked at [7].*

Современный специализированный подязык механики прошел долгий путь формирования и становления специализированного словаря, что отражается в многообразии моделей, образующих специальные терминосистемы. Среди них наиболее употребительными являются NN, NNN, AN, NofN, NNofNumN, ANofN, NNofNumN, ANofN, NofNN, NprepPartIIN, NofNofNN, ANofANprepNprepN, AAANN и др. Как и всякий другой подязык, он продолжает своё дальнейшее развитие и свидетельством тому является появление новых подсистем и новых лексических единиц.

Проведённое исследование убедительно доказывает и тот факт, что, реализуясь в тот или иной социальной сфере, лексические единицы данного языка могут приобретать новые функционально-семантические качества, и на это обстоятельство следует обращать особое внимание при обучении студентов теории и практике перевода специальной литературы.

Представленная классификация может послужить основой, как в теории, так и практике объективной лексикографии для создания отраслевых лексических минимумов, необходимых при обучении иностранным языкам специалистов узкого профиля, а словообразовательные модели могут сформировать базу алгоритмов, используемых в программах машинного перевода.

Библиографический список

1. Сборник терминов по классической механике на 5 языках. Варшава, 1965.
2. Англо-русский словарь математических терминов. Под ред. П.С. Александрова. Москва, 1962.
3. Vocabulary of Mechanics in five languages. Warsaw, 1967; Vol. 2, Mechanics of Fluids.
4. Александров А.В., Артемов Р.Н., Ивашкин М.П. О вероятностно-структурном анализе. *Известия АН СССР. Серия Литературы и языка*. 1970; Т. 29, №3.
5. Статистико-комбинаторное моделирование языков. Под ред. Н.Д. Андреева. Москва–Ленинград, 1965.
6. Иванов С.С. Структурно-вероятностный анализ лексики различных частей речи современного английского языка (на материале текстов по механике). Диссертация ... кандидата филологических наук. Ленинград, 1990.
7. Collins English Dictionary. Third edition, 1992.

References

1. Sbornik terminov po klassicheskoj mehanike na 5 yazykah. Varshava, 1965.
2. Anglo-russkij slovar' matematicheskikh terminov. Pod red. P.S. Aleksandrova. Moskva, 1962.
3. Vocabulary of Mechanics in five languages. Warsaw, 1967; Vol. 2, Mechanics of Fluids.
4. Aleksandrov A.V., Artemov R.N., Ivashkin M.P. O veroyatnostno-strukturnom analize. *Izvestiya AN SSSR. Seriya Literatury i yazyka*. 1970; T. 29, №3.
5. Statistiko-kombinatornoe modelirovanie yazykov. Pod red. N.D. Andreeva. Moskva-Leningrad, 1965.
6. Ivanov S.S. Strukturno-veroyatnostnyj analiz leksiki razlichnykh chastej rechi sovremennogo anglijskogo yazyka (na materiale tekstov po mehanike). Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Leningrad, 1990.
7. Collins English Dictionary. Third edition, 1992.

Статья поступила в редакцию 04.03.15

УДК 811. 161 +378/147 (082+0,75.8)

Konyashkin A.M., Doctor of Sciences (Philology), professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru
Baikova Yu.S. postgraduate, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: julija_55@list.ru

STYLISTIC FEATURES OF YE. YEVTUSHENKO APHORISMS. This article discusses the stylistic features of idiosyncrasy of Yevgeny Yevtushenko in poetry. Idiosyncrasy is a basic concept that characterizes the process of creating literary texts. The idea of the work is that a concept is based on the aphoristic picture of the world that is part of the author's language-related world. Multifunctionality and efficiency of aphorisms in poetry of Ye. Yevtushenko suggests that they structure the aphoristic picture of the world. The main contents of the research is an analysis of stylistic figures and tropes in aphorisms, created by the poet. The article also discusses the functions of antithesis, impersonation, paronomasia, repetition. The authors conclude that the aphorism of the poet is the sphere of broad, active and consistent use of the Russian tropes' system in order to establish the author's view of the world. On the whole the work facilitates a deeper understanding of the creative work of Ye. Yevtushenko.

Key words: antithesis, aphorism, impersonation, paronomasia, repetition, sentence, semantic, syntax, comparison, analysis.

А.М. Коняшкин, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru

Ю.С. Байкова, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Хакасского гос. университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: julija_55@list.ru

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ АФОРИЗМОВ Е. ЕВТУШЕНКО

В статье рассматриваются стилистические особенности идиостиля поэзии Евгения Евтушенко. Идиостиль является основным понятием, характеризующим процесс создания художественных текстов. Обосновывается идея о том, что афористическая картина мира является частью авторской языковой картины мира. Полифункциональность и продуктивность афоризмов в поэзии Е. Евтушенко позволяют предположить, что они структурируют афористическую картину мира. Основное содержание исследования составляет анализ стилистических фигур и тропов в афоризмах поэта. В статье также рассматриваются функции антитезы, олицетворения, паронимазии, повтора. Авторы приходят к выводу, что афористика поэта – это сфера широкого, активного и последовательного использования средств русской тропеистики с целью создания авторской картины мира.

Ключевые слова: антитеза, афоризм, олицетворение, паронимазия, повтор, предложение, семантика, синтаксис, сравнение, суждение.

Одной из характерных особенностей идиостиля поэзии Е. Евтушенко является афористичность. Идиостиль – это неповторимость языковой личности, обусловленная особенностями отбора и комбинирования языковых средств с целью реализации той или иной интенции. Идиостиль является основным понятием, характеризующим процесс создания художественных текстов.

Афористичность же обуславливается, прежде всего, наличием афоризмов – кратких выразительных авторских изречений, имеющих высокохудожественную форму и заключающих в себе житейскую мудрость, философскую, устремлённую к истине мысль о каком-либо явлении действительности. Признаки афористичности предопределяются системой изобразительно-выразительных средств – стилистических фигур и тропов, особенностями их репрезентации в художественном тексте.

Полифункциональность и продуктивность афоризмов в поэзии Е. Евтушенко позволяют предположить, что они структурируют афористическую картину мира (АКМ), представляющую собой один из наиболее значимых фрагментов авторской языковой картины мира (ЯКМ). Содержание последней составляют авторские знания и представления о мире, особенности его мировоззрения и мировосприятия. ЯКМ отражает всё это более масштабно, АКМ – фрагментарно, но зато, как нам представляется, более концентрированно.

В афористической картине мира Е. Евтушенко представлено большинство стилистических фигур и тропов. Однако неполнота представительства, «указывает» на то, что афористика поэта обладает «своей» системой средств – наиболее предпочтительных и востребованных. Одним из таких средств является антитеза.

«Антитеза – стилистическая фигура, построенная по принципу контраста, резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п.» [1, с. 56]. Её основу составляют антонимические пары. Например: *Женственной немного ваша женственность оттого, что мужественны вы.* (Женщинам); *Если б ты не была так прекрасна, ты бы страшной такой не была.* (Лишнее чудо); *Футбол ещё в нас детство сохраняет, а наши политические споры остатки детства убивают в нас.* (Голубь в Сантьяго).

Антитеза используется для утверждения одного из признаков предмета за счёт отрицания противоположного (акротеза): *Нам жизнь ответа не дала и даст его не вскорости – ведь нет добра и нету зла: есть радости и горести.* (Когда, казалось, раскричусь...); *Тем и страшна последняя любовь, что это не любовь, а страх потери.* (Не исчезай); *Ума прибавилось, а глупость не ушла, у глупости добрейшая душа.* (Ум и глупость).

Если антитеза и акротеза представлены обширной группой, то синкризис менее продуктивен. Примеры синкризиса: *Мужчины стали чем-то вроде баб, а женщины – почти что мужиками.* (Благодарность); *Пойми: забегавшийся – жалок, остановившийся – велик.* (Проклятье века – это спешка).

Благодаря «столкновению» противоположностей, усиливается экспрессивность и осложняется семантическая структура афоризмов.

Активную роль в создании контраста играет и синтаксический параллелизм. Это «конструктивный принцип устройства синтаксических конструкций, в частности, стилистических фигур. Он представляет собой частный случай симметрии и повтора и заключается в тождественном (полностью или частично) строении синтаксических конструкций» [1, с. 623]. Например: *Но не забывать – это право забытых, как снится живым – это право убитых.* (Забудьте меня); *И верить в спасенье – нелепость, но если не верить – конец.* (Казанский университет. Фигнер).

Наряду с антитезой в афоризмах поэта обнаруживается повтор (тавтология). Повтор – это языковое явление, основанное на принципе повторяемости языковых элементов, способствующих смысловой организации текста. Он используется для смыслового усиления важного в контексте афоризма слова. В нашем материале представлены разнородные виды повтора – контактный и дистантный.

Контактный, в свою очередь, подразделяется на редупликацию и геминацию. Редупликация – это двукратное повторение слова: *Русский выбор – выбор между двух тарелок кислых щей, между большей или меньшей, но опять стыдобищей.* (Стыды); *Нам всё равно кого пристукнули, – нам важно сбавить леденцы. Мы никакие не преступники – мы продавцы. мы продавцы!* (Коррида).

Геминация – контактное повторение слова или словосочетания три и более раз: *Может, действительно Бог для людей создал несчастья, несчастья, несчастья, чтобы мы делали чище, добрей?! (Баллада о стерве).* Геминация используется для конкретизации, уточнения, актуализации изображаемого.

Дистантный повтор: *Враг единый у всех – унетенье, только разные боги у всех.* (Казанский университет. Татарская песня); *Для глаз и рук не существует лет. Есть слепота, но рук ослепших нет.* (Прощальный воздух). Этот вид повтора используется для усиления внимания реципиента.

Кольцевой повтор указывает на циклический характер действий, событий, явлений, их круговорот: *Когда борьба почти притихла, не верь, что кончена борьба.* (К письму забытому

притронься...); *Заметать преступлений следы – подготовка других преступлений*. (Коррида).

На морфемном уровне представлен повтор однокоренных слов (гомеозэтон): *Маленькие личные победы победили нас и раскололи* (Плачь по коммунальной квартире); *Всё полуслучившееся – случилось*. (Забытая штольня); *Но важно само садоводство – не место, где выращен сад*. (Казанский университет. Фигнер).

С помощью гомеозэтона выделяются важные в смысловом отношении части слов.

Инверсия в афоризмах Е. Евтушенко – это, как правило, перестановка подлежащего и сказуемого с целью актуального членения предложения. Например: *Скучища – хорошо вести себя. Тоска – вести себя нарочно плохо. Но знать, как ты ведёшь себя, – вот счастье*. (Голубь в Сантьяго).

Анафора – повтор слов в начале стихотворных строк: *Любой из нас – мозаика кровинки. Любей еврей – араб, араб – еврей*. (Переputанные бирки).

Хиазм – перекрёстное расположение языковых элементов с целью усиления выразительности высказывания. Например: *Две молодости прижавшиеся – старость, но старость – это молодость вдвойне*. (Голубь в Сантьяго).

Эллипсис – 1) стилистическая фигура и 2) синтаксическая неполнота высказывания. Например: *Наше бессмертье – в признании горькой премудрости смерти*. (Вечерняя радуга).

Графически эллипсис в примере маркируется интонационным тире.

«Парономазия – стилистическая фигура, состоящая в преднамеренном смысловом сближении, сопоставлении, соположении, а иногда в противопоставлении однокоренных слов – паронимов...» [1, с. 453]. Примеры: *Не важно – есть ли у тебя преследователи, а важно – есть ли у тебя последователи*. (В. Барлас); *Мы все, владея душой в стадность, себе придумываем старость*. (Нет лет).

В примерах акцентируется внимание на семантических различиях слов, вследствие чего высказывания приобретают остроту и особую выразительность.

Разновидностью парономазии является парежеза – псевдоэтимологическая стилистическая фигура, в которой слова различаются одной буквой или звуком: *Если в первые мы не попали, не значит ещё, что пропали*. (Алла); *Есть у банд один закон: кто не в банде, всех в загон*. (Зиминская баллада); *Но у дамы самой деловой интерес бывает теловой*. (Мужской стриптиз).

Облигаторность метафор в афоризмах обуславливается тем, что они, в силу присущей им имплицитности и полисемантической, как бы «требуют» их наличия. Примеры: *Я был дожждён. Наша песенка слета; Если на взорванность чьей-то души в собственной мы не находим ответа; Мы не ищем счастья в сале – это ведь холестерин, а свои несчастья сами мы умело мастерим*. (Невылившка).

В афористике Е. Евтушенко заметное положение занимает и другой стилистический троп – сравнение, структурирующееся при помощи самых различных средств: форм сравнительной степени (компаратива), сравнительных союзов *чем, как, тоже, словно* и др., лексических средств. Например: *Холера лучше, чем чума – единственное утешенье*. (Казанский университет. Лобачевский); *Любой палач с душой, как преисподняя, есть извращенье замысла Господня*. (Шекспир о Михозлсе); *Поэт, как монета петровская, сделался редок*. (Почти напоследок); *Любовь – это тоже ребенок*. (Могила ребенка); *Счастье – словно взгляд из самолёта. Горе видит землю без прикрас. В счастье есть предательское что-то – горе человека не предаст*. (Зашумит ли клеверное поле); *Война гражданская – воронка, что втягивает и ребёнка, и даже самого Христа*. (Тринадцать).

Сравнение полифункционально: оно является и способом познания неизвестного и средством идентификации предмета, его характеристики и оценки. Оно позволяет конкретизировать сущностный признак одного из сопоставляемых предметов. В сравнении, включённом в состав афоризма, часто сопоставляется абстрактное и конкретное, вещественное, опирающееся не столько на реальное сходство явлений, сколько на общность эмоций, возникающих при их восприятии. Например: *К любви счастливой, ощущая зависть, болезни, как гадюки, заползают в проломы души, в развалины любви*. (Свидание в больнице).

Олицетворение позволяет представить человека живущим в окружении воздействующих на него сил: *Кладбищ нечистая совесть боится*. (Молитва) – совесть представляется частью человека, которая несёт ответственность за его поступки.

Олицетворение обогащает и углубляет содержание ключевого понятия, слова, образа: *Не заходите в память любимых. Бойтесь омутов этих глубинных. Даже не ты – твоя старая кофта помнит о ём-то или о ком-то*. (Чёрная смо-родина).

Мир в представлении лирического героя – живой. Ассоциации расширяют это представление, обогащают чувства и фантазию. Вещи, окружающие человека, являются живыми, частичкой его души, и если мы не помним, забываем о прошлом, то они обязательно «помнят» о нём.

Оксюморон – это «стилистическая фигура, состоящая в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов» [1, с. 386], связанных определёнными (в широком смысле) отношениями. Функционально и по экспрессивно-стилистической окраске оксюморон близок к парадоксу. Например: *Единственная роскошь бедных есть роскошь ада*. (Роскошь бедных).

Эпитет – разновидность тропа, художественное, образное определение, акцентирующее внимание на наиболее характерном свойстве предмета или явления. Например: *От любви дорогой не ходят за любовью другой*. (Две любви); *Мы русские, и этим европейцы, и русский дух – всечеловечный дух*. (Обида раба); *Не самоуверждайся. Пропадёт, подточный тшеславием, твой гений, и жажда мелких самоуверждений лишь к саморазрушенью приведёт*. (Не возгордись).

В примерах представлены разные виды эпитетов: первый и третий – индивидуально-авторские, необходимые для создания образов; второй – постоянный эпитет; четвёртый – образное определение с переносным, метафорическим, значением.

Афоризм зачастую репрезентируется как форма парадокса – суждения, которое на первый взгляд кажется алогичным, абсурдным, но которое, тем не менее, заключает в себе глубокий смысл. В этих случаях свойства афоризма и парадокса контаминируются. Абсолютным маркёром парадоксов и контаминированных образований является стилистически мотивированный алогизм – сознательное нарушение автором логических связей с целью указать на внешнюю противоречивость тех или иных явлений, которые в действительности логичны и закономерны. Примеры: *Я теперь счастливым стал навеки, потому что счастья не ищу*. (Зашумит ли клеверное поле); *В России быть поэтом – приговор, но если быть поэтом, то в России*. (Баллада о Твардовском).

Итак, одной из важнейших особенностей идиостиля Е. Евтушенко является афористичность.

Афористика поэта – это сфера широкого, активного и последовательного использования средств русской тропеистики с целью создания авторской картины мира.

АКМ в стихотворениях Е. Евтушенко составляет фрагмент языковой картины мира и характеризуется концентрированным выражением авторских знаний и представлений о мире, его мировоззрения, мировосприятия и нравственного императива.

Библиографический список

1. *Культура русской речи*: Энциклопедический словарь-справочник. Москва, 2003.

References

1. *Kul'tura russkoy rechi*: 'Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik. Moskva, 2003.

Статья поступила в редакцию 08.02.15

УДК: 81'373.72: 811.512.141

Abubakirova Z.G., junior research assistant, Department of Eastern Manuscripts, Institute of History, Language and Literature, Ufa Research Center of Russian Academy of Sciences (Ufa, Russia), E-mail: tam_gdetu@list.ru
Kulberdina Ya.G., English teacher, Starosubhangulovo Secondary and High School (Burziansky District, Russia), E-mail: tam_gdetu@list.ru

KYNEL, YAN, QOT, BAUYR AS COMPONENTS OF THE SPIRITUAL SOMATIC CODE IN THE BASHKIR AND PERSIAN PHRASEOLOGY. The article is devoted to somatic phraseology with the component *kynel, yan, qot, bauyr* and their derivatives in the Bashkir and Persian phraseology. It highlights the structural and semantic aspects of data analysis of phraseological units. In the Bashkir language the notion of *yoräk* (heart) has been widely used by writers and poets to describe spiritual experiences, feelings. *Kynel, yan, qot, bauyr* acquire the status of one of the senses-invisible, not having a specific location in the human body, performing the functions associated with other senses. The work shows that the use of words with the meaning of 'soul', 'heart', 'lungs' and 'liver' in Bashkir and Persian phraseology very often denote the same emotional states or feelings, which shows the common features in the conceptual worlds of the speakers of these two languages. The high degree of use of Bashkir somatic phraseological units determines the relevance of this work.

Key words: somatism, idioms, the Bashkir language, Persian phraseology.

З.Г. Абубакирова, мл. науч. сотрудник отдела восточных рукописей Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН, г. Уфа, E-mail: tam_gdetu@list.ru
Я.Г. Кульбердина, учитель английского языка МОБУ СОШ с. Старосубхангулово, Бурзянский район, E-mail: tam_gdetu@list.ru

КУНЭЛ, ЙЭН, КОТ, БАУЫР КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЕДИНИЦЫ ДУХОВНОГО СОМАТИЧЕСКОГО КОДА В БАШКИРСКОЙ И ПЕРСИДСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Статья посвящена соматическим фразеологизмам с компонентом *кунэл, йэн, кот, бауыр* с их производными лексемами в башкирской и персидской фразеологии. Освещаются структурный и семантический аспекты анализа данных фразеологических единиц. В башкирском языке лексема *йөрәк* (сердце) издавна широко использовалась и используется писателями и поэтами для описания душевных переживаний, чувств. *Кунэл, йэн, кот* приобретают статус еще одного органа чувств, невидимого, не имеющего определённого местонахождения в человеческом теле, выполняющего функции, присущие другим органам чувств. Высокая степень употребления башкирских соматических фразеологических единиц предопределяют актуальность данной работы.

Ключевые слова: соматизмы, фразеологизмы, башкирский язык, персидская фразеология.

В башкирском языке в выражении эмоциональных переживаний участвуют в основном фразосочетания с компонентом-соматизмом, обозначающим внутренние органы человека: *йөрәк* 'сердце', *үлкә* – 'легкие', *бауыр* 'печень', которые имеют ассоциативные значения, позволяющие выявить особенности башкирского народного менталитета. К ним относят еще и *йән, кунэл* 'душа', *кот* 'дух, душа'.

1. В словаре В.А. Катаринского *йән* – душа: *куркышымдан йәнәм сыға яззы* – букв. от испуга чуть не вылетела душа [1, с. 90].

В персидском языке *žan* – 1) душа, дух, жизнь (*йән* в противоположность смерти); 2) суть, сущность; 3) разг. сила, энергия; 4) ласк. обрац. милый, дорогой [2, с. 425]. Употребление этой лексемы в памятниках древнетюркской письменности позволяет утверждать, что она относится к числу довольно ранних заимствований из фарси [3, с. 381].

Йән азығы – соотв. пища для души, это то, что даёт человеку удовольствие, чувство радости. *Баһалары тиңһез алтынға йән азығы алам халкымдан*. С. Кулибай. Также, *йәнғә йәм табыу* – соотв. отвести/отвести душу.

Со значением "по уши [влюбиться и т. п.]" выступает фразеологическая единица *йән-тән менән ғашиҡ булыу* [4, с. 245]. «Мне было двадцать два – двадцать три года, не больше, когда я по уши влюбился в свою теперешнюю жену» (А. Чехов, «Сильные ощущения»). – «*Миңә егерме ике – егерме өс йәш ине, артыҡ түгел, шул ваҡыт мин үземдең хәзергә катыныма бик ныҡ ғашиҡ булдым*».

Фразеологическая единица *йәндәй күреү* имеет значение «не чаять души в ком-то» [4, с. 192]. «Катерина: Маменька во мне души не чаяла, наряжала меня, как куклу, работать не принуждала» (А. Островский, «Гроза»). – Катерина: *Әсәкәйем мине йәндәй күрә ине, мине курсак кеүек итеп бизәндәрә, зиләтмәй торғайны*.

Фразеологическая единица *йән көскә тырышыу, йән тәслим тырышыу* обладает семантикой 1) 'из кожи (вон) лезть' [чтобы сделать что-либо] [4, с. 121]. «Лукерья из кожи лезла, чтобы лучше согреть обед, и превосходила самое себя в изобретении отменно приятных по вкусу соусов и подливок» (М. Шолохов,

«Тихий Дон»). – *Лукерья ашты якшырак әзерләргә йән тәслим тырышты, һәм бик тәмле соустар, тозлуктар уйлап сығарыуға үзенән-үзе узырды*. 2) Разбиваться / разбиться (расшибаться / расшибиться) в лепёшку (*прост*).

З.Н. Экба рассматривает персидские глагольные сочетания *žan bir-* а) 'оживить' (букв. 'дать душу'), б) 'умереть' (букв. 'отдать [body] душу'), *žan saf-* 'потерять совесть' (букв. 'продать душу'); *žan in-* (*žan gir-*) а) 'шевелиться' (о плоде в утробе, букв. 'душа проникла'); б) 'ожить, воспрянуть духом'; *žani al-* а) 'убивать, уничтожать' (букв. 'забирать душу'), б) надоедать (букв. 'вынимать душу'), б) 'вложить душу в кого/что-либо'; *žan tart-* 'испытывать влечение, расположение к кому/чему-л' (букв. 'душа тянется') и др. [3, с. 382].

Башк. Йән биреү – соотв. 1) дух (душа) вон (*прост*). [4, с. 99]. «Царь хватил его жезлом по лбу; тот упал ничком да и дух вон!» (А. Пушкин, «Сказка о Золотом петушке»). – *Батша уның маңлайына таяк менән тондорған; ул шунда ук қолаған һәм йән дә биргән*. 2) испустить дух. 3) отдавать / отдать богу душу. 4). отдавать / отдать концы (*прост*).

Йәнғә тейзе, теңкәгә тейзе – соотв. 'как (будто, словно, точно) банный лист пристал' [4, с. 127].

Йәнде-тәнде аямай – соотв. 'не на жизнь (живот), а на смерть' [4, с. 184]. «И опять началась схватка. Бились не на жизнь, а на смерть» (Г. Марков, «Соль земли»). – *Һәм йәнә алыша башланалар. Йәнде-тәнде аямай һуғыштылар*.

Йәнде уста тота, йөрәк үксәгә китә – соотв. поджилки трясутся (затряслись) у кого. «Но у него была одна беда – на коне ездить не умеет. Как садится в седло – поджилки трясутся» (К. Седых, «Отчий край»). – *Тик уның бер бәләһе бар ине – ат менеп йөрөй белмәй. Эйәргә менһә, йөрәгә үксәһенә китә* [4, с. 230].

Йәнән алыу – соотв. есть поедом кого, недобр. [4, с. 103]. «Кулигин: И не от воров они запираются, а чтоб люди не видели, как они своих домашних едят поедом, да семью тиранят» (А. Островский, «Гроза»). – *Кулигин: Бурзарзан бикләмәй улар, ә уларҙың үз яҡындарының йәнән алғанды, ғаиләһен изгәндә кешеләр күрмәһен өсөн, бикләһәләр*. 2. Тянуть душу из кого.

Йәне-тәне менән – соотв. 1) всеми силами (фибрами) души [ненавидеть, презирать и т. п.] [4, с. 58]. «Надо вам заметить, сударь, что когда я был помоложе, я всеми фибрами души моей стремился к известности» (А. Чехов, «Пассажир 1-го класса»). – **Һезгә әйтергә тейешмен, әфәнде, йәшерәк сағымда мин бәтә йәне-тәнем менән билдәләлеккә ынтыла инем.** 2) до кончиков ногтей [4, с. 94].

Йән йәннәттә [була], йәнгә рәхәт – соотв. душа радуется. «Кулигин: Вид необыкновенный! Красота! Душа радуется!» (А. Островский, «Гроза»). – **Кулигин: Җәзәттән тыш күренеш! Хозурлык! Йәнгә рәхәт!**

Йән көскә – соотв. изо всех сил (всей силы).

Йән үксәгә китте, йөрәк ярылды – соотв. душа уходит (ушла) в пятки у кого [4, с. 101]. «У меня, понимаешь, Юрка, от этих слов душа ушла в пятки» (С. Злобин, «Пропавшие без вести»). – **Минең, Юрка, аңлайһыңмы, ошо һүзәрзән йәнем үксәгә китте.**

Йән фарман – соотв. 1) во весь дух (мах, опор) [бежать, мчаться и т. п.] [4, с. 48]. «Они дорогой самой краткой домой летят во весь опор» (А. Пушкин, «Евгений Онегин»). – **Улар иң кыска юл менән сабалар өйгә карап йән фарман.** 2) во все лопатки [бежать, мчаться и т. п.]. 3) во всю прыть [бежать, мчаться, ехать и т. п.].

Йән әсәй, йөрәккә кан һауа – соотв. сердце кровью обливается у кого, чьё [4, с. 285]. «Сердце Прасковьи Ивановны обливалося кровью от жалости и ужаса» (С. Аксаков, «Семейная хроника»). – **Кызганыу һәм куркыузан Прасковья Ивановнаның йөрәгенә кан һауа.**

Йән әсәрә юк – соотв. ни (одной) души [4, с. 199]. «Можно было пройти по всему дому насквозь и не встретить ни души (И. Гончаров, «Обломов»). – **Бәтә йорт буйлап үтәнен-үтә атларга һәм бер йән әсәрән осратмаса мөмкин ине.**

Йән яфалана, йөрәк өзәлә – соотв. душа (сердце) надрывается кого, чья, у кого, прост. «Борис: ...Только сердце надрывается. Да и с тобой-то не сладишь никак» (А. Островский, «Гроза»). – **Борис: ...Йән генә өзәлә. Үзәнде лә һис һисек тә тыйып булмай** [4, с. 100].

В персидской фразеологии **žan be Azrail nadodan** – букв. 'не дать душу Азраилу (ангел смерти)' обладает семантикой 'отважиться на риск, решиться на отчаянный шаг'.

Фразеологическая единица **žan-e kesi ro kharidan** – букв. купить душу кого-либо. Употребляется в значении 'распростаться, расстаться с кем-чем-л.; покончить, разделаться с чем-л.' [5, с. 73]. **Žan kandan** – соотв. расхрабриться, задрать хвост (выбравшись из трудного положения).

Del-rā zadan – [букв. бить сердце] употребляется в значении 'надоедать'. **Be del gereftan** – [букв. брать к сердцу] – 'принимать близко к сердцу, переживать, обижаться'. **Del kardan** [букв. делать сердце] означает 'ласкать, проявлять нежность'. **Del bastan** [букв. привязывать сердце] – 'привязаться душой и сердцем'.

2. В «Древнетюркском словаре» **jüräk** – сердце [6, с. 286]. В словаре В. Катаринского **йөрәк** – сердце, мужество [1, с. 101].

В сфере чувств и переживаний человека в первую очередь обращают на себя внимание фразеологизмы с общим мотивом 'радость, любовь, страдание, мука, печаль, тоска'. Чаще всего они строятся вокруг стержневого слова **йөрәк** – сердце, реже – его лексического варианта **йән, күңел** – душа [7, с. 247].

В башкирском языке лексема **йөрәк** (сердце) издавна широко использовалась и используется писателями и поэтами для описания душевных переживаний, чувств.

Кроме З.Г. Ураксина, Ш.В. Нафиков также перечисляет фразеологические обороты с **йөрәк**. Примеры: 'от чистого сердца' – **'бәтә йөрәктән', 'йөрәк менән кабул итеү'; 'сердце упало' – 'йөрәк шыу ител китте'** и пр. [8, с. 274].

3. В «Древнетюркском словаре» **qut** I. 1) душа; жизненная сила, дух. II. 1) счастье, благо, благодать, благополучие; удача, успех; счастливый удел. 2) перен. достоинство, величие; 3) рел. состояние истинного бытия, блаженства [6, с. 472].

Существительное **кот** в словаре В. Катаринского – присутствие духа, благополучие, счастье. **Минең котом сыкты** – соотв. я растерялся, упал духом; **уның өйәнән кот киткән** – соотв. 'в его доме нет счастья'. **Котло** – соотв. счастливый, благополучный [1, с. 150].

Кот алыныу (син.: **кот осоу, койолоп төшөү, кот калмау**) – соотв. ни жив ни мёртв. «Кирилла Петрович начал беспокоиться. Мария Кириловна была ни жива ни мертва» (А. Пушкин, «Дубровский»). – **Кирилла Петрович борсола башланы. Мария Кириловна бик нык куркып тора ине.**

4. Этимология слова «**күңел**» как общетюркское слово; др.-тюрк. **köñül** «душа, сердце». 1) душа, сердце, внутренний мир. **Күңелем тыуған йортома тартыла** – досл. душа моя тянется к родному дому; 2) настроение. **Йырлап асыла күңел** – досл. от песни повышается настроение; 3) расположение (духа), симпатия. **Минең күңелем күптән һиндә** – досл. я уже давно люблю тебя. **Бәгер, йән, кәйеф** являются синонимами '**күңел**'.

Понятие души в традиционном сознании всех народов представляется как место сосредоточения всех эмоций и чувств, сознательного и бессознательного, и является объектом исследования в разноструктурных языках [9, с. 3]. По мнению М.Д. Чертыковой, душа символизирует не только «**орган чувств**» и «**орган желаний**», но и «**орган предчувствий**», следовательно, душа – как бы абсолютный центр всего живого и эмоциональной сферы.

В словаре В. Катаринского, **күңел** – сердце, милость; расположение. **Күңелем һиззә** – моё сердце предчувствовало; **күңел асыу** – веселиться; **күңеллән** – 1) радоваться, веселиться. 2) приниматься за како-либо дело с большой энергией, воодушевляться; **Күңелләндер** – веселить, радовать, утешать, воодушевлять. **Күңелле** – весёлый, радостный, спокойный. **Күңелһез** – печальный. **Күңелсәк** – человек добрый [1, с. 156].

Фразосочетания по типу «**күңел** – душа» + глагол образуют в башкирском целое семантическое гнездо. Рассмотрим их:

- Синонимический ряд с общим значением «нравиться» составляют следующие фразеологизмы:

- **Күңелгә (йөрәккә) үтеп инеү** – соотв. входить / войти в душу (сердце) [4, с. 61]. **Күңелгә ярау (ятыу) (нимә)** – соотв. по душе (сердцу) [4, с. 234]. **Күңел кылын сиртеу (тибрәтеу)** – соотв. играть на струнах души. **Күңел тартыу (ятыу, ултырыу)** – соотв. по душе. **Күңел үсеү** – соотв. цвести душой. **Күңел яныу** – соотв. душа воспламенилась. **Күңел иреү (йошшарыу)** – соотв. душа оттаяла. **Күңел булыу кемдең** – соотв. быть в хорошем настроении. **Күңел бәйләү (кемгә, нимәгә)** – соотв. вложить душу. Эквивалент в персидском языке **del dadan** [букв. 'вручать сердце'] означает 'вдохновлять', 'отдать сердце', 'влюбиться'.

- Синонимический ряд с общим значением «быть в хорошем настроении» составляют фразеологизмы:

- **Йән теләгәнсә; күңел булгансы** – соотв. как душе угодно (чьей). **Күңел булгансы** – соотв. сколько душе угодно [4, с. 130]. **Күңел күтәрелеу, канатланып китеу** – соотв. воспрянуть духом [4, с. 54].

- Фразосочетания с различной эмоциональной семантикой:

- **Күңелгә якын алыу** – соотв. принимать / принять близко к сердцу [4, с. 250]. **Күңел һалыу** – соотв. вкладывать (вложить) / вложить душу во что [4, с. 45].

- Фразосочетания с отрицательным оттенком:

- **Күңелен төшөрөү, канатын кыркыу (кемдең)** – соотв. подрезать / подрезать (обрезать / обрезать) крылья (кому) [4, с. 233]. **Күңелгә таш һалыу** – соотв. камень лёг на душу. **Күңел ятмау (кемгә, нимәгә)** – соотв. не по душе (сердцу) [4, с. 187]. **Күңел ятмай** – соотв. душа (сердце) не лежит (к кому-чему) [4, с. 100]. **Күңел китеү** – соотв. душа улетает. **Күңел һызлау (әр-неү)** – соотв. душа (сердце) болит [4, с. 99]. **Күңел һызылыу, күңел һыныу** – букв. душа сломалась. **Күңел төшөү** – соотв. вешать / повесить голову [4, с. 41]. **Күңелде өзөү** – соотв. душа надрывается [букв. душа мерзнет].

5. **Бауыр**: в «Древнетюркском словаре» **bayır** имеет 4 значения: 1) печень; 2) живот, брюхо [по отношению] к живым существам; 3) перен. сердце 4) родственник кровный [6, с. 78].

В книге Р.Н. Хадыевой «Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира» **бауыр** (печень) тесно коррелирует с компонентом 'душа'. **"Бауыр – йән менән ауаздаш. Хис-тойго, хәстәр, күңел биләмәһе"** [10, с. 184]. **Бала – бауыр ите** – в значении 'родной, дорогой' (букв. 'дитя – мяско печени'). **Ят бауыр** – так говорят чужому человеку (букв. 'чужая печень'). **Кара бауыр** – в значении 'злой человек' (букв. 'черная печень').

При создании фразеологических единиц соматизмы продуктивны в разной степени: некоторые используются редко. Например, **бауыр: бауыр басыу (кемгә, нимәгә); Бауырга басыу (кемде); Бауырга инеү (кереү); Бауыр кайнау; Бауыр калкыу (күтәрәү, катыу); Бауыр өзәлөү; Бауыр һөйрәү**. Соответствие в фарси: в персидском языке значение фразеологической единицы 'иметь смелость, отвагу' обладает семантикой **jegar dāstan** [букв. иметь печень]. В своей диссертационной работе Л.Р. Сакаева отмечает, что в иранских языках важную роль во фразеобразовании единиц сферы душевных переживаний играет соматизм

«печень», сочетаемость которого опирается на переносное значение слова: «яркое, волнующее переживание»: «*гүшаи һигар*» (букв. «уголок печени») – «дорогой», «единственный»; «*дилу һигар*» (букв. «сердце печень») в значении «ближайший», «горячо», «всей душой»; «*мағзи һигар*» (букв. «сердцевина печени») в значении «душа». Оно реализуется во фразеологических единицах с такими глаголами, как «гореть», «есть», «обливать», которые способствуют созданию образно-символических единиц с ярко выраженным эмоционально-экспрессивным колоритом.

Таким образом, соматизмы *күңел, йән, кот, бауыр* в составе фразеологизмов также являются выразителями соматической природы человека. *Күңел, йән, кот* приобретают статус ещё одного органа чувств, невидимого, не имеющего определённого местонахождения в человеческом теле, выполняющего функции, присущие другим органам чувств. Анализ фразеологических единиц с компонентом-соматизмом позволяет утверждать, что названия частей тела играют наиболее важную роль в них и являются определяющими в передаче оценок и эмоций в башкирском и персидском языках.

Библиографический список

1. Катаринский В. *Башкирско-русский словарь*. Оренбург: Типография Б. Бреслина, 1899.
2. Рубинчик Ю.А. *Персидско-русский словарь*: в 2-х тт. Москва, 1985.
3. Экба З.Н. Персидское *تاج* [ʒaŋ] в лексической системе тюркских языков. Урал-Алтай: через века в будущее: *Материалы IV Всероссийской научной конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир*. Уфа, 2010: 381 – 384.
4. Ураксин З.Г. *Русско-башкирский фразеологический словарь: 1572 фразеологических оборота*. Под ред. Э.Р. Тенишева. Москва: Русский язык, 1989.
5. Голева Г.С. *Фразеология современного персидского языка*. Москва, 2006.
6. *Древнетюркский словарь* Ленинград, 1969.
7. Кульбердина З.Г. Сопоставительный анализ фразеологических единиц *конконцепт-л* («йөрәк») в башкирском и персидском языках. *Актуальные проблемы современного литературоведения и литературы, фольклористики и археографии: к 85-летию академика АН РБ, профессора Г.Б. Хусаинова*. Материалы международной научно-практической конференции; 2013: 247 – 251.
8. Нафиков Ш.В. *Строй башкирского языка*. Рукопись Уфа, 2012.
9. Араева Л.А., Максакова Е.Е. Фрейм «душа» в аспекте лакуарности. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014; № 1, Ч. 1.
10. Хадыева Р.Н. *Башкирская этнокультура и язык: Опыт воссоздания языковой картины мира*. Москва: Наука, 2005.
11. Абубакирова (Кульбердина) З.Г. Особенности соматических фразеологизмов башкирского языка. *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 6 (49): 346 – 349.

References

1. Katarinskij V. *Bashkirsko-russkij slovar'*. Orenburg: Tipografiya B. Breslina, 1899.
2. Rubinchik Yu.A. *Persidsko-russkij slovar'*: v 2-h tt. Moskva, 1985.
3. `Ekba Z.N. Persidskoe *تاج* [ʒaŋ] v leksicheskoy sisteme tyurkskih yazykov. Ural-Altaj: cherez veka v budushee: *Materialy IV Vserossijskoj nauchnoj konferencii, posvyaschennoj III Vsemimomu kurultayu bashkir*. Ufa, 2010: 381 – 384.
4. Uraksin Z.G. *Russko-bashkirskij frazeologicheskij slovar': 1572 frazeologicheskikh oborota*. Pod red. `E.R. Tenisheva. Moskva: Russkij yazyk, 1989.
5. Goleva G.S. *Frazeologiya sovremennogo persidskogo yazyka*. Moskva, 2006.
6. *Drevnetyurkskij slovar'* Leningrad, 1969.
7. Kul'berdina Z.G. Sopostavitel'nyj analiz frazeologicheskikh edinic *konkoncept-l* («jöräk») v bashkirskom i persidskom yazykah. *Aktual'nye problemy sovremennogo literaturovedeniya i literatury, fol'kloristiki i arheografii: k 85-letiyu akademika AN RB, professora G.B. Husainova*. Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii; 2013: 247 – 251.
8. Nafikov Sh.V. *Stroj bashkirskogo yazyka*. Rukopis' Ufa, 2012.
9. Araeva L.A., Maksakova E.E. Frejm «dusha» v aspekte lakunarnosti. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014; № 1, Ch. 1.
10. Hadyeva R.N. *Bashkirskaya `etnokul'tura i yazyk: Opyt vossozdaniya yazykovoj kartiny mira*. Moskva: Nauka, 2005.
11. Abubakirova (Kul'berdina) Z.G. Osobennosti somaticheskikh frazeologizmov bashkirskogo yazyka. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 6 (49): 346 – 349.

Статья поступила в редакцию 17.02.15

УДК 821.161.1

Makhmudov M.O., postgraduate student, Department of Dagestan languages, Dagestan State University (Mahachkala, Russia),
E-mail: uzlipat066@mail.ru

COMPARATIVE ANALYSIS OF ZOONEME PHRASEOLOGICAL UNITS IN DARGIN AND ENGLISH. This article classifies zoonemic phraseological units, which displays both universal and idioethnic features in the way of conceptualizing the objective world by means of zoonemic set phrases in the Dargin and English languages. The presence of these thematic groups in only one of the languages suggests that this feature of Dargin or English phraseology is subjective. This is due to extra-linguistic factors. The research distinguishes 12 semantic groups of phraseological units, such as a group meaning traditions and rituals, temporary units, quantitative units, etc. Our observations allow us obtaining results that have some scientific value in these materials once again confirmed our concept of unique phraseological fund in each of the languages. Mapping Dargin phraseological units with their semantic equivalents in the English language demonstrates interesting data for further comparative analysis.

Key words: phraseological unit, zoonemes, Dargin language, English language, national identity.

М.О. Махмудов, аспирант каф. дагестанских языков ДГУ, г. Махачкала, E-mail: uzlipat066@mail.ru

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЗООНИМИЧЕСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ДАРГИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

В данной статье проводится классификация зоонимических фразеологических единиц (ФЕ), которая отображает как универсальное, так и идиоэтническое в способах концептуализации объективного мира зоонимическими фразеологическими единицами даргинского и английского языков. Наличие данных тематических групп только в одном из исследуемых языков

говорит о том, что эта особенность, характерная даргинской или английской фразеологии, носит субъективный характер. Наши наблюдения позволяют получить результаты, имеющие определённую научную ценность, и на этих материалах ещё раз подтверждают концепцию о наличии уникального фразеологического фонда каждого языка.

Ключевые слова: фразеологическая единица, зоонимы, даргинский язык, английский язык, национальное своеобразие.

В настоящей работе представлен материал, до сих пор не подвергавшийся анализу – ФЕ с компонентом-зоонимом в даргинском и английском языках. Актуальность данной темы обусловлена, в первую очередь, её неисследованностью. Данное исследование представляет собой первую попытку сопоставительного исследования зоонимических ФЕ даргинского и английского языков. Фразеология обоих исследуемых языков очень богата и разнообразна по форме и семантике. В её составе имеется значительное количество зоонимических ФЕ, отличающихся образностью и стилистической разноплановостью.

Сопоставительный анализ зоонимических ФЕ даргинского и английского языков позволяет представить следующую структуру концептуализации внешнего и внутреннего мира человека:

1. Внешний вид человека:

Дарг. – *хя адам* «собака человек» употреблено конверсивно; *хягуна адам* «собаке подобный человек», *хяли кьацл сахлессе* «чрезвычайно некрасивый человек» (букв. «собака откажется из его рук брать хлеб»).

Англ. – *cat like yes* «глаза как у кошки»; *to bleed like a pig* «истекать кровью как резаная свинья».

2. Физическое состояние человека:

Дарг. – *бецла хлуйзирад цла кайсуси* «очень храбрый человек, который сумеет выйти из любой ситуации» (букв. «из волчьего глаза огонь добывающий»); *кьапланна ний дерхьибси* «чрезвычайно храбрый, обладающий огромной физической силой» (букв. «питавшийся молоком тигрицы»);

Англ. – *as fat as a pig* «жирный как свинья», *as tired as a dog* «усталый как собака».

3. Психологическое состояние человека:

Дарг. – *т1акьа бек1 сай* «он сошел с ума (букв. голова – коробка)», *дагьалагуна урк1и* «окрылился, воодушевился (букв. у него петушиное сердце)», *эмх1е бек1ибсиван* «печалиться, быть печальным (букв. словно у него умер ишак)», *эмх1ела нийли вахунси* «сойти с ума (букв. вскормленный молоком ослицы)» и др.

Англ. – *black dog* (плохое настроение, уныние), *the black dog on one's back* (букв. чёрная собака на чьей-то спине, т.е. находиться в унынии).

4. Социальное состояние человека:

Дарг. – *чегьес шалбар агарси* «очень бедный (букв. не имеющий штанов)»; *беркес кьац1ла кьидикьар агарси* «бедный (букв. не имеющий крошки хлеба)»; *никала бех1цад сек1ал агарси* «голодранец (букв. не имеющий ничего, даже размером с кончик ногтя)».

Англ. – *dog's life* «бедный, брошенный (букв. собачья жизнь)»; *dog's death* (позорная собачья смерть).

5. Черты характера человека:

Дарг. – *кьапланна урк1ила веэ1* «мужественный, отважный, бесстрашный (букв. с сердцем или душой льва)», *мазагуна адам* «спокойный, безвредный (букв. человек словно овечка)», *г1ярала урк1ила веэ1* «трусливый (букв. с сердцем зайца)».

Англ. – *as cunning as a fox* «хитрый как лиса»; *as stubborn as a mule* «упрямый как осёл»; *dog in the manger* (собака на сене), *dumb dogs are dangerous* («в тихом омуте черти водятся»).

6. Характеристика умений, навыков и сноровки человека:

Дарг. – *арцурси арца пух1яла кайсан* «ловкий, хваткий (букв. срывающий с летящей птицы перья)», *к1иула кесеклизибад дунья бях1язс кьалтин биран* «в состоянии делать всё, смекалистый (букв. из кусочка нити ткущий ковер, покрывающий страну)» и т.п.

Англ. – *to wind round smith like a snake* «обвиться как змея», *to seize as a tick* «вцепиться как клещ», *to squirm wriggle like a snake* «извиваться как змея».

7. Поведение, образ жизни человека:

Дарг. – *чякнас кьаркьуба итан* «бездельничающий (букв. бросающий от безделья камнями в воробьев)», *мазала дарес балан* «притворяться смиренным (букв. ходить в овечьей шкуре)».

Англ. – *an ass in a lion's skin* («осел в львиной шкуре»).

8. Репрезентация оценки, выражение отношения:

Дарг. – *ц1уба урчила мурда* «всадник белой лошади, самый лучший, герой», *ц1уба урчиличи атес* «расхваливать при всех (посадить на белую лошадь)», *бухьна кьаца* «старый хрыч (старый козел)», *бухьна т1акьа* «старая коробка (старик)», *бухьна эмх1е* «старый ишак (старый хрыч)», *эмх1еличи атес* «позорить при всех (посадить на осла)», *хяла кец1а* «собачье отродье» и др.

Англ. – *every dog is a lion at home* (ср. «всяк кулик в своем болоте велик»), *let sleeping dogs lie* («не буди лихо, пока оно спит тихо»).

9. Репрезентация отношений между кем-либо:

Дарг. – *житара хяраван* «как кошка с собакой», *бец1ра хяраван* «как волк с собакой», *гурдаци г1яраван* «быть доверчивым» и др.

Англ. – *as fighting like cat and dog* «как кошка с собакой», *dog eat dog* (человек человеку – волк; око за око), *dog does not eat dog* («ворон ворону глаз не выклюет»).

10. Выражение временного значения:

Дарг. – *г1ярг1яли гидгари барайчи* «пройдет много времени (пока курица снесет яйцо)», *жаг1ял бик1уси г1яра*, *жаг1ял би-к1ули калун* «заяц, говоривший завтра, остался там, где был».

Англ. – *dog days* (знойные, жаркие дни), *dog's age* (долгое время, целая вечность).

11. Выражение количественности:

Дарг. – *х1уйзи кабаресцада* «капля в море (словно брызнуть в глаз)», *никали х1яли кьисбирули* «очень мало (словно ногтем жир режет)», *мучила кьаькацад* «очень мало (размером с просо)», *дунья биц1ари* «очень много (столько, что можно заполнить мир)» и др.

Англ. – *one swallow does not make a summer* (мало, «одна ласточка весны не делает»).

12. Репрезентация предметов и действий, сопряженных с обычаями и верованиями:

Дарг. – *бец1ла мух1ли бизьес* «произнести заговор якобы для того, чтобы волк (другой хищник) не зарезал оставшихся на ночь где-то животных», *авц1а барх1ила гъез* «волосы первой стрижки, через 40 дней после рождения младенца».

Англ. – *to lead like a lamb to the slaughter* «повести как овечку на заклание»; *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться как Чеширский кот».

Данная классификация отображает как универсальное, так и идиозмическое в способах концептуализации объективного мира зоонимическими фразеологическими единицами даргинского и английского языков.

Наличие данных тематических групп только в одном из исследуемых языков говорит о том, что эта особенность, характерная даргинской или английской фразеологии, носит субъективный характер. Это обусловлено экстралингвистическим фактором. Наши наблюдения позволяют получить результаты, имеющие определённую научную ценность, и на этих материалах ещё раз подтверждающие нашу концепцию о наличии уникального фразеологического фонда каждого языка. Нет двух языков, какими бы родственными они ни были, в которых можно было бы обнаружить полные фразеосоответствия. Именно этими факторами – отсутствием эквивалентного соответствия в других языках – обусловлено то, что фразеология в современном языкознании является весьма популярным объектом сопоставительного изучения, особенно в последние десятилетия [1; 2].

Семантическая организация выступает главным компонентом всякой структуры, функционирующей в системе. И даргинская фразеология представлена специфичной семантикой. Ряд её существенных признаков оказывается характерным для всей дагестанской фразеологии. [3; 4].

Сопоставление даргинских ФЕ с компонентом-зоонимом с их семантическими эквивалентами английского языка наглядно демонстрируют интересные данные для дальнейшего сопоставительного анализа ФЕ даргинского языка и английского языков в типологических и лингвострановедческих целях.

Библиографический список

1. Гумбольдт В. *Язык и философия культуры*. Москва, 1985.
2. Гюльмагомедов А.Г. *Основы фразеологии лезгинского языка*. Махачкала, 1978.
3. Исаев М-Ш.А. *Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка*. Махачкала, 1995.
4. Гасанова У.У. *Лексический состав и словообразование хайдакского диалекта даргинского языка*. Махачкала, 2011.

References

1. Gumbol'dt V. *Yazyk i filosofiya kul'tury*. Moskva, 1985.
2. Gyl'magomedov A.G. *Osnovy frazeologii lezginского yazyka*. Mahachkala, 1978.
3. Isaev M-Sh.A. *Strukturnaya organizatsiya i semantika frazeologicheskikh edinic darginского yazyka*. Mahachkala, 1995.
4. Gasanova U.U. *Leksicheskij sostav i slovoobrazovanie hajdaksкого dialekta darginского yazyka*. Mahachkala, 2011.

Статья поступила в редакцию 21.02.15

УДК 372.8:811.161.1

Fardzinova M.D., Cand. of Sciences (Pedagogy), senior teacher, Northern Osetia State Pedagogical Institute (Vladikavkaz, Russia), E-mail: mady-1976@mail.ru

FUNCTIONAL COMMUNICATIVE ASPECT OF STUDY OF COMPLEX SENTENCES AS A MEANS OF SPEECH DEVELOPMENT IN OSSETIAN STUDENTS. The article studies mononuclear sentences in the Russian language in non-native Russian speaking community. The importance of the topic is determined by linguistic complication of Russian grammar, the difficulty that students have in mastering it, and the profusion of semantic stylistic shades of meaning in the sentences. The author comes to the conclusion that purposeful work on activation of compound sentences in the speech of students-bilingual is a necessary component in learning the Russian language, the practical value of studying them doubtless for the development of intellectual, cognitive abilities of students, to understand their resources native language, improve and enrich the syntactic structure of their speech. The author mentions that people who learn Russian are to learn the structural, functional and stylistic properties of complex sentences. The research shows particular shapes of meaning of the Russian complex sentences that are difficult to acquire by Ossetin speakers. The structure of Russian sentence is compared with the structure of the sentence in Ossetin.

Key words: syntax of a language, methods of teaching the Russian language, development and enrichment of speech of students.

М.Д. Фардзинова, канд. пед. наук, ст. преп. Северо-Осетинского государственного педагогического института, г. Владикавказ, E-mail: mady-1976@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ОДНОСОСТАВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ РЕЧИ УЧАЩИХСЯ-ОСЕТИН

В статье рассматриваются вопросы изучения односоставных предложений русского языка в нерусской аудитории. Методическая ценность данной темы определяется лингвистической сложностью грамматического материала, трудностями в усвоении его учащимися, богатством семантико-стилистических оттенков в значении предложения. Автор приходит к выводу, целенаправленная работа по активизации односоставных предложений в речи учащихся-билингвов является необходимым компонентом обучения русскому языку, практическая ценность изучения односоставных предложений несомненна для развития интеллектуальных, мыслительных способностей учащихся, для осмысления ими ресурсов родного языка, совершенствования и обогащения синтаксического строя их речи.

Ключевые слова: синтаксис языка, методика преподавания русского языка, развитие и обогащение речи учащихся.

Из всего многообразия аспектов русского языка наиболее значительным представляется вопрос изучения синтаксиса – одного из сложнейших разделов школьной программы и наиболее важного для развития связной речи учащихся-билингвов, обогащения её синтаксического строя. Односоставные предложения являются средством компактной и экономной передачи информации, а также ярким выразительным средством. В устной и письменной речи учащихся-осетин используются, в основном, двусоставные нераспространённые и распространённые предложения, хотя уместное чередование односоставных и двусоставных предложений сделало бы речь учащихся более выразительной и стилистически разнообразной. Широкие возможности обогащения речи учащихся появляются при изучении темы «Простое односоставное предложение». Методическая ценность данной темы определяется лингвистической сложностью грамматического материала, трудностями в усвоении его учащимися, богатством семантико-стилистических оттенков в значении предложения. Вопрос о природе предложения до сих пор остается одним из самых трудных в синтаксисе. Занимая центральное место в синтаксисе, предложение, тем не менее, не имеет общепринятого определения. Недостаточно изученным остается и вопрос о выразительных возможностях предложения, в том числе и односоставного.

Как и в учебниках для общеобразовательных учебных заведений, односоставные предложения в рассматриваемых учебниках противопоставлены двусоставным. Выделяются две группы односоставных предложений: с главным членом – сказуемым; с главным членом – подлежащим [1, с. 138]. Среди предложений первой группы выделяются: определённо-личные предложения, неопределённо-личные предложения, обобщённо-личные предложения, безличные предложения. Предложения второй группы представлены одной разновидностью – назывные предложения. При изучении синтаксических конструкций (в том числе и односоставных) в школьном курсе синтаксиса недостаточно учитываются возможные связи и отношения, существующие между отдельными типами предложений. В связи с этим, Р.Б. Сабаткоев справедливо отмечает: «В настоящее время изучение односоставных предложений в национальной школе страдает весьма существенным недостатком, который заключается в том, что слабо учитывается взаимосвязь, взаимодействие между основными семантико-грамматическими типами простого предложения, между разными видами односоставных предложений. Каждый вид односоставного предложения чаще всего изучается в отдельности, вне его связи с другими моделями предложений» [1, с. 60].

При работе над односоставными предложениями «очень важно, чтобы учащиеся усвоили не только структурные, но и

функционально-стилистические особенности данных конструкций, чтобы ясно представляли себе, чем отличаются односоставные предложения от двусоставных» [2, с. 279].

Из-за сложности организации односоставных предложений, разнообразия набора признаков эта синтаксическая единица требует многоступенчатого анализа, учитывающего признаки структурного, семантического и функционального плана. В этой связи мы пытались реализовать системный подход, связанный, по определению М.Х. Шапацевой, «с анализом синтаксических единиц на основе выводимости одних моделей из других, с возможностью их синонимических преобразований и определения их стилистической целесообразности в определенной речевой ситуации» [3, с. 243].

При создании методической модели обучения односоставным предложениям особое внимание уделялось функциональной стороне языковых явлений. Чтобы добиться от учащихся осознания структурных различий двусоставных и односоставных предложений, было предложено определить грамматическую основу в следующих предложениях на русском и осетинском языках:

имений: *я – æз, мы – мах, ты – ды, вы – сымах*. Как было отмечено выше, с целью преодоления теоретических затруднений сведения об односоставных определённо-личных предложениях давались на основе сопоставления с двусоставными предложениями. Ср.: *Люблю отчизну я, но странною любовью (Л.). Люблю края родные*. Сопоставление этих предложений показывает, что, в отличие от двусоставных, в них нет подлежащего, а степень конкретизации лица в них одинакова. *Жду твоего письма. Дæ писмомæ дын æнхæлмæ кæсын. Почему молчишь? Цæмæ ныхъус дæ? Напиши обо всем. Алцæй тыххæй ныффысс*.

При этом сравнение определённо-личных предложений с двусоставными позволяет увидеть незначительность смысловых отличий в них, а способ выражения сказуемого оказывает влияние на значение предложения.

Для выявления смысловой роли и стилистических особенностей определённо-личных предложений, в которых внимание сосредоточено на действии, мы использовали задания и упражнения грамматико-стилистического характера.

1. Выпишите из учебника геометрии текст с определён-

1. Я люблю родной язык. <i>Æз уарзын мæ мадæлон æвзаг.</i>	<i>Люблю родной язык. Уарзын мадæлон æвзаг.</i>
2. На площади строители возводят здание нового театра. <i>Фæзуаты хæдзар аразджытæ амайынц ног театр.</i>	<i>На площади возводят здание нового театра. Фæзуаты амайынц ног театр.</i>
3. Лето теплое. <i>Хъарм сæрд у.</i>	<i>Тёплое лето. Хъарм сæрд.</i>

В результате выполнения этого задания учащиеся приходят к выводу о структурном различии двусоставных и односоставных предложений в русском и осетинском языках, осознают, что наличие одного главного члена предложения – структурная особенность односоставных предложений в обоих языках, второго главный член предложения не требуется и структурно невозможен. В личных предложениях данной структуры называемое лицо является не субъектом, а объектом высказывания, субъект высказывания – неопределённые лица – не выражен, но глагол с ними координируется, принимая форму 3-го лица множественного числа.

Анализируя следующие предложения: *Вечер. Скучно. Иду по улице. – Изæр. Æнкъард. Цæуын уынды, восьмиклассники определяют, что в обоих языках имеются два основных типа односоставных предложений – сказуемые и назывные (номинативные). Структурной особенностью односоставных предложений является наличие одного главного члена, который может быть выражен формами глагола или имени. Использование знаний учащихся-осетин о простом предложении осетинского языка облегчает процесс усвоения структурных особенностей этих конструкций и высвобождает в дальнейшем время для выявления и осознания их функциональных возможностей. Использование творческих работ малой формы, в частности, сочинений-миниатюр, является одним из реальных средств усиления речевой направленности. Домашнее задание было следующим: напиши миниатюру «Веселый денёк» по данному началу с использованием односоставных и двусоставных предложений:*

Стоят зимние дни, хмурые, тоскливые: рассветает поздно, темнеет рано, снега белого не видать. Будто тянутся сплошные, долгие сумерки...

И вдруг улыбнулась погода...

На следующих уроках продолжилась работа над сказуемыми и подлежащими односоставными предложениями, так как дальнейшее соотнесение способа выражения главного члена и семантики предложения служит основой классификации односоставных сказуемых предложений.

Излагая относящийся к определённо-личным односоставным предложениям теоретический материал, использовались знания, полученные учащимися на уроках осетинского языка. Исходя из определений в обоих языках, сказуемое в определённо-личных предложениях выражается формами 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа изъявительного наклонения и повелительного наклонения без личных место-

но-личными предложениями. Почему в описании математических доказательств уместны определённо-личные предложения?

2. Напишите миниатюру в форме письма, используя глаголы, выражающие благодарность, поздравление, пожелание и т.п.: *благодарю, поздравляю, жму руку, желаю, шлю привет, прошу, целую* и т.д. Для знакомства с эпистолярным жанром дается толкование слова «эпистола» – лат. «письмо, послание».

3. Передайте от первого лица содержание текста по выбору, используя определённо-личные предложения.

В дальнейшем мы использовали подачу нового материала блоком, что позволило сопоставить широкий круг синонимичных построений, а также оценить синтаксическое явление с разных сторон: структуры, семантики, функции. Неопределённо-личные предложения сравнивались с определённо-личными и безличными, обращалось внимание на обобщённо-личные предложения, изучение которых «Программой для национальных школ» не предусматривается [4].

В предлагаемой системе обучения мы намеренно добивались самостоятельного анализа учащимися структурно-грамматических примет неопределённо-личных предложений – выражение главного члена формами глагола 3-го лица множественного числа настоящего, прошедшего и будущего времени изъявительного, желательного и сослагательного наклонений, а также безличной формой глагола в повелительном наклонении. С этой целью было предложено задание: дать характеристику одному из героев нарских сказаний, употребив неопределённо-личные предложения.

В школьном учебнике обобщённо-личные предложения рассматриваются внутри неопределённо-личных предложений. При этом не учитывается, что предложения с обобщённо-личным значением, по форме выражения сказуемого совпадая с определённо-личными и неопределённо-личными, существенно отличаются от них по семантике.

Обращение внимания на семантику предложений важно потому, что семантический подход помогает классифицировать личные односоставные предложения по трём типам: отнесённость действия к определённому лицу (в определённо-личных предложениях), к неопределённому лицу (в неопределённо-личных предложениях) и ко всем или большинству лиц (в обобщённо-личных предложениях). Обобщённо-личные предложения – это удобная форма выражения общих положений, советов или описания действий, которые

относятся ко всем людям. Невнимание к весьма употребительному типу – односоставным обобщенно-личным предложениям – затрудняет их активизацию в речи. Учащимся были предложены задания.

В каких ситуациях можно употребить пословицы в качестве вывода, совета? Есть ли аналоги этих пословиц в вашем родном языке?

1. *Здоровье за деньги не купишь.* 2. *С кем поведёшься, от того и наберёшься.* 3. *Тише едешь – дальше будешь.* 4. *Скажешь – не воротишь, напишешь – не сотрёшь, отрубишь – не приставишь.*

Больше внимания в ходе обучения было уделено односоставным безличным предложениям, поскольку в русском и осетинском языках они имеют расхождения. Под термином «безличность» объединяется многообразие предложений, в зависимости от морфологической природы сказуемого выделяются семантико-грамматические разновидности безличных предложений. Для сравнения мы использовали следующие предложения на русском и осетинском языках.

Я хочу работать. – *Мæн фæнды кусын. Мæне надоело работать.* – *Куыстæй бафæлладтæн. У меня была книга.* – *Мæммæ уыди чиныг. У меня не было книги. Мæммæ чиныг нæ уыди. И я хочу сказать.* – *Æмæ мæн фæнды зæгъын.*

Мне хочется сказать. – *Зæгъынæгтæ мын и. Дождь моросит.* – *Къæвда сæлфынæг кæны. На улице моросит.* – *Уынды сæлфынæг кæны.*

Библиографический список

1. Сабатков Р.Б. *Русский язык: Учебник для 8 класса национальной школы.* Санкт-Петербург: Просвещение, 1999.
2. Шакирова Л.З., Сабатков Р.Б. *Методика преподавания русского языка (на материале национальных школ).* Санкт-Петербург: Просвещение, Казань: Магариф, 2003.
3. Шапацева М.Х. *Лингвистика и лингводидактика.* Избранные работы. Майкоп: Аякс, 2005.
4. *Программа основной и полной средней школы (русский язык и литература) для 5-11 классов национальных школ Российской Федерации.* Санкт-Петербург: Просвещение, 2002.

References

1. Sabatkov R.B. *Russkij yazyk: Uchebnik dlya 8 klassa nacional'noj shkoly.* Sankt-Peterburg: Prosveschenie, 1999.
2. Shakirova L.Z., Sabatkov R.B. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka (na materiale nacional'nyh shkol).* Sankt-Peterburg: Prosveschenie, Kazan': Magarif, 2003.
3. Shhapaceva M.H. *Lingvistika i lingvodidaktika.* Izbrannye raboty. Majkop: Ayaks, 2005.
4. *Programma osnovnoj i polnoj srednej shkoly (russkij yazyk i literatura) dlya 5-11 klassov nacional'nyh shkol Rossijskoj Federacii.* Sankt-Peterburg: Prosveschenie, 2002.

Статья поступила в редакцию 13.02.15

УДК 821.512.145.

Sattarova G.G., postgraduate, Kazan Federal University, assisting teacher at Department of Tatar Philology in Yelabuga Institute (Yelabuga, Russia), E-mail: Gulnaz-sattarova@mail.ru

THE RELATIONSHIP BETWEEN AN INDIVIDUAL AND SOCIETY IN CONTEMPORARY WOMEN'S PROSE. This article discusses the problem of human relationships in modern society. The author's research is based on theoretical data, mainly on works by N. Gimatdinova and F. Bayramova, which reveals existing problems in the society. In the end of XX – the beginning of XXI century the Tatar literature begins also be represented by women writers. Examples of women's prose reveal all features of modern Tatar literature. Their works appeal to traditional topics and new ways of presenting material. The objective of the article is the defining of a role and place of man in the modern society. The article highlights and explains the characteristic features of characters in different works of N. Gimatdinova and F. the Bayramova. The main contents of the research is the analysis of characters and the mapping of their inner world with the surrounding reality. On this basis, the main characters are always alone. They see that the world possesses not only material, but also spiritual wealth.

Key words: modern Tatar literature, women's fiction, morality, tradition in prose.

Г.Г. Саттарова, аспирант Казанского федерального университета, ассистент кафедры татарской филологии в Елабужском институте КФУ, г. Елабулга, E-mail: Gulnaz-sattarova@mail.ru

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ЖЕНСКОЙ ПРОЗЕ

В данной статье рассматривается проблема взаимоотношения человека в современном обществе. Основываясь на теоретических данных, на примере творчества Н. Гиматдиновой и Ф. Байрамовой, автор раскрывает имеющиеся проблемы современности. В конце XX – начале XXI вв. в татарскую литературу приходят писательницы. Поэтому именно примеры из женской прозы раскрывают всю особенность современной татарской литературы. Обращение к традиционным темам, новые приемы изложения материала – всё это по-новому показывается в женской прозе. И целью статьи является наиболее точ-

ное изложение роли и места человека в обществе. В статье выделяются и описываются характерные черты героев разных произведений Н. Гиматдиновой и Ф. Байрамовой. Основное содержание исследования составляет именно анализ героев и сопоставление их внутреннего мира с окружающей реальностью. Главные герои всегда одиноки. Они видят в мире не только материальное богатство, а духовное достояние.

Ключевые слова: современная татарская литература, женская проза, нравственность, традиция в прозе.

Традиция (лат. tradition – передача) – это передача художественного опыта от одного поколения художников к другому. Продолжать традиции – значит творчески усваивать опыт предшественников и идти дальше. Каждый новый шаг в искусстве всегда опирается на приобретенный эстетический опыт [1].

На рубеже XX – XXI веков татарская литература пережила ряд изменений. С одной стороны, это связано с переходом на другую ступень развития, с другой, желанием охватить литературой и культурой всего нового.

Во второй половине XX века в мировой литературе и культуре начинается новые поиски. К 1980 годам татарская литература уже имеет сформированные традиции. В прозе на первый план выходит желание в полной мере раскрыть взаимоотношение человека и общества [2, с. 3], а именно, женская проза более ярко отражает данную тематику.

С одной стороны, новые произведения были созвучны с литературными поисками, где философичность, восточная культура, традиций золотой эпохи имели место быть, также прослеживается вовлечение в историю: в прошлое, настоящее, будущее нации и это отражается в теме-проблематике литературы.

В последнее время в татарской реалистической прозе, при оценивании человека и модели жизни в произведении, продолжается использование противоположных принципов, таких как: нравственность и безнравственность, истина и ложь, честь и бесчестье. Авторская позиция является ведущей, и замысел в произведении соответствует этому. Сохраняется единство автора и повествователя, намерение, поэтому татарская проза не может освободиться от публицистических дополнений [2, с. 6]. Интересен этот тип повествования, когда конкретное предметное описание передает субъективную позицию автора, которая, в свою очередь, растворяется в картине быта. В результате простые повседневные детали обретают глубокий символический смысл [3]. В то же время увеличиваются приемы, повышающие литературность. Символы и метафоры, обогащая материю литературного произведения, оценивают созданную в произведении жизнь. Делаются попытки создания реального и ирреального: это жизнь и смерть, отношение человека к религии. Самое главное, традиционное реалистическое направление обогащается новыми течениями и стилевыми элементами.

Ю.Г. Нигматуллина считает, что одной из национальных особенностей татарской литературы является «переплетение старого и нового, существование событий прошлого в новом историческом этапе» [4, с. 32]. В некоторых произведениях действия героев мотивируются их внутренними переживаниями. Ирреальное, которое нельзя познать и понять, преподносится как действительное. Магический реализм создает две модели жизни: первая модель – живущая по социальным законам, а вторая – подчиняющаяся законам человечества. В произведениях эти две модели противопоставляются и безнравственность, пьянство, порожденные от общественных законов, опровергают социальную модель. Герои, оторванные от земной жизни, духовно богатые, способные к высоким чувствам, зависящие не от умственных способностям выступают как идеалы автора (Н. Гиматдинова «*Ак торна каргышы*», «*Болан*», «*Китәм димә*», «*Пәри утарында*»). Это течение позволяет соединить как романтическое начало, так и критический реализм [2, с. 7].

В произведении Н. Гиматдиновой «Проклятие белого журавля» («*Ак торна каргышы*») противопоставляются именно нравственность и пьянство. Нравственность олицетворяется в лице Сары, Арслана и муллы. Они не могут принять те общественные порядки, которые установились в деревне. Пьянство убивает не только одного или двух человек, а эта болезнь всего населения современной деревни. Автор видит только один путь к исправлению – приравнение деревни к земле. Именно природа спасает человечество от гибели.

Журавль в произведении является символом. Когда эти птицы жили парой и своей красотой помогли Саре встать на ноги, доброта, искренность и любовь, казалось бы, смогут спасти всех от гибели. Но пьянство, зло деревенских женщин оказалось сильнее. Убивая журавля, они искоренили веру в добро, то чистое, что было в деревне у Сары и Арслана. Хотелось бы отметить,

что в татарской литературе образ птицы определяется материальным, духовным и нравственным положением персонажей. Птицы могут предвещать какое-либо событие: будь оно хорошее или нет, они направляют героя или, наоборот, сбивают с верного пути. С образом птиц часто связываются мотивы счастья, начала, надежды, утра, весны, солнечного восхода, домашнего уюта и т.д. [4, с. 34].

Созданный автором образ журавля вообрал в себя несколько качеств. Во-первых, этот образ превращается в эталон красоты и чистоты. Во-вторых, образ журавля изображается на фоне женщин прошлых лет. Это, в свою очередь, дает автору возможность сравнить две модели существования. В итоге произведение условно делится на два плана: прошлое и настоящее [4, с. 34]. Автор спасает путем апокалипсиса настоящее, которое не имеет будущего. В произведении духовно богатые Арслан и Сара остаются победителями. Теперь именно таким чистым, добрым людям надо будет строить новую жизнь.

В повести «Ты в долгу передо мной» («*Синдә минем хакым бар*») автор не изменяет своим традициям, он считает, что счастье человека – это его единство с природой [5, с. 157]. Описывая характеры и жизни героев, она показывает национальную историю. Издавна татарская деревня была гордостью народа, народные достояния, религию сохранили именно в деревнях.

Татарская деревня олицетворяется бабушками в белых платках, такими же чистыми, бескорыстными. Но со временем и эта чистота уходит: в деревню приходят алкоголь, зависть. Люди становятся рабами своей жадности, ничего не видят кроме своего достатка. Все гонятся за деньгами, вместо того, чтобы ценить то, что они имеют. Особенностью творчества Н. Гиматдиновой является описание всех событий настоящего и прошлого. В повести всё начинается с того, что в деревню привозят похоронить Минлекамал. Деревня знала её как Давыл. Образ Давыл является отражением истории. Минлекамал переехала в деревню со своей внучкой, никто ничего не знал о её жизни. 9 Мая она пошла на митинг в орденах и медалях. В военные годы даже женщины, не жалея себя, трудились в тылу за победу. Война не щадила никого, и поэтому против фашизма поднимались все. Все хотели спокойной, мирной жизни – это объединяло народ. Люди, которые видели войну воочию, дорожили мирной жизнью, ценили каждое мгновение. Давыл является именно таким человеком.

В повести главным героем является Хафиз. Его детство прошло рядом с Давыл. Она воспитала в нем любовь к лошадям и справедливости. Но каким бы справедливым и правильным не был Хафиз, его жена продает алкоголь населению. А по законам ислама это – харам. Вот именно из-за алкоголя все традиции в деревнях начали исчезать. Люди работали и зарабатывали деньги, чтоб купить себе выпить. Это приводит к уничтожению всего святого. Автор показывает высказанное естественно и жизненно, эти мысли передаются через сны, думы героев и природные явления.

Н. Гиматдинова показала себя как мастер составления сюжетной линии. Фантазия автора пересекается с национальной историей и тем самым образует единое целое. Уставшие от одиночества, лицемерия люди, ищут покой именно в природе [6, с. 4]. Испорченное общество противопоставляется чистой природе. Чистая, безгрешная жизнь возможна лишь на лоне природы. Природа сохраняет в себе все: и прошлое, и настоящее, молча наблюдает за изменениями.

В литературе конца XX – начала XXI вв. выход вперед психологического начала ещё раз доказывает то, что внутреннее состояние личности выше историко-социальной действительности. Описание личной жизни с психологической глубиной служит для оценивания типа людей. Речь идет о сохранении духовной чистоты при единстве социальной системы, при преобладании коллективных законов нравственности. Нравственная позиция автора – субъективное оценивание героя, философия же отражается через объединение людей в жизненно-естественной модели. Герой и настоящее пребывают в состоянии конфликта, а причиной этого является романτικότητα автора и резкое высказывание своего мнения. Повести Ф. Байрамовой «Пур» («Бо-

лын»), «Маска» («Битлек») были первыми произведениями в таком направлении [2, с. 8].

В повести «Луг» («Болын») автор знакомит с героем современности. Алсу – человек, который ищет красоту в нашем мире. Она чуткая и наивная, во всем ищет искренность. В начале произведения автор выделяет её и дает понять, что она не похожа на других. Алсу удивляется черкестности окружающих, их отношению к природе. Например: «Я не могу понять их безразличность к природе и деление всего только на полезное – бесполезное. Они всю жизнь работают, но не находят времени для восхищения миром» («Аларның шулай матурлыкка битараф булупларын, табигатьтәгә һәр нәрсәгә файдалы-файдасызга бүлөп кенә кабул итүләрен аңлый алмыйм. Алар гомер буге эшчиләр дә эшчиләр, дәнъяга сокланьрга аларның вакытлары да юк») [7, с. 84]. И тут же Алсу высказывает главную идею произведения: «...Они не смогли сломать мою душу, которая подчиняется только красоте» («...матурлыкка табынган жанымны сындыра алмадылар») [7, с. 85]. Исходя из этого, Алсу дает понять, что она и окружающие не смогут услышать друг друга: «Ведь наши с ними души разные» («Безнең бит жаннарыбыз төрлө алар белән») [7, с. 85].

В произведении «Маска» («Битлек») автор продолжает выбранное направление. Но тут сюжет развивается по другой линии. Человек становится злым и безжалостным, испорченным – это история вживания маски в лицо. Символ выводится даже в название повести, он выполняет функцию оценивания, описания всех героев. Автор составляет условную модель жизни, с её помощью показывает катастрофичность отречения от всего естественного [7, с. 110].

Произведение начинается с истории, что Рашида во время обучения в университете, выходит замуж за Зиннура. После окончания, они остаются в городе: муж устраивается на работу, Рашида сидит дома с ребёнком: «Ей казалось так легко: ни за что не надо отвечать, никуда не надо спешить. Она сейчас отвечает только за двоих: муж и ребёнок» («Аңа шулай жайлырак та кебек иде: бернәрсә өчен җавап бирәсе, бер жиргә ашыгасы, бергәләнгәнсе юк. Ул хәзер ике генә кеше өчен җавап

бирә: ире дә баласы») [7, с. 110]. Но Зиннур не в силах взять всю ответственность на себя. Автор готовит Рашиду к изменениям в обычной жизни, находит на это своё объяснение. «Если женщина начинает думать и анализировать, она не остановится. Чем больше умственной деятельности, тем меньше чувств; нежность заменяется на жесткость, вместо старуха приходит сила и уверенность» («Ә хатын-кыз уйлый, анализлай башладымы, ул инде җавабын тапмыйча, төбене төшмичә туктамый. Акыл зирәкләнгән саен, хис ераграк яшеренә, назны кырыслык алмаштыра, уңайсызлану, курку урынына тәвәккәллек, көч килә») [7, с. 112]. Рашида берёт всю ответственность за семью на себя.

Таким образом, её одиночество раскрывается в философской плоскости. Одиночество – неизбежность, которая всю жизнь сопровождает человека. Но автор отмечает, что такое состояние морально обогащает, заставляет задуматься. У женщин одиночество порождает грусть и печаль, которые передаются из поколения в поколение. Следует отметить, что данная идея находит свое место в произведении: «Можно прожить и без философии, татарские женщины рождали детей и ушли оставив за собой грусть» («Фәлсәфәсез генә тормыш алып барып та, җир өсте тулы бала, жаннар тулы моң калдырып киткән татар хатыннары...») [7, с. 142] – этим выражением автор открывает печаль как духовное богатство, которое передаётся по наследству и рассматривает это наряду со смыслом жизни.

Делая выводы, можно сказать, что в росте литературы одно бесспорно: она, обогащаясь новыми ценностями, идёт вперед [2, с. 10]. Женская проза на стыке двух веков показала, что есть продолжение художественно-философской традиции в татарской прозе. Произведения Н. Гиматдиновой и Ф. Байрамовой являются ярким примером и доказательством этого. Женская проза конца XX – начала XXI вв. основываясь на имеющихся традициях, создаёт новые произведения и образы, которые являются отражением современной реальности. Проблемы современности, философия жизни всегда были актуальными, и поэтому авторы вновь и вновь обращаются к ним.

Библиографический список

1. Ференц Н.С. Основы литературоведения. Available at: http://uchebnikonline.com/literatura/osavstva_-_ferents_ns
2. Загидуллина Д.Ф. На новой волне (Традиции и нововведения в татарской прозе 1980-2000 годов). Казань, 2005.
3. Зайцев В., Олесина Е., Стукалова О., Манн Ю. Мировая художественная культура. XX век. Литература. Available at: <http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1003191>
4. Габидуллина Ф.И., Хабибуллина Л.И. Образ птицы в татарской литературе. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014; № 9. Ч. 1: 32 – 34.
5. Гыйматдинова Н. Ты в долгу передо мной. Казань, 2011.
6. Гыйниятуллина А. Новизна Н. Гиматдиновой в татарской литературе. Просвещение. 2000; 19 августа.
7. Байрамова Ф. Луг: повесть. Огни Казани. 1983; 9: 82 – 126.
8. Байрамова Ф. Луг: повести. «Болын», «Чакрым баганалары», «Битлек». – Казань: Тат. кн. изд., 1986.
9. Гыйматдинова Н. Одинока: повести и рассказы. Казань: Тат. кн. Изд., 2003.

References

1. Ferenc N.S. Osnovy literaturovedeniya. Available at: http://uchebnikonline.com/literatura/osavstva_-_ferents_ns
2. Zagidullina D.F. Na novej volne (Tradicii i novovvedeniya v tatarskoj proze 1980-2000 godov). Kazan', 2005.
3. Zajcev V., Olesina E., Stukalova O., Mann Yu. Mirovaya hudozhestvennaya kul'tura. XX vek. Literatura. Available at: <http://www.e-reading.mobi/bookreader.php/1003191>
4. Gabidullina F.I., Habibullina L.I. Obraz pticy v tatarskoj literature. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2014; № 9. Ch. 1: 32 – 34.
5. Gijmatdinova N. Ty v dolgu peredo mnoj. Kazan', 2011.
6. Gijnijatullina A. Novizna N. Gimatdinovoj v tatarskoj literature. Prosveschenie. 2000; 19 avgusta.
7. Bajramova F. Lug: povest'. Ogni Kazani. 1983; 9: 82 – 126.
8. Bajramova F. Lug: povesti. «Bolyn», «Chakrym baganalary», «Bitlek». – Kazan': Tat. kn. izd., 1986.
9. Gijmatdinova N. Odinoka: povesti i rasskazy. Kazan': Tat. kn. Izd., 2003.

Статья поступила в редакцию 9.02.15

УДК 811.112.2

Tumanova Ye. O., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Social Humanities, Moscow Municipal University of Management of Moscow Government (Moscow, Russia), E-mail: ekaterina.msu@mail.ru

LEXICAL-SEMANTIC CHARACTERISTICS OF APHORISMS IN ELMAR SHENKEL'S BOOK "WHEN 'I' IS LATE". The article describes the lexical-semantic structure of modern German aphorisms referring to sayings from "When 'I' is late", a book by Elmar Schenkel, the German writer and traveler. The study focuses on the analysis of the structure of the semantic field of aphorisms by highlighting key words, building them into thematic groups and semantic fields. The author of the article offers to define eight major semantic fields in E. Schenkel's aphorisms, covering the most important areas of human existence. The author comes to the con-

clusion that the thematic groups may not always be formed by synonymous lexemes, because in the text of aphorisms they can get additional figurative meaning. The author discusses theoretical problems of organization of a semantic field, its structure and components. The article proves the idea of including binary oppositions in the structure of the thematic groups.

Key words: aphorism, semantic field, key words, thematic group, modern German literature

Е.О. Туманова, канд. филол. наук, доц. каф. социально-гуманитарных дисциплин Московского городского университета управления Правительства Москвы, г. Москва, E-mail: ekaterina.msu@mail.ru

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА АФОРИЗМОВ В КНИГЕ ЭЛЬМАРА ШЕНКЕЛЯ «КОГДА Я ОПАЗДЫВАЕТ»

В данной статье рассматривается лексико-семантическая структура современных немецкоязычных афоризмов на примере изречений из книги немецкого писателя и путешественника Эльмара Шенкеля «Когда я опаздывает». Исследование посвящено анализу структуры семантических полей афоризмов путем выделения ключевых слов, объединения в тематические группы и семантические поля. В результате исследования предлагается выделить восемь основных семантических полей в изречениях Э. Шенкеля, затрагивающих основные сферы человеческого существования. Автор приходит к выводу о том, что тематические группы не всегда могут быть образованы лексемами, близкими по своему языковому значению, так как в тексте афоризмов они могут приобретать дополнительные оттеночные значения. В статье обосновывается мысль о включении бинарных оппозиций в состав тематических групп.

Ключевые слова: афоризм, семантическое поле, ключевые слова, тематическая группа, современная немецкая литература.

В 2006 году в России был издан сборник заметок и афоризмов немецкого писателя и путешественника Эльмара Шенкеля «Когда я опаздывает» [1]. Сборник насчитывает более 300 изречений с их переводом на русский язык. Данное собрание мудрых мыслей отличает широта тематического круга, а также особая семантическая структура включенных в него афоризмов. Изречения Э. Шенкеля находятся в фокусе нашего внимания в виду того, что они отражают мировоззрение и языковую картину носителя немецкого языка, обобщая представления об окружающем мире его современников и собственные наблюдения, философские замечания.

Для определения тематического круга афоризмов и афористических высказываний популярного немецкого писателя Эльмара Шенкеля мы провели их семантический анализ, выделяя представленные в изречениях ключевые слова.

В нашем представлении афоризмы отличаются от афористических высказываний по объему: афоризмы состоят из одного – двух предложений, а афористические высказывания – из трёх и более.

Ключевые слова обозначают явления и понятия, которые находятся в центре социального внимания. К ним могут относиться как высокочастотные имена собственные, так и имена нарицательные [2, с. 92].

По мнению А.В. Корольковой, семантическая характеристика афоризмов базируется именно на анализе их ключевых слов, которые формируют «тематический стержень» высказывания и выступают маркерами его стилистической окрашенности [3, с. 210]. Опорные слова в афоризмах позволяют адекватно и объективно определить их тематику. Без определения ключевых слов в афоризмах «невозможно извлечь изречение из целого текста, невозможно постигнуть его смысл, невозможно произвести семантический анализ» [3, с. 203].

В афоризмах, отличающихся концептуальной целостностью, смысловой и понятийной завершенностью, допустимо выделение одного слова, реже – словосочетания или двух-трёх ключевых слов. В исключительно сложных афористических конструкциях допустимо выделение пяти ключевых слов. Спорные случаи возникают при анализе экспрессивных изречений, выражающих чувства автора, или в афоризмах, имеющих поэтическую организацию. В таких высказываниях следует устанавливать самостоятельно ключевые слова, «восстанавливать» их из контекста [3, с. 204 – 206].

Ключевые слова представляют собой лексические единицы, которые могут объединяться в тематические группы, а тематические группы, в свою очередь, образуют семантические поля. Схематически данные отношения мы можем представить на Рисунке 1.

Тематическую группу О.С. Ахманова определяет как несколько слов, близких по своему основному семантическому содержанию, то есть принадлежащих к одному семантическому полю [4, с. 118]. В когнитивистике зачастую синонимом тематической группы выступает понятие «микрополе», которое во взаи-

Рис. 1. Структура семантического поля.

мосвязи с другими полями образует лексико-семантическую сеть в виде «макрополя» [5, с. 156]. В виду наличия многочисленных терминов в когнитивистике, обозначающих одни и те же явления, мы будем придерживаться терминологии, принятой А.В. Корольковой для семантического анализа русской афористики [3].

Термин «семантическое поле» трактуется как частичка действительности, выделенная в человеческом опыте и теоретически имеющая «в языке соответствие в виде более или менее автономной лексической микросистемы» [4, с. 334].

Семантическое поле образуют единицы разных частей речи, способные вступать в синтагматические, парадигматические и ассоциативно-деривационные отношения. Отношения гипонимии позволяют структурировать элементы семантического поля. Необходимо подчеркнуть, что гипонимию следует трактовать как иерархическую систему, основанную на родовидовых отношениях [6, с. 266].

А.В. Королькова предлагает различать в структуре семантического поля ядро, центр и периферию. Ядром основных семантических полей станут ключевые слова, способные соединить, сконцентрировать вокруг себя лексические единицы, составляющие изречения. В разных афоризмах семантика может быть выражена как одинаковыми лексическими единицами, так и семантически смежными, лежащими на периферии этого поля единицами [3, с. 213].

При семантическом анализе афоризмов Э. Шенкеля тематические группы и семантические поля были выделены нами после изучения всех ключевых слов афоризмов. После определения опорных лексем, они были распределены по тематическим группам, а группы были объединены нами в семантические поля.

Исследуемые нами семантические поля афористики Эльмара Шенкеля являются лексической реализацией концептов. Сразу отметим, что многие афоризмы и афористические высказывания автора можно отнести сразу к нескольким тематическим группам за счёт их обобщающего содержания, например:

1. Афоризм «Dass der Computer ein Kriegsspielzeug ist, zeigt sich ja zum Beispiel in der Sprache: den Befehlen» возможно от-

нести к двум разным тематическим группам и, соответственно, разным семантическим полям: «человек как высшее разумное существо» и «знание и информация».

2. Изречение «In einer dunklen Nacht zeugten *Erinnerung* und *Vergessen* die Sprache» находится на границе двух семантических полей «человек как высшее разумное существо» и «время, изменение времени».

Процесс семантического анализа афоризмов мы проводили по следующим этапам:

1. Выделение ключевых слов/лексем: Traum – Im Traum aufgeschnappt: Nur die Geschichten, die eine Zahl haben, überleben. Aphorismus – Jeder Aphorismus ist die Spitze eines Eisbergs an inneren Gesprächen.

2. Объединение ключевых компонентов в тематические группы.

3. Сведение тематических групп к семантическим полям.

4. Анализ состава полученных семантических полей.

Изучение ключевых слов и соответствующих им лексических единиц в книге афоризмов Э. Шенкеля «Когда я опаздывает», содержащей 337 изречений, позволяет нам определить следующие основные семантические поля: «человек как высшее разумное существо», «язык и речь», «мир бытия», «жизнь», «управление», «знание и информация», «культура, ментальность» и «время, изменение времени».

Особый интерес, на наш взгляд, вызывают семантические поля «язык и речь» и «культура, ментальность», отражающие личностную картину мира автора, являющегося заядлым путешественником, мастером слова – талантливым писателем, автором многих статей, рассказов, затрагивающих проблемы литературоведения и лингвистики.

1. Семантическое поле «человек как высшее разумное существо» включает 153 изречения. Оно образовано следующими тематическими группами, включающими определённые лексические компоненты:

- Человеческие взаимоотношения реализованы в лексемах «wir», «Polygamie», «Missverständnis», «Alte», «Junge», «Jugend»: Ein Missverständnis ist es auch, wenn die Alten glauben, über die Jungen urteilen zu können, weil sie diese irgendwie in sich enthalten. Von Enthalten kann keine Rede sein, allenfalls in dem Sinn, wie man eine leere Hülse mit sich herumträgt. Die Alten sehen nur noch die Schalen der Jugend. Dasselbe gilt natürlich auch umgekehrt (1).

- Детство, как период становления и формирования личности, заключено в лексемах «Kind», «Ferienbeginn», «Schule»: Das Kind eines deutsch-asiatischen Paares: „Ich bin überall Ausländer. In Japan, in Amerika, in Deutschland.“ Nach einer kurzen Pause: „Ich weiß, was ich bin. Ich bin ein Ichländer“ (2).

- Игрушки, как атрибут детства, находят свое отражение в лексемах «Kriegsspielzeug», «Spielzeuge», «Computer»: Zuerst wird das Kind die teuren und komplizierten Spielzeuge zerstört (3).

- Тело, физическая оболочка, организовано лексемами «Gegenstände», «Leib / Leiber», «der Körper»: Das Werk, ein zweiter Leib. Die Unzufriedenheit mit dem ersten Leib treibt den Künstler dazu, sich einen zweiten, wenn man will, auch unendlich viele Leiber zu erschaffen. Sie sollen ein eigenes Nervensystem ausbilden und mit der Welt auf neue Art korrespondieren (4).

- Самочувствие представлено бинарной оппозицией здоровье – болезнь и лексемами «Krankheit», «Gesundheit», «Virus», «Kreislaufstörungen». К данной тематической группе относится также настроение, реализованное ключевым словом «Stimmung»: In einer Gesundheitsdiktatur. Hier wird das Essen in Restaurants nicht nach den Wünschen der Gäste gereicht, sondern nach ihrem Gewicht und ihrem biologischen Zustand zugewiesen (5).

- Самосознание человека включает лексемы «sein», «ich», «Bewusstsein»: Was soll nur Bewusstseinserweiterung? Hat der Geist über seine Verhältnisse gelebt und will den Gürtel nicht enger schnallen? (6).

- Идентификация себя по отношению к миру и себя в этом мире представлена в лексемах «einander», «Selbstfindung», «Traum-Ich», «Wach-Ich», «Identität», «sich erkennen», «sich identifizieren», «Identität»: Heute heißt es nicht mehr: *Erkenne dich selbst*, sondern: *Identifiziere dich* vor der Maschine. Dein Mantra sei dein Passwort (7).

- Размышления, процесс порождения мыслей, включают лексемы «denken», «Gedanken», «Verstehen», «Missverstehen»,

«erzählen», «Denken»: Darauf achten, ob man wiederverwendbare Gedanken produziert. Wer nichts mehr zu erzählen hat, muss mit allem rechnen (8).

- Философия, занимающаяся исследованием процессов проблем осознания бытия и места человека в этом мире, реализована в ключевых словах «Philosoph», «philosophieren»: Kann man in einem hochklimatisierten, mit Reichtum glänzenden Gebäude philosophieren – so wie in einem verfallenen Haus oder einem alten Caf? (9)

- Психиоанализ представлен лексемами «Psychoanalyse», «Psychoanalytiker»: Eintragung in ein Lexikon der Zukunft: *Psychoanalyse* – begründet von S. Freud (q.v.), jüngerer Zweig der griechischen Mythologie (q.v.) (10).

- Память, включающая бинарную оппозицию¹ воспоминания – забвение, заключена в опорных лексемах «Erinnerung», «sich erinnern», «Vergesslichkeit», «Vergessen»: Ich: Zustand von *Vergesslichkeit* (11).

- Мир грёз, иллюзий – основополагающих процессов творения и создания, находящихся на грани реального–ирреального, представлен ключевыми компонентами «Traumdiktator», «Traum/Träume», «Träumer», «Wecker», «Phantasie», «Wünsche», «Scheherazade» «Flucht vor der Wirklichkeit», «Signal einer anderen Wirklichkeit», «aufwachen», «wünschen», «träumen», «erträumen», «erwachen»: Ihr Werk war ein einziges Plagiat ihrer Träume. „Ihrer“ Träume? (12) In welchem der vielen Betten, die ich *erträumte*, werde ich *erwachen*? (13).

- Мир реальности, справедливости, морали, противопоставленный миру грёз, находит своё воплощение в лексемах «wahrhaft», «Wahrnehmungsform», «Realisten», «Realität», «Wirklichkeit», «Realen», «Gerechtigkeit», «Moral», «Flucht», «Blindheit»: Die Realität ist ständig auf der Flucht – vor dir (14).

- Мистика как мир, не постижимый человеческим разумом, реализована в лексемах «Mystik», «Mythologie», «Mystiker», «Mythos», «Kommunikationen mit den Toten»: Wenn *Mystik* inkognito geht, wählt sie das Paradox (15).

- Любовь как чувство, находящееся за гранью человеческого разумного понимания, заключено в лексемах «Liebe», «einverleiben» u «Verliebtheit»: Es gibt auch verschiedene Formen von Blindheit, etwa die der Liebe und die der Gerechtigkeit (16).

Мы видим, что семантическое поле человеческого разума действительно обширно, разносторонне, содержит много противопоставленных, но не исключающих, а подразумевающих друг друга тематических групп и лексем. Возможно, что такой нескончаемый интерес к природе человеческого мышления, соотношения реальности и виртуальности, мистики и здравого психиоанализа заключен в самой человеческой сути. Данная сфера знания изучается с древних времён по наши дни, но с каждым новым исследованием к поставленным вопросам «проявляются» очертания ответов и возникают новые задачи, новые проблемы, возникает очередной материал для изучения. Игнорировать новые вопросы и задачи недопустимо, так как их неверный анализ или недостаточное изучение может сбить учёного с пути к «истине». Одно можно сказать с уверенностью, что именно разум, разумное мышление, способность к самоанализу и самооценке позволяют нашему обществу развиваться и эволюционировать. Поставленные перед наукой задачи стимулируют процессы мышления, восприятия и обработки информации. Вероятно, что сама цель человеческой жизни – это вечный поиск ответов.

2. Семантическое поле «жизнь» построено на 86 мудрых высказываниях, которые могут быть разделены по следующим темам:

- Жизнь как философская категория реализована лексемами «Leben», «Ontologie», «Tage», «Erfahrungen», «Erinnerung», «die schönen Momente», «Vergangenheit», «Kindheit», «Neues erschaffen», «Anfang», «Mitte des Lebens», «Hälfte des Lebens», «Ende», «leben», «erreichen»: An der Universität belegte er das Fach *Ontologie*, im *Leben* widmete er sich aber mehr der *Kontologie* (17). Im Nachhinein: die bösen *Erfahrungen* höhnen die *schönen Momente* der *Erinnerung* aus. Wie ein Lauffeuer verbreitet sich die Nachricht in der *Vergangenheit* (18). Wer mit dem *Anfang* lebt, *erreicht* das *Ende* (19).

- Смысл жизни представлен конструкциями «Das Leben besteht in», «Der satte Sinn», также противопоставлением «sinnleere Welten» – «sinngesättigte Welten»: *Sinngesättigte Welten* sind ge-

¹ Бинарная оппозиция – это оппозиция, в которой один компонент семантически противопоставлен другому, но при этом является его неразрывной частью. Познание и исследование одного компонента обязательно затрагивает ему противоположный.

nauso gefährlich wie *sinnleere Welten*. Der *satte Sinn* schlägt immer in Gewalt um, wie der leere (20).

- Смерть как неотъемлемый компонент бинарной оппозиции «жизнь – смерть» описана лексемами «*Tod*», «*die Toten*», «*Trennung von Geist und Körper*», «*die Spiritisten*», «*lebendig*», «*töten*», «*Auferstehung*», «*Vergeisterung*» и сочетанием, построенным на сходстве по признаку тишины «*Friedhöfen und Bibliotheken*». Die Ähnlichkeit von *Friedhöfen* und *Bibliotheken*. (21) Erst heilt die Zeit vieles. Dann *tötet* sie – alle (22).

- Цель – это необходимое условие жизни, которое заключено собственнo в лексеме «*Ziel*», лексеме «*Straßen*» как пути к цели и глаголе «*vornehmen*» для выражения своих намерений: Wo ein *Ziel* ist, ist auch kein *Weg* (23).

- Путь – это процесс движения к цели, который выражен в лексемах «*Weg*», «*Ziel*», «*Straße*», «*Bewegung*», «*Halbschlaf*», «*Wiederholung*», «*Straßen bauen*», «*Überraschung*», «*Wege machen*», «*der unbefestigte Weg*», «*den Weg befestigen*», «*in die Wege eingebaut sein*», «*unsinnig*», «*sich bewegen*», «*sich wiederholen*», «*gehen*», «*mitnehmen*», «*verlieren*», «*zur Straße machen*», «*Bahnhof*», «*Züge*», «*Straßenbahn*», «*Haltestelle*», «*Nummer*», «*Fahrt*», «*Asphalt*», «*Highway*», «*Bewegung*», «*Wegedienst*», «*Autobahn*», «*Loch*», «*einsteigen*», «*fahren*», «*Entfernung*», «*rasen*»: Wer den *Weg* aus den Augen verloren hat, hat plötzlich auch kein *Ziel* mehr (24). Das weiße Papier vor dir ist ein *Bahnhof* (25). Wie eine *Straßenbahn* durch die *Haltestelle* fuhr – ohne *Nummer*, ohne *Ziel*. Keiner stieg ein. Ich hatte es eilig und *stieg ein*. Wohin? (26) Die *Straße* sagt: nichts ist unsinniger als die *Entfernung*. Sie sagt: Ohne das *Ziel* bin ich nichts (27).

- Середина как обозначение половины пройденного пути передана собственнo лексемой «*Mitte*»: Die Wahrheit liegt in der *Mitte*, sicherlich. Aber nur von den Extremen her ist sie zu sehen. Die *Mitte* selbst ist blind (28). Er zielt immer auf die *Mitte*. Was hat die *Mitte* denn dir Böses getan, fragt der Meister (29).

3. Семантическое поле «**культура, ментальность**» охватывает 69 изречений, посвящённых следующим тематическим блокам:

- Культурное развитие отражает прогресс цивилизации и представлено следующими ключевыми словами: «*Literatur*», «*Kunst*», «*Kultur*», «*Erziehung*», «*Kulturgut*», «*Staat*»: Phantom-schmerzen einer *Kultur*. Das Ich begibt sich fortwährend in die Regionen, die amputiert wurden (30).

- Искусство, виды искусства как составляющие культурного наследия зафиксированы в лексемах «*Weltall*», «*Fernsehen*», «*Fotografie*», «*Film*», «*Filmstars*», «*Malen*», «*Schreiben*», «*Humor*», «*Kunst*», «*Sprachrohr*», «*Trompete*», «*Marschmusik*», «*Wiederholung*», «*Echo*», «*Musik*», «*Zeichnen*»: *Malen* und *Schreiben* sind ungesellig, nicht dagegen die *Fotografie*. Deshalb ist sie auch so weit verbreitet (31). Zuerst *Sprachrohr*, dann *Trompete*, schließlich *Marschmusik* (32). Beim *Zeichnen*: der Raum zeichnet sich selbst, wenn ich mich aus dem Spiel lasse (33).

- Тематическая группа «литература» объединяет такие подтемы, как книги, чтение, литературные жанры, реализованные в следующих словах: «*Lesen*», «*Bücher*», «*Buchtitel*», «*Roman*», «*Erzählen*», «*Aphoristiker*», «*Aphorismus*», «*Essay*», «*Krimi*», «*Leser*», «*Bibliothek*», а также именами собственными немецких авторов Гёте и Витгенштейна: Die besten *Bücher* sind die, bei denen man das *Lesen* verlernt (34). Variation eines alten Dilemmas: Alle *Aphorismen* lügen (35). Variationen zu *Wittgenstein*: Wovon man nicht reden kann, davon soll man schreiben. Wovon ich nicht reden kann, davon sollst du zumindest du schweigen (36). Einen *Krimi* schreiben, in dem der *Leser* der Mörder ist. Variation: ein *Krimi*, der so langweilig ist, dass der *Leser* zum Mörder wird (37).

- Религия как форма ментальной духовности, основы культурного мировоззрения выражена следующими ключевыми словами: «*Religion*», «*Gott*», «*Heiligtum*», «*Götter*», «*Juden*», «*Christen*», «*Tempel*», «*Gott*», «*Satan*», «*Gott*», «*Ekstase*», «*Theologie*», «*Buddhismus*»; лексемой «*Engel*» – *высшего существа, наблюдающего за человечеством*, лексемой «*Bibel*» – *основы христианской религии*: *Religionen*: Die Berge sind verschieden, die Gipfel gleich (38). Die Menschen sollen die Stundenpläne von *Gott* abschreiben! (39) Was sagt die *Bibel* zum Internet? „Alle, die da Netze weben, werden erleichen“ (Is. 99.9) (40).

4. Семантическое поле «**язык и речь**» включает в себя 58 изречений и охватывает следующие тематические группы:

- Строй языка образован лексемами «*Sprache*», «*die einzelnen Buchstaben*», «*ein langer Satz*», «*die Substantive*», «*Schlagwörter*», «*die Grammatikampel*»: Man schneidet die Übergänge aus der *Sprache* heraus und isoliert die *einzelnen Buchstaben*. Dadurch

wird die Sprache nicht nur unverständlich, sondern dämonisch (41). Eine neue Epoche bricht an, wenn die *Substantive* kippen (42).

- Особенности перевода заключены в лексемах «*Übersetzer*», «*Texte zum Fremdgehen*», «*Übersetzungsvorgang*», «*Übersetzung*», «*Text*», «*Ursprungssprache*», «*das ungeschriebene Original*», «*sich annähern*»: Moral des Übersetzers: *Texte zum Fremdgehen* ermuntern (43). *Übersetzungsvorgang*: nacheinander verschiedene Fenster öffnen (44).

- Коммуникация, средства массовой информации реализованы лексемами «*die elektronischen Medien*», «*der Wetterbericht*», «*Fernsehen*», «*die Medien*», «*eine globale Kommunikation*», «*Signale*», «*sprachlos*»: Kein Wunder, dass die *elektronischen Medien* so heißen: sie sind äußerst sensibel für okkulte Vorgänge. Je höher die Komplexität, desto höher die Wahrscheinlichkeit, dass sie mit anderen komplexen Formen von Intelligenz sich verbinden wollen (45).

- Особенности языка и речи описаны лексемами «*eine fremde, unverständliche Sprache*», «*eigene Sprache*», «*Sprache*», «*Stimmbereich*», «*Zuhörer*», «*Redner*», «*reden*», «*Schwierigkeiten mit der Sprache*», «*Sprachlosigkeit*», «*der Ursprung des Schreibens*», «*Schreiben ohne Sprache*», «*Sprachkritiker*», «*Sprachkritik*», «*Gebäude der Sprache*», «*Wahrnehmungskanäle der Sprache*», «*Purist*», «*im Speicher der Sprache*», «*Wörtern*»: *Schwierigkeiten mit der Sprache*: erste Bedingung, sie nicht im Stich zu lassen (46). *Sprachlosigkeit* ist nicht nur der Ursprung des Schreibens, sie ist auch das *Ziel*: *Schreiben ohne Sprache* (47).

- Тематическая группа «письмо и переписка» является составляющим компонентом человеческого общения, обмена информацией и творчества, реализующим наши языковые и речевые умения, представлена в следующих лексемах: «*Handschrift*», «*Post*», «*schreiben*», «*schreibereiter Füller*», «*Künstler*», «*Lebenswerk*», «*Vielschreiberei*», «*Plagiat*», «*Medium*», «*Ghostwriter*», «*korrespondieren*», «*Werk*», «*Enzyklopädie*», «*Versandung*», «*Brief*», «*Maschinenschrift*»: Die *Handschrift* ist dem unbefestigten *Weg* verwandt, der durch Wettersturz, Erdbeben oder Pöbeleien sehr schnell seine Gestalt verlieren kann. *Maschinenschrift* befestigt den *Weg* und macht ihn zur *Straße* (48).

5. Семантическое поле «**мир бытия**» охватывает 56 афоризмов и афористических высказываний и представлено в следующих тематических группах:

- Окружающий мир (природа, погода, звери) описан лексемами «*die Umweltverschmutzung*», «*Sonnenuntergang*», «*relativ*», «*Relativitätstheorie*», «*es dämmt*», «*Regenschirm*», «*Regen*», «*Wasser*», «*Fußspuren*», «*Wind*», «*Delphine*», «*Wale*»: Je höher die *Umweltverschmutzung*, desto schöner der *Sonnenuntergang*. (49) Alles ist *relativ*, sagte der Philosoph, nur nicht meine *Relativitätstheorie* (50). Es gibt nur ein sicheres Mittel, den *Regenschirm* nicht zu vergessen, und das heißt: *Regen* (51).

- Планета как место обитания человека выражена лексемами «*das Kennzeichen unseres Planeten*», «*den ganzen Globus*», «*auf der Erde*», «*auf dieser Erde*», «*global*»: *Auf der Erde* gibt es bald keine *Fußspuren* mehr, weil es keine Orte mehr ohne sie gibt (52).

- Путешествия (отель/гостиница) как способ познания окружающего мира представлены лексемами «*Hotel*», «*Abfahrt*», «*Welt*», «*sammeln*», «*Ort*», «*Sammlung*», «*Reise*», «*Reisetagebuch*», «*das Reisen*», «*die Tatsache*», «*nichts Neues*», «*der Reisende*», «*beobachten*», «*jeder Reisende*», «*wohin gehen*», «*woher kommen*», «*unterwegs*», «*die Bewohr eines fremden Landes*», «*auf die / der Reise*», «*das Interesse*», «*einpacken*», «*Tourismus*», «*der Rückkehrende*», «*nach jeder Reise*», «*das Klicken der Kameras*», «*reisen*», «*bleiben*»: Jeder *Reisende* hat ein ganz banales Geheimnis: *wohin geht er, woher kommt er* und warum ist er *unterwegs*? (53) Wer *reist*, notiert; wer *bleibt*, wird stumm (54).

- Дистанция как символ пространства описана лексемами «*Ferne*», «*die Distanz zwischen Anfang A und Ende B*»: Je mehr *Ferne* in die Wege eingebaut ist – je größer also die *Distanz zwischen Anfang A und Ende B* –, desto mehr werden die Sinne vernachlässigt. Es ist, als bewege man sich auf eine Welt jenseits der Sinne zu (55).

- Мир как универсум воспроизводится лексемами «*ändern*», «*sich ändern*», «*Welt*», «*Raum*», «*Umwelt*», «*die Unendlichkeit*», «*das Universum*»: Es soll einst eine *Welt* gegeben haben. Heute müssen wir uns mit der *Umwelt* begnügen (56).

6. Семантическое поле «**знание и информация**» образуют 9 тематических групп, образованных 49 афоризмами и афористическими высказываниями:

- Обладание знаниями реализовано лексемами «*Wissen*», «*Unwissen*», «*Nicht-Wissen*», «*wiederverwendbar*», «*Begriff*», «*be-*

griffen», «Erkenntnis», «Lernen», «Vergessen», «Lust am Lernen», «Information»: Wie kommt das Wissen zurück in den Menschen? (57) Wer alles auf den Begriff bringen will, hat nichts begriffen (58).

- Поле информации образовано лексемой «Information»: Der Gegensatz von Wissen ist nicht mehr Unwissen, sondern Information (59).

- Учебное обучение как способ получения знаний образовано лексемами «Universität», «Fach», «Fehler», «Lehrer», «Seminare»: Du machst noch zu wenig Fehler, sagte der Lehrer (60).

- Наука как прогресс развития знаний и технологий заключена в лексемах «Theorie», «Archäologe», «feststellen»: Die erstaunlichste Ähnlichkeit zwischen Theorien und Witzten besteht darin, dass man sie in kürzester Zeit vergisst (61).

- Профессия описана лексемами «Beruf» и «spezialisieren»: Neuer Beruf: Wissensvernichter. (63) Sich auf das Nicht-Spezielle spezialisieren (62).

- Запах как способ восприятия мира содержится в лексемах «Volksmundgeruch» и «Geruch»: Wo es einen Volksmund gibt, da gibts auch einen Volksmundgeruch. (63) Welche Gedanken in einem Geruch verborgen liegen (64).

- Компьютер как центр и источник сосредоточения информации и информационных технологий представлен лексемами «Computer», «Software», «Softbrain», «Internet», «ablösen», «Austauschbarkeit», «Computerisierung», «Systeme integrieren», «Archivierungskünsten», «Speicherungsmöglichkeiten», «Befehlen», «Auslöschung», «Dateien», «auslöschen», «Bildschirm», «digital», «die elektronischen Medien», «sich verbinden», «(die) totale Mobilmachung», «Eingaben», «Eingebung», «Maschinen», «meditieren»: Der Weg ist kurz von Software zu Softbrain (65).

- Техника и оборудование как способы развития информационных технологий и их реализации заложены в лексемах «Mikroelektronik», «Raumflug», «die elektronische Revolution», «Speicherungsmöglichkeiten», «Techniken», «Telefon», «Geräte», «Fernsehen», «Maschine»: Geräte binden die Aufmerksamkeit. (66) Die Maschine zeigt dem Menschen, was ihm fehlt (67).

- Математика как составляющая информатики, информатизации представлена в лексемах «Mathematisierung», «rechnen», «Zahlenwelt»: Mathematisierung, eine höhere Form der Infantilisierung. (68) Die vollständige Mathematisierung des Lebens ist das letzte Kapitel in der Herrschaft des Verstandes über die Natur. Wenn alle Systeme integriert sind, können wir mit dem großen Umschlag rechnen (69).

7. Семантическое поле «время, изменение времени» включает в себя 33 афоризма и охватывает следующие тематические группы:

- История, охватывающая революции, войны, отражает наше прошлое и образовано ключевыми словами «Kulturschichte», «historisch», «Geschichte», «geschehen», «Vergangenheit»: Geschichte ist eine intelligente Krankheit, die sich selbstständig: sprachbegabt und kombinierfreudig, ein Virus, den die Menschen nie besiegen werden (70).

- Время как линия от прошлого к будущему (прошлое, настоящее, будущее), дающее возможность хронологического анализа событий, реализовано лексемами «Gegenwart», «Vergängliche», «Vergangenheit», «Zukunft», «Hoffnung»: Gegenwart: eine subtile Form der Hypnose (71). Nur das Vergängliche überdauert die Zeit (72).

- Часы, отражающиеся в лексемах «Uhr» и «Digitaluhr», измеряют время, символизируют его и противопоставляются ему: Die Zeit ist eine Linie, doch die Uhr ist rund (73). Seit wir Digitaluhren haben, wissen wir: es gibt keine Geschichte mehr (74).

- Утро, день, ночь – части суток, временные промежутки – реализованы ключевыми словами «Tag», «Nacht», «morgens», «Morgentoilette»: Der Tag ist lang, das Leben ist kurz (75).

- Восприятие времени человеком отражается в лексемах «leben», «dämmern», «Linie», «Lasso», «Ende», «Anfang», «Punkt», «erscheinen», «Ewigkeit», «Zeitgenosse», «Zeit», «Zeitnutzung», «Mitte des Lebens», «Verständnis der Zeit», «Hälfte des Lebens», «Kindheit», «pausenlos», «Zeitmesser»: Die Zeit ist keine Linie. Sie bildet vielmehr Beutel und Knoten, sie schnürt ein oder fliegt wie ein Lasso. Am Ende winkt sie mit Anfängen (76).

- Новый год как начало нового этапа отражен в лексеме «Neujahrstag», «Anfang», «Null», «anfangen»: Eine Welt, in der am

Neujahrstag alle Menschen wieder von Null anfangen müssen. Jedes Jahr sind am Anfang alle gleich (77).

Время есть во всём, в каждом предложении, содержащем глагол, мы обнаруживаем указания на временной интервал и на состояние предмета речи.

Афоризмы, представляющие собой именные односоставные предложения, кажутся застывшими в воздухе, вечно актуальными истинами.

8. Семантическое поле «управление» базируется на 15 высказываниях, распределённых по нескольким тематическим группам:

- Государство как высшая форма организации управления описано лексемами «Staat», «Gesetzgebung», «Steuern», «Institutionen», «Guillotine». «Bundesrepublik», «Ameisenstaat»: Ein Staat, in dem alles durch Hypnose geregelt würde: Gesetzgebung, Steuern, Verkehr, Medien, Erziehung, Literatur, Kunst (78).

- Власть как обязательная составляющая управления и формы государства реализована в лексеме «Macht»: Wissen ist Macht? Aber Macht ist Wissen. (79) Unwissen ist Macht. Wissen ist Ohnmacht. (80) Einst hieß es, die Phantasie an die Macht! Doch wieder einmal kam die Macht an die Phantasie (81).

- Управление рынком, деньгами и производством представлено такими ключевыми словами, как «Einlösen», «Scheck», «Industriegebieten», «Markt», «Schlachtfeld», «Taschendieb», «Kraftwerk»: Die Fahnen an Tankstellen und in Industriegebieten. Der Markt ist ein Schlachtfeld (82).

Незначительная часть афоризмов содержит лексемы «любовь», «музыка», но любовью к языку и людям пронизаны сами афоризмы Шенкеля, они сами являются «музыкой» для нашего восприятия и размышлений.

Результаты проведённого анализа свидетельствуют о сложной семантической организации афоризмов. Распределение их по тематическим группам с опорой на ключевые слова оказывается практически невозможным. Во многих случаях тематические группы образованы не схожими по своему толкованию словами, однако, в высказываниях Э. Шенкеля они приобретают дополнительный смысл, что позволяет расширить семантическую структуру данных слов. Поиск семантических полей стал возможен благодаря многоэтапному семантическому анализу афоризмов. Зачастую нами обнаруживались бинарные оппозиции в составе одной тематической группы. Опираясь на обнаруженные примеры, мы можем полагать, что тематическая группа может быть образована не только словами, совпадающими по своему стержневому значению, как утверждала О.С. Ахманова [4], но и включать противоположные по своей семантике лексемы, характеризующие одно явление или предмет.

Данное явление объясняется тем, что лексема в (художественном) тексте может не совпадать по своему значению с лексемой в языковом поле [5, с. 156].

Чаще всего бинарной характеристике подвергаются абстрактные, философские понятия, что, например, находит отражение в двусмысленном понимании Э. Шенкелем времени. Автор демонстрирует двойное отношение к данному явлению. Мы встречаем не лексическую бинарную оппозицию, а афористическую. Сравним изречение № 73 «Die Zeit ist eine Linie...» и № 76 «Die Zeit ist keine Linie...»

Количество афоризмов в одной тематической группе может варьироваться в зависимости от восприятия реципиента, его картины мира, представлений о человеческих ценностях. Афоризмы Шенкеля – неисчерпаемый фонд для размышления и лингвистического анализа. Даже самый искушённый и критически настроенный читатель будет сражён широтой и меткостью высказываний, зачастую имеющих «сверхкраткую» структуру.

В нашем исследовании мы предприняли попытку семантической и тематической организации (классификации) сборника афоризмов Э. Шенкеля, что позволит провести их дальнейший литературный и лингвистический анализ, а также упростит изучение данного сборника. Настоящая статья также позволяет ознакомиться с современной немецкоязычной афористикой и творчеством Эльмара Шенкеля.

Библиографический список

1. Schenkel E. Ichverspätungen. Notizen und Aphorismen. *Когда «Я» опаздывает. Заметки и афоризмы.* Казань, 2006.
2. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства. *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995).* Москва, 2000.

3. Королькова А.В. *Русская афористика в контексте фразеологии*: диссертация... доктора филологических наук. Смоленск, 2005.
4. Ахманова О.С. *Словарь лингвистических терминов*. Москва, 2004.
5. Степанова Ю.В. К вопросу об индивидуально-авторских лексико-семантических полях как способах репрезентации понятия «образ автора» в романе М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита». *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов, 2015; Ч. I, №1 (43): 156-166.
6. *Современный русский язык*. Под ред. В.А. Белошапковой. Москва, 1999.

References

1. Schenkel E. Ichverspätungen. Notizen und Aphorismen. *Kogda «Ya» opazdyvaet. Zametki i aforizmy*. Kazan', 2006.
2. Zemskaya E.A. Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства. *Russkij yazyk konca XX stoletiya (1985 – 1995)*. Moskva, 2000.
3. Korol'kova A.V. *Russkaya aforistika v kontekste frazeologii*: dissertaciya... doktora filologicheskikh nauk. Smolensk, 2005.
4. Ahmanova O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov*. Moskva, 2004.
5. Stepanova Yu.V. K voprosu ob individual'no-avtorskikh leksiko-semanticheskikh polyah kak sposobah reprezentacii ponyatiya «obraz avtora» v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita». *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov, 2015; Ch. I, №1 (43): 156-166.
6. *Sovremennyy russkij yazyk*. Pod red. V.A. Beloshapkovoj. Moskva, 1999.

Статья поступила в редакцию 11.02.15

УДК 82-3

Тюленева Ю. О., postgraduate (third year), specialty code: 10.01.01 "Russian literature", Department of History of Literature and Folklore, Kurgan State University; teacher of Russian language and literature, Kurgan Secondary and High School No.50 (Kurgan, Russia), E-mail: heil38@mail.ru

FEATURES OF AUTOBIOGRAPHY IN THE PROSE OF ANDREY RUBANOV. The research paper discusses the problem of specificity of creation of an autobiographical character in works by a contemporary novelist Andrey Rubanov. The main contents of the research is an analysis of the following novels: "Plant and It'll Grow" and "The Great Dream", as well as the stories from a collection book "Shameful Deeds". The work is based on the study of these texts and shows that a key characteristic of an autobiographical character by Rubanov is the maximum similarity with the author himself and that the stories by Rubanov are actually autobiographical novels, which are based on the events from the life of the writer. This conclusion of the article's author reveals the creative concept of Rubanov: literary works should be created only on the material, which is well known to the writer. The author believes that the autobiographical character of Rubanov is also an attempt of the writer to draw a portrait of "the lost generation", i.e., the Russian youth, whose worldview was formed in the period of change of the political system in Russia in the late twentieth century: from socialism to capitalism.

Key words: autobiographical style, artistic image, autobiographical character, autobiographical novel.

Ю.О. Тюленева, аспирант третьего года обучения по специальности 10.01.01 «Русская литература» кафедры истории литературы и фольклора ФГБОУ ВПО «Курганский государственный университет»; МБОУ г. Кургана «СОШ № 50», учитель русского языка и литературы, E-mail: heil38@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АВТОБИОГРАФИЗМА В ПРОЗЕ А. РУБАНОВА

В данной статье рассматривается проблема специфики создания автобиографического героя в творчестве современного прозаика Андрея Рубанова. Основное содержание исследования составляет анализ следующих произведений писателя: романов «Сажайте, и вырастет» и «Великая мечта», а также рассказов из сборника «Стыдные подвиги». На основе изучения указанных текстов установлено, что ключевой характеристикой автобиографического героя Рубанова является его максимальное сходство с автором и что сюжеты автобиографических произведений писателя основаны на событиях, происшедших в жизни самого прозаика. Это обусловлено творческой концепцией Рубанова: литературные произведения должны создаваться только на том материале, который хорошо известен писателю. Автор приходит к выводу, что автобиографический герой Рубанова также является своеобразной попыткой прозаика нарисовать портрет «потерянного поколения», то есть русской молодежи, чье мировоззрение формировалось в период смены политического строя в России конца XX века: от социализма к капитализму.

Ключевые слова: автобиографизм, художественный образ, автобиографический герой, автобиографический роман.

Одной из проблем исследования современной прозы является проблема поиска героя. Литературоведы и критики постоянно пытаются найти произведение, главный герой которого станет знаковым для современности, или писателя, чье творчество всесторонне передаст специфику русской действительности первых десятилетий XXI века [1]. В этом отношении автобиографический герой Андрея Рубанова занимает свою нишу в системе современных героев.

Автобиографические произведения характеризуются рядом общих признаков: установкой на воссоздание истории индивидуальной жизни, идентичностью автора и повествователя, или повествователя и главного героя [2]. Понятие «автобиографический герой», на наш взгляд, имеет синтетический характер. Мы в него включаем: образ автора (автор, по М.М. Бахтину, – «носитель напряженно-активного единства завершенного целого, целого героя и целого произведения, трансгрессионного каждому отдельному моменту его» [3, с. 16]), собственно героя текста и писателя как реально существующей личности. Таким образом,

автобиографический герой находится на границе собственно художественного пространства текста и реальной действительности.

Одной из ключевых черт творчества современного прозаика Андрея Рубанова является автобиографизм. По мнению Андрея Викторовича, писать книги нужно только о том, что хорошо известно автору. «Я работаю только на собственном материале, ни в коем случае не с чужих слов. <...> Либо я использую то, что со мной уже происходило раньше, а если ещё нет, то я делаю так, чтобы это произошло, и только потом перекладываю это на бумажку» [4].

По словам Рубанова, его творчество о человеке: «Пишешь всё время о человеке, и только о нём» [5]. В своих книгах писатель исследует в первую очередь внутренний мир героя нового типа, который является воплощением эпохи 1990-х гг., отражённой в мировоззрении человека.

Вместе с тем реалистические книги Рубанова содержат описание российской действительности 1990–2010-х гг. Одни из

них основаны на реальной биографии писателя – «Сажайте, и вырастет», «Великая мечта», «Йод», сборники рассказов «Тоже Родина», «Стыдные подвиги» и описывают события, которые происходили в жизни самого прозаика. Имя героя данных книг созвучно имени автора, повествование ведётся от первого лица. Другие же не имеют связи с событиями из жизни автора, – романы «Жизнь удалась», «Готовься к войне», «Психодел». Повествование в них ведётся от третьего лица, а главным героем является не Андрей Рубанов, т. е. образ, максимально приближенный к автору, а иные персонажи.

Два первых романа писателя «Сажайте, и вырастет» и «Великая мечта», а также сборник рассказов «Стыдные подвиги» с разных сторон описывают три основных периода из жизни рубановского героя: поиск себя в «лихие» 90-е, занятие бизнесом, заключение в тюрьме. Именно эти события стали ключевыми в формировании личности прозаика и главного персонажа его автобиографических произведений.

По словам Рубанова, он воплотился в герое этих произведений на девяносто процентов из ста: «Если говорить об автобиографических книгах, то меня в них на девять десятых» [5]. Сходство Рубанова-прозаика и его автобиографического героя проявляется в следующем:

1. Герой носит полное имя автора – Рубанов Андрей Викторович.

2. Рубанов-персонаж во многом дублирует биографию Рубанова-писателя. Он также родился на юге Московской области в семье сельских учителей, детство провёл в деревне. В подростковом возрасте Андрей переехал в город Электросталь. После окончания школы перебрался в столицу, чтобы поступить в Московский государственный университет на факультет журналистики, мечтал сделать карьеру. Учёбе помешала служба в армии (по набранному на вступительных экзаменах баллам Андрей прошёл только на вечернее отделение), после возвращения из которой герой попадает в совершенно другую страну, где, в отличие от Советского Союза, стать успешным журналистом без связей и материальной поддержки было практически невозможно. Рубанов-персонаж бросает учёбу и решает заняться бизнесом, но это получается у него не сразу. Несколько лет проходят в мучительных поисках «золотой жилы», с помощью которой можно разбогатеть. В итоге герой создаёт собственный банк, деятельность которого незаконна. По этой причине юноша-бизнесмен в итоге оказывается в тюрьме, где проводит три года.

3. Автобиографический герой Рубанова перенимает даже внешность писателя. Хотя полного портрета Рубанова-персонажа нет ни в одном из исследуемых нами произведений, но по отдельным описаниям мы можем легко узнать в герое самого писателя. Например, герой-подросток в рассказе «Брусли» так описывает свои уши: «Да, они большие и торчат...» [6, с. 11].

4. Автобиографическому герою свойственны многие черты характера Рубанова-прозаика:

А) По типу темперамента Рубанов-герой, как и сам писатель, – холерик: «Сам я родился и вырос типичным холериком – такая психика, ничего не подделаешь» [7, с. 15].

Б) Своим главным грехом автобиографический герой Рубанова считает гордыню: «Знаю доподлинно: я смертный грешник, обаянный гордыней, и меня следует наказывать...» [7, с. 158]; «Её мир, сильный и цветной, сейчас пытался вылечить меня от самого главного моего порока, застарелого, хронического: от гордыни» [6, с. 164-165].

В) Герой Рубанова очень самолюбив. Именно неудовлетворённое самолюбие всё время заставляет его двигаться вперёд. Благодаря этой черте характера Рубанов-герой смог разбогатеть, решиться на обман государства в 1990-е гг., создать свой банк. Прокладывая путь к своему первому миллиону, он так выражал собственные желания: «Хотелось прогнеть. Осчастливить человечество. Усовершенствовать Вселенную. Конвертировать личный гений в его доказательство. Вычислить секретную формулу, гарантирующую счастье всех людей. Получить за это Нобеля, Оскара, Букера, Пулитцера. И денег.

Хотелось женщин, автомобилей, коньяков. Хотелось приключений, драк, путешествий по краю. Риска. Хитрого манёвра. Удачи. И денег.

Хотелось положить всю планету перед собой, словно горячий кровавый бифштекс, разрезать и сожрать» [7, с. 27].

Г) Рубанову-герою, как и автору, присущ «неудовлетворённый комплекс миллионера» [8]. Он всё время в окружении денег.

Д) Рубановский герой непрерывно исследует свой внутренний мир, при этом постоянно критикует собственные суждения,

причём с огромной долей иронии: «...проклинаешь себя – беспонтового, бестолкового, безмозгового лузера, недальновидного кретина, легкомысленного придурка, легковесного чмыря, глупца и неврастеника» [7, с. 319]. Герой постоянно копается внутри себя, оценивает каждый собственный поступок, что выражено в обширных внутренних монологах. «Перед сильными прогибаешься, а слабых жалеешь» [7, с. 251]. – к такому выводу о самом себе приходит Андрей в романе «Великая мечта».

Е) Вместе с тем, Рубанов-герой – личность деятельная. Для него главное в жизни – это движение вперёд. Андрей никогда не стоит на месте, всё время движется, экспериментирует, ищет себя в различных амплуа: журналист – бандит – бизнесмен и т.д.

5. Герой Рубанова, как и сам писатель, занимается творчеством. Причём в книгах он подробно повествует о том, как пришёл к решению стать писателем, как учился писать прозу: «К шестнадцати годам я полностью сформировался как писатель: я знал, что буду делать лёгкую и злую сюжетную прозу. Смешную и горькую. Точную и отвязную. Я решил, что от моих книг чуваки и чувихи будут балдеть, как восьмиклассники от первой сигареты. Я поклялся себе, что буду работать без сна и отдыха, до обмороков, до темноты в глазах, – но превзойду всех. Стану самым лучшим. Великим. Неподражаемым» [9, с. 48-49].

6. В этих словах прослеживается ещё одна черта рубановского героя – безграничная целеустремлённость и напористость во всём. Андрей уверен в своих силах, для него нет ничего невозможного: «...если Гварнери и Страдивари смогли – значит, и я смогу» [6, с. 11] – так рассуждает герой в рассказе «Брусли», пытаясь собственноручно изобрести скрипку.

7. По своим идеалистическим взглядам Рубанов-герой – «совок». Этим термином себя определяет и сам писатель: «Я – «совок». Я в красном галстуке ходил, я был комсорг класса, а потом, в армии, комсорг роты. И я во многом разделял эту идеологию» [8]. Воспитанный в Советском союзе, герой привык видеть перед собой чёткую картину своего будущего, моделировать его. Отсутствие такой модели вызывает у Андрея страх. Например, в рассказе «В бегах» юноша-банкир боится не самой тюрьмы, а неизвестности, того, что он не сможет планировать свою жизнь, что теперь за него это будут делать другие люди: «Я слишком привык твёрдо знать, что со мной будет завтра и послезавтра. Но моё завтра конфисковано и опечатано, моим завтра распоряжаются чужие люди»; «Мне моя судьба нужна упорядоченная, расчерченная и размеченная; я хочу видеть своё будущее, проникать его волей и фантазией...» [6, с. 138; 137 – 138].

8. Рубановский герой – хронический трудоголик, причём Андрею не чужд как умственный, так и физический труд. Он способен трудиться по четырнадцать часов в сутки: «Рабочий день длинный в четырнадцать часов измотал нас до последней степени» [9, с. 80].

9. У героя Рубанова очень интересные отношения с законом. На первом месте для него закон не государственный, а моральный. В любой, даже самой сложной ситуации он старается оставаться человеком. Например, в романе «Великая мечта» Андрей задолжал своему старому знакомому, Сергею Знаеву, приличную сумму денег, но не смог погасить долг полностью. Для того, чтобы вернуть оставшиеся деньги, Знаев предпринимает попытку отнять машину у Рубанова с помощью судебных приставов. Однако герой отдаёт ключи не служителям закона, а самому Сергею лично в руки, потому что так поступить велит ему совесть.

Именно моральный стержень мешает герою разбогатеть, ведь для того, чтобы быть состоятельным человеком и сохранить своё богатство, нужно уметь переступать через интересы других людей, а Рубанов-герой не может быть эгоистом. Он любит людей, думает в первую очередь не о себе, а об окружающих: «Всё предусмотрел, просчитал и обдумал – а о людях забыл. Точнее и честнее сказать: забыл не о людях, а о себе, с детства приученном думать в первую очередь именно о людях. Ничего не подделаешь, не вырос я в толстокожего жлоба, которому на всех наплевать» [7, с. 166].

10. Рубанов-писатель называет себя представителем «потерянного поколения»: «Таких людей, как я, много. Перестройка, резкое разочарование в ценности, совпадает по времени с возвращением из армии. Возвращаешься, а всё, к чему ты себя готовил, теперь ничего не стоит. Что делает тогда человек пассивный? Он начинает весь мир презирать, уходит в жёсткий андеграунд. Делает деньги, даже идёт на преступления...» [8].

Личность прозаика формировалась на сломе двух эпох, когда буквально рухнула вся заложенная в нём, в его социалистическом счастье детстве система ценностей, и Рубанов был

вынужден выживать в новом для себя государстве. Таким же является и его герой. Он не смог простить своей стране обманутых надежд и ожиданий, смены идеологии, поэтому «ушел в андеграунд» – стал заниматься незаконным денежным оборотом: «Я бы хотел простить государству, но не смог. Мою маму и моего папу кидать нельзя, – я сразу приду и уничтожу тех, кто это сделал. А будет меня потом искать милиция или не будет – неважно» [6, с. 124].

11. Герой автобиографических произведений Рубанова находится не на своем месте, занимается не тем, чем бы ему хотелось заниматься. Он постоянно вращается в мире бизнеса, пытается подчинить себе деньги, заставить их работать на себя, общается с влиятельными людьми (банкирами, бизнесменами, криминальными авторитетами), которые готовы поступиться моральными принципами ради денег, пойти против воли окружающих и близких. Сам герой не такой – он чище и добрее окружающих: «На самом деле я есть классический интеллигент из династии сельских учителей, человеколюбивый и добрый малый, правдолюбец и среброненавистник» [7, с. 178], поэтому ему

и не удастся занять свою нишу в мире бизнеса. Рубанов-исатель также признается, что он «плохой бизнесмен» [10], что ему по душе заниматься литературой, но он вынужден существовать в мире бизнеса, чтобы заработать себе на жизнь. «Литература для меня – страсть, ей подчинена вся моя жизнь, но деньги на хлеб я зарабатывал и зарабатываю самыми разными путями» [11].

Таким образом, герой автобиографических произведений Андрея Рубанова – это отражение личности самого автора: его внешности, характера, мировоззрения, образа жизни. В своих книгах писатель не просто изображает череду событий, которые происходили в его жизни в тот или иной период, но и рисует две разные эпохи, социалистическую и капиталистическую, сформировавшие его жизненную идеологию. Его автобиографический герой, по нашему мнению, – это оригинальная попытка Рубанова-прозаика исследовать, с одной стороны, самого себя, разобраться в своём внутреннем мире. С другой – написать портрет человека переходной эпохи, какой и увиделась писателю историческая реальность конца минувшего столетия.

Библиографический список

1. Буслакова Т.Н. *Современная русская литература: тенденции последнего десятилетия. Учеб пособие*. Москва: Высшая школа, 2008.
2. Савина Л.Н. *Проблематика и поэтика автобиографических повестей о детстве второй половины XIX века: Л.Н. Толстой «Детство», С.Т. Аксаков «Детские годы Багрова-внука», Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Тёмы»*: автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Волгоград, 2002. Available at: <http://31f.ru/author-abstract/page,9,147-avtoreferat-problematika-i-poetika-avtobiograficheskix-povestey-o-detstve-vtoroj-poloviny-x1x-v.html>
3. Бахтин М.М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1986.
4. Интервью (2008). Available at: <http://www.timeout.ru/msk/feature/2468>
5. Маслеников Р. *Я бы хотел прочитать книгу Брюса Ли*: [интервью с А. Рубановым]. Available at: <http://pr-maslennikov.livejournal.com/292809.html#cutid1>
6. Рубанов А. *Стыдные подвиги*: рассказы. Москва: Астрель, 2012.
7. Рубанов А. *Великая мечта*: Роман. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина».
8. Старобинец А. Человек из Общей Хаты: [интервью с А. Рубановым]. *Русский репортер*. 2010; 3 (131). Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2010/03/andrey_rubanov
9. Рубанов А. *Сажайте, и вырастет*: Роман. Санкт-Петербург: Лимбус Пресс, 2006.
10. Маслеников Р. *Я бы хотел прочитать книгу Брюса Ли*: [интервью с А. Рубановым] Available at: <http://pr-maslennikov.livejournal.com/292809.html#cutid1>
11. Интервью (2006). Available at: <http://www.km.ru/glavnoe/2006/12/12/intervyu/andrei-rubanov>

References

1. Buslakova T.N. *Sovremennaya russkaya literatura: tendencii poslednego desyatletiya: Ucheb posobie*. Moskva: Vysshaya shkola, 2008.
2. Savina L.N. *Problematika i poetika avtobiograficheskikh povestey o detstve vtoroj poloviny XIX veka: L.N. Tolstoj «Detstvo», S.T. Aksakov «Detskie gody Bagrova-vnuka», N.G. Garin-Mihajlovskij «Detstvo Temy»*: avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Volgograd, 2002. Available at: <http://31f.ru/author-abstract/page,9,147-avtoreferat-problematika-i-poetika-avtobiograficheskix-povestey-o-detstve-vtoroj-poloviny-x1x-v.html>
3. Bahtin M.M. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moskva: Iskustvo, 1986.
4. Interv'yu (2008). Available at: <http://www.timeout.ru/msk/feature/2468>
5. Maslennikov R. *Ya by hotel prochitat' knigu Bryusa Li*: [interv'yu s A. Rubanovym]. Available at: <http://pr-maslennikov.livejournal.com/292809.html#cutid1>
6. Rubanov A. *Stydnye podvigi*: rasskazy. Moskva: Astrel', 2012.
7. Rubanov A. *Velikaya мечта*: Roman. Sankt-Peterburg: Limbus Press, ООО «Izdatel'stvo K. Tublina».
8. Starobinec A. Chelovek iz Obschej Haty: [interv'yu s A. Rubanovym]. *Russkij reporter*. 2010; 3 (131). Available at: http://expert.ru/russian_reporter/2010/03/andrey_rubanov
9. Rubanov A. *Sazhajete, i vyrastet*: Roman. Sankt-Peterburg: Limbus Press, 2006.
10. Maslennikov R. *Ya by hotel prochitat' knigu Bryusa Li*: [interv'yu s A. Rubanovym] Available at: <http://pr-maslennikov.livejournal.com/292809.html#cutid1>
11. Interv'yu (2006). Available at: <http://www.km.ru/glavnoe/2006/12/12/intervyu/andrei-rubanov>

Статья поступила в редакцию 09.02.15

УДК 801

Ulianova N. N., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Altai State Academy of Education n.a. V.M. Shukshin (Biysk, Russia), E-mail: natascha297@rambler.ru

Pankina Ye. V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Altai State Academy of Education n.a. V.M. Shukshin (Biysk, Russia), E-mail: golobovaev@mail.ru

Hlystunova Yu. Yu., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Altai State Academy of Education n.a. V.M. Shukshin (Biysk, Russia), E-mail: pivovarova_julia@mail.ru

EMOTIONALLY DETERMINED REALISATION OF LOW VOCABULARY IN GERMAN DISCOURSE. The article is dedicated to differentiation of low vocabulary through individually defined sphere from the point of view of its emotional coloring. Dealing with the emotional part is determined by its permanent quality, which often prevails over the intellectual part. Emotionally determined realization of the choice of low words is represented by the positions "chief – employee". The speaker in the position of "a chief" uses low lexical units to establish relations and in the position of "an employee" – to overcome a conflict. The detailed analysis is fulfilled on the basis of fiction and publicistic discourse due to their significant ability of reflecting and expressing the linguistic phenomenon

under study. After a thorough analysis of the research material the authors state that slang and colloquial lexical units are natural for publicistic discourse and colloquial and vulgar are typical for fiction German discourse.

Key words: low lexis, literary discourse, publicistic discourse, emotionally determined realization of low lexis, emotions, pragmatics.

Н.Н. Ульянова, канд. филол. наук, доц. Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, E-mail: natascha297@rambler.ru

Е.В. Панькина, канд. филол. наук, доц. Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, E-mail: golobovaev@mail.ru

Ю.Ю. Хлыстунова, канд. филол. наук, доц. Алтайской государственной академии образования имени В.М. Шукшина,
г. Бийск, E-mail: pivovarova_julia@mail.ru

ЭМОЦИОНАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ СНИЖЕННОЙ ЛЕКСИКИ В НЕМЕЦКОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена дифференциации сниженных лексических единиц в субъектно-обусловленном пространстве с позиции её эмоциональной окраски. Обращение к эмоциональной составляющей не случайно, так как она обладает имманентным свойством, которое часто превалирует над интеллектуальной. Эмоционально обусловленная реализация сниженной лексики представлена позициями «начальник – подчинённый». Говорящий в позиции «начальник» использует лексемы с целью нахождения взаимопонимания, в позиции «подчинённый» – для преодоления конфликта. Анализ фактологии происходит на материале художественного и публицистического дискурсов, которые наиболее полно отражают и выражают исследуемый лингвистический феномен.

Ключевые слова: сниженная лексика, художественный дискурс, публицистический дискурс, эмоционально обусловленная реализация сниженной лексики, эмоции, прагматика.

В начале 21-го столетия постепенное формирование интегративной парадигмы гуманитарных наук, а также антропоцентризм в научных исследованиях привели к образованию более тесной связи лингвистики с различными дисциплинами. Анализируя сложные механизмы функционирования естественных языков, подверженные влиянию экстралингвистических факторов, современное языкознание вынуждено вторгаться в сферу некоторых других наук. Период «чистой лингвистики», не выходящей за границы языковой среды, подходит к концу, уступая место периоду «лингвистической экспансии». Это означает, что происходит сближение лингвистики с другими гуманитарными областями знания, что, в свою очередь, становится причиной дифференциации внутри самой лингвистики, в рамках которой в настоящее время выделяются психолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика, лингвосинергетика, этнолингвистика и так далее [1, с. 168].

Субъектность языкового пространства проявляется в человеческой жизни, деятельности, общении, самосознании. Субъект – это не нечто пассивное, только воспринимающее воздействие извне и перерабатывающее его, а носитель активности, который характеризуется единством индивидуально-личностных свойств человека. Субъектно-обусловленное пространство направлено на идентификацию человека в его социокультурном окружении. Для данной статьи актуально обращение к проблеме сниженной лексики, которая выходит за рамки нормы любого языка. Данная лексика характеризуется: 1) отсутствием чётких границ между лексемами внутри сниженного стиля, 2) эмоциональностью, конкретностью, экономичностью. 3) ненормативностью, которая проявляется в процессе общения, в конкретной ситуации, в дискурсе. Сниженная лексика представлена: разговорной лексикой, жаргонами, сленгом, инвективами, вулгаризмами и обценной лексикой [2, с. 30]. Употребление данной немецкой лексики адекватно интеллектуальным, психологическим и другим характеристикам личности, которые и определяют фактор субъектности языкового пространства. В рамках предлагаемой статьи рассматривается эмоционально обусловленная реализация сниженных лексем на основе эмотивной нейтральности (разговорная лексика, жаргон, сленг) и экспрессивной маркированности (обценная лексика, вулгаризмы).

С.Л. Рубинштейн отмечает, что «эмоции – переживание человеком его отношения к окружающему миру и к самому себе – одна из форм отражения объективной действительности» [3]. Эмоции составляют мотивационную основу деятельности человека, вступающего в различные отношения с другими людьми, предметами и явлениями окружающей действительности. Многие лингвисты считают, что эмоциональность в языке – это трудно объяснимое явление ещё и в силу того, что оно окказионально, поскольку эмоции создаются каждый раз заново из разнообразных мельчайших компонентов и потому неповторимы в

своем качестве. Однако их индивидуальность не препятствует коммуникации, поэтому исключение эмоциональности из лингвистических исследований неправомерно, так как, во-первых, из неё одновременно вытесняется тем самым человеческий фактор и, во-вторых, происходит редукция информативного объема сообщения. Как замечает Р. Якобсон, «... анализируя язык с точки зрения передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным аспектом языка. Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию» [4, с. 179].

Эмоции представляют собой особую форму отношения к предметам, явлениям, ситуациям действительности, которые либо соответствуют, либо не соответствуют потребностям человека. Эмоции, по мнению Р.С. Сакиевой, изначально делятся на положительные и отрицательные. В соответствии с этим для определения эмоциональной составляющей сниженной лексики в немецком дискурсе необходимо выявить ситуации, для которых характерно превалирование положительности или отрицательности. Сниженные лексические единицы изначально обладают эмоциональным компонентом, поэтому интерес представляют именно коммуникативные ситуации, в которых проявляется данный феномен.

Интеллектуальная и эмоциональная составляющие представляют собой две системы, которые тесно взаимосвязаны друг с другом. Однако последняя по причине своего имманентного свойства часто превалирует над интеллектуальной. Под эмоциональной обусловленностью реализации сниженной лексики в исследовании понимается такое проявление «чувств», эмоций, которое имеет референцию в виде объекта, субъекта и ситуации в целом.

С позиции коммуникативно-прагматического подхода публицистический и художественный виды дискурса представляют собой идеальный объект для изучения функционирования сниженной лексики, так как в силу свойств публицистики (сообщение, воздействие, агитация) и художественной литературы (сообщение, воздействие) они отражают действие совокупности прагматических факторов, каковыми являются: «коммуникативные задачи, ориентация на определённого адресата, воздействие на получателя информации» [5, с. 161].

Материалом исследования послужили произведения художественной литературы (общим объёмом 600 страниц), немецкие журналы (общим объёмом 600 страниц) за последние 10 лет. Выбор материала был обусловлен объектом исследования и содержанием фактических текстов.

В публицистическом дискурсе отрицательные эмоции, актуализирующие пренебрежение, антипатию, безответственность, отвращение, возмущение демонстрируют разговорные лексические единицы.

1. Wie kommt Ihr mit den Lehrern klar?

– In der 7. Klasse fanden wir alle Lehrer *doof*. Wir haben alles in Frage gestellt: Warum lerne ich das überhaupt? Das ist doch total unsinnig, das brauche ich später nie. Eigentlich interessiert es mich auch überhaupt nicht [6, p. 23].

Прагматический потенциал представленного текста актуализируется через выраженную негативность субъекта к объекту высказывания (alle Lehrer → *doof*), причём это отрицательное отношение дополнительно эксплицируется лексическими единицами (total unsinnig) и грамматическими маркерами (nie, nicht). Если лексему «*doof*» заменить лексемой «*dumm*», то потребуются также дополнительные языковые средства для актуализации информации о неспособности учителей вызывать интерес учащихся к предметам: In der 7. Klasse fanden wir alle Lehrer *dumm/ beschränkt/ fade/ uninteressant*. В синонимическом ряду лексемы *dumm* представлено 20 языковых единиц, среди которых *doof* включает такой показатель «как встречаемость в детском обиходе» [7, с. 121-122]. При этом в семантическом потенциале лексемы *doof* ведущим компонентом является неспецифичность именуемого, его простота с точки зрения говорящего, а не имманентное свойство личности, не способной к корректному мышлению, например, (*dumm, idiotisch, hirnlos, blödsinnig* или *läppisch, unintelligent*). Поэтому использование фамильярного слова *doof* обусловлено не стремлением говорящего к уничижительному вербальному действию, а лишь трудностями во взаимопонимании: Взрослые не понимают потребности детей. Такие отношения входят в схему «начальник – подчинённый», когда продуцент находится в позиции подчинённого.

2. Im letzten Jahr hat er seinen Realschulabschluss gemacht. Er will Informatiker werden. Doch auf seine Bewerbungen erhält er nur Absagen. Sein Abschlusszeugnis sei einfach zu *mies*, hält er fest [8, с. 23].

Адресант использует разговорную лексему *mies* с целью показать своё презрительное отношение к объекту высказывания, к его результатам, к ситуации в целом. Субституция данной лексемы другой лексической единицей «Sein Abschlusszeugnis sei einfach zu *schlecht / übel / ohne Ergebnis, ungenügend / mangelhaft / negativ*, hält er fest» представляет высказывание с явной оценкой объекта (Sein Abschlusszeugnis), тогда как лексема «*mies*» ориентирована на отношение говорящего к протагонисту (er) и его деятельности, имплицитно оценку субъекта. Иными словами, в прагматический потенциал лексемы «*mies*» включается несколько компонентов: объект, субъект, действие, межличностное взаимодействие в отношениях «начальник – подчинённый», когда говорящий занимает позицию начальника. Воздействие на адресата оказывается оптимальным не только в результате высокого прагматического потенциала представленной лексемы, но и в силу того, что коммуникант использует усилительную частицу *zu* и глагол *festhalten*, которые, с одной стороны, показывают однозначность / недвусмысленность выбранной языковой единицы, а, с другой, – тоталитарное отношение к данной проблеме, к ситуации в целом, его «надположение» по отношению к объекту высказывания.

3. „Danach haben wir 24 Stunden lang die Halle mit ein paar Freunden aufgeräumt. Wir haben festgestellt, dass 22 Poster mit wunderschönen Südseemotiven *geklaubt* waren. Anschließend sind wir *am Stock gegangen*,“ meint Alex [9, с. 16].

4. Mit den Fotos als Vorlage entwarfen die Comic-Zeichner dann eine *Kesse Göre* mit blonder Pony-Prisur [9, с. 38].

5. Unsere *Klamotten* machen wir auch selbst [9, с. 27].

6. Oder sie *schipperten* mit ihrem selbst gebauten Paddelboot, der *Mistbiene*, an den Badestränden entlang, um nach Mädchen Ausschau zu halten [6, с. 15].

7. „Dort haben wir früher oft die Ställe *ausgemistet* und die Tiere gefüttert“, – erzählt Sara [8, с. 14].

Использование разговорной лексики в публицистическом дискурсе даёт возможность избежать литературных клише, «разбавить» речь близкими простому читателю фразами (*klauen, Kesse Göre, Klamotten, schippern, Mistbiene, ausmisten*), тем самым приблизить информацию к адресату, иницируя внешнюю и внутреннюю рефлексии.

Разговорные лексические единицы употребляются субъектом высказывания как по отношению к объекту коммуникации, так и к предмету, выражая при этом отрицательные эмоции (пренебрежение, антипатия, безответственность, отвращение, возмущение).

Сленговые лексические единицы в публицистических текстах имеют, в большей степени, наоборот, положительный оттенок: удовлетворение, надежда, интерес, чувство ответственности, уважение, симпатия, гордость, восхищение, благодарность, доброжелательность.

8. Doch manchmal dauert es dann noch eine ganze Weile, bis *der Funke überspringt* [6, с. 26].

9. Beim *Racen* starten im Gegensatz zu den anderen Bereichen mehrere Teilnehmer gleichzeitig und fahren auf einer speziellen Strecke mit Steilkurven und vielen kleinen Hügeln um den Sieg [6, с. 20].

10. Laut Jugendschutzgesetz muss ich um 24 Uhr zu Hause sein, aber meine Eltern sind total *cool* und erlauben mir am Wochenende bis 1 Uhr weg zu bleiben [6, с. 34].

11. „Wir haben mit einer Umfrage gute Tipps von Leuten in der Fußgängerzone gesammelt. Die besten müssen wir jetzt aussuchen, damit der Beitrag *fetzig* wird. So schwierig haben wir uns das nicht vorgestellt. Uns läuft die Zeit weg“ [9, с. 17].

12. Die meisten Leute waren *cool*, das Wetter spitze und die Betreuer ziemlich gut drauf [8, с. 36].

Тексты (9, 10, 12) представляют собой заимствования из английского языка. Высказывания (8, 11) демонстрируют переосмысление значения, пример (13) – образование новой лексической единицы. Данные лексемы относятся к сленгу, пока их не стал понимать и употреблять весь окружающий мир.

Лексическая единица (*fetzig*) образована от *Fetzen* с прибавлением суффикса *-ig*. С одной стороны, видно, что составные части лексемы (11) не новы, но, с другой стороны, в речи молодых людей, они получают новое значение, новую коннотацию, которая отделяет их «язык», ставя черту между миром молодёжи и всем остальным.

Использование данных лексем обусловлено ситуативно. Чтобы процесс коммуникации состоялся нужно достичь понимания. «Понимание человека человеком происходит через объект (в данном случае – это сленг). Понимание диалогично, и эта диалогичность заключается в учёте говорящим знаний слушающего и предвидении его ответа, а со стороны понимающего – в осознании этого учёта и предвидения» [10, с. 40]. Сленг – это именно тот язык, который понимает и признаёт молодёжь.

13. – Was ist eine Alternative zu „*uncool*“?

– Schule finde ich total mühsam, *blöd*, weil man dort nicht machen kann, was man will [8, с. 43].

Использование адресантом сленговой лексемы *uncool* способствует созданию доверительной обстановки между коммуникантами и формирует условия для оптимального воздействия на адресата. Если заменить имеющуюся языковую единицу на нейтральную, то, с одной стороны, снизится прагматический эффект, а с другой, коммуникация не будет иметь достаточного успеха для взаимодействия: – Was ist eine Alternative zu *unwichtig/ unmodern/ unpopulär*?

– Schule finde ich total mühsam, *schlecht*, weil man dort nicht machen kann, was man will. Корреспондент не просто использует сленговую единицу *cool*, он изменяет её, добавляет немецкий префикс *un-*, тем самым демонстрируя своё понимание проблем молодёжи, в частности, проблем в школе. Реакция адресата – это употребление разговорной лексемы *blöd*, которая показывает сформировавшиеся неформальные отношения между коммуникантами.

Эмоциональный фактор в публицистическом дискурсе представлен как положительностью, так и отрицательностью. Причём разговорные лексемы служат, в основном, для передачи негативного отношения в какой-либо производственной сфере / ситуации, то есть в той ситуации, в которой имеются отношения по схеме «начальник – подчинённый». Сленговые лексические единицы употребляются в ситуациях, ориентированных, в большинстве случаев, на положительные эмоции, связанные с достижением успеха, личной свободой, реализацией собственного «Я». В данном случае коммуникация происходит между равными участниками коммуникации, которые находятся в одной плоскости общения. Употребление сленговых лексем происходит по схеме «равноправный – равноправный».

Актуализация сниженной лексики с позиции эмоциональной обусловленности в художественном дискурсе проявляется более чётко по сравнению с публицистическим, что связано с общим глобальным смыслом произведения. Художественный дискурс включает коммуникативную ситуацию, оперируя языковыми и речевыми средствами адекватной стилистов окраски.

14. «*Scheißblöde Kuh*», sagte Herr Lehmann und wandte sich dann wieder an den Hund. <...> «Noch denkst du, dass du im Vorteil bist, aber das kannst du vergessen. Strategisch bist du im Nachteil. Der Mensch ist dem Tier überlegen. Wenn du ein Wolf wärst und ich irgendein *Bauerndepp*, der durch den Wald *latscht*, dann hättest du vielleicht eine Chance. Aber wir sind hier in der Stadt. Es werden Leute kommen und mir helfen. Außerdem ist der Mensch im Gegensatz zum Tier in der Lage, Werkzeuge zu benutzen, Werkzeuge, *du Scheißtyp*, denk mal drüber nach <...> Komm doch her! Komm doch, wenn du was willst, *du fette Wurst!* <...> Weg da, *Scheißkerl*», sagte Herr Lehmann [11, с. 14-16].

Общение происходит между разумным существом и неразумным. С одной стороны, герой пытается разговаривать, убеждая себя в собственной правоте, логически доказать своё превосходство над животным. Однако, в данном случае адресат имеет виртуальный статус, поскольку представляет воображаемого оппонента. Использование вульгарной лексики (*Scheißblöde Kuh*, *du Scheißtyp*, *du fette Wurst*, *Scheißkerl*, *Typ*, *Kerl*, *Kuh*) определено критической ситуацией, связанной с ощущением слабости человека, что обусловлено состоянием страха. Прагматическая значимость лексических единиц раскрывается в осознании собственной слабости, а именно беззащитности, уязвимости, беспомощности, а также нелепости ситуации, поскольку, находясь на высшей ступени эволюции по сравнению с животным (схема: «начальник – подчиненный»), человек оказывается не в состоянии себя защитить, что вызывает недоумение, беспокойство и страх, как апогей эмоциональной сферы.

15. «Geben Sie mir mein Geld, *verdammst noch mal!*» (1)

Der Anreißer nahm zehn Mark aus einem Bündel Geldscheine. «Komm her, *du Schlappschwanz!*» (2) schrie Max [12, с. 25].

Высказывание (1) носит двойственный характер, который актуализируется противоречием: с одной стороны, вежливое обращение Sie и разговорная лексема *verdammst noch mal*, с другой стороны, неформальное обращение du и фамильярная лексическая единица *Schlappschwanz*. В данном случае прагматическая значимость предлагаемого высказывания заключается в том, что использование Sie-форм вместе со сниженными лексемами является причиной употребления лексических единиц более сниженного уровня, например, фамильярного. Иными словами, речь, которая включает в себя вежливые формы вместе со сниженными лексемами, провоцирует употребление ещё более сниженных лексем. Прагматическая направленность сниженных лексических единиц усиливается с помощью вежливого именования. В данном примере наблюдается процесс «обоюдного» фамильярного оскорбления, что связано с эмоциональной возбуждённостью коммуникантов. Различие в словоупотреблении обусловлено фактором интеллектуальной состоятельности, что коррелирует с позицией «начальник – подчиненный»: (Sie) ИСЛ «начальник» – (du) ИНСЛ «подчиненный».

16. Wie sollte sie ihm dieses Unglück bloß erklären? Erst der Kuchen und nun *diese Schweinerei* [13, с. 28].

Использование сниженной лексической единицы в тексте (19) направлено на самого адресанта, на характеристику его психологического состояния (презрение, недовольство своей неловкостью, неумелостью в ведении домашнего хозяйства). Суффикс –ei придаёт действию значение оценочной характеристики с отрицательным оттенком (Eselei, Barbarei, Deutelei).

17. «*Du Bengel*», sagte er, «war das Ganze gespielt» [13, с. 146].

Данное высказывание носит инвективный характер. Фамильярное оскорбление исходит от отца, который узнал, что его взрослый сын проиграл все деньги. Коммуникация происходит по схеме «начальник – подчиненный», причём позиция адресанта-«начальника» актуализируется посредством адресатного личного местоимения «du», которое обладает социально-регулятивной функцией и служит для выражения неправомерных социальных отношений между говорящими, в данном случае «отец – сын». Прагматическая значимость предлагаемого текста актуализируется через уничижение оппонента.

18. Und Sie *Scheißkerl*, Ihrretwegen ist mein Agent tot [12, с. 101].

19. Sie warten hier, Sie *blöde Bulle* [14, с. 89].

20. Vorsicht! Sie *Schwachkopf!* [12, с. 43]

Высказывания (18, 19, 20) включают пейоративную оценку. Однако особенность данных коммуникативных ситуаций заключается в том, что адресант использует личное местоимение (Sie – вежливая форма), которое, с одной стороны, подчёркивает

ет враждебное отношение между коммуникантами, а с другой, придаёт высказыванию иронично-фамильярный характер.

21. Sie sehen *beschießen* aus [12, с. 51].

В тексте (21) представлена лексема с пометой вульгарности «*beschießen*». Данная лексическая единица служит для обозначения внутреннего состояния как неадекватного, что исходит из самоощущений, то есть восприятия самой личности, и свидетельствует об интеллектуальной несостоятельности субъекта, поскольку для описания такого состояния личности с более высоким интеллектуальным потенциалом вполне могли быть использованы иные лексические единицы, типа ... verlegen, konfus, die Blamage haben, например: Die Tatsache, dass sich 18.031 Fans zur Dresdner Heimpremiere ins Dresdner Rudolf-Harbig-Stadion zum Duell gegen Eintracht Braunschweig verirrt, ist aus Dynamo-Sicht mehr als positiv. Durch den hohen Andrang ging es vor Spielbeginn rund um die Arena jedoch sehr *konfus* zu, so dass die Partie gegen Braunschweig mit einer zehnminütigen Verspätung angepfeiffen wurde (*Kaiser*).

22. Der Film war *Scheiße*, dachte er. Es ist überhaupt alles *Scheiße* [16, с. 39].

Характеристика жизни адресанта актуализируется через использование вульгарных лексических единиц сниженного стиля (*Scheiße*), что обусловлено психофизиологическим состоянием героя: в контексте описан детский алкоголизм, причиной которого является неудовлетворённость собой и своей жизнью.

23. Nachmittags ging er jetzt oft zu Buddi. Als die alten Teves Betriebsferien machten, kam er ohne die übliche Flasche. Buddi motzte:

– Ich denke, du bist so ein *Superklauer!* [16, с. 31]

В данном высказывании лексема «*Superklauer*» имеет иронично-уничижительное прагматическое значение, которое выражается в недовольстве и насмешке над адресатом.

24. «Pass auf», versuchte Herr Lehmann seinen Worten Gewicht zu verleihen, «wenn ich dich gleich loslasse, und du machst überhaupt nur noch eine Bewegung außer weglaufen, dann *hau* ich dich so zu *Klump*, dann *hau* ich dir so was auf die *Fresse*, dass...» – er dachte fieberhaft darüber nach, wie er diesen Satz überzeugend zu Ende bringen konnte – «... dann mach ich dich so alle», ging er inhaltlich ein Stück zurück, «dann *hau* ich dir so eine rein, dass, dass...» – ich lese die falschen Bücher, dachte Herr Lehmann, ich bin nicht vorbereitet – «... dass du nicht mehr weißt, wo oben und unten ist». Na ja, dachte er, wenn das mal wirkt. «Hast du das *kapiert*, du *Arschloch?*» [11, с. 99]

В рассматриваемом примере с главным героем произошла неприятная история в баре. Адресант – это интеллигентный человек, который с трудом находит в своём словарном запасе подходящие для данной ситуации слова. Употребление сниженных лексических единиц (разговорных, вульгарных) господином Леманом не оказали должного эффекта на адресата, но способствовали эмоциональному уравниванию главного героя.

25. «Okay, der Knabe ist zurzeit ziemlich in diese *USA-Tussi verknallt*», sagte Murat und inhalierte den Rauch. «Aber das geht vorbei, *Darling*. Und dann kriegst du ihn wahrscheinlich wieder. Der gute, alte Leon ist ja ziemlich traditionell veranlagt, will mir scheinen. Eines Tages wird er reumütig zu dir zurückkommen, und dann, *zack*, ist alles wieder gut» [14, с. 55].

Неофициальная обстановка общения, близкие, дружественные отношения между коммуникантами – это те ситуации, в которых происходит употребление рассматриваемых лексем. Прагматический эффект текста (25) заключается в том, что говорящему удалось показать, с одной стороны, свою пренебрежительность к третьему лицу (сленг: *Tussi*, фамильярная лексема: *verknallen*), а с другой – свою симпатию по отношению к адресату (разговорная лексическая единица: *kriegen*, *Darling*), тем самым психологически поддержать его.

26. Als plötzlich Harald und zwei andere Typen vor ihm standen, erschrak Roland. Harald wirkte nervös, und Roland wusste erst gar nicht, was das alles sollte.

– Wir wollen den *Kies* sehen! –

– Welchen *Kies*?

– Die 250 *Eier*, die du uns schuldest. –

– Wieso euch? Harald hat doch gesagt, dass ich... –

– Harald hat nichts zu sagen. Los, jetzt mal raus mit den *Mäusen!* [16, с. 71-72].

Адресант намерен вернуть свои деньги, чтобы придать своему высказыванию коммуникативную силу, он использует синонимические фамильярные лексические единицы (*Kies*, *Eier*,

Mäuse), которые выполняют в тексте особую «выделительно-информативную» функцию [17, с. 36].

27. – «Was ist das?», fragte ich.

– «So eine Art *Fitnesspillen*», sagte Samir. «Pass auf, die *bringen* dich wieder auf den Damm» [14, с. 69].

В рассматриваемом высказывании говорящий намеренно использует разговорную лексику, чтобы сблизиться со слушающим, войти к нему в доверие, оказать помощь, видя, что коммуникант переживает сложный период в своей жизни. Психологические проблемы адресата и адекватно ситуации подобранные слова адресанта становятся причиной того, что Мари начинает употреблять наркотики (*Fitnesspillen*).

28. «Wie lange kennt ihr euch schon?»

«Du meinst, wie lange wir zusammen sind? Wie lange wir schon *ficken*, oder was?»

«Na ja, irgend so was».

«Ha!» Sie holte ihn ein, öffnete vor ihm die Tür und hielt sie ihm auf. «Zwei Jahre. Zwei Jahre für nichts» [11, с. 230].

29. Ein Kumpel von mir war letztes auf so 'ner Party in Schöneberg, das geht zwei, drei Tage in einem durch, da liegen die in ihrer Scheisse und *ficken* [11, с. 88].

Представленные тексты (28, 29) содержат обценную лексическую единицу *ficken*. Сферой употребления является художественный дискурс. Однако стоит отметить, что подобное использование резко отрицательных сниженных (табуированных) лексем является, скорее всего, исключением из правил и не может трактоваться как этическая норма, характерная для рассматриваемого дискурса.

30. «Du kannst froh sein, dass ich dazwischen gegangen bin. Wenn Herr Lehmann erst mal Ernst gemacht hätte, dann wärst du jetzt nur noch Knochenmehl. Und jetzt *hau* ab, du *Arschmade*». Er schubste ihn von sich. Der Mann stolperte ein paar Schritte von ihnen und drehte sich dann noch einmal um. Er stieß einen Finger in ihre Richtung und sagte mit überschnappender Stimme: «Ich *kriege* euch noch» [11, 101-102].

31. Aus dem Bus kamen jetzt die ersten Beschwerden: „Ich *schmeiss* dich, *den Blödmann*, *raus*“ [11, с. 151].

Предлагаемое высказывание (30) эмоционально маркировано именно через стилистическую сниженность лексических единиц. Лексема *abhauen* является производной от глагола *hauen* (*рубить, наносить удар*), т.е. использовать силу для выполнения действия и префикса *ab*. Одно из значений данного префикса – это удаление от какого-либо предмета, отделение части от целого, поэтому мотивированность данного словоупотребления опирается на новое значение: насильственное изменение местоположения, удаление из общего пространства, что приобретает негативную коннотацию и сниженную окраску (рус.: убирайся), императивность высказывания подтверждает

тезис о стилистической сниженности вследствие грубости говорящего.

Вторая лексическая единица *die Arschmade* носит инвективный характер с оценочным компонентом, особенно в сочетании с местоимением *du*, выступая в функции обращения. Метафорический перенос происходит через сравнение человека с низшими организмами, что имеет пейоративную оценку и выходит за рамки нормированной речи.

Текст «Ich *kriege* euch noch» как раз демонстрирует взаимный «обоюдный» диалог с ответной реакцией. По мнению В.Б. Кашкина, «Цель коммуникативного процесса – не передача информации в одном направлении, а получение отклика у получателя, совместное действие с ним, не воздействие, а взаимодействие» [18, с. 113]. Адресант с помощью разговорной лексической единицы (*kriegen*) отвечает на высказанное оскорбление по отношению к себе. Это «комиссив, который возлагает на говорящего обязательство совершить некоторый поступок» [19, с. 58], в рассматриваемом примере – это угроза в адрес обидчиков.

Следующее высказывание (31) предлагает схожую картину, что и в тексте (30). Отправитель данного высказывания – это водитель, который находится на своём рабочем месте, поэтому его речь не настолько снижена, как в описанном выше примере, где место действия – бар. Глагол (*rausschmeißen*) образован от глагола (*schmeißen*) и полупрефикса (*raus*). Данный полупрефикс является разговорным вариантом (*heraus*). Далее композита (*Blödmann*), включающая компонент негативной оценки, оскорбления (*Blöd*), благодаря чему нейтральное слово (*Mann*) приобретает оттенок бранности, вульгарности. Вследствие этого они выпадают за рамки этической нормы и воспринимаются как ненормативная лексика.

Реализация сниженной лексики обусловлена эмоциональным фактором, но в каждом из дискурсов по-своему. Прагматическая значимость использования разговорных и сленговых лексических единиц в публицистическом дискурсе служит для привлечения внимания читателя, а не для описания взаимоотношений между коммуникантами. Следует отметить, что разговорные лексемы в публицистике служат в основном для передачи отрицательного отношения как к ситуации в целом, так и к собеседнику, а сленговые, наоборот, – положительного. Для художественного дискурса употребление лексических единиц сниженного стиля является одним из способов преодоления конфликтов, нахождения взаимопонимания в сложных / неожиданных жизненных ситуациях. Сниженная лексика может быть рассмотрена с двух позиций: в кругу друзей и знакомых / малознакомых людей. С одной стороны, актуализируется приватность отношений (использование разговорной лексики), а с другой, враждебность (использование вульгарной лексики). И в том, и другом случаях достигнута цель коммуникации, понимание.

Библиографический список

1. Панькина Е.В. *Экспериментально-теоретическое исследование восприятия звукоподражаний в разносистемных языках иноязычными носителями (на материале русского, английского, алтайского и монгольского языков)*: диссертация ... кандидата филологических наук. Кемерово, 2009.
2. Гранкова Н.Н. *Прагматические особенности актуализации сниженной лексики в немецком дискурсе*: диссертация ... кандидата филологических наук. Бийск, 2011.
3. Рубинштейн С.Л. *Основы общей психологии*. Available at: http://krotov.info/lib_sec/shso/77_rub6.html
4. Якобсон Р. *Избранные работы*. Москва, 1985.
5. Андрюхина Т.В. Прагматический аспект функционирования сложных слов и конверсивов в газетном тексте. *Прагматика и стилистика*: Сборник научных трудов. Выпуск 245. Москва: Московский ордена дружбы народов государственный педагогический институт иностранных языков имени Мориса Тореза, 1985.
6. *Juma: Jugenmagazin*. Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2005: 1.
7. Рахманов Н.В. *Немецко-русский синонимический словарь*. Москва, 1983.
8. *Juma: Jugenmagazin*. Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2004: 2.
9. *Juma: Jugenmagazin*. Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2003: 4.
10. Васильев Л.Г. Понимание и научные парадигмы. *Языковое общение: Единицы и регулятивы*: межвуз. сборник научных трудов. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1987.
11. Regener S. *Herr Lehmann*. München, 2003.
12. Serin S. *Föhn mich nicht zu*. Hamburg, 2010.
13. Townsend S. *Das Intitleben des Adrian Mole, 13 ¾ Jahre*. Pößneck, 2002.
14. Frey J. *Höhenflug abwärts. Ein Mädchen nimmt Drogen*. Bindlach, 2008.
15. Kaiser-Elf konfus. Available at: http://www.kicker.de/news/fussball/3liga/startseite/515228/artikel_Kaiser-Elf-konfus.html
16. Ladiges A. *Hau ab, du Flasche!* Hamburg, 2006.
17. Шелякин М.А. *Очерки по прагматике русского языка*. Москва, 2010.
18. Кашкин В.Б. *Основы теории коммуникации*. Москва, 2007.
19. Шенкнехт Т.В. *Прагматический потенциал антропонимических номинаций*. Барнаул, 2007.

References

1. Pan'kina E.V. *‘Eksperimental’no-teoreticheskoe issledovanie vospriyatiya zvukopodrazhanij v raznosistemnyh yazykah inoyazychnymi nositelyami (na materiale russkogo, anglijskogo, altajskogo i mongol’skogo yazykov): dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Kemerovo, 2009.
2. Grankova N.N. *Pragmaticheskie osobennosti aktualizacii snizhennoj leksiki v nemeckom diskurse: dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk.* Bijsk, 2011.
3. Rubinshtejn S.L. *Osnovy obschej psihologii* Available at: http://krotov.info/lib_sec/shso/77_rub6.html
4. Jakobson R. *Izbrannye raboty.* Moskva, 1985.
5. Andryuhina T.V. Pragmaticheskiy aspekt funkcionirovaniya slozhnyh slov i konversivov v gazetnom tekste. *Pragmatika i stilistika: Sbornik nauchnyh trudov.* Vypusk 245. Moskva: Moskovskij ordena družby narodov gosudarstvennyj pedagogicheskij institut inostrannyh yazykov imeni Morisa Toreza, 1985.
6. Juma: *Jugendmagazin.* Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2005: 1.
7. Rahmanov N.V. *Nemecko-russkij sinonimicheskij slovar’.* Moskva, 1983.
8. Juma: *Jugendmagazin.* Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2004: 2.
9. Juma: *Jugendmagazin.* Unter Redaktion C. Vogeler. Köln, 2003: 4.
10. Vasil’ev L.G. Ponimanie i nauchnye paradigmy. *Yazykovoe obschenie: Edinicy i regulativy: mezhvuz. sbornik nauchnyh trudov.* Kalinin: Kalininskij gos. un-t, 1987.
11. Regener S. *Herr Lehmann.* München, 2003.
12. Serin S. *Föhn mich nicht zu.* Hamburg, 2010.
13. Townsend S. *Das Intimleben des Adrian Mole, 13 ¾ Jahre.* Pößneck, 2002.
14. Frey J. *Höhenflug abwärts. Ein Mädchen nimmt Drogen.* Bindlach, 2008.
15. Kaiser-Elf konfus. Available at: http://www.kicker.de/news/fussball/3liga/startseite/515228/artikel_Kaiser-Elf-konfus.html
16. Ladiges A. *Hau ab, du Flasche!* Hamburg, 2006.
17. Shelyakin M.A. *Ocherki po pragmatike russkogo yazyka.* Moskva, 2010.
18. Kashkin V.B. *Osnovy teorii kommunikacii.* Moskva, 2007.
19. Shenkneht T.V. *Pragmaticheskiy potencial antroponimicheskikh nominacij.* Barnaul, 2007.

Статья поступила в редакцию 09.02.15

УДК 81.373

Zagryadskaya N.A., Cand of Sciences (Philology), assistant professor, Moscow State Regional University (Moscow, Russia),
E-mail: ntalie@mail.ru

PHRASEOLOGICAL NICKNAMES AS A MEANS OF LITERARY CHARACTERIZATION. The article deals with the problem of phraseological nicknames of English Literature characters. These nicknames are considered as part of the English language phraseological system. The author deals with their double nature, which combines the features of proper names and idioms. The major emphasis is placed upon the causes of such units that function in literary texts. Their structural and semantic features have been studied. Particular attention is paid to the process of nomination in such units. Their dependence on the genre of the book is discussed and described. The bulk of the material is devoted to phraseological nicknames as a means of literary characterization. The research is done on the material of novels by such writers as W. Scott, Ch. Dickens, Th. Hardy, G. Eliot, H. James. The issue of the author's intention is also raised. Among the studied literature works the most number of phraseological nicknames was found in novels by W. Scott: *Ivanhoe*, *Waverley*, *Quentin Durward*, *Woodstock*.

Key words: phraseological unit, personal phraseologism, phraseological nickname, evaluation, connotation, proper names, phraseological nomination, historic event, literary text, literary imagery, personage, author's intention

Н.А. Загрядская, канд. филол. наук. доц. Московского государственного областного университета, г. Москва,
E-mail: ntalie@mail.ru

АВТОРСКИЕ ЛИЧНОСТНЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПЕРСОНАЖА

Статья посвящена фразеологическим прозвищам персонажей англоязычной художественной литературы XIX–XX вв. Автор останавливается на двойственной природе данных единиц, совмещающих свойства имён собственных и фразеологизмов английского языка. В работе затрагиваются предпосылки появления подобных прозвищ, анализируются их структурные, семантические и функциональные особенности. Особое внимание уделяется номинативным признакам, лежащим в основе возникновения единиц данного класса, а также различию между единицами, функционирующими в текстах разных жанров. Отдельно поднимается вопрос об использовании личностных фразеологизмов как средства создания образа персонажа художественного произведения. Исследование проводилось на материале произведений таких авторов как Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс, Джордж Элиот, Томас Гарди и Генри Джеймс.

Ключевые слова: фразеологическая единица, личностный фразеологизм, фразеологическое прозвище, оценочность, коннотативное значение, имя собственное, фразеологическая номинация, исторические события, художественное произведение, образность художественного текста, персонаж, авторский замысел.

Проблема функционирования личностных фразеологизмов английского языка неоднократно затрагивалась в лингвистической литературе последних десятилетий. Исследователи рассматривали их двойственную природу, описывали их структурно-семантические свойства, выявляли особенности процесса номинации и анализировали лингвострановедческий потенциал. Особый акцент был сделан на частотности возникновения новых единиц в таких сферах как спорт, политика и телекоммуникации.

В ходе исследования было выявлено, что традиция присвоения сверхсловных прозвищ в англоязычном мире уходит в глубь веков, и среди многочисленных единиц данного класса как наименования, возникшие в эпоху правления англо-саксонских королей, так и появившиеся в течение последних недель. Гибкая фразеологическая система английского языка молниеносно реагирует на происходящие изменения в расстановке политических сил, события в королевской семье и появление новых звёзд телеэкрана или социальных сетей. Обычай давать прозвище на-

столько укоренился в быту английского народа, что стал практически социальным явлением, оставаясь при этом исключительно интересным языковым феноменом. Появление любого прозвища, а фразеологического особенно, затрагивает целый пласт информации как об объекте номинации, так и о её субъекте, так как разные люди обращают внимание на разные характерные особенности интересующей их личности. Некоторых будет интересовать внешность человека, других – его характер, а третьи отметят положительные или отрицательные результаты его деятельности. Однако обладатель хороших манер, скорее всего, постарается избежать упоминания физических особенностей номинанта, а остроумец не просто назовет, но и «оценит» объект, заставляя окружающих как минимум улыбнуться. Присвоенное прозвище рисует психологический портрет своего создателя, повествуя о его добродушии, жестокости или ироничности, но, прежде всего, несомненно, о его наблюдательности. Бесспорным остается тот факт, что в случае с личностными фразеологизмами, называющими реальных исторических персоналий, автор прозвища далеко не всегда известен. В большинстве ситуаций это единица, возникающая «в народе», передающаяся от человека к человеку, а затем закрепляющаяся за своим носителем. Однако даже в истории были исключения. В наши дни, благодаря средствам массовой информации, обнаружить источник такого прозвища не составляет труда, что, вместе с тем, не снижает частоту возникновения новых личностных фразеологизмов.

Очевидно, что привычка нарекать людей такими сложными, сверхсловными наименованиями свидетельствует об определенной особенности национального характера и является отражением национальной культуры. Английской коммуникации свойственна ироничность. По мнению А.А. Горностаевой, ирония весьма востребована в коммуникации англичан. «Востребованность иронии, её частое использование сказываются на английском стиле коммуникации и формируют такую его черту как ироничность» [1, с. 72].

Склонность носителей английского языка подмечать характерные особенности как своих врагов, так и друзей не осталась без внимания представителей классической английской литературы. В разные исторические периоды авторы художественных произведений присваивали как однословные, так и фразеологические прозвища своим героям с целью сделать их образ более ярким и правдоподобным, оживить повествование, донести до читателя исторический, национальный и местный колорит. В данной работе предпринимается попытка проанализировать фразеологические прозвища, встречающиеся в англоязычной художественной литературе XIX века, а именно в романах таких авторов как Вальтер Скотт, Чарльз Диккенс, Джордж Элиот, Томас Гарди и Генри Джеймс. Необходимо отметить, что, хотя степень представленности единиц данного класса в произведениях указанных авторов разнится, каждый из них использует их с яркостью и точностью, свойственными именно его стилю и отражающими жанровую специфику текста.

Как и фразеологические прозвища реальных людей, литературные личностные фразеологизмы (мы предлагаем называть их «авторскими») обладают своими структурными и семантическими особенностями, отличающими их от нефразеологических (однословных) прозвищ, с одной стороны, и непровищных фразеологизмов – с другой. Их двойственная природа, совмещающая свойства антропонимов и фразеологизмов, является очевидной. Их цель – одновременно именовать и характеризовать объект, во многих случаях выражая к нему отношение номинирующего лица. Их значение всегда больше значения их компонентов, хотя степень идиоматичности и способы переосмысления могут иметь разительные отличия. По классификации А.В. Кунина их следует отнести к единицам вторичной косвенной номинации [2]. Очевидным является и факт их структурной моделированности и семантической уникальности. В значительном числе произведений можно встретить похожие прозвища, несущие в себе абсолютно разные коннотации. Это напрямую связано с содержанием произведения и является одним из средств реализации авторского замысла. В каждой конкретной ситуации автор создаёт это «второе» имя действующего лица, вплетая его в канву повествования, выстраивая его взаимоотношения с другими героями и создавая, таким образом, уникальный новый мир.

Особенности структуры и фразеологической семантики, безусловно, заслуживают отдельного глубокого исследования. Однако в данной статье хотелось бы остановиться на использовании личностных фразеологизмов в тексте и их роли в создании образов героев. Исследование проводилось на материале таких

произведений как «Айвенго», «Уэверли», «Квентин Дорвард», «Вудсток» Вальтера Скотта, «Посмертные записки Пиквикского клуба» Чарльза Диккенса, «Адам Бид», «Сайлес Марнер» Джордж Элиот, «Вдалеке от обезумевшей толпы», «Джуд Незаметный», «Возвращение на родину», Томаса Гарди, «Посланники» Генри Джеймса. Период публикации данных романов охватывает почти столетие с 1814 – «Уэверли» по 1903 – «Посланники». За эти годы английская проза претерпела жанровые и стилистические изменения, пройдя путь от романтизма до психологического романа. Каждое из произведений отличается не только своеобразием и оригинальностью сюжета, но и намерением автора донести до читателя своё видение мира и представление о человеческих типажах. Следовательно, в каждом из произведений личностные фразеологизмы, называющие персонажей, выполняют свою собственную функцию.

В литературоведении «персонаж» (от лат. *persona* – лицо, маска) определяется как «вид художественного образа, субъект действия, переживания, высказывания в произведении» [3, с. 218]. Создавая литературного героя, писатель обычно наделяет его тем или иным характером: односторонним или многосторонним, цельным или противоречивым, статичным или развивающимся, вызывающим уважение или презрение. Имя персонажа или тем более его прозвище даётся автором намеренно, с определённой целью. В работах, посвящённых художественному тексту, отмечаются огромные экспрессивные возможности и конструктивная роль имён собственных в тексте. Имена передают не только содержательно-фактическую, но и подтекстовую информацию, способствуют раскрытию идейно-эстетического содержания текста, выявляя его скрытые смыслы. «Входя в художественный текст семантически недостаточным, имя собственное выходит из него семантически обогащённым и выступает в качестве сигнала, возбуждающего обширный комплекс определённых ассоциативных значений» [4, с. 106]. По словам Н.А. Николиной, имена собственные в их взаимодействии образуют ономастическое пространство текста, анализ которого позволяет выявить связи и отношения, существующие между разными персонажами произведения в их динамике, раскрыть особенности его художественного мира [5, с. 196].

Среди перечисленных произведений наибольшее число фразеологических прозвищ было выявлено в романах Вальтера Скотта «Айвенго», «Уэверли», «Квентин Дорвард» и «Вудсток». Все они принадлежат к жанру исторического романа, что во многом объясняет обилие личностных фразеологизмов, называющих как главных, так и второстепенных действующих лиц. Это разные по структуре и семантике единицы, однако их объединяет стремление автора передать атмосферу описываемой эпохи. Так в романе В. Скотта «Айвенго» присутствует значительное число фразеологических прозвищ, называющих рыцарей, принявших участие в рыцарском турнире. В ряде случаев это имя, принятое самим героем в соответствии с правилами и рыцарским кодом того времени и используемое в дальнейшем другими персонажами при обращении к нему, например: **The Disinherited Knight** («*Рыцарь, лишенный наследства*»). Это имя будет неоднократно обыгрываться, сокращаться и вновь развёртываться до своего полного варианта, в зависимости от того, из чьих уст оно будет звучать. В некоторых других случаях рыцарь получает прозвище за свои манеры, поведение или цвет доспехов, например: **The Blue Knight** («*Синий Рыцарь*»), **The Black Knight** («*Чёрный рыцарь*»), **The Black Sluggard** («*Чёрный Ленивый*») или **The Sluggish Knight** («*Ленивый рыцарь*»). Два последних прозвища также подвергаются активной трансформации, особенно в случае обращения к рыцарю, и появляются в таких вариантах как **Friend Sluggard** и **Sir Sluggard** в речи святого отшельника, в реальности члена разбойничьей шайки. Такое употребление разновидностей известного героям прозвища характеризует его как ироничного и смелого человека и снимает с него маску. Король Ричард I, являющийся носителем некоторых из этих номинаций, упоминается в романе и под своим историческим прозвищем **Lion Heart** («*Львиное Сердце*). Этот личностный фразеологизм не является чисто авторским, но вводится автором для правдивости описания периода, в который происходит действие романа. Встречаются в романе и высокопарные поэтические прозвища-фразеологизмы, восхваляющие женскую красоту согласно канонам того времени. Такие единицы в некотором смысле лишены индивидуальности и находятся на пути к переходу в фразеологические названия лица, то есть имена нарицательные, например: **The Lily of the Valley** («*Ландыш*»), **The Rose of Sharon** («*Роза Шарона*») – прозвище Ребекки. Её красота описывается

подобными фразами, представляющими собой обратные эпитеты, весьма часто употребляемые в Средневековье. Однако здесь в контексте романа они вновь обретают оригинальность. Примером своего рода самоназвания с отрицательной оценкой является **The Son of the Witless** («Сын Дурака») – прозвище раба Вамбы. Это своего рода клеймо, налагаемое на своего носителя хозяевами. Но номинируемое лицо знает и принимает своё прозвище, использует его, представляется им, идентифицируя его с самим именем. Это тоже тенденция, свойственная той эпохе, и она сполна находит отражение в романе. В романе «Квентин Дорвард» активно используется прозвище разбойника **The Wild Boar of Ardenne** («Арденский Бородастый Вепрь»). Оно содержит топоним, свидетельствующий о месте обитания номинируемого лица, однако, в нём представлен номинативный признак «жестокость». Персонаж известен под этим именем всем другим героям, и в произведении многократно поясняется, по каким причинам он его получил. В романах «Уэверли» и «Вудсток» появляются положительные герои «из народа», заслужившие положительную оценку за свои моральные качества и способности, например: **Gifted Gilfillan** – («Одаренный Гилфиллан») и **Trusty Joe** – («Доверчивый Джо»). Они являются предводителями своих единомышленников и получили свои имена как дань уважения со стороны менее замечательных личностей.

Ч. Диккенс и в жизни славился склонностью давать фразеологические прозвища окружающим его людям. В своем знаменитом романе «Посмертные записки Пиквикского клуба» он неоднократно даёт прозвища как незначительным действующим лицам, так и главному герою, например: **Dismal Jemmy** («Мрачный Джемми») – один из гостей на собрании; **Old Fireworks** («Старина Порох») – мистер Пиквик. В данном случае обе единицы показывают ироническое отношение присутствующих к называемым персонажам. Добрый мистер Пиквик никак не оправдывает своего прозвища, и его употребление в разговоре вызывает смех.

Дж. Элиот в своих произведениях о сельской жизни «Адам Бид» и «Сайлес Марнер» не только наделяет некоторых персонажей прозвищами еще в самом начале романа. Она подробно останавливается на источниках и причинах их появления. При этом все пояснения даются в авторском тексте. В описании мастерской Адама Биды читатель встречает работников, представляемых ему одновременно по именам и прозвищам, например: **Sandy Jim** («Рыжий Джим»); **Wiry Ben** («Крепыш Бен»); **Old Joshway** («Старина Джошвей»). Автору кажется интересным поразмышлять как и почему жители этой деревни стали так называть друг друга, вместе с тем в словах рассказчика звучит мягкий юмор по отношению к этим людям, чья тяжёлая трудовая жизнь оставляет им мало времени для собственных размышлений. Интересен фрагмент представления нескольких второстепенных героинь-крестьянок. Одна из них получает прозвище **Chad's Bess** («Бесс из семьи Чэда») по имени своего отца. Другая жительница той же деревни с тем же именем нарекается **Timothy's Bess** («Бесс из семьи Тимоти») для того, чтобы односельчане могли в разговоре не ошибиться и точно знать, о какой из двух женщин идет речь. Однако процесс номинации продолжается, и

когда сын второй Бесс подрастает, жители деревни нарекают его **Timothy's Bess's Ben** («Бен из семьи Бесс, которая из семьи Тимоти»). Это уже пример третичной номинации. При попытке перевода становится очевидной трудность передать авторский замысел на русском языке, учитывая, что не во всех случаях возможно даже просторечное употребление притяжательных прилагательных, образованных от собственных имен. Однако – такие сложные по структуре прозвища живут и функционируют в произведении, создавая образы жителей английской деревни рубежа XVIII-XIX веков. С другой стороны, **Old Master Marner** («Старик Марнер») – главный герой ещё одного романа Дж. Элиот – получает свое оскорбительно-уважительное прозвание от маленьких жителей деревни. Дети одновременно боятся и его и восхищаются им за его отстранённость и выдержку.

Личностные фразеологизмы романов Т. Гарди многочисленны и довольно просты по структуре и семантике. Их основная функция – оживить разговор местных жителей. Такие единицы как: **«Old Twills** («Старина Твиллс»), »; **Farmer Oak** («Фермер Оук») – персонажи романа Т. Гарди «Вдалеке от обезумевшей толпы» или **Physician Vilbert** («Лекарь Вилберт») – герой романа «Джуд Незаметный» передают атмосферу сельской ярмарки или встречи в пабе, где стираются социальные различия и люди оказываются в одном кругу. Определённое исключение составляет личностный фразеологизм **Father Time** («Старичок Время») – прозвище маленького сына Джуда. Это сложная переосмысленная единица, функционирующая как истинное прозвище. Оно было присвоено маленькому мальчику за его мрачный вид и недетские рассуждения. Он сам сообщает о нём отцу и мате, и они невольно соглашаются с его точностью. Оно неожиданно, броско и буквально одним штрихом заканчивает портрет ребёнка, которому суждено сыграть роковую роль в жизни главных героев.

Роман Г. Джеймса «Посланники» является последним в хронологическом ряду проанализированных произведений. Он был написан уже в XX веке и во многом отличается от романов XIX века. Это сложный текст, насыщенный внутренней речью главного героя и передающий малейшие оттенки его психических состояний. Здесь нет места балагурству гардиевских персонажей или добродушному подшучиванию рассказчика Дж. Элиот. Герои романа – люди другой социальной среды. Каждое их слово имеет вес само по себе, их речь правильна и лишена диалектных особенностей. Тем более неожиданным представляется присвоение прозвища-фразеологизма **The Sitting Bull** («Сидящий Бык») Мистеру Уэймаршу – другу и антагонисту главного героя Ламберта Стрезера. Оно встречается в речи светской дамы Мисс Баррас и выражает высшую степень иронии по отношению к объекту номинации. Употребление этого прозвища вызывает удивление её собеседника. Правильное понимание прозвища требует широкого контекста и прочтения скрытых смыслов.

Данная статья не претендует на исчерпывающую трактовку вопроса. В ней делается попытка затронуть малоисследованный пласт английской прозвищной фразеологии и намечаются пути дальнейшей работы.

Библиографический список

1. Горностаева А.А. Ирония в английском и русском дискурсах: сопоставительный анализ. *Вестник РУДН. Серия Лингвистика*. 2013; 4.
2. Кунин А.В. *Курс фразеологии современного английского языка*. Москва, 1996.
3. *Введение в литературоведение*: учебник для студ. учреждений высш. проф. образования. Л.В. Чернец и др. Москва, 2011.
4. Кухаренко В.А. *Интерпретация текста*. Москва, 1988.
5. Николина Н.А. *Филологический анализ текста*. Москва, 2003.

References

1. Gornostaeva A.A. Ironiya v anglijskom i ruskom diskursah: sopostavitel'nyj analiz. *Vestnik RUDN. Seriya Lingvistika*. 2013; 4.
2. Kunin A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo anglijskogo yazyka*. Moskva, 1996.
3. *Vvedenie v literaturovedenie*: uchebnik dlya stud. uchrezhdenij vyssh. prof. obrazovaniya. L.V. Chernec i dr. Moskva, 2011.
4. Kuharenko V.A. *Interpretaciya teksta*. Moskva, 1988.
5. Nikolina N.A. *Filologicheskij analiz teksta*. Moskva, 2003.

Статья поступила в редакцию 19.03.15

УДК 811. 161 +378/147 (082+0,75.8)

Konyashkin A.M., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru

Baikova Yu.S., postgraduate, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University
n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: julija_55@list.ru

REMINISCENCES AND QUOTES IN WORKS BY YE. YEVTVSHENKO. The article deals with reminiscences and quotations as stylistic means functioning in the works of Yevgeny Yevtushenko. The authors conclude that the reminiscences are multifunctional: they carry a communicative (reminiscences-statements), informative, stylistic, motivating, teaching, axiological and other functions. In Ye. Yevtushenko's works reminiscences reveal themselves as a very constructive language material. Citation is used to create an artistic space that can be opened and closed. The research is based on the analysis of the functioning of allusions and quotations in poetry and prose texts by Yevgeny Yevtushenko, it was found that the reminiscences and quotes largely determine such traits of the writer and form his idiosyncrasy, as an artistry, aesthetics, aphoristic. Citations are used in the author's ballad, which are effective syntactic and stylistic means that reflect the author's worrying and give psychological influence upon a recipient.

Key words: quotation, reminiscence, contrast, method, repetition, sentence, semantic, style, syntax, analysis.

А.М. Коняшкин, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru

Ю.С. Байкова, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: julija_55@list.ru

РЕМИНИСЦЕНЦИИ И ЦИТАТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Е. ЕВТУШЕНКО

В статье рассматриваются реминисценции и цитаты, функционирующие в произведениях Евгения Евтушенко как стилистические средства. Авторы приходят к выводу, что реминисценции многофункциональны: они выполняют коммуникативную функцию (реминисценции-высказывания), информативную, стилистическую, мотивирующую, дидактическую, аксиологическую и др. В произведениях Е. Евтушенко реминисценции проявляют себя как весьма конструктивный языковой материал. Цитирование используется для создания художественного пространства, которое может быть открытым и замкнутым. На основании анализа функционирования реминисценций и цитат в поэтических и прозаических текстах Е. Евтушенко установлено, что реминисценции и цитаты в значительной мере определяют такие черты идиостиля писателя, как художественность, эстетичность, афористичность.

Ключевые слова: цитата, реминисценция, контраст, метод, повтор, предложение, семантика, стиль, синтаксис, суждение.

В произведениях Е. Евтушенко в качестве эффективных стилистических приемов широко представлены реминисценции и цитирование.

Реминисценции – это различного рода отсылки к другим текстам. «Реминисценция (от позднелат. *reminiscentia* – воспоминание) – риторический приём, состоящий во включении в речь (текст) хорошо узнаваемого фрагмента чужого (прецедентного) текста, иногда несколько трансформированного, без упоминания его названия и автора для усиления экспрессивности выражаемой мысли или создания какого-либо другого стилистического эффекта» [1, с. 552].

Например: *Страх – это хамства основа. Охотнорядские хари, вы – это поемь Ноздрёва и человека в футляре* (Танки идут по Праге); *Вновь проявилась сущность человечка – получишь раздобыть себе местечко* (Крестный ход); *Народ имеет ту литературу, которую заслуживает он* (Цензура равнодушья); *Кто был ничем, не станет всем* (Тринадцать). В первом примере представлено реминисцентное сочетание, состоящее из фамилии гоголевского героя и названия чеховского рассказа. Во втором – реминисценция крылатой фразы грибоедовского героя: *Фамусов Как станешь представлять к кресту ли, к местечку, Ну как не порадеет родному человечку!* (А. Грибоедов. Горе от ума). Третий пример – реминисценция афоризма графа Ж. де Местра: *Каждый народ имеет то правительство, которое он заслуживает*. Четвёртый – реминисценция одной из строчек «Интернационала».

Реминисцируемые пословицы в текстах Е. Евтушенко обычно трансформируются: *Отчего же пословицу древнюю повторяют феллахи и птицы, что бояться все люди времени, а оно пирамид боится* (Братская ГЭС); *От любви, как от сумы и от тюрьмы, не зарекайся* (Ягодные места); *Что у трезвого на уме, то у пьяного на языке, как говорится* (там же).

В отдельных случаях на реминисцирование может указывать контекст: *Как сказал поэт, на свете счастья нет, а есть простор и воля. Гриша... всегда вместо слова «покой» ставил «простор»* (там же).

Сочетание реминисценций рождает глубокий подтекст. Например: *Понимают ли они, что означает «Мальчики кровавые в глазах?» Нет, для многих «мальчика не было»* (Ягодные места).

Первая реминисценция – это отсылка к пушкинскому тексту: Борис Годунов намекает на гибель царевича Дмитрия; вторая – к горьковскому: Клим Самгин, пораженный быстрой и неожидан-

ной гибелью своего сверстника, не может поверить в случившееся и непроизвольно задает себе вопрос: «А был ли мальчик?» Герой Е. Евтушенко вкладывает в эти крылатые выражения другой смысл: «Понимают ли они, что такое зло и муки совести? Нет, многие не понимают».

Реминисценции многофункциональны: они выполняют коммуникативную функцию (реминисценции-высказывания), информативную, стилистическую, мотивирующую, дидактическую, аксиологическую и др.

В произведениях Е. Евтушенко реминисценции проявляют себя как весьма конструктивный языковой материал. Так, вступительная часть поэмы «Братская ГЭС» «Молитва перед поэмой» почти полностью состоит из реминисценций:

Дай, Пушкин, мне свою певучесть, свою раскованную речь, свою пленительную участь – как бы шала, аглаголом жець; Дай, Лермонтов, свой желчный взгляд, своей презрительности яд и келью замкнутой души; Дай, Некрасов, уняю мою резвость, боль иссеченной музы твоей – у парадных подъездов, у рельсов и в просторах лесов и полей; О, дай мне, Блок, туманность вещую и два кренящихся крыла; Дай, Пастернак, смещение дней, смещение веток, сращение запахов, теней с мученьем века, чтоб слово, садом бормоча, цело и зрело, чтобы вовек твоя свеча во мне горела; Есенин, дай на счастье нежность мне к березкам и лугам, к зверью и людям и ко всему другому на земле, что мы с тобой так беззащитно любим; Дай, Маяковский, мне глыбастость, буйство, бас, непримиримость грозную к подонкам, чтоб смог и я, сквозь время прорубаясь, сказать о нём товарищам потомкам.

Однако в данных примерах обнаруживается отступление от правил реминисцирования – названы фамилии авторов, что является характерным признаком цитирования. Впрочем, это отступление необходимо и обязательно, ибо оно диктуется требованиями жанра: в молитве не может быть не упомянут тот, к кому она обращена.

Собственно-стилевые черты «Молитвы перед поэмой» – искренность, уважительность, преклонение, пиетет – определяются исключительно реминисценциями и личным обращением поэта к гениям русской классической литературы.

Как правило, прецедентный текст или его фрагменты включаются в новый текст в трансформированном виде. Точное же воспроизводство текста с указанием авторства квалифицируется лингвистикой как цитирование. Например: *Ему нравились чьи-то строчки, кажется, Киплинга: «После прерии бесконечной*

кофе я пью» (Ягодные места); *Космонавт вспомнил слова Тютчева: «В Россию можно только верить»* (там же).

«Цитата — это высказывание, вырванное из ситуации, в которой оно было сказано впервые (транспонированное высказывание), и помещённое в иной контекст. При таком перемещении происходит частичное неизбежное изменение значения и приобретение некоторого другого смысла — «резерва смысла» (П.А. Лекант), базы для возникновения коннотативных значений.

Когда цитата становится фактом языка, сужается её грамматическое значение: категория предикативности сменяется категориями номинативной конструкции» [2, с. 749 — 750].

Цитаты, как и реминисценции, многофункциональны. Так, начальная строчка романа «Ягодные места» «По небу полночи ангел летел...» — это дословное цитирование начальной строчки стихотворения М.Ю. Лермонтова «Ангел».

Цитирование используется для создания художественного пространства, которое может быть открытым и замкнутым. Летящий космонавт одинаково остро воспринимает внутреннее, замкнутое, пространство корабля и бесконечность космоса. Цитирование точно передаёт это состояние.

У Е. Евтушенко цитирование зачастую репрезентируется как стилистическая доминанта больших текстовых фрагментов и отдельных произведений. Например:

*Я представляю страх и обалдение,
когда попало в Третье отделение
«На смерть Поэта»...
И шеф жандармов...
Дойдя до строк: «Но есть,
есть божий суд, наперсники разврата...» -
он, вздрогнув, огляделся воровато
и побоялся ещё раз прочесть.*

*Уже давно доладец был состряпан,
и на Кавказ М. Лермонтов запрятан,
но Бенкендорф с тех пор утратил сон...
«Есть божий суд...» — в смятенье слышал он.*

*«Есть божий суд...» — метель ревела в окна.
«Есть божий суд...» — весной стонала Волга
в раздолях исстрадавшихся степных.
«Есть божий суд...» — кандальники брэнчали.
«Есть божий суд...» — безмолвствуя, кричали
глаза скидавших шапки крепостных.*

*И шеф, трясась от страха водянисто,
украдкой превратился в атеиста.
Шеф посещал молебны, как всегда,
с приятцей размышляя в кабинете,
что всё же бога нет на этом свете,
а значит, нет и божьего суда...*

(Баллада о шефе жандармов и о стихотворении М. Лермонтова «На смерть поэта»).

Цитирование повторяется в балладе десятикратно и выступает как эффективное синтаксическое и стилистическое средство, отражающее глубину авторского переживания и оказывающее сильное логическое и психологическое воздействие на реципиента.

Тавтологическое цитирование и трансформации — *нет божьего суд, суд поэта, есть грозный судия* — определяют пафос стихотворения и усиливают его тональность. Наряду с этим, они структурируют рефрен данного произведения, определяют ретроспективность его композиции и содержания, «современность звучания» и рожают у адресата многочисленные аналогии.

Определяющую роль в выражении «резервного смысла», состоящего в категорическом неприятии давно свершившейся трагедии, играет стилистический контраст, заключающийся в резком противопоставлении таких элементов баллады, как «есть божий суд» — «нет божьего суда».

В следующем примере цитирование составляет содержательную основу диалога:

— А Вознесенский?
— Здорово пишет. Я так не умею. Но и не хочу так. У него женщину в машине бьют, а он красивые образы накручивает: «И билась нога в потолок, как белые прожектора».

— А Евтушенко?
— Это тоже уже пройденный этап. Смотри-ка, у тебя все первые издания Гумилева. Я его не читал — его ведь не переиздают. Ух ты, здорово:

*В оный день, когда над миром новым
Бог свое лицо склонил, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.*

Чем-то с Маяковским перекликается:

Я знаю силу слов, я знаю слов набат...

Там особенно крепко в конце: «И подползают поезда ли-зять поэзии мозолистые руки...» Какое «з» — прямо как металл звенит... Впрочем, у Блока тоже много плохих стихов. «Так вонзай же, мой ангел вчерашний, в сердце острый французский каблук» — это же обыкновенная пошлятина.

В данном случае цитирование проявляет себя как эффективный способ глубже, сильнее, ярче, лучше, убедительнее и полнее выразить мысли, подкрепить их ссылкой на авторитетное мнение.

Итак, реминисценции и цитаты репрезентированы в произведениях Е. Евтушенко как эффективные стилистические приёмы. Они многофункциональны, и функции их в целом соотносительны. Реминисценции и цитаты в значительной мере определяют такие черты идиостиля талантливого поэта и писателя, как художественность, эстетичность, лапидарность и афористичность.

Библиографический список

1. Сковородников А.П. Реминисценция *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник*. Москва, 2003.
2. Емельянова О.Н. Цитата *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник*. Москва, 2003.

References

1. Skovorodnikov A.P. Reminiscenciya *Kul'tura russkoj rechi. 'Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik*. Moskva, 2003.
2. Emel'yanova O.N. Citata *Kul'tura russkoj rechi. 'Enciklopedicheskij slovar'-spravochnik*. Moskva, 2003.

Статья поступила в редакцию 16.03.15

УДК 811. 161 +378/147 (082+0,75.8)

Konyashkin A.M., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru
Baikova Yu.S., postgraduate, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia), E-mail: julija_55@list.ru

SENTENCES OF IDENTITY AS A LANGUAGE FORM OF APHORISMS BY YE.A YEVTUSHENKO. The article discusses features of the syntax in Yevgeny Yevtushenko's poetry: identities which are one of the linguistic forms of aphorisms. The authors of the article find sentences of the following models: nominative — nominative, infinitive — nominative, infinitive — nominative. The researchers study their semantics and ways of functioning in poetic texts of the poet and present the results of their study. On the basis of studying the functions of sentences of identity, acting as a linguistic form of aphorisms, it was found that they perform an image-defining function. These sentences have another function of binominative structures. The authors conclude that bi-infinitive sentences,

in comparison with binominative sentences, are not typical to the style of the poetry of Ye. Yevtushenko. On the whole, the paper clarifies the basic functions of the sentences of identity of communicative and stylistic types.

Key words: aphorism, infinitive, nominative, linking verb, repetition, sentence, semantic, syntax, comparison, analysis, identity.

А.М. Коняшкин, д-р филол. наук, проф. каф. русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: vika.karamashewa@yandex.ru

Ю.С. Байкова, аспирант каф. русского языка и методики преподавания Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: julija_55@list.ru

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ТОЖДЕСТВА КАК ЯЗЫКОВАЯ ФОРМА АФОРИЗМОВ Е.А. ЕВТУШЕНКО

В статье рассматриваются особенности синтаксиса поэзии Евгения Александровича Евтушенко – предложения тождества, являющиеся одной из языковых форм афоризмов. Исследуются следующие модели: *номинатив – номинатив*, *инфинитив-номинатив*, *инфинитив-номинатив*, – их семантика и особенности функционирования в поэтическом тексте. На основе изучения функций предложений тождества, выступающих в качестве языковой формы афоризмов, установлено, что они выполняют образно-дефинитивную функцию. В наибольшей степени этой функции соответствует языковая природа биноминативных предложений. Авторы приходят к выводу, что биинфинитивные предложения, по сравнению с биноминативными, представлены в поэзии Е. Евтушенко в меньшем количестве. В статье выяснены основные функции предложений тождества (коммуникативная и стилистическая).

Ключевые слова: афоризм, инфинитив, номинатив, глагол-связка, повтор, предложение, семантика, синтаксис, сравнение, суждение, тождество.

Предложения тождества (ПТ) – это один из структурно-семантических подтипов простого двусоставного предложения, востребованный и широко представленный в качестве языковой формы афоризмов – кратких, высокохудожественных, глубоких по смыслу, выразительных, служащих для обобщения высказываний – в отечественной поэзии, в частности – в стихотворениях и поэмах известного талантливого поэта Е. Евтушенко.

С точки зрения синтаксической структуры, ПТ характеризуются тем, что их основу составляет конструкция тождества, с точки зрения семантики – значением отождествления. В зависимости от особенностей оформления предикативной основы в современной русистике выделяются ПТ, строящиеся по схеме: **номинатив – номинатив** (биноминативные предложения), **номинатив – инфинитив**, **инфинитив – инфинитив** (биинфинитивные предложения). Например: *Москва – столица России*; *Наша задача – учиться*; *Сомневаться – значит искать*.

Предложения тождества характеризуются реальной обратимостью. Ср.: *Столица России – Москва*; *Учиться – наша задача*; *Искать – значит сомневаться*.

Однако в этом случае необходимо указать на то, что возможности реальной обратимости не у всех разновидностей ПТ одинаковы: у биинфинитивных предложений, в силу грамматической неизменяемости инфинитива, они ограничены.

«Основными условиями реальной обратимости являются конструкции тождества и равный смысловой объём двух составов» [1, с. 66].

Таким образом, отождествление и реальная обратимость существуют только во взаимосвязи.

Одной из функций ПТ, выступающих в качестве языковой формы афоризмов, – является образно-дефинитивная функция. В наибольшей степени этой функции соответствует языковая природа биноминативных предложений, и это подтверждает статистический анализ.

Примеры: *Политика – игра без правил* (Давлёныши); *Такая двусердечность – бессердечность* (Голубь в Сантьяго); *Жизнь – очко с беззубой каргой* (Спасибо); *Жизнь – восстание против смерти* (там же); *Политика – профессия от дьявола* (Монолог послезавтрашнего человека); *Жизнь без познания – мёртвая трибуна* (Голубь в Сантьяго); *Жизнь без ребёнка – нищета*, *С ребёнком – ты ребёнок сам* (Прогулка с сыном); *В любви полмига – полстолетия* (Нет лет); *Война гражданская – воронка* (Тринадцать).

Нетрудно заметить, что если первый номинатив репрезентируется в прямом значении, то второй полисемантичен, поскольку выражает различные добавочные значения: оценочные, характеристические, сопоставительные, метафорические. Это позволило квалифицировать такие предложения как предложения тождества с метафорическим значением предиката [2].

Биноминативные предложения – это один из логико-грамматических подтипов предложения тождества: если их грамматическое содержание составляет значение отождествления, то

логическое – логическая пропозиция, представляющая собой результат умственных операций [3, с. 12].

Таким образом, инвариантное значение биноминативных предложений, как, впрочем, и других разновидностей ПТ, представляет собой сложный синтез логического и грамматического.

Включение в двухэлементную структуру сказуемого (связка – основной компонент) негатива НЕ меняет инвариантное значение на противоположное: *Стыд не смерть* (Померкло блюдечко во мгле); *Безнравственность – уже не русскость* (Возрождение); *Чёрной сотни свобода – уже не свобода* (Подневольная вольная русская пресса).

Как правило, в предложениях тождества связи, включая представленные примеры, не эксплицируются, то есть имеет нулевую форму. В биноминативных предложениях это нулевая форма «бытийной» связи *есть*, находящейся в «генетическом родстве» со связкой *быть*. Связка *есть* – это чистая форма, поскольку абстрагированность грамматического значения достигается в ней наивысшей степени. Например: *Прижатость есть вид непокорства* (Карликовые берёзы).

В настоящее время в связке *есть* обнаруживается оттенок архаичности, что позволяет говорить о ней как о стилистическом средстве и что в определённой мере объясняет редкие случаи её экспликации в поэтическом синтаксисе.

В тавтологических биноминативных предложениях типа *Но волк есть волк необратимо* (Тому назад...) связка *есть* является показателем самоотжественности субъекта, то есть тождественности самому себе, своему значению, обязательно известному реципиенту, которому и «адресована» концентрация внимания на одном слове. Это идеальные, абсолютные предложения тождества – тождества в «чистом виде».

Связка *есть* (во всех формах) нередко сочетается с присвяточными частицами *вот*, *это*, осложняющими семантическую структуру предложения добавочным значением указательности, присвяточными частицами союзного типа *словно*, *как*, сигнализирующими о том, что отождествление контаминируется со значением сравнения.

Примеры: *Животные – это другие народы, и не слезливой, как люди, породы* (Последние слёзы); *Страх – это хамства основа* (Танки идут по Праге) *Проклятые века – это спешка* (Карликовые берёзы); *Искусство, спрятанное от народа, – это обкрадывание людей* (Смерть в Токио); *Всепоколенийность – вот гениев удел* (Нет лет); *Любовь – как плавание в нигде* (Тому назад...); *Счастье – словно взгляд из самолёта* (Зашумит ли клеверное поле).

Присвяточная частица *он* характерна для разговорного синтаксиса: *Стыд – он делу венец* (Стыды).

ПЧ лишь осложняет семантическую структуру биноминативного предложения добавочным значением ограничительности, и это усиливает категоричность суждения: *Безвыходность – лишь плод воображенья* (Голубь в Сантьяго).

Присвязочные частицы полифункциональны: они фиксируют связь, грамматическую форму сказуемого, а значит, и синтаксическую структуру предложения в целом, осложняют семантическую структуру добавочными значениями, однако облигаторными эксплицитными компонентами они не являются, поскольку их формальная репрезентированность в поэтическом тексте диктуется не только синтаксическим строением предложения, но и ритмикой и метрикой стиха.

Предложения строящиеся по схеме *инфинитив – номинатив* входят в группу инфинитивно-подлежащих предложений. Как нам кажется, разночастеречные инфинитив и номинатив способны к предикативному сочетанию потому, что они – начальные формы парадигмы: инфинитив – глагольной, номинатив – предложно-падежной; а за начальными формами легче закрепляются функции. Это подтверждается многофункциональностью рассматриваемых форм: и номинатив (в биноминативных предложениях), и инфинитив (в биинфинитивных предложениях) могут выполнять как функцию подлежащего, так и функцию сказуемого.

Одним из важнейших показателей грамматической формы сказуемого является препозиция инфинитива. Например: *Не знать, как ты ведешь себя, – вот счастье* (Голубь в Сантьяго); *И верить в спасенье – нелепость...* (Казанский университет. Фигнер); *Жалеть людей наездом, свысока, отделившись подачкой, – оскорбление* (Северная надбавка); *В России быть поэтом – приговор* (Баллада о Твардовском).

Однако поэт отдаёт предпочтение инверсии обратному порядку слов как более экспрессивному средству. Критериями обнаружения сказуемого в этом случае становится абстрактный характер оценочно-характеристического значения номинатива, а также, во многих случаях, его эмоциональная окрашенность. Например: *Геройство есть – поднять людей наездом, свысока, отделившись подачкой; Скучища – хорошо себя вести. Тоска – вести себя нарочно плохо*. (Голубь в Сантьяго).

Помимо инверсии, в предложениях тождества представлены и другие стилистические средства, что усиливает их востребованность в качестве языковой формы афоризмов.

Например, синтаксический параллелизм – идентичность синтаксического строения: *Но не забывать – это право забытых, как сниться живым – это право убитых* (Забудьте меня).

Одинаковые по строению конструкции представляют собой предикативные части в составе сложного предложения, в котором, помимо СП, дважды представлена тавтология.

Кольцевая тавтология указывает на циклический характер действий: *Заметать преступлений следы – подготовка других преступлений* (Коррида).

Анафора – повтор слов в начале стихотворных строк: *Любой из нас – мозаика кровинок. Любей еврей – араб, араб – еврей* (Перепутанные бирки).

Хиазм – перекрёстное расположение языковых элементов с целью усиления выразительности: *Две молодости прижавшиеся – старость, но старость – это молодость вдвойне* (Голубь в Сантьяго).

Оксиморон – парадоксальное сочетание антонимически противопоставленных слов: *Единственная роскошь бедных есть роскошь ада...* (Роскошь бедных).

Эпитет: *И русский дух – всечеловечный дух* (Обида раба);

Таким образом, система стилистических средств имеет в ПТ весьма широкое представительство. Способность к абсорбции стилистических фигур и тропов, обозначение логических пропозиций и особенности синтаксического строения – всё это обуславливает лапидарный характер ПТ, собственно-стилевыми чертами которых являются лаконичность, ясность и выразительность.

Как и в основе биноминативных предложений, в основе биинфинитивных предложений (БИП) лежит принцип бинарности: предикативное ядро формируется путём повтора инфинитива (в биноминативных – номинатива); выражается значение отождествления, опирающееся на конструкцию тождества. Например: *Не родиться – это умереть* (Спасибо); *Ну а обманывать тебя – обманывать себя* (Среди любовью слышавшего сплетенья рук и бед...); *Жить – это причинять всем ближним боль* (Голубь в Сантьяго).

Таким образом, биинфинитивные и биноминативные предложения, относящиеся к ПТ, образуют подгруппу бинарных предложений. В то же время биноминативные предложения относятся к номинативно-подлежащему типу предложений, а БИП – к инфинитивно-подлежащему. Это означает, что бинарные предложения формируют «буферную зону» между данными типами простого двусоставного предложения.

Биинфинитивные предложения, по сравнению с биноминативными, представлены в поэзии Е. Евтушенко значительно реже. Очевидно, по причине более универсального характера последних.

Итак, востребованность ПТ в качестве языковой формы афоризмов обуславливается определёнными соответствиями между языковой природой предложений тождества и жанровой природой афоризмов: прежде всего это лапидарность стиля, полисемантность и полифункциональность.

Восприятие подтекста конкретных произведений Е. Евтушенко сопряжено с контекстным прочтением, выходящим за рамки этих произведений.

В семантической структуре ПТ актуализируются различного рода признаки – функциональные, семантические, аксиологические, стимулирующие интенцию афоризма.

Основными функциями предложений тождества, выступающих в качестве языковой формы афоризмов Е. Евтушенко, являются коммуникативная и стилистическая.

Библиографический список

1. Лекант П.А. *Синтаксис простого предложения в современном русском языке* Москва: Высшая школа, 1986.
2. Миргородская В.В. *Предложения тождества с метафорическим значением предиката в современном русском языке*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 1984.
3. Шмелёва Т.В. *Семантический синтаксис*: текст лекций из курса «Современный русский язык». Красноярск, 1988.

References

1. Lekant P.A. *Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke* Moskva: Vysshaya shkola, 1986.
2. Mirgorodskaya V.V. *Predlozheniya tozhdestva s metaforicheskim znacheniem predikata v sovremennom russkom yazyke*. Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-na-Donu, 1984.
3. Shmeleva T.V. *Semanticheskij sintaksis*: tekst lekcij iz kursa «Sovremennyy russkij yazyk». Krasnoyarsk, 1988.

Статья поступила в редакцию 16.03.15

УДК 81.161.1'373.21

Nosenko N.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia), E-mail: nnosenko@mail.ru

SPEECH GAME IN MODERN URBAN NOMINATION. The article considers business names (proper names of companies, firms and organizations) as part of specific communication between the creator and the target addressee and it is devoted to the study of methods and techniques of speech play used in modern names of organizations' creation. The relevance of the topic being studied is that the names of the city objects have a high degree of reproducibility in the modern communicative process: entering the mind of a native speaker, they participate in the formation of his or her world picture. Special attention is paid to studying the implementation

of speech play on the level of word formation, the semantics and structures of names-contaminants, as well as actualizing of false morphemes are considered in detail. Analysis of a large amount of factual material, accumulated during many years of research of Novosibirsk nominations, entitles to prove the relevance and efficiency of the above mentioned methods of creation of city names.

Key words: business names, speech play, world building, names-contaminants, abbreviation.

Н.В. Носенко, канд. филол. наук, доц. Новосибирского государственного педагогического университета, г. Новосибирск, E-mail: nnossen@mail.ru

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА В СОВРЕМЕННОЙ ЭРГОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ

Статья посвящена исследованию приёмов языковой игры, характерных для создания названий организаций и предприятий современного города. Актуальность изучаемой темы заключается в том, что названия городских объектов имеют высокую степень воспроизводимости в современном коммуникативном процессе: войдя в сознание носителя языка, они участвуют в формировании его картины мира. Особое внимание в статье уделено изучению реализации языковой игры на уровне словообразования, подробно рассматривается семантика и структура эргонимов-контантинантов, полногласных аббревиатур и графодериватов, а также случаи актуализации ложных морфем. Анализ большого фактического материала, накопленного в ходе многолетних исследований новосибирских номинаций, позволяет говорить об актуальности и продуктивности перечисленных выше способов образования городских названий.

Ключевые слова: эргоним, языковая игра, словообразование, контаминация, аббревиация, эргонимы-контантинанты.

Названия организаций и предприятий современных мегаполисов привлекают внимание лингвистов на протяжении нескольких десятилетий. Особенно продуктивным стало то направление исследований, которое рассматривает создание эргонима (термин Н.В. Подольской, 1978 [1]) как творческий акт и часть специфической отсроченной коммуникации между создателем и адресатом номинации. В комплексном исследовании массива новосибирских названий, которое проводилось с 2004 по 2007 год [2, 3], особое внимание уделялось способам реализации функций языкового воздействия (экспрессивной, аттрактивной, мнемонической, магической и игровой); поскольку при создании экспрессивных названий городских объектов активно учитывается фактор адресата и наиболее полно раскрывается творческий потенциал номинатора. Вышеупомянутое исследование показало, что реализация функций этого спектра основана в том числе и на приёмах языковой игры. Прошло пять лет, но интерес к городской номинации не утихает, написаны новые исследования на материале эргонимов Томска [4], Уфы [5], Санкт-Петербурга [6] и других городов. Представляется важным оценить живучесть и продуктивность изученных ранее приёмов креативного создания названий городских объектов, а также отследить новые тенденции в этой области.

Как известно, существуют разные взгляды на лингвистическую и социальную природу языковой игры. Термин «языковая игра» был введен философом Л. Витгенштейном [7] и в современной науке он получил двойное толкование: во-первых, языковая игра – единое целое, которое составляют язык и действия, с которыми он переплетён (определение, данное самим Витгенштейном), во-вторых, это все «явления, когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное» – определение Е.А. Земской [8, с. 172]. В вопросе о городских номинациях интерес представляет, конечно, второе значение этого термина и то понимание языковой игры, которое принадлежит Т.А. Гридиной: языковая игра – форма «деканонизированного речевого поведения говорящих, реализующая прагматические задачи коммуникативного акта с категориальной установкой на творчество...» [9, с.7]. Так, языковая игра – это, прежде всего, отклонение от языковых норм, сделанное преднамеренно, целью которого является привлечение внимания воспринимающей стороны. Языковая игра, – это обращение внимания при построении высказывания на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство, нередко это использование тропических и других фигуральных возможностей языка. По нашему мнению, анализ механизмов языковой игры даёт материал для понимания природы интерпретации эргонимов. К приёмам языковой игры мы относим контаминацию и создание эргонимов-аббревиатур (акронимов), созвучных узуальному слову, случаи актуализации ложных морфем и использование рифмы в названии.

Остановимся на указанных приёмах.

Контаминация (от лат. *contaminatio* – смешение, соприкосновение) – «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или

тождества, функциональности или семантической близости» [10, с. 256]. Вслед за И.С. Улухановым, мы считаем контаминацию особым способом словообразования [11, с. 60 – 62]. Со структурной точки зрения, контаминацию можно отнести к переходному явлению между сложением и аббревиацией. Рассматривая семантику контаминанта, необходимо отметить, что, являясь сложным словом, он указывает на несколько семантических сущностей, каждая из которых может в сознании реципиента вызывать цепочку ассоциаций, являясь, в свою очередь, частью, звеном ментальных построений. Номинатор, таким образом, если адаптировать схему, предложенную Е.С. Кубряковой [12, с. 61], осуществляет синтез смыслов, находит подходящий эквивалент целому пучку признаков в виде одного слова; поэтому сложное слово намного богаче по содержанию, чем простое слово. Подготовленный реципиент расшифровывает эти смыслы, поддерживая игру, заданную номинатором.

Названия-контантинанты в прошлом были редкими жемчужинами в эргонимии Новосибирска: бар *Чемпион* («чемпион и пиво»), магазин одежды для детей и подростков *МолОдёжка* («молодой и одёжка»), магазин детской обуви *Обуванчик* («одуванчик и обувь»), магазин товаров для спорта *Спортугалия* («спорт и Португалия»), однако, этот способ образования становится всё более продуктивным с начала 21 века. Рассмотрим в качестве примера название караоке бара *КараРокки*, по словам номинатора, *КараРокки* бар – это не опечатка от караоке-бара. *КараРокки* – от имени знаменитого кинобоксёра Рокки. Почему? Потому что это первый караоке-бар, оборудованный рингом для певцов и наполненный духом соревнований и победы.

Таким образом, для создания неожиданного эффекта (часто юмористического) номинатор обыгрывает наименование товара или услуги, находя новые, неожиданные формы, комбинируя прагматическое зерно в виде корня или созвучной корню единицы наименования продукции со словами, входящими в тот же ассоциативный ряд, например: *Арлекино* – «персонаж итальянской комедии» и название минимаркета детских товаров *Арлекино* («по имени владелицы Аракелян Инны + Арлекино»), ср. название кинотеатра *Арлекино*. В ряде случаев номинации соединяют в себе контрастные, не ассоциирующиеся между собой понятия: магазин кафеля *Кайфель* («кайф и кафель»), бар *Бирлускони* («beer – пиво и Берлускони»), бар *BarIn* («барин + бар + In (предлог (англ.))»).

Так, анализ эргонимов-контантинантов, выполняющих прагматическую функцию, позволяет говорить о важности **легитимации** (термин французского философа постмодерниста Жана-Франсуа Лиотара): «слушающий (читающий) также должен понимать, что это «нарочно так сказано», иначе он оценит соответствующее выражение как неправильность или неточность» [13, с. 23].

Языковая игра в современной городской номинации реализуется и при актуализации ложных морфем, что частично можно наблюдать и при контаминировании (*Арлекино*, *BarIn*). Авторы названия переосмысливают узуальные слова, как правило, не обладающие экспрессивностью, закрепленной в языке, и создают номинацию, которая в силу своей оригинальности приоб-

ретаёт коннотативную отмеченность. Так, например, в названии фирмы *Тэкс-Стиль* выделена часть корня как отдельный компонент с собственным лексическим значением. Ср.: в аналогичном названии с перестановкой частей – *Стиль-Тэкс* – проявилась экспрессия перевертыша. Один из магазинов, в котором продаются ткани, швейная фурнитура и пуговицы, наименован *Тюль-Пан*. Это название также представляет собой интересный случай актуализации ложных морфем. Слово со значением «цветок» разбито на две части, каждая из которых имеет отношение к швейной промышленности, называя вид ткани: «*тюль*» + «*пан*» («полиамидное трикотажное волокно»). Типичным примером такой характеристики является название производственной компании *МебельКор* («корпусная мебель») где номинатор использовал варваризм (*belle* – «красавица»), объясняя это следующим образом: «Таким названием мы хотели сказать нашим потенциальным клиентам, что мы делаем красивую корпусную мебель». Один из магазинов постельных принадлежностей называется *Бель-Постель*. Название образовано сложением усечённой основы и слова: бельё + постель, части рифмуются. Первая часть она ориентирована на иностранное слово с положительной оценкой (происходит актуализация фр. «*belle*» – «изящный, красивый» и ит. «*bella*» – «прекрасный»).

Как известно, языковая игра наиболее ярко демонстрируется на стыке языковых систем: намеренное изменение структуры слова путём использования иноязычных компонентов влечёт за собой расширение семантики эргонима. Языковая игра в эргонимии Новосибирска проявляется на формальном и семантическом уровнях: графический, словообразовательный, фонетический формант может быть как асемантическим, так и наделённым дополнительной семантикой, но чаще всего формальная и семантическая стороны языковой игры неразрывно связаны между собой.

Часто актуализация ложных морфем происходит за счёт использования графики другого языка. Иноязычные компоненты нередко являются смыслообразующими и снабжают эргоним дополнительными оттенками значения и коннотацией. Подобные гибриды могут быть представлены как односложно, так и неодносложно. Состав единиц внутри группы гибридных псевдовкраплений, также как и в предыдущей группе оригинальных эргонимов с вкраплениями ложных корней, может варьироваться ввиду отсутствия единообразия письменной репрезентации: цветочный салон *ЦветОК* (*ОК* – «*всё хорошо*» (англ.)), магазин чая и кофе

ЧайCoffsky, магазин товаров для животных *АкваZoomarket* (*Zoo* – «зоопарк» (англ.)), торговая фирма *МебельWood* (*wood* – «дерево, деревянный» (англ.)), *Fishнебельная кухня* (*fish* – «рыба» (англ.))

Современную тенденцию образования многосложных, полнотных аббревиатур, соответствующих акронимам, отмечают многие исследователи [14, с. 120 – 124]. Среди акронимов г. Новосибирска мы находим названия магазинов: *СОМ* («строительные и отделочные материалы»), *МАГ* («магазин автозапчастей гарантийных»), *БАС* («большой автомобильный салон») и фирма *БАС* (по первым звукам фамилий владельцев); *ДЖИП* («Денежный жилищный инвестиционный паевой фонд»); курьерская служба *БИС* («Большая информационная служба»), рекламное агентство *КиТ* (по именам основателей) и ООО *КИТ* («компьютеры и оргтехника»). Следует отметить, что среди эргонимов г. Новосибирска мы встречаем не только инициальные аббревиатуры созвучные словам, но и слоговые и смешанные: туристическое агентство *МИСС* («мисс спорта Сибири»), магазин *ТаИр* («Таня + Ира» совпадает с личным именем).

Необходимо также отметить случаи неудачных акронимов-эргонимов, например, название *МИФ* («московский инвестиционный фонд») ассоциируется с мифом, то есть чем-то вымышленным, а эргоним *ДЖИП* («денежный жилищный инвестиционный фонд») вызывает ассоциации с улучшением благосостояния скорее учредителей, чем вкладчиков, которые придумали шутку о том, что денежки, вложенные в этот фонд, уедут на джипе, и их не догонишь. Таким образом, расчёт номинаторов на юмористический эффект, появляющийся при совпадении эргонима-аббревиатуры и узуального слова не всегда оправдан.

Проанализированные выше примеры демонстрируют тенденцию «рабывать на адресата в номинировании городских объектов», характерную для эргонимии современного Новосибирска. Для того, чтобы название побеждало в конкурентной борьбе, номинаторы создают ещё более сложный знак, включая различные единицы (разных языковых систем, разных уровней внутри одной системы: формального, например, графодеривацию и семантического). Анализ нашего материала позволяет говорить о продуктивности стратегий создания городских названий, основанных на языковой игре, а именно, при помощи контаминации, актуализации ложных морфем, графодеривации и аббревиации, нередко ориентированной на создание акронима.

Библиографический список

1. Подольская Н.В. Эргоним. *Словарь русской ономастической терминологии*. Москва, 1978.
2. Носенко Н.В. *Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты* Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2007.
3. Носенко Н.В. *Названия городских объектов Новосибирска: структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 2007.
4. Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2013; 3 (131).
5. Емельянова А.М. *Эргонимы в лингвистическом ландшафте полиэтнического города (на примере названий деловых, коммерческих, культурных, спортивных объектов г. Уфы)*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Уфа, 2007.
6. Козловская Н.В. Стилистические особенности названий городских объектов в современном Санкт-Петербурге. *Мир русского слова*. 2008; 3.
7. Витгенштейн Л. О достоверности. *Вопросы философии*. 1984; 8.
8. Земская Е.А., Китайгородская М.А., Розанова Н.Н. Языковая игра. *Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест*. Москва, 1983.
9. Гридина Т.А. *Языковая игра: стереотип и творчество*. Екатеринбург, 1996.
10. Контаминация. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва, 1994.
11. Улуханов И.С. Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы. *Вопросы языкознания*. 1984; 1.
12. Кубрякова Е.С. *Номинативный аспект речевой деятельности*. Москва, 1986.
13. Санников В.З. *Русский язык в зеркале языковой игры*. Москва, 1999.
14. Земская Е.А. *Словообразование как деятельность*. Москва, 1992.

References

1. Podol'skaya N.V. 'Ergonim. *Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii*. Moskva, 1978.
2. Nosenko N.V. *Nazvaniya gorodskih ob'ektov Novosibirsk: strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty* Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 2007.
3. Nosenko N.V. *Nazvaniya gorodskih ob'ektov Novosibirsk: strukturno-semanticheskij i kommunikativno-pragmaticheskij aspekty*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 2007.
4. Butakova E.S. Lingvisticheskaya kreativnost' v tomskoj 'ergonimii *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2013; 3 (131) <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1115029&selid=18936747>.
5. Emel'yanova A.M. 'Ergonimy v lingvisticheskom landshafte polietnicheskogo goroda (na primere nazvanij delovyh, kommercheskih, kul'turnyh, sportivnyh ob'ektov g. Ufy) <http://elibrary.ru/item.asp?id=16110386>. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 2007.
6. Kozlovskaya N.V. Stilisticheskie osobennosti nazvanij gorodskih ob'ektov v sovremennom Sankt-Peterburge. *Mir russkogo slova* <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=528736>. 2008; 3 <http://elibrary.ru/contents.asp?issueid=528736&selid=11651599>

7. Vitgenshtejn L. O dostovernosti. *Voprosy filosofii*. 1984; 8.
8. Zemskaya E.A., Kitajgorodskaya M.A., Rozanova N.N. Yazykovaya igra. *Russkaya razgovornaya rech': Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. Moskva, 1983.
9. Gridina T.A. *Yazykovaya igra: stereotip i tvorchestvo*. Ekaterinburg, 1996.
10. Kontaminatsiya. *Lingvisticheskij 'enciklopedicheskij slovar'*. Moskva, 1994.
11. Uluhanov I.S. Uzual'nye i okkazional'nye edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy. *Voprosy yazykoznaniya*. 1984; 1.
12. Kubryakova E.S. *Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti*. Moskva, 1986.
13. Sannikov V.Z. *Russkij yazyk v zerkale yazykovoj igry*. Moskva, 1999.
14. Zemskaya E.A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'*. Moskva, 1992.

Статья поступила в редакцию 17.03.15

УДК 82.0

Prishchepa V.P., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia)

Sipkina N.Ya., Cand. of Sciences (Philology), Professor, Khakass State University n.a. N.F. Katanov (Abakan, Russia),

E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

THE STUDY OF THE CREATION OF R.I. ROZHDESTVENSKY IN XXI CENTURY. The article discusses the problems and prospects of studying creative work by R. Rozhdestvensky, one of the founders and leaders of the literary movement of the sixties, which played a significant role in the Russian literary process of the second half of the twentieth century. The authors refer to the actual problem of modern Russian literary science – the study of the creative heritage of R. Rozhdestvensky. To solve the problem, the article reveals the overall picture of literary study of poetic, lyrical narrative, journalistic creativity R. Rozhdestvensky, which, to some extent, determines the general course of development of Russian poetry of the 1950s-1990s. One of the authors of the research was the first researcher, who published a serious research work about the poet in 20 years since 1990. The paper discusses some points that were revealed in N. Ya. Sipkina's dissertation.

Key words: *sixties literary-historical concept, ideological and aesthetic code of 60s, literary works, critical rethinking, literary phenomenon, actual problems of modern literary criticism.*

В.П. Прищепа, д-р филол. наук, проф. ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан

Н.Я. Сипкина, канд. филол. наук, сотрудник ХГУ им. Н.Ф. Катанова, г. Абакан, E-mail: sipkina.nina@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО В XXI ВЕКЕ

В статье рассматриваются проблемы и перспективы изучения творчества Р.И. Рождественского, одного из зачинателей и лидеров литературного течения шестидесятилетия, сыгравшего значимую роль в российском литературном процессе второй половины XX века. Авторы статьи обращаются к актуальной проблеме современной отечественной литературной науки – изучение творческого наследия Р.И. Рождественского. Для решения поставленной задачи, в статье раскрывается общая картина литературоведческого изучения поэтического, лиро-повествовательного, публицистического творчества Р.И. Рождественского, которая, в определённой мере, определяет общий ход развития русской поэзии 1950-х – 1990-х гг.

Ключевые слова: *шестидесятиничество, историко-литературное понятие, идейно-эстетический кодекс, творческое наследие, критическое переосмысление, литературное явление, актуальные проблемы, современное литературоведение, рождественское ведение.*

Изучение шестидесятилетия как историко-литературного явления, его зарождение, становление и развитие, по нашему убеждению, невозможно без правильного и скорректированного понимания творческого опыта одного из зачинателей и общепризнанных лидеров этого течения Р.И. Рождественского, внесшего значительный вклад в формирование идейно-эстетического кодекса шестидесятников.

По нашим представлениям, творчество Р.И. Рождественского, также как и творчество фактически всех его соратников (Е.А. Евтушенко, А.А. Вознесенского, Б.А. Ахмадулиной и др.) – недостаточное изученная страница истории русской литературы второй половины XX века, вобравшая в себя сорокалетний опыт развития художественного и общественного сознания страны.

Время творения художника совпало с этапом историко-литературного развития российской словесности 1950-х годов – начала 1990-х годов двадцатого столетия, и в известной мере повлияло на него. Но в современном отечественном литературоведении значение творчества Р. Рождественского умалчивается.

После ухода из жизни Р.И. Рождественского (1994), Б.Ш. Окуджавы (1997), А.А. Вознесенского (2010), Б.А. Ахмадулиной (2010) у целого ряда «завистливых оскорбителей» (Е.А. Евтушенко) появилась возможность вообще закрыть разговор о шестидесятиничестве, как исчерпавший себя, сделать при этом вид, что эти поэты в «списках современной литературы не значатся». Вместе с тем их богатейшее творческое наследие, которое является в десятках книг, собраний сочинений, оценивается в монографических исследованиях и диссертациях отечественных и зарубежных литературоведов, никак не позволяет вычеркнуть шестидесятников ни из истории литературы, ни из сферы критики новой России. Более того, в недрах литературной

науки вызывает убеждение у российских ученых-литературоведов в том, что это литературное движение вполне сравнимо и даже в определённой степени соизмеримо с предшествующим Серебряным веком русской поэзии [1, с. 9].

На наш взгляд, уравновешенное критическое переосмысление данного литературного явления позволит выявить то ценное, что оставляют нам шестидесятники.

«Обиженные» своей неизвестностью поэты 1970 – 1980-х гг. в конце 1980-х – 1990-х годов в условиях борьбы перестроечного и в особенности – постперестроечного времени – «набросились» на уже признанных советских классиков, обвиняя их во всех существующих и несуществующих грехах и преступлениях [2, с. 56].

Но ещё в 1957 году, в те годы товарищ по поколению Роберта Рождественского, Евгений Евтушенко писал: «...Я герой пародий / статей, разоблачительных стихов. / Приписаны мне прочно все пороки / и все из существующих грехов» (В погоне за дешевой популярностью). Если форму личного местоимения «мне» в этих строчках заменить на «им», то этим будет выражен основной (но не весь) пафос обвинений в адрес легендарного поколения.

Следует подчеркнуть то обстоятельство, что поэты всегда были готовы достойно ответить. В середине XX века их обвиняли в том, что они якобы постоянно выполняют какой-то государственный заказ, пишут по указке партии и т. д., на что поэты дружно отвечали, подливая масло в огонь. Например, Р.И. Рождественский писал: «Я писал и пишу по заказу / горьковатой улыбки твоей, / не разгаданной мною / ни разу...».

И далее: «Тебя поносят / Широко и страстно, / тебя опять / выводят из игры. / Но им назло, / почти не удивляясь, /

плывет по залам / «стихотворный чад». / «Дешевая» / клокочет популярность / «дешевые» / оации звучат» (В день поэзии).

«Рождественскому и его товарищам приходилось отвечать на упрёки, как говорится, и справа, и слева. Одни обвиняли их в экстремизме, другие, напротив, в «продажности» властям. Последним Рождественский ответил сначала стихотворением «Подкупленный», спустя годы – стихотворением «Я писал и пишу по заказу» [3, с. 85].

Понятно, что невиданная популярность молодых поэтов, раздражала многих (от тогдашних кремлёвских вождей до литературных «низов»), вызвала зависть, и – как следствие – желание навредить, опорочить. Но – как ни странно – результат оказывался (в конце концов) сверхположительным: травимые, гонимые и поносимые советским литературным официозом поэты вызывали «дополнительный» интерес к себе и своему творчеству, ярость «завистников-травителей» порождала ответную реакцию со стороны почитателей – любовь миллионов читателей и слушателей.

Также как и Евгения Евтушенко, Роберта Рождественского-гражданина нельзя отделить от Рождественского-лирика, потому что это – два основных публицистических и художественных пласта его творческой жизнедеятельности. Многие из того, что было отображено его публицистической лирикой и на момент её возникновения имело важное значение, это самое значение утратило, например, радиопозма, а затем поэма «Спутник» (1959) или слова песни о БАМе: «*Веселей ребята, выпало вам / строить путь железный, / а, короче БАМ*». Сейчас запуски спутников, которые во второй половине 1950-х были событиями планетарного значения, стали обыденными и о них даже перестало сообщать центральное ТВ, а Байкало-Амурская магистраль, которая в 1970-е годы гремела на всю страну как великая комсомольская стройка, вообще забыта и, судя по всему, заброшена. Понятно, что и стихотворные отклики на эти события, стали не просто вчерашним днем, а фактами прошлого века. Вне сомнения, и Роберт Рождественский, воспевавший подобные события, и, Евгений Евтушенко, воспевавший Братскую ГЭС, КАМАЗ и многое другое, выглядят сегодня заложниками быстро текущего времени.

Несмотря на разногласия мнений почитателей и недоброжелателей Р.И. Рождественского, важно подчеркнуть общее в различных суждениях: поэт стал одним из общепризнанных лидеров литературного движения шестидесятников в середине XX века, подтверждая его своими поэтическими открытиями, публицистикой, литературно-критическими и переводческими работами, многолетними выступлениями телеведущего «Документального экрана» и выступлениями на писательских форумах.

«Вчерашним властителям чувств и дум сотен миллионов читателей и слушателей просто-напросто не простили их беспримерной популярности в СССР, а затем – и планетарной славы» [4, с. 64 – 65]. Одним из этих «непрощенных» является и Р.И. Рождественский и – соответственно – его творчество. Именно их (Вознесенского, Евтушенко, Рождественского) называют «гениями коммуникации, безусловными литературными звездами, советскими классиками» известный литературовед и критик С.И. Чупринин [4, с. 64 – 65].

Необходимо признать: творчество Роберта Ивановича Рождественского является наименее изученным в художественной словесности второй половины XX века. А вместе с тем, перед отечественным литературоведением само время давно уже поставило задачу исследования богатейшего поэтического наследия второй половины XX века, и в том числе «эстрадной» её составляющей, к которой относят поэзию шестидесятников. Куда как логично было бы начинать выполнение этой задачи с осмысления творческих взлетов и спадов прежде всего Роберта Рождественского, чьи стихи впервые были опубликованы еще в июле 1941 года, в то время, как у Евгения Евтушенко – стихотворение «Два спорта» напечатано 2 июня 1949 года (в газете «Советский спорт»), а у Беллы Ахмадулиной – стихотворение «Родина» 5 мая 1955 года («Комсомольская правда»), у Андрея Вознесенского вообще – в 1958 году (в «Литературной газете»). Но, видимо, как удел всей русской литературы XX века в целом развиваться вопреки, а не благодаря, так «закономерно» и рычковое и подчас стихийное развитие отечественного литературоведения. На наш взгляд, больше всех из «проклятых» поэтов повезло Е.А. Евтушенко. К семи изданным в СССР и новой России монографическим работам, ряду библиографий, словарей и популярных книг о поэте, следует приплюсовать добрый десяток

кандидатских диссертаций, докторское исследование В.П. Прищепы [5]. Хотя и медленно, но продвигается изучение творчества Б.А. Ахмадулиной [6], и – крайне медленно – поэзия Р.И. Рождественского [7] и А.А. Вознесенского [8].

Следует подчеркнуть: после издания в 1988 году, а затем 1990 году двух работ А.В. Мальгина о поэтической деятельности Р. Рождественского, не появилось ни одной обстоятельной работы о его творчестве. И лишь через 20 лет, в диссертационном Совете Хакасского государственного университета была защищена кандидатская диссертация Н.Я. Сипкиной [9]. Исследовательница, опубликовавшая в начале XXI века более двадцати научных работ о творчестве поэта [10], фактически и стала первооткрывательницей рождественсковедения в новой России.

Уникальным событием для специалистов и любителей поэзии, друзей и, думается, в известном смысле даже недругов Р.И. Рождественского стала книга «Удостоверение личности», тщательнейшим образом составленная дочерью поэта Ксенией Робертовной и женой – профессиональным критиком Аллой Борисовной Киреевой. Книга вышла к 70-летию [11], повторно – к 75-летию поэта [12] и в известной степени удовлетворила потребность многочисленных поклонников и друзей. Фрагменты из записных книжек поэта, воспоминания великих и именитых его друзей, стихи, строки из поэм, фотоматериалы, семейные шуточные записи, представленные под одной обложкой, в определенной степени воскресили образ личности Рождественского. Поэт встает в этой книге во весь свой могучий рост «благородного Рыцаря русской поэзии» второй половины XX века. И составители книги, и её авторы предьявили не просто удостоверение Личности Поэта, но главное, на наш взгляд – помогли читателю увидеть самое важное – «Красное знамя», не на словах, а на самом деле, было цвета крови его, и «закон протянутой руки, души распахнутой» (М.И. Цветаева) был для него, крещенного, но «не верующего в Бога», – главным законом его жизни.

Но все-таки, несмотря на эту определенную завершенность и даже концептуальность этой книги, она традиционна во всей совокупности положительных и отрицательных сторон традиционности. Вот что мы имеем в виду: в 2009 году вышел «роман о шестидесятниках» «Таинственная страсть» В.П. Аксенова, который собственно и был дописан в один год с рождением второй книги «Удостоверение личности», 2007. Известный писатель, а в 1950-е – первой половине 1960-х годов товарищ по поколению Р.И. Рождественского, Аксенов выполнил крайне важную задачу – он напомнил, что помимо социальных, политических, социально-политических, философских, этических и других причин творчество любого художника (и в том числе шестидесятников) имеет важную причину своего рождения – таинственную страсть – жажду творчества. В.П. Аксенов прочертил перспективу нового-старого подхода к изучению и творческого наследия Р.И. Рождественского, которого он его называет в романе – Эр.

Своего рода дополнением, даже скорее – интереснейшим приложением к этим книгам являются и воспоминания омского литератора Марка Мудрика о Р. Рождественском, включенные в его книгу «XX век. Поэты. Омск» (Омск, 2008). Одним из первых М. Мудрик выходит к теме «Р. Рождественский и цензура», фактически противопоставляя свою точку зрения мнению людей, которые считают, что все в жизни Рождественского было гладко.

Таким образом, можно констатировать факт развития рождественсковедения в начале XXI-го века. Но в то же время, научное изучение творчества Р. Рождественского пока что находится в «тупике». Научные исследования Ю.И. Минералова, А.Г. Бочарова, Е.Ю. Сидорова, и (в большей степени) А.В. Мальгина [13], оказались незавершенными. Даже кандидатская диссертация Н. Геурковой о новообразованиях в поэзии шестидесятников, не вызвала никаких дальнейших научных изысканий о творчестве Р. Рождественского [14]. В 1998 году выходит 21-й том библиографического указателя «Русские писатели. Поэты» (составители: И.В. Алексахина, Н.Г. Захаренко, И.В. Халулаева и др.) [15], в котором большой раздел был посвящен Р.И. Рождественскому, и который создал библиографический фундамент в медленно развивающемся рождественсковедении. Выход «Словаря рифм Р. Рождественского» А. Бабакина в 2001 году [16] стал важным составляющим компонентом в изучении творчества Р.И. Рождественского.

Думается, что следствием подобного «рывкового» осмысления разных уровней художественного мира поэта является и отсутствие на сегодняшний день хотя бы 4-х – 5-ти томного собрания сочинений Р. Рождественского.

У Р. Рождественского после смерти вышло благодаря, прежде всего, усилиям жены А.Б. Киреевой и его дочери Ксении Робертовны 9 книг, но вот итогового издания до сих пор нет, а, следовательно, нет и полного представления об истинном масштабе его творческого наследия. Рядовому читателю, да и специалистам остается лишь додумывать, домисливать и моделировать: сколько и чего он мог сделать и сделал.

В 2011 году авторы статьи предприняли попытку издания первой научной монографии «Орфей великой эпохи» [17].

Во втором издании монографии «Орфей великой эпохи» [18] авторы обращаются к анализу художественной картины мира, явленной в поэзии Роберта Ивановича Рождественского, в основном, в 1950-е – первую пол. 1960-х годов. Для того чтобы достичь возможной полноты разбора они стремятся учитывать всю сложность литературной ситуации в этот период, выходя и к фактам документальным и «внехудожественным», относящимся к литературному быту.

Следует подчеркнуть, что в монографических работах литературоведы стремятся к оценке жизни и творчества Р.И. Рождественского, учитывая литературную атмосферу 1950-х – 1960-х годов, но оценка дается с позиции сегодняшнего дня.

В ряде литературоведческих работ 1960-х – 1990-х годов признаются художественные достижения поэта [19], но даются они вне контекста, без учета закономерностей литературного процесса второй половины 1950-х – первой половины 1990-х гг. Многоаспектное исследование поэтического творчества Р.И. Рождественского, на наш взгляд, позволит выявить важные черты и тенденции русской литературы второй половины XX века.

Сегодняшняя усредненность художественного уровня современной литературы, невозможность на культурном горизонте нового поколения поэтов, соизмеримых с шестидесятниками, и в их числе с Р.И. Рождественским, невольно заставляет оборачиваться назад, в «прошлое», поэтическая деятельность которых воспринимается несомненной и заслуженной.

В современных пособиях по русской литературе XX века не рассматривается творчество Р.И. Рождественского. Так, например, во втором томе учебного пособия «Русская литература XX века» под редакцией Л.П. Кременцова [20, с. 4, 132] имя Р. Рождественского лишь названо. И только в «Предисловии» в разделе «Поэзия «оттепели»» упомянуто, но выведено за рамки списка поэтов эстрады, которым посвящены небольшие подразделы.

В первом томе другого учебного пособия «Современная русская литература: 1950-1990-е годы Н.Л. Лейдермана и М.Н. Липовецкого существует отдельный раздел «Лирический «взрыв» и поэзия «шестидесятников», в котором авторы, признавая, можно сказать, историческую миссию «детей пятидесят шестого...»: «бескомпромиссно отвергли притязания сил вчерашнего дня на сохранение своей власти». Авторы констатируют то, что «к середине 1960-х годов произошел кризис эстрадности». И далее: «С тех пор поэзия «шестидесятников» перестает существовать как целостное художественное течение. Да и его лидеры расходятся в разные стороны. Р. Рождественский, который более других «шестидесятников» тяготел к риторике, эволюционировал в сторону социалистических схем. Это особенно явно проявилось в зарифмованной публицистике, которой он сопровождал в 1970-е годы свою регулярную телепрограмму «Документальный экран». Но наряду с этой тенденцией в поэзии «позднего» Рождественского приглушенно звучала философская элегичность, связанная с экзистенциальными переживаниями. Об этом стало известно из посмертных публикаций поэта» [21, с. 115 – 131].

По существу авторов учебного пособия ограничивают поэтов «шестидесятников» лишь их эстрадной составляющей, демонстрируя устоявшийся еще в 1960-х годах, а в начале XXI в. явно устаревший взгляд, в том числе и на Р.И. Рождественского.

Таким образом, изучение творчества Р.И. Рождественского поможет в создании целостной и уточненной картины развития русской литературы 2-й половины XX века – актуальной проблеме современного литературоведения.

Библиографический список

1. *Современная русская литература (1990-е гг. – начало XXI в.)*. С.И. Тимина, В.Е. Васильев, О.Ю. Воронина и др.; под ред. С.И. Тиминой. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ; Москва: «Академия», 2010.
2. Аннинский Л. Шестидесятые – семидесятые – восьмидесятые. *Литературное обозрение*. 1991; 4.
3. Мальгин А. *Роберт Рождественский: очерк творчества*. Москва: Художественная литература, 1990.
4. Чупринин С. *Русская литература сегодня: Жизнь по понятиям*. Москва: Время, 2007.
5. Прищепа В.П. *Парадигма идейно-эстетических поисков Е.А. Евтушенко (1949-1998 гг.)*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Москва, 1999; *Российского отечества поэт (Е.А. Евтушенко: 1965-1995 гг.)*. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 1996; *Он пришел в XXI век: Творческий путь Евгения Евтушенко* Иркутск, 2009. (В соавторстве с В.В. Коминым). *Зима – столица Евгения Евтушенко*. Иркутск, 2013. (В соавторстве с В.В. Коминым) и др.
6. Ахмадулина Б. *Миг бытия*. Приложение. И. Бродский, А. Битов, О. Грушников и др. Москва: Аграф, 1997; Ketchian Sonia. *The poetic craft of Bella Akhmadulina*. The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania, 1993; Аведова И.В. *Жанровая система поэзии Беллы Ахмадулиной*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Тверь, 1999; Алешка Т.В. *Творчество Б. Ахмадулиной в контексте традиций русской поэзии*. Минск: РИВШ БГУ, 2001; Афанасьева Е.Н. *Особенности творческой манеры Б. Ахмадулиной: поэзия, проза*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Ростов-на-Дону, 2005; Михайлова М.С. *Поэзия Беллы Ахмадулиной: динамика лирической книги*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Красноярск, 2008.
7. Мальгин А.В. *Публицистика в поэзии (Р. Рождественский и Е. Евтушенко)*. Москва: Общество «Знание» РСФСР, 1988; Мальгин А.В. *Роберт Рождественский: очерк творчества*. Москва: Художественная литература, 1990.
8. Михайлов А. *Андрей Вознесенский*. Москва: Худ. лит., 1970; Геуркова Н. *Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60-70-х гг.* Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. НИИ преподавания русского языка в нац. школах. М., 1986; Федотова О.В. *Лексика науки и искусства в структуре языковой личности А.А. Вознесенского*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Тюмень, 2007; Зайцев В.А., Герасименко А.П.. *История русской литературы второй половины XX века: учеб. пособие*. Москва: Академия, 2008; Петрова С.В. *Стихия Земля в языке поэзии Е. Евтушенко, А. Вознесенского, Б. Ахмадулиной*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Белгород, 2009; Медведев Ф. *Андрей Вознесенский. «Я тебя никогда не забуду»*. Москва: ЭКСМО: Алгоритм, 2011.
9. Сипкина Н.Я. *Эволюция идейно-эстетических взглядов Р.И. Рождественского в контексте литературного процесса вт. пол. 1950-х – первой пол. 1960-х годов*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Абакан, 2010.
10. Сипкина Н.Я. *Раннее поэтическое творчество Р. Рождественского: особенности идейно-эстетической эволюции поэта. Вестник Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова*. Серия 6: Филология: литературоведение. Абакан, 2004; Выпуск 3; Специфика рифмы Р. Рождественского раннего периода творчества (1954-1864 гг.). *Актуальные проблемы изучения языка и литературы: языковая личность в межкультурной коммуникации*: материалы V Всероссийской научно-практической конференции 23-25 ноября 2005 года. Абакан, 2005.
11. Рождественский Р.И. *Удостоверение личности*. Сост. К. Рождественская, А. Киреева. Москва: Эстепонт, 2002.
12. Рождественский Р.И. *Удостоверение личности*. Сост. К. Рождественская, А. Киреева. М.: Эксмо, 2007.
13. Бочаров А. О Роберте Рождественском. *Рождественский Р. Радар сердца*. Москва, 1971: 3-13; Сидоров Е. *Служба поэтического слова. Рождественский Р. Стихотворения*. Москва, 1988; Минералов Ю. *Современная предупредительная рифма и проблема рифменной эволюции в русском стихе*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Тарту, 1975.
14. Геуркова Н. *Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60-70-х годов*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва: НИИ преподавания рус. яз. в нац. шк., 1986.
15. Рождественский Роберт Иванович. *Русские писатели. Поэты: Биобиблиографический указатель*. Санкт-Петербург: Изд-во Российской национальной библиотеки, 1998; Т.21.

16. Бабакин А. *Словарь рифм Р. Рождественского*. Тюмень, 2001.
17. Прищепа В.П., Сипкина Н.Я. *Орфей великой эпохи: Поэтическое творчество Р. И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов*: монография. Иркутск: Принт Лайн, 2011.
18. Прищепа В.П., Сипкина Н.Я. *«Орфей великой эпохи» Биография поэта. Творчество Р.И. Рождественского: 1940-е – первая половина 1960-х годов*: монография. Иркутск, 2012. 2-е издание, доп. и дораб.
19. Воронов В. Мы еще будем. *Вопросы литературы*. 1965; 3; Боcharов А. О Роберте Рождественском. *Рождественский Р. Радар сердца*. Москва, 1971; Сидоров Е. Служба поэтического слова. *Рождественский Р. Стихотворения*. Москва, 1988; Минералов Ю. *Современная предударная рифма и проблема рифменной эволюции в русском стихе*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Тарту, 1975; Геуркова Н. *Индивидуально-авторские новообразования в поэзии А. Вознесенского и Р. Рождественского 60-70-х годов*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 1986.
20. Кременцов Л.П. *Русская литература XX века: учебное пособие*. Под редакцией Л.П. Кременцова. Москва: Academia, 2003.
21. Лейдерман Н.Л., Липовецкий М.Н. *Современная русская литература: 1950-1990-е годы: учебное пособие*. Москва: Academia, 2003.

References

1. *Sovremennaya russkaya literatura (1990-e gg. – nachalo XXI v.)*. S.I. Timina, V.E. Vasil'ev, O.Yu. Voronina i dr.; pod red. S.I. Timinoj. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Moskva: «Akademiya», 2010.
2. Anninskij L. Shestidesyatye – semidesyatye – vos'midesyatye. *Literaturnoe obozrenie*. 1991; 4.
3. Mal'gin A. *Robert Rozhdestvenskij: ocherk tvorchestva*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990.
4. Chuprinin S. *Russkaya literatura segodnya: Zhizn' po ponyatiyam*. Moskva: Vremya, 2007.
5. Prischepa V.P. *Paradigma idejno-`esteticheskikh poiskov E.A. Evtushenko (1949-1998 gg.)*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 1999; *Rossijskogo otechestva po`et (E.A. Evtushenko: 1965-1995 gg.)*. Abakan: Izd-vo Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 1996; *On prishel v XXI vek: Tvorcheskij put' Evgeniya Evtushenko* Irkutsk, 2009. (V soavtorstve s V.V. Kominym). *Zima – stolica Evgeniya Evtushenko*. Irkutsk, 2013. (V soavtorstve s V.V. Kominym) i dr.
6. Ahmadulina B. *Mig bytiya*. Prilozhenie. I. Brodskij, A. Bitov, O. Grushnikov i dr. Moskva: Agraf, 1997; Ketchian Sonia. *The poetic craft of Bella Akhmadulina*. The Pennsylvania State University Press University Park, Pennsylvania, 1993; Avedova I.V. *Zhanrovaya sistema po`ezii Belly Ahmadulinoj*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Tver', 1999; Aleshka T.V. *Tvorchestvo B. Ahmadulinoj v kontekste tradicij russkoj po`ezii*. Minsk: RIVSh BGU, 2001; Afanas'eva E.N. *Osobennosti tvorcheskoy manery B. Ahmadulinoj: po`eziya, proza*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Rostov-na-Donu, 2005; Mihajlova M.S. *Po`eziya Belly Ahmadulinoj: dinamika liricheskoy knigi*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Krasnoyarsk, 2008.
7. Mal'gin A.V. *Publicistika v po`ezii (R. Rozhdestvenskij i E. Evtushenko)*. Moskva: Obschestvo «Znanie» RSFSR, 1988; Mal'gin A.V. *Robert Rozhdestvenskij: ocherk tvorchestva*. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1990.
8. Mihajlov A. *Andrej Voznesenskij*. Moskva: Hud. lit., 1970; Geurkova N. *Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v po`ezii A. Voznesenskogo i R. Rozhdestvenskogo 60-70-h gg.* Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. NII prepodavaniya russkogo yazyka v nac. shk. M., 1986; Fedotova O.V. *Leksika nauki i iskusstva v strukture yazykovoj lichnosti A.A. Voznesenskogo*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tyumen', 2007; Zajcev V.A., Gerasimenko A.P.. *Istorija russkoj literatury vtoroj poloviny HH veka: ucheb. posobie*. Moskva: Akademiya, 2008; Petrova S.V. *Stihiya Zemlya v yazyke po`ezii E. Evtushenko, A. Voznesenskogo, B. Ahmadulinoj*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Belgorod, 2009; Medvedev F. *Andrej Voznesenskij. «Ya tebya nikogda ne zabudu»*. Moskva: EKSMO: Algoritm, 2011.
9. Sipkina N.Ya. *Evolyuciya idejno-`esteticheskikh vzglyadov R.I. Rozhdestvenskogo v kontekste literaturnogo processa vt. pol. 1950-h – pervoj pol. 1960-h godov*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Abakan, 2010.
10. Sipkina N.Ya. *Rannee po`eticheskoe tvorchestvo R. Rozhdestvenskogo: osobennosti idejno-`esteticheskoy `evolyucii po`eta. Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova. Seriya 6: Filologiya: literaturovedenie*. Abakan, 2004; Vypusk 3; *Specifika rifmy R. Rozhdestvenskogo rannego perioda tvorchestva (1954-1864 gg.)*. *Aktual'nye problemy izucheniya yazyka i literatury: yazykovaya lichnost' v mezhkul'turnoj kommunikacii: materialy V Sserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii 23-25 noyabrya 2005 goda*. Abakan, 2005.
11. *Rozhdestvenskij R.I. Udostoverenie lichnosti*. Sost. K. Rozhdestvenskaya, A. Kireeva. Moskva: `Estepont, 2002.
12. *Rozhdestvenskij R.I. Udostoverenie lichnosti*. Sost. K. Rozhdestvenskaya, A. Kireeva. M.: `Eksmo, 2007.
13. Bocharov A. O Roberte Rozhdestvenskom. *Rozhdestvenskij R. Radar serdca*. Moskva, 1971: 3-13; Sidorov E. *Sluzhba po`eticheskogo slova. Rozhdestvenskij R. Stihotvoreniya*. Moskva, 1988; Mineralov Yu. *Sovremennaya predudarnaya rifma i problema rifmennoj `evolyucii v russkom stihe*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tartu, 1975.
14. Geurkova N. *Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v po`ezii A. Voznesenskogo i R. Rozhdestvenskogo 60-70-h godov*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva: NII prepodavaniya rus. yaz. v nac. shk., 1986.
15. *Rozhdestvenskij Robert Ivanovich. Russkie pisateli. Po`ety: Biobibliograficheskij ukazatel'*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossijskoj nacional'noj biblioteki, 1998; T.21.
16. Babakin A. *Slovar' rifu R. Rozhdestvenskogo*. Tyumen', 2001.
17. Prischepa V.P., Sipkina N.Ya. *Orfej velikoj `epohi: Po`eticheskoe tvorchestvo R. I. Rozhdestvenskogo: 1940-e – pervaya polovina 1960-h godov*: monografiya. Irkutsk: Print Lajn, 2011.
18. Prischepa V.P., Sipkina N.Ya. *«Orfej velikoj `epohi» Biografiya po`eta. Tvorchestvo R.I. Rozhdestvenskogo: 1940-e – pervaya polovina 1960-h godov*: monografiya. Irkutsk, 2012. 2-e izdanie, dop. i doraб.
19. Voronov V. Мы еше будем. *Voprosy literatury*. 1965; 3; Bocharov A. O Roberte Rozhdestvenskom. *Rozhdestvenskij R. Radar serdca*. Moskva, 1971; Sidorov E. *Sluzhba po`eticheskogo slova. Rozhdestvenskij R. Stihotvoreniya*. Moskva, 1988; Mineralov Yu. *Sovremennaya predudarnaya rifma i problema rifmennoj `evolyucii v russkom stihe*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Tartu, 1975; Geurkova N. *Individual'no-avtorskie novoobrazovaniya v po`ezii A. Voznesenskogo i R. Rozhdestvenskogo 60-70-h godov*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1986.
20. Kremencov L.P. *Russkaya literatura HH veka: uchebnoe posobie*. Pod redakciej L.P. Kremencova. Moskva: Academia, 2003.
21. Lejderman N.L., Lipoveckij M.N. *Sovremennaya russkaya literatura: 1950-1990-e gody: uchebnoe posobie*. Moskva: Academia, 2003.

Статья поступила в редакцию 10.03.15

УДК 81-114.4

Telpov R.E., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia), E-mail: roman-telpov@yandex.ru

EMBODIED NAME IN TEXTS OF A MODEL TYPE. Traditionally studying of proper names concerns, first of all, the research of their etymology, during which proper names act only as the material, giving important information on the history and ethnography. The research of "semantic aura" of a proper name conducted within the Moscow Semiotics School and connected, first of all, with

names of Vyacheslav Vsevolodovich Ivanov and Vladimir Nikolayevich Toporov, who showed what possibility open for linguists, when considering a name interacting with a text. In the article pragmatical and semantic features of the personal names used in texts of model type are considered. Under texts of a model type after Yury Iosifovich Levin, a famous representative of Tartu-Moscow Semiotic School, we understand such texts that consist of statements having visibility of a concrete notion, but not having certain localization and a temporalization, serving, first of all, for expression of the hidden sense. Considering as an example of this type of texts an evangelical parable about rich man and Lazarus – the only evangelical parable containing a personal name, we came to a conclusion that the use of a personal name isn't the element contradicting the model status of this text, because at the beginning of the text an embodiment of a personal name contains, this embodiment is present in the statement *At his gate was laid a beggar named Lazarus...* (Luke 16: 20), which, in our opinion, not so much establishes connection of a name with its character, operating in the text, how many approves insignificance of any other information on this character. Further we consider the name of *отец Никола* used in the text of a folk legend – a folklore genre which, in our opinion, is most similar according to the logicosemantic characteristics to texts of a model type. Because in the text of the folk legend there is no act of embodiment of a name of *отец Никола*, this name acts as an element contradicting formation at a folk legend of the model status, its existence brings opportunities for additional interpretations of the hidden sense put in a legend, it is represented by superfluous for morals, that folk legend contain.

Key words: model type texts embodied name, Parables, legends.

Р.Е. Тельпов, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, E-mail: roman-telpov@yandex.ru

ВОПЛОЩЕННОЕ ИМЯ В ТЕКСТАХ МОДЕЛЬНОГО ТИПА

Традиционно изучение имён собственных связывается с изучением их этимологии, в ходе которого имена собственные зачастую выступают лишь материалом, дающим важные сведения по истории и этнографии. Исследования «семантической ауры» имени собственного, проводимые в рамках Московской семиотической школы и связанное, прежде всего, с именами Вяч. Вс. Иванова и В.Н. Топорова, продемонстрировали то, какие новые возможности для лингвиста открываются при рассмотрении имени, взаимодействующего с текстом. В статье рассматриваются прагматические и семантические особенности личных имен, употребляемых в текстах модельного типа. Под текстами модельного типа мы, вслед за известным представителем тартуско-московской семиотической школы Ю.И. Левиным, понимаем тексты, состоящие из высказываний имеющих видимость конкретных, но не имеющих определенной локализации и темпорализации – призванных, в первую очередь, служить для выражения скрытого смысла. Рассматривая в качестве примера данного типа текстов притчу о богатом и Лазаре – единственную евангельскую притчу, содержащую личное имя, мы пришли к выводу, что употребление личного имени не является элементом, противоречащим модельному статусу данного текста, в силу того, что в начале текста содержится момент воплощения личного имени, заключенный в высказывании: *Был также некоторый нищий, именем Лазарь...* (Лк. 16: 20-21), который, по нашему мнению, не столько устанавливает связь имени с его действующим в тексте носителем, сколько утверждает несущность какой-либо иной информации о данном носителе. Далее мы рассматриваем имя *отец Никола*, употребляемое в тексте народной легенды – фольклорном жанре, который, на наш взгляд, в наибольшей степени схож по своим логико-семантическим характеристикам с текстами модельного типа. Поскольку в тексте рассматриваемой нами народной легенды отсутствует акт воплощения имени *отец Никола*, то это имя выступает как элемент, противоречащий формированию у народной легенды модельного статуса, его наличие вносит возможности для дополнительных интерпретаций заложенного в легенде скрытого смысла, представляется избыточным для содержащейся в легенде морали.

Ключевые слова: тексты модельного типа, воплощенное имя, притча, легенда.

В статье рассматривается роль воплощённого имени собственного и его влияние на тексты, обладающие модельным статусом. Под текстами, обладающими модельным статусом, мы, вслед за Ю.И. Левиным, будем понимать тексты, охарактеризованные как «репрезентация в модели реального пространства обстоятельств, относящихся к миру идей» [1, с. 526]. Ярким примером текстов модельного типа являются евангельские притчи. Модельный статус высказываний, составляющих текст притчи, обусловлен их промежуточным положением: на одной стороне располагаются конкретные факты о конкретных событиях, привязанных к определенному месту в нашем пространстве-времени (данные факты реализуются в тексте посредством К-высказываний, по терминологии Ю.И. Левина), на другой стороне находятся факты, «относящиеся к миру идей» (данные факты реализуются в Л-высказываниях, по терминологии Ю.И. Левина). Высказывания, обладающие модельным статусом, мы охарактеризуем как имеющие видимость конкретных, но не имеющих определенной локализации и темпорализации единичные факты – в терминологии Ю.И. Левина высказывания, формирующие притчи, характеризуются как «моделирование Л-ситуаций в К-коде» [там же, с. 521]). По мнению Ю.И. Левина, статус высказывания может варьироваться и находиться в зависимости от «указанности персонажей и хронологических элементов притчи» [там же, с. 527]. Данное положение было проиллюстрировано примерами евангельских притч, демонстрирующих различную степень «указанности» персонажей, которая может быть практически нулевой («Притча о бесплодной смоковнице» (Лк. 13: 6-9)), может быть и достаточно выраженной. В качестве примера второго типа притч Ю.И. Левин рассматривал притчу «О богаче и Лазаре» (Лк. 16: 19-30) – единственную евангельскую притчу, содержащую собственное имя. Говоря о данном тексте и употребляемом в нем имени, Ю.И. Левин отметил, что имя является фактором, «противопоказанным» тексту, обладающему модельным статусом [там же].

На наш взгляд, степень соответствия / несоответствия имени собственного логической структуре текстов, наделенных модельным статусом, может быть различной и в значительной степени зависимой от характеристик самого имени, о которых мы скажем ниже. Имена в текстах, обладающих модельным статусом, мы будем рассматривать на примере имени *Лазарь*, употребляемом в евангельской притче, а также на примере имени *отец Никола* в записанной Д.Н. Садовниковым у Абрама Новопольцева легенде «Миколай-угодник и охотники». Имя *Лазарь* из евангельской притчи «О богатом и Лазаре» будет рассмотрено нами в качестве наиболее показательного случая употребления имени собственного в тексте модельного типа; что касается имени *отец Никола*, то оно для нас значимо как пример имени собственного, употребляемого в текстах, приближенных к текстам модельного статуса, – в народных легендах. По сравнению с героями произведений других фольклорных жанров для героев легенд в наибольшей степени характерна роль «субъектов этического выбора» [2, с. 21], которая свойственна также и притчам. Мы ставим своей целью определить специфику логико-семантического статуса текстов данного типа, а также рассмотреть, какую роль в формировании модельного статуса играет качество воплощённости / невоплощённости собственного имени.

На особый статус имен христианских святых в фольклорных текстах обращала внимание О.Е. Фролова. Она рассматривала роль антропонима в жестко структурированном тексте (пословице и поговорке) и пришла к выводу, что имена христианских святых в таких пословицах, как *Никола на море спасает; Никола мужику воз подымает; На поле Никола общий бог*, несмотря на формальную занимаемую позицию субъекта высказывания, на самом деле обозначают глубинного адресата, к которому обращена просьба говорящего [3, с. 39]. В своей работе О.Е. Фролова говорила также о сильном влиянии качества воплощённости / невоплощённости имени собственного на его статус в жестко

структурированном тексте ([там же, с. 306]). Под воплощенными именами собственными мы, вслед за М.А. Кронгаузом, будем понимать имя, «жестко связанное с конкретным объектом», имя, обозначающее данный объект или его свойства; под невоплощенным именем собственным мы (также вслед за М.А. Кронгаузом) будем понимать имя собственное, либо употребляемое в контексте «иметь данное имя», либо употребляемое по отношению к «множеству объектов, обладающих этим свойством» (см. подробнее [4, с.133]). Если рассматривать упоминаемое в евангельской притче имя *Лазарь* с позиции его воплощенности / невоплощенности, то можно отметить, что в большей части текста оно фигурирует как воплощенное, за исключением вводной фразы, знакомящей читателя / слушателя с данным персонажем (*Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его (богача) в стружьях и желал напиться крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали стружья его* (Лк. 16: 20-21) – см. [5, с. 74]), в которой имя *Лазарь* фигурирует как невоплощенное. Данный контекст соотносится с той ограниченностью контекстов, предпочтительных для невоплощенного имени (контексты типа *Познакомьтесь. Это – Иван*; назывные предложения; высказывания, посвященные смене имени, и т. д.), которое выделял в своей статье М.А. Кронгауз (см. подробнее [4, с. 118-135]). В качестве воплощенного имени имя *Лазарь* начинает играть роль, подобную той, которую играют названия всех остальных героев евангельских притч – роль «Л-символа в К-коде». Свою роль выразителя назидательного подтекста рассматриваемой нами евангельской притчи имя *Лазарь* играет достаточно успешно, несмотря на всю отмеченную Ю.И. Левиным «противопоказанность» имени собственного логико-семантическим особенностям модельных текстов. Соответствие имени *Лазарь* логико-семантической структуре притчи обусловлено, на наш взгляд, имплицитной выраженностью акта воплощения имени (*Был также некоторый нищий, именем Лазарь...*), без которого текст попросту был бы неправильным (ср. **Лазарь лежал у ворот в стружьях...* в качестве начала текста притчи); подобное вступление скорее соответствовало бы началам модернистских текстов нового времени (ср. начала произведений Даниила Хармса: *Андрей Андреевич Мясов купил на рынке фитиль и понес его домой...* («Потери»); *Алексей Алексеевич подмял под себя Андрея Карловича и, набив ему морду, отпустил его...* («История дерущихся»); *Вот однажды Петраков хотел спать лечь, да лег мимо кровати...* («Случай с Петраковым»)) [6] и др.). Немаловажную роль в том, что имя *Лазарь* не нарушает модельного статуса рассматриваемой нами притчи, играет формальность акта воплощения данного имени – на месте имени *Лазарь* могло бы быть любое другое. Даже если учитывать формальность и условность акта воплощения имени *Лазарь*, выбор данного имени все равно порождает ощущение некоторой недосказанности и таинственности в восприятии морали рассматриваемой нами евангельской притчи, заставляет искать в ней скрытый смысл (ср. толкование на данную притчу Феофилакта Болгарского: «Богача в притчу Господь взял без имени, поскольку он недостоин и именоваться пред Богом, как и чрез Пророка сказано: «не помяну имен их устами моими» (Пс. 15, 4). А о нем упоминает по имени, ибо имена праведных записываются в книге жизни» [7]). Конкретность даже в такой минимальной степени уже воспринимается как избыточная деталь. Естественно, что подобная избыточность возрастает, когда в обладающих модельным статусом текстах появляются имена, воплощенные за пределами текста, примером чего являются имена христианских святых в текстах народных легенд. Кардинальным отличием логико-семантической структуры легенды является, во-первых, отсутствие акта воплощения (читателя никто не знакомит с действующими в легенде христианскими святыми, они известны заранее); во-вторых, в легендах рассматриваемого нами типа воплощенное ранее имя является, на наш взгляд, чужеродным элементом по отношению к заключенному в легенде назидательному подтексту. Имя в легенде является связующим звеном между повседневным и сверхъестественным, что связано, прежде всего, с «экстралингвистическим аспектом значения имени», куда входят «и особые условия существования имени в обществе, и культурно-исторические ассоциации, с ним связанные, и специфика связи имени с именуемым объектом, и степень известности объекта и его имени» [8, с. 106]. Для легенды наиболее значимым экстралингвистическим аспектом, заключенным в именах христианских святых, является указание на сверхъестественную природу носителя данного имени. Именно знание имени упоминаемого в легенде христианского святого придает всем описываемым в ле-

генде событиям статус сверхъестественных событий. Приведем текст легенды «Миколай-угодник и охотники»:

Жили два шабра (выделено у Д.Н. Садовникова. – Тельпов Р.Е.) *охотника, и ходили они за охотой. Идут дремучим лесом, глухою тропочкой; повстречался им старичок, сивотель отец Никола. Они его не узнали и за человека сочтали. И говорит он им: «Не ходите этой тропочкой, охотники!» – «А что, дедушка?» – «Тут, други, через эту тропочку лежит превеликая змея и нельзя ни пройти, ни проехать». – «Спасибо тебе, дедушка, что нас от смерти отвел». Дедушка и ушел. Постояли охотники, и подумали, и говорят: «А что нам, какая вещь змея! С нами орудия много. Дерьма-то не убить змею?» И пошли. Дошли и видят: превеличающий бугор казны на тропочке, и **рассмеялись друг с другом**: «Вон он что, старый дурак, нам сказал! Кабы мы не прошли, он бы казну-то взял, а теперь нам ее не прожить». Сидят и думают, что делать. Один и говорит: «Ступай-ка домой за лошадей: мы ее на себе-то не донесем». Один караулить остался, а другой за лошадей пошел. **Который караулить остался и говорит тому, который домой-то пошел: «Ты зайдди, брат, к хозяйке, к моей, хлеба кусочек привези!»** Товарищ пошел домой, пришел к своей жене и говорит: «Тут-то жена, что нам Бог-то дал!» – «Чего дал?» – «Превеличающую кучу казны: нам не прожить, да и детям-то будет и внукам! Ну-ка затопи-ка избу, замеси пресную лепешку на еду и на зелье! Я ему скажу, что его жена ему прислала». Завернула жена лепешечку на еду и на зелье и спекла сейчас. Он запряг лошадей и поехал. А товарищ ружье зарядил и думает: «Вот как он придет, я его хлоп – все деньги-то мое, а дома скажу, что не видал его». Подъезжает к нему товарищ; он прицелился, да и хлоп его, и убил. Сам подбежал к телеге – прямо в сумку; лепешечки поел и сам умер. И казна тут осталась: съела змея обеих [9, с. 265-266].*

Все, что надо было сделать главным героям, чтобы избежать постигшей их участи, – это идентифицировать встретившегося им старика с Николаем-угодником. Такой идентификации не произошло – это явилось причиной смерти, постигшей охотников (ср. также другие легенды подобного типа, записанные Д.Н. Садовниковым: «Илья-пророк и Миколай-угодник», «Илья-пророк и стрелец»). Легенда становится не просто логически построенным предостережением против неправильно сделанного этического выбора, осуществленного охотниками, но к чисто рассудочному построению, иллюстрирующему последствия неправильно сделанного этического выбора, здесь добавляется тема предопределенности, тщетности усилий человека перед волей высших сил. Вторая тема остается не раскрытой до конца, поскольку Николай-угодник остается неузнанным. Таким образом, наделение действующего в легенде персонажа изначально воплощенным именем предоставляет читателю / слушателю возможность для дополнительной интерпретации, а отсутствие в тексте акта идентификации данного воплощенного имени с его носителем мешает этой возможности развиваться. Познавание сверхъестественной природы описываемого в легенде факта должно было бы окончательно придать легенде поучительный характер, определить место упоминаемых в ней христианских святых как морализирующей силы. Без всех этих факторов упоминание персонажа, обладающего изначально воплощенным именем, предоставляется для содержащейся в легенде морали избыточным. Исторически подобные разобщенность и избыточность могут быть объяснены наблюдающейся в легенде рассматриваемого нами типа контаминацией, в результате которой одним из действующих лиц известного сюжета, отраженного в мировой литературе (вспомним «Рассказ продавца индульгенций» из «Кентерберийских рассказов» Дж. Чосера), стал христианский святой. Подобную же роль мог сыграть персонаж, носящий любое другое имя. С позиций логико-семантического анализа рассматриваемого нами текста наличие изначально воплощенного имени является той избыточной по отношению к М-статусному тексту степенью «указанности персонажей и хронологических элементов притчи», о которых, по всей видимости, говорил Ю.И. Левин. Легенда наивна, потому что все составляющее загадку для героя (следовательно, и для её читателя / слушателя) не составляет никакой загадки для рассказчика. Рассказчик здесь словно присваивает себе право на избыток видения по отношению ко всем происходящим в легенде событиям. Сверхъестественный характер описываемого в легенде события и их морализаторское значение находятся в разрозненном соотношении друг с

другом, и связано это с образом условного рассказчика, которому, по словам М.Я. Дымарского, «возможно лишь повествовать сюжет» [10, с. 258]. Пример полной сосредоточенности на факте идентификации имени с его носителем представляют собою агиографические тексты – в частности, присутствующие в них повествования о посмертных явлениях христианских святых, появляющихся в нашем мире под видом *благообразных старцев, светлого вида отроков, чудного вида мужей* и т. д. (см. подробнее [11, с. 16-19]) Характерно, что в отличие от легенды, где рассказчик присваивает себе право на избыток видения по отношению к своим героям, в агиографических текстах данный акт преподносится всегда с опорой на точку зрения повествователя, с введением в текст разного рода мотиваций акта наименования.

В случае с произведениями агиографии стремление создать поучительный текст, предостерегающий от неправильно сделанного этического выбора, уступает стремлению создать как можно более реалистичное описание произошедшего с рассказчиком вызывающего удивление факта (встреча со сверхъестественным). Стремление к как можно более подробному и реалистичному описанию акта идентификации придает агиографическим текстам статус К-высказываний.

В заключение отметим, что текстам, обладающим модельным статусом (например, текстам притчи), несвойственно употребление собственных имен. Фактом, «примиряющим» текст модельного типа с наличием собственного имени, является наличие высказываний, содержащих акт воплощения данного имени. Такие высказывания, как правило, располагаются в самом начале наделённого модельным статусом текста. В акте воплощения имени происходит не только установление связи имени с его действующим в тексте носителем, но и подспудно утверждается несущественность какой-либо иной информации о данном носителе. Акт воплощения имени, присутствующий в самом начале текста притчи, словно отрицает все вызываемые данным именем ассоциации, расположенные за пределами притчи, и делает употребляемое в притче имя собственное максимально прозрачным обозначением для реализующего этический выбор субъекта. В легенде – фольклорном жанре, в наибольшей степени реализующем черты, характерные для текстов модельного типа, – именно наличие изначально воплощённого имени является главным фактором, препятствующим окончательному оформлению модельного статуса у текстов, относящихся к данному жанру.

Библиографический список

1. Левин Ю.И. Структура евангельской притчи. *Избранные труды. Поэтика. Семиотика*. Москва: Языки русской культуры, 1998.
2. Аверинцев С.С. Притча. *Краткая литературная энциклопедия*. В 6 томах. Москва, 1971; Т. 6.
3. Фролова О.Е. Антропоним в жестко структурированном тексте. *Вопросы ономастики*. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005.
4. Кронгауз М.А. Воплощённое и невоплощённое имя собственное: некоторые аспекты референции. *Экспериментальные методы в психолингвистике*. Москва, 1987.
5. Евангелие от Луки. *Новый завет. Псалтирь. Книга притчей*. Москва: Российское Библейское общество, 2009.
6. Даниил Хармс. *Старуха: Рассказы. Сцены. Повесть*. Сост. и предисл. В. Глоцера. Москва: СП «Юнона», 1991.
7. Евангелие от Луки. *Толкование Священного Писания Блаженного Феофилакта архиепископа Болгарского*. Гл. 16. Available at: <http://feofilakt.ru/ot-luki/glava-16>
8. Суперанская А.В. *Теория и методика ономастических исследований*. Москва, 1986.
9. Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д.Н. Садовниковым *Полное собрание русских сказок. Ранние собрания*. Санкт-Петербург: Тропа Троянова, 2003; Т. 10.
10. Дымарский М.Я. *Проблемы текстообразования и художественный текст (на материале русской прозы XIX-XX вв.)*. Санкт-Петербург, 1999.
11. Тельпов Р.Е. Некоторые особенности повествования о сверхъестественном в житиях и легендах *Актуальные вопросы изучения православной культуры: материалы заседания Всероссийской научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие»*. VIII Кирилло-Мефодиевские чтения, 16 мая 2007 года. Москва. Ярославль: Ремдер, 2007; Выпуск 3.

References

1. Levin Yu.I. Struktura evangel'skoj pritchi. *Izbrannye trudy. Po`etika. Semiotika*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1998.
2. Averincev S.S. Pritcha. *Kratkaya literaturnaya `enciklopediya*. V 6 tomah. Moskva, 1971; T. 6.
3. Frolova O.E. Antroponim v zhestko strukturirovannom tekste. *Voprosy onomastiki*. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2005.
4. Krongauz M.A. Voploschennoe i nevoploschennoe imya sobstvennoe: nekotorye aspekty referencii. *'Eksperimental'nye metody v psiholingvistike*. Moskva, 1987.
5. Evangelie ot Luki. *Novyj zavet. Psaltir'. Kniga pritchej*. Moskva: Rossijskoe Biblejskoe obschestvo, 2009.
6. Daniil Harms. *Staruha: Rasskazy. Sceny. Povesť*. Sost. i predisl. V. Glocera. Moskva: SP «Yunona», 1991.
7. Evangelie ot Luki. *Tolkovanie Svyaschennogo Pisaniya Blazhennogo Feofilakta arhiiepiskopa Bolgarskogo*. Gl. 16. Available at: <http://feofilakt.ru/ot-luki/glava-16>
8. Superanskaya A.V. *Teoriya i metodika onomasticheskikh issledovanij*. Moskva, 1986.
9. Skazki i predaniya Samarskogo kraya. Sobrany i zapisany D.N. Sadovnikovym *Polnoe sobranie russkikh skazok. Rannie sobraniya*. Sankt-Peterburg: Tropa Troyanova, 2003; T. 10.
10. Dymarskij M.Ya. *Problemy tekstoobrazovaniya i hudozhestvennyj tekst (na materiale russkoj prozy XIX-XX vv.)*. Sankt-Peterburg, 1999.
11. Tel'pov R.E. Nekotorye osobennosti povestvovaniya o sverh`estestvennom v zhitiyah i legendah *Aktual'nye voprosy izucheniya pravoslavnoj kul'tury: materialy zasedaniya Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Slavyanskaya kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie»*. VIII Kirillo-Mefodievskie chteniya, 16 maya 2007 goda. Moskva. Yaroslavl': Remder, 2007; Vypusk 3.

Статья поступила в редакцию 20.03.15

УДК 894.321

Urazmanova E.Sh., postgraduate, Department of History and Criticism of Literature, G. Ibragimov's Institute of Language, Literature and Art, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; teacher, Department of Foreign languages in Professional Communication, Kazan National Research Technological University (Kazan, Russia), E-mail: elmirochka.86@mail.ru

THE ROLE OF A. SHARIPOV'S RESEARCH IN THE FIELD OF STUDY OF POETIC GENRES' ORIGIN AND FORMATION IN TATAR LITERATURE. This article is dedicated to complex research of A. Sharipov's activity in the field of conception, formation and functioning of poetic genres' system in ancient Turkic and Turkic-Tatar literature of VIII-XIV centuries. His fundamental scientific work

is the first experiment in the field of research of Turkic poetry's conception from its most ancient forms from the Huns-Gun's period and the fruit of long-term work in the field of Turkic-Tatar poetic genres and genre forms of the Middle Ages. Arabic, Persian-Tajik and Turkish treatises of X-XIV centuries, also numerous texts of folklore and separate individual written poetic works of ancient Turkic and Turkic-Tatar poets of the Middle Ages were analyzed in details. On the basis of the study A. Sharipov's activity in the field of genre system's research, it is found, that he could successfully present his research works in the field of the study of conception, formation and functioning of the system of Turkic-Tatar poetic genres and genre forms of VIII-XIV centuries, genre diversity and the richness of poetic forms and ways, peculiarities of poetic genres and genre forms and their importance.

Key words: poetic genres, genre forms, ancient Turkic and Turkic-Tatar literature, literary works, Turkic-Tatar poets.

Э.Ш. Уразманова, соискатель отдела литературоведения Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии Наук Республики Татарстан, преподаватель каф. «Иностранные языки в профессиональной коммуникации» Казанского национального исследовательского технологического университета, г. Казань, E-mail: elmirochka.86@mail.ru

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЙ А. ШАРИПОВА В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ФОРМИРОВАНИЯ СТИХОТВОРНЫХ ЖАНРОВ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Данная статья посвящена комплексному исследованию деятельности А. Шарипова в области зарождения, становления и функционирования системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV веков. Его фундаментальная научная работа является первым экспериментом в области исследования зарождения тюркской поэзии и её древнейших форм с хунно-гуннского периода и плодом многолетней работы в области тюрко-татарских поэтических жанров и жанровых форм средневековья. В работе детально проанализированы арабские, персидско-таджикские и турецкие трактаты X-XIV веков, а также многочисленные тексты устного народного творчества и отдельные индивидуальные письменные поэтические произведения древнетюркских и тюрко-татарских поэтов средневековья. На основе изучения деятельности А. Шарипова в области исследования системы жанров, установлено, что он смог удачно преподнести читателю свои исследования в области изучения зарождения, становления и функционирования системы тюрко-татарских стихотворных жанров и жанровых форм VIII-XIV вв., жанровое разнообразие и богатство стихотворных форм и приемов, особенности стихотворных жанров и жанровых форм, а также их важность.

Ключевые слова: стихотворные жанры, жанровые формы, древнетюркская и тюрко-татарская литература, литературные произведения, тюрко-татарские поэты.

Как известно, точка отчета истории современной татарской литературы начинается с письменной литературы, возникшей в средние века в Поволжье. Эта же письменная литература берет своё начало у ещё более старшей – древней общетюркской литературы. Таким образом, мы обращаемся к эпохе караханидов, к именам, связанным с Орхоно-Енисейскими реками, где жили древние уйгуры [1, с. 14].

Татарский народ в своём историческом бытии, сформировав богатое духовное наследие, внёс большую долю в общечеловеческое наследие и его последующее развитие. Народов, имеющих полуторакскую письменную литературу, очень мало. К сожалению, злые ветра истории уничтожили многие исторические достояния: некоторые из них не найдены и на сегодняшний день. Но, несмотря на это, всё то, что мы уже имеем, является свидетельством того, каким богатым литературным наследием обладает татарский народ [2, с. 3].

В составе духовного наследия татарского народа в плане художественно-эстетического воздействия на читателей особую ценность представляют стихотворные тексты. Они обладают чрезвычайно большим жанровым богатством, неуязвимой красотой и сочностью поэтических образов. Никого не оставляли равнодушным в прошлом и в настоящее время насыщенные глубиной жизненной мудростью тюркских народов поэмы Ю. Баласагуни «Котадгу белек» («Благодатное знание»), А. Юнеки «Хибатуль-хакаик» («Подарок истин»), прекрасные образцы хикметов и газелей А. Ясеви, С. Бакыргани, созданные в XI-XII вв. Произведения и последующих представителей средневековой классической тюрко-татарской литературы, таких как Кул Гали, Кутб, Хорезми, Хисама Кятиба, Сайфа Сарай и др., также содержат в себе лучшие эстетико-художественные достижения тюрко-татарской письменной поэзии VIII-XIV вв.

В целях приобщения современного читателя к этим жемчужинам древнетюркской и тюрко-татарской литературы, необходимо изучить их, открыв секреты их долговечности и притяжения к себе читателей, пропагандировать их для того, чтобы довести до современного человека всё богатство содержания и красоту форм данных произведений. Это, в свою очередь, требует от историка литературы изучения каждого стихотворного жанра и жанровой формы как живого организма: исследовать особенности этапов зарождения, становления и функционирования каждого стихотворного жанра, а также его трансформацию в каждую эпоху литературного развития согласно меняющимся эстетическим запросам общества [3, с. 3].

В последние годы в нашем обществе произошли большие изменения, обусловленные огромным интересом татарского народа к богатому духовному наследию наших предков. Однако необходимо подчеркнуть, что в течение долгого времени в татарской литературе в историческом плане не принимались во внимание генезис, эволюция жанров и жанровых форм средневековья.

До 1960 – 1980 годов некоторые литературоведы в своих научных трудах, посвящённых проблемам истории татарской литературы, не касались данной темы вообще, некоторые же ограничивались лишь упоминанием названий некоторых стихотворных жанров. Лишь в последние два десятилетия эти вопросы стали предметом пристального внимания татарских литературоведов. Однако все же отдельного монографического исследования, специально посвящённого изучению проблем не только отдельных жанров, а более крупной единицы, т.е. системы средневековых тюрко-татарских стихотворных жанров, вопросов формирования, становления и эволюции этой системы в период зрелого средневековья, до сих пор еще не было написано [4, с. 9 – 10].

А. Шарипов, являясь одним из тех учёных, которые с большим интересом изучают древние периоды татарской литературы, в определённой степени стремился восполнить этот пробел в татарской литературе. Его фундаментальная научная работа является первым экспериментом в области исследования зарождения тюркской поэзии и её древнейших форм со времен пратюрков – с хунно-гуннского периода.

Исследования, проведённые учёным, принесли свои плоды: в 2011 году в диссертационном Совете Казанского государственного университета он защитил докторскую диссертацию на тему «Система стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV вв. (Зарождение, становление и функционирование)» [3]. Также исследования А. Шарипова в этой области изложены в его монографическом труде «Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII-XIV вв.)» [4].

Данная работа А. Шарипова является в татарской литературоведении новым и крупным научным достижением, целью которого являлось изучение системы стихотворных жанров и жанровых форм в древнетюркской и тюрко-татарской литературе VIII-XIV веков, их зарождение в татарском устном народном творчестве, функционирование и совершенствование в письменной литературе XI-XIV веков. И все эти вопросы рассматриваются и изучаются учёным в историческом плане.

Обратим внимание на структуру и содержание научно-исследовательской работы А. Шарипова. Научный труд ученого состоит из четырех глав. Первую главу своей диссертации А. Шарипов посвятил изучению генезиса устного и письменного древнетюркского стихотворного искусства. В то же время, А. Шарипов выявил значимую роль арабской, персидской и таджикской классической поэтики в развитии и совершенствовании системы поэтических жанров и, взяв за основу проблемы поэтических жанров творчества тюрко-татарских писателей XI-XV веков, проанализировал формирование тюрко-татарской поэтики.

Вторая глава научной работы ученого посвящена системному и глубокому изучению зарождения и становления тюрко-татарской теоретической поэтики. А. Шарипов в этой главе выясняет роль арабской и персидско-таджикской классических поэтик в развитии и совершенствовании тюрко-татарской теории системы стихотворных жанров. Также учёный рассматривает вопросы, касающиеся теории системы стихотворных жанров в трудах тюркоязычных авторов XI-XV веков и становления тюрко-татарской теоретической поэтики.

Третья глава научной работы А. Шарипова посвящена изучению зарождения и формированию системы устных поэтических жанров в татарском фольклоре. Таким образом, эта глава особенно тем, что она всецело посвящена глубокому изучению таких жанров, как эпос-дастан, сказка, баллада, песня, байт, мунаджат и др.

Четвертая глава исследования А. Шарипова посвящена изучению становления и функционирования системы тюрко-татарских стихотворных жанров в индивидуальном письменном творчестве. Так как историю древнетюркской поэзии можно условно разделить на два периода – 1) доисламский; 2) после принятия ислама, то и в научной работе А. Шарипова мы видим каким тщательным образом изучены особенности доисламского и исламского периода в тюрко-татарской поэзии, а именно в системе тюрко-татарских стихотворных жанров и жанровых форм.

В этой главе мы также видим результат проведенных исследований А. Шарипова, касающихся жанровых особенностей литературных произведений И. Баласагуны, А. Ясеви, С. Бакыргани, А. Югнеки. Помимо этого рассматриваются особенности стихотворных жанров и жанровых форм, царящих в период Булгарского государства и Золотой Орды.

В данной главе мы видим, что ученый представил систему стихотворных жанров в произведениях лиро-эпического характера (кысса, дастан, наме, месневи, хикаят (рассказ), масал, муназаре и др.) и произведениях лирической тональности (газель, касыда, месневи, рубаи, туюг, кытга, фард, махия и др.), относящихся к тюрко-татарской литературе XIII – XIV веков.

В своем исследовании А. Шарипов не забывает обратить внимание и на функциональные особенности системы стихотворных жанров тюрко-татарской литературы XIII-XIV веков, т.к. эти особенности не были до сих пор исследованы. Так, ученый выявил, что функциональные особенности тюркоязычных стихотворных жанров XIII-XIV вв. тесно связаны с двумя свойствами последних: 1) с их синкретическим характером; 2) с иерархичностью стихотворных жанров.

В работе также были проанализированы арабские, персидско-таджикские и турецкие трактаты X-XIV веков, а также многочисленные тексты устного народного творчества и отдельные индивидуальные письменные поэтические произведения древнетюркских и тюрко-татарских поэтов средневековья.

Проанализировав с точки зрения теории и практики эту важную научно-исследовательскую работу А. Шарипова, мы можем с уверенностью сказать, что каждый читатель может в ней найти необходимую информацию о зарождении и формировании таких жанров, как газель, касыда, рубаи, муназаре, фард, кытга, махия, марсия, хикмет, насихат, мунаджат и др., т.к. все эти жанры были проанализированы ученым как отдельные элементы жанровой системы.

Велика роль ученого и поэта-писателя А. Шарипова в том, что до этого в татарском литературоведении не было трудов, посвященных возникновению стихотворных жанров, их формированию и процессам роста, развития и изменения по древнетюркскому периоду. Этот научный труд был оценен специалистами как новое слово во всей тюркологической науке [5, с. 266]. Ученый смог удачно преподнести читателю свои исследования в области изучения зарождения, становления и функционирования системы тюрко-татарских стихотворных жанров и жанровых форм VIII-XIV вв., жанровое разнообразие и богатство стихотворных форм и приемов, особенности стихотворных жанров и жанровых форм, а также их важность.

Библиографический список

1. Госман Х. Гомумтерки әдәбият. *Борынғы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы*. Казан, 1981.
2. Миңнегулов Х.И., Садретдинов Ш.А. *Әдәбият: Татар урта гомуми белем бирү мәкт. һ. гимназияләренң 9 нчы сыйныфы, урта махсус уку йортлары, педагогия училищелары, колледж һәм лицей укучылары өчен дәреслек*. Казан, 2005.
3. Шарипов А.М. *Система стихотворных жанров в древнетюркской тюрко-татарской литературе VIII-XIV вв. (Зарождение, становление и функционирование)*. Автореферат диссертации ...доктора филологических наук. Казань, 2001.
4. Шарипов А.М. *Зарождение и становление системы стихотворных жанров в древнетюркской и тюрко-татарской литературе (VIII-XIV вв.)*. Монография. Казань, 2011.
5. Уразманова Э.Ш. Основные этапы научно-исследовательской и литературной деятельности ученого и писателя А.М. Шарипова. *Мир науки, культуры, образования*. 2014; 2 (45).

References

1. Gosman H. Gomumterki әdәbiyat. *Boryngy tərki һәм tatar әdәbiyatynyң chyganaklary*. Kazan, 1981.
2. Miñnegulov H.I., Sadretidinov Sh.A. *Әdәbiyat: Tatar urta gomumi belem biry мәkt. һ. gimnaziyalärneң 9 nchy syjnyfy, urta mahsus uku jortlary, pedagogiya uchilishelary, kolledzh һәм licej ukuchylary echen dāreslek*. Kazan, 2005.
3. Sharipov A.M. *Sistema stihotvornykh zhanrov v drevnetyurkskoj tyurko-tatarskoj literature VIII-XIV vv. (Zarozhdenie, stanovlenie i funkcionirovanie)*. Avtoreferat dissertacii ...doktora filologicheskikh nauk. Kazan', 2001.
4. Sharipov A.M. *Zarozhdenie i stanovlenie sistemy stihotvornykh zhanrov v drevnetyurkskoj i tyurko-tatarskoj literature (VIII-XIV vv.)*. Monografiya. Kazan', 2011.
5. Urazmanova E.Sh. Osnovnye etapy nauchno-issledovatel'skoj i literaturnoj deyatel'nosti uchenogo i pisatelya A.M. Sharipova. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*. 2014; 2 (45).

Статья поступила в редакцию 11.03.15

УДК 811.13 (04) + 81.16 (04)

Artyna M.K., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, English Language Department, Tuvan State University (Kyzyl, Russia), E-mail: mirartyna@yandex.ru

THE PROBLEM OF PRAGMALINGUISTICS ASPECT DEVELOPMENT IN IDEOGRAPHIC DESCRIPTION (on the example of "Speech act" lexical field). The article is devoted to the comprehensive study of different approaches to the classification of verbs of speech activity from the middle of the twentieth century up to the present. The author examines the gradual formation of pragmalinguistics selection criteria of lexical units by the example of the "Speech act" lexical field. As a result of the research, it was found that the current classification takes into account not only the semantic feature and communicative orientation of speech, but

also psycho-cognitive processes in a speech that led to the concept of "verbs of speech and thought activity" and qualitatively new dictionaries compiled on the basis of the synergistic lexicography. The author concludes that the latest advances in pragmalinguistics, which study speech and thought aspect of speech activity of man, allows exploring the "Speech act" lexical field via mental nature of the speech act with reference to verbs from different languages.

Key words: pragmalinguistics, speech act theory, speech, speech activity, speech and thought activity, synergetics, lexicography.

*М.К. Артына, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка, Тувинский государственный университет, г. Кызыл,
E-mail: mirartyna@yandex.ru*

ПРОБЛЕМА РАЗВИТИЯ ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АСПЕКТА В ИДЕОГРАФИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ (на примере лексического поля «Речевой акт»)

Статья посвящена комплексному изучению различных подходов к классификации глаголов речевой деятельности с середины XX века по настоящее время. Автор рассматривает поэтапное формирование прагмалингвистических критериев отбора лексических единиц на примере лексического поля «Речевой акт». В результате проведенного исследования было установлено, что современные классификации учитывают не только семантический признак и коммуникативную направленность речи, но и психо-когнитивные процессы в речи, что привело к появлению понятия "глаголы со значением речемыслительной деятельности" и качественно новых словарей, составленных по принципу синергетического лексикографирования. Автор приходит к выводу, что обращение к новейшим достижениям в прагмалингвистике, в которых освещается речемыслительный аспект речевой деятельности человека, позволяет изучить лексическое поле «Речевой акт» в сфере мыслительной природы речевого акта на примере глаголов из различных языков.

Ключевые слова: прагмалингвистика, теория речевых актов, речь, речевая деятельность, речемыслительная деятельность, синергетика, лексикографирование.

Речь как высшая психическая функция уже давно привлекает внимание лингвистов и психологов, чьи многолетние исследования привели к выводу о том, что она является одной из составляющих интеллектуальной деятельности. Долгое время в языкознании четко различались два диаметральных подхода к анализу языка: с одной стороны, исследователи изучали конечные продукты речевой деятельности, их структурно-системную организацию и не учитывали чувств, взаимоотношений, намерений и целей реальных людей [1]; с другой стороны, учёные проникали вглубь языка в стремлении понять природу скрытого от непосредственного наблюдения языкового процесса, но при этом рассматривали язык, главным образом, в качестве вспомогательного средства изучения ментально-психических процессов человека [2].

Одним из способов преодоления подобного противоречия, по нашему мнению, является обращение к *прагмалингвистике*, в частности к теории речевых актов, для которой характерен деятельностный подход к языку. В рамках этой теории, помимо традиционного изучения этапа внешней речи (в локутивном акте), имеется возможность включения таких характеристик речевого поведения человека, как коммуникативных намерений (в составе иллокутивного акта), психо-эмоциональных состояний коммуникантов, их поведенческих реакций, социальных последствий речевого акта с учетом экстралингвистических факторов и параллингвистических средств (в рамках перилокутивного акта).

По сравнению с классическим определением реальные границы современной прагматики значительно расширились: «Сегодня под прагматикой понимается когнитивное, социальное и культурное исследование языка и коммуникации. По существу прагматика является междисциплинарной областью, использующей методы и теории разных наук. В современном научном мире она занимает одно из ведущих мест по интенсивности развития и влияния на другие области знания» [3, с. 294].

К середине XX века наука убедительно доказала взаимосвязь мышления и речи, что заставило многих лингвистов отказаться от понимания языка только как знаковой системы и обратиться к нему как к феномену психики, поскольку «анализ языка только как знаковой системы в полном отрыве от внутреннего мира его носителей оказывается не более, чем научной абстракцией» [4, с. 9].

Теоретические труды ведущих отечественных и зарубежных учёных-лингвистов, психолингвистов, когнитивистов конца XX – начала XXI вв. – изобилуют выводами о мыслительном характере протекания речевой деятельности человека.

Постановку данной проблемы четко сформулировал Ю.Н. Караулов, чьи исследования в области структурной организации языковой личности, привели его, в конечном счете, к соз-

данию трехуровневой системы, состоящей из вербализованной и невербализованных частей. Вербализованную часть он относит к сфере языкового сознания, о природе которого (его масштабах, способах проявления и распределении по разным сферам и уровням) можно получить через изучение его вербальных манифестаций. Это, по его уточнению, относится к «первому, вербально-семантическому уровню в структуре языковой личности, предполагающего для носителя нормальное владение естественным языком, а для исследователя – традиционное описание формальных средств выражения определенных значений» [5, с. 5].

Сложнее с двумя другими уровнями, когнитивным и прагматическим, которые охватывают интеллектуальную и мотивационную сферы личности. По мнению учёного, бесспорным является тот факт, что индивидум не осознает ряд собственных мотивов, установок, целей и интенциональностей, как и ряда грамматических законов, правил и структур. «Коль скоро они не проходят через сферу индивидуального сознания, они могут оставаться и невербализованными в структуре данной языковой личности» [6, с. 91]. Триединство уровней образует своеобразное среднее звено, сферу знаний о мире, или тезаурус личности.

Плодом размышления автора является вывод о наличии специфического связующего звена между этими тремя уровнями в виде промежуточного языка. Что представляет собой промежуточный язык? Сам термин, по признанию автора, навеян идеями Н.И. Жинкина и служит для обозначения им явления, которое стоит между звуковой, внешней речью и специфическим языком мозга в процессах интеллектуальной или речемыслительной деятельности. При этом, замечает он, языком мозга занимаются психологи, нейропсихологи и физиологи, тогда как звуковой речью – лингвисты. Он убежден, что рассмотрение процессов речемыслительной деятельности человека возможно, в первую очередь, с точки зрения лингвистической науки, таким образом, изучение мозговых процессов человека не является прерогативой лишь таких наук как нейролингвистика, психолингвистика или лингвопатология.

Обращение к новейшим достижениям в прагмалингвистике, в которых освещается речемыслительный аспект речевой деятельности человека, позволяет нам исследовать лексическое поле «Речевой акт» в сфере мыслительной природы речевого акта. В качестве материала исследования мы предлагаем рассмотреть глаголы, в семантике которых может отражаться данный аспект речемыслительной деятельности человека.

Лексикографическое описание глаголов лексического поля «Речевой акт» неоднократно проводилось в последнее время на материале русского, французского, английского, немецкого и др. языков в работах многих молодых учёных, где лексико-семан-

тические классификации подробно анализировались в системно-семантическом плане, с включением коммуникативно-прагматического аспекта в рамках теории речевых актов.

В традиционных лексико-семантических классификациях выделяются следующие общие классы глаголов лексического поля «Речевой акт», совпадающие практически у всех вышеназванных исследователей (с небольшими вариациями): «1) глаголы, характеризующие внешнюю (акустико-физиологическую и графическую) сторону речи, 2) глаголы, характеризующие содержание мысли, выражаемой с помощью устной или письменной речи, 4) глаголы со значением речевого взаимодействия и контакта, 5) глаголы со значением побуждения, выражаемого устной или письменной речью и 6) глаголы со значением эмоционального отношения и оценки, выражаемых посредством устной или письменной речи» [7, с. 6].

Такой подход к описанию процесса, в основном, устной речевой деятельности характерен для работ с конца 60-х до 80–90-х годов прошлого века. Впоследствии наметился поворот к рассмотрению речевых процессов под углом прагмалингвистики, в частности теории речевых актов, в которой глаголы речи различаются не только по семантическим параметрам, но и по признаку наличия или отсутствия признака коммуникативной направленности речи. Глаголы речи стали также рассматриваться в социалингвистическом и коннотативном аспектах, при этом могла учитываться психолингвистическая реальность коннотативного значения.

Прагмалингвистический подход в сфере изучения глаголов лексического поля «Речевой акт» в полной мере воплощён в исследованиях М.Я. Гловинской [8; 9; 10], выполненных в рамках современной теории речевых актов на материале русского языка. В центре внимания оказываются глаголы речи русского языка, обозначающие речевые акты. М.Я. Гловинская устанавливает границы между иллокутивами и перлокутивами в русском языке, которая обычно проходит внутри видовых пар: в форме несовершенного вида глагол является иллокутивом, а в форме совершенного вида – перлокутивом, причём автор подчёркивает, что среди названий русских речевых актов обнаруживается достаточно много перлокутивов: *просить* – *попросить*, *упрашивать* – *упросить* и т.д. Перлокутивные глаголы сообщают, что их цель достигнута: воздействие на чужую волю, сознание, состояние оказано и получен искомым результат. Ментальный след в сознании адресата может быть выражен в виде понимания (*объяснять* – *объяснить*: цель – сделать непонятное понятным), знания (*доказывать* – *доказать*: цель – заменить мнение адресата знанием либо мнением, максимально приближенным к знанию) или мнения (*убеждать* – *убедить*: цель – заменить одно мнение у адресата другим).

Большой интерес вызывает классификация английских глаголов речи Р. Баха и Р.М. Харниша, выполненная на базе терминологического аппарата теории речевых актов. В данной классификации за основу берется модель речевой деятельности, разработанная в рамках теории речевых актов, существенную роль в которой играет признак цели высказывания. С учётом цели высказывания они распределяют глаголы речи по четырем крупным классам: «1) говорение без указания на цель (локуционные акты: говорить / сказать); 2) говорение с указанием на цель (иллокуционные акты: уверять / уверить, спрашивать / спросить); 3) говорение с указанием на достижение цели (перлокуционные акты: убеждать / убедить); 4) говорение с указанием на цель, дополнительную по отношению к основной коммуникативной цели (коллатеральные акты: намекать / намекнуть)» [11, с. 15].

В хронологически более ранних работах по изучению глаголов лексического поля «Речевой акт», например, в исследованиях М.И. Кролля, Л.М. Васильева, не применяются прагмалингвистические термины, но выделение коммуникативного аспекта как «аспекта речевого контакта и сообщения мысли» вполне коррелирует со значением «интенциональности» в теории речевых актов. Эти работы демонстрируют преимущественное внимание лингвистов к изучению устной (звуковой) речи. При этом они либо вообще не признавали речевую природу мыслительных актов, либо подходили к этому вопросу с осторожностью: «Спорными с точки зрения причисления к речевым являются глаголы, выражающие действия или состояния, сопутствующие процессу речи и иногда тесно связанные с ним, но никогда в него не переходящие. Акт говорения в этом случае остаётся невыраженным, он подразумевается, а его характеристика дается через глагол, обозначающий действие или состояние. Подобные глаголы не

следует причислять к речевым; мы называем их глаголами, выступающими в роли речевых» [12, с. 9].

Обращаясь к современному научному материалу, относящемуся к началу XXI века, важно отметить тот факт, что, в конечном счете, лингвистическая наука признала тесную связь глаголов говорения с глаголами мышления и объединила их под названием «глаголов речемышлительной деятельности». В составе речемышлительных глаголов исследователи различают несколько подгрупп глаголов: «1) называющих устную речь (говорить); 2) называющих письменную речь (писать); 3) имеющих характеристики как устной, так и письменной речи (сообщать); 4) называющих мыслительные процессы (думать, помнить, знать)» [13, с. 8].

Тенденция к усилению прагмалингвистического уклона в исследованиях глаголов речи, а также переосмысление их статуса как глаголов со значением речемышлительной деятельности, с учетом психо-когнитивных процессов в речи, находит свое отражение в лексикографической практике в виде создания качественно новых словарей комплексного типа, составленных по принципу синергетического (наиболее информативного) лексикографирования. Современные словари-тезаурусы стремятся к учёту всех возможных лексикографических параметров и созданию наиболее полной картины идеографического описания. Так, раздел «Речевая деятельность» в современных словарях русского языка включает в себя подразделы, в которых учитываются все формы и виды речевой деятельности, а также средства выражения речи и ее коммуникативная направленность. В идеографическом словаре «Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты: свыше 10000 глаголов» под ред. Л.Г. Бабенко [14], в лексико-семантическом подполе «Глаголы речевой деятельности» включены такие «нетипичные» глаголы речевой деятельности как *брыкаться* (*blurt out/forth*), *вырываться* (*burst forth, break out/from, blurt forth/out*), *молчать* (*be/keep silent*), *примолкнуть* (*fall silent*) (группа «Глаголы характеризованной речевой деятельности»); *обмолвиться* (*hint at, let drop, let fall*), *недосказывать* (*leave something unsaid*), *намекать* (*hint at, insinuate*), *обронить/оговариваться* (*make a slip*), *пробалтываться* (*blab out, blurt forth/out*) (группа «Глаголы речевого сообщения»); *смолчать* (*say nothing*) (группа «Глаголы речевого общения»).

Молчанию посвящены исследования Н.Д. Арутюновой, В.Г. Гака, С.В. Меликян и других отечественных учёных. Феномен молчания является предметом изучения многих зарубежных ученых. Известно существование различных видов молчания в зависимости от тех или иных поведенческих и коммуникативных факторов.

Определение молчания можно интерпретировать как состояние физического покоя двояко: а) как собственно состояние физического покоя (*молчать, замолкнуть, помалкивать*) и б) операцию памяти (*брыкаться, вырываться, обронить, оговариваться*).

Молчание как характеристика состояния физического покоя соответствует неинтенциональному молчанию (*unintentional silence*), его мы относим к когнитивной сфере нулевого локутивного акта. Под неинтенциональным молчанием подразумеваются такое молчание, при котором у говорящего отсутствует элемент намерения в его поведении: «... when the speaker has no intention behind his or her behaviour, we may refer to this silence as unintentional and therefore as linguistically meaningless» [15, с. 8].

Однако молчание может иметь и интенциональную природу, в этом случае оно выполняет иллокутивную функцию: «For silence to have meaning in the linguistic sense, the speaker must have an intention – hence a zero signifier has an utterable signified, a meaning that may be expressed in words / В лингвистике под молчанием, имеющим смысл, подразумевают такое молчание, при котором явственно проступает намерение говорящего – таким образом, нулевое означающее имеет определенное означаемое – то есть такое значение, которое может быть выражено словами» (перевод наш – М.А.) [15, с. 8].

В результате проведённого нами анализа исследований в области лексического поля «Речевой акт» выяснилось, что в настоящее время сфера устной речи достаточно хорошо представлена в лексикографии различных языков, однако речемышлительный аспект деятельности человека ещё недостаточно изучен, тем не менее наметилась четкая тенденция к обращению к психо-ментальной стороне речемышлительной деятельности человека, т.е. от внешних форм языковой коммуникации к внутреннему миру коммуникантов.

Библиографический список

1. Гак В.Г. *Языковые преобразования*. Москва, 1998.
2. Ковшиков В.А., Глухов В.П. *Психоллингвистика. Теория речевой деятельности*. Москва, 2007.
3. Кронгауз М.А. *Семантика*. Москва, 2005.
4. Фрумкина Р.М. *Психоллингвистика: что мы делаем, когда говорим и думаем*. Москва, 2004.
5. Караулов Ю.Н., Красильникова Е.В. Предисловие. Русская языковая личность и задачи ее изучения. *Язык и личность*. Москва, 1989.
6. Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва, 2007.
7. Васильев Л.М. *Семантика русского глагола. Глаголы речи, звучания и поведения*. Уфа, 1981.
8. Гловинская М.Я. Русские речевые акты и вид глагола. *Логический анализ языка. Модели действия*. Москва, 1992.
9. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия. *Логический анализ языка. Ментальные действия*. Москва, 1993.
10. Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов. *Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект*. Москва, 1993.
11. Доброхотова И.Ю., Кобозева И.М. Теория автоматизированных информационных систем. *Прикладные аспекты лингвистики*. Москва, 1989.
12. Кроль М.И. *Глаголы речи в современном французском языке: (в сопоставлении с русским)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Москва, 1969.
13. Лютова О.В. *Обучение иностранных студентов глаголам рече-мыслительной деятельности на этапе довузовской подготовки*. Автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук. Москва, 2006.
14. *Большой толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты*: свыше 10000 глаголов. Под общей редакцией Л.Г. Бабенко. Москва, 2007.
15. Kurzon D. Discourse of Silence. *Pragmatics & Beyond New Series*. Amsterdam (Philadelphia), 1997.

References

1. Gak V.G. *Yazykovye preobrazovaniya*. Moskva, 1998.
2. Kovshikov V.A., Gluhov V.P. *Psicholingvistika. Teoriya rechevoj deyatel'nosti*. Moskva, 2007.
3. Krongauz M.A. *Semantika*. Moskva, 2005.
4. Frumkina R.M. *Psicholingvistika: chto my delaem, kogda govorim i думаем*. Moskva, 2004.
5. Karaulov Yu.N., Krasil'nikova E.V. Predislovie. Russkaya yazykovaya lichnost' i zadachi ee izucheniya. *Yazyk i lichnost'*. Moskva, 1989.
6. Karaulov Yu.N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. Moskva, 2007.
7. Vasil'ev L.M. *Semantika russkogo glagola. Glagoly rechi, zvuchaniya i povedeniya*. Ufa, 1981.
8. Glovinskaya M.Ya. Russkie rechevye akty i vid glagola. *Logicheskij analiz yazyka. Modeli dejstviya*. Moskva, 1992.
9. Glovinskaya M.Ya. Russkie rechevye akty so znacheniem mental'nogo vozdejstviya. *Logicheskij analiz yazyka. Mental'nye dejstviya*. Moskva, 1993.
10. Glovinskaya M.Ya. Semantika glagolov rechi s točki zreniya teorii rechevyh aktov. *Russkij yazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskij aspekt*. Moskva, 1993.
11. Dobrohotova I.Yu., Kobozeva I.M. Teoriya avtomatizirovannyh informacionnyh sistem. *Prikladnye aspekty lingvistiki*. Moskva, 1989.
12. Kroll' M.I. *Glagoly rechi v sovremenno francuzskom yazyke: (v sopostavlenii s russkim)*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 1969.
13. Lyutova O.V. *Obuchenie inostrannyh studentov glagolam rechemyslitel'noj deyatel'nosti na `etape dovuzovskoj podgotovki*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata pedagogicheskikh nauk. Moskva, 2006.
14. *Bol'shoj tolkovyj slovar' russkikh glagolov. Ideograficheskoe opisaniye. Sinonimy. Antonimy. Anglijskie `ekvivalenty*: svyshe 10000 glagolov. Pod obschey redakciej L.G. Babenko. Moskva, 2007.
15. Kurzon D. Discourse of Silence. *Pragmatics & Beyond New Series*. Amsterdam (Philadelphia), 1997.

Статья поступила в редакцию 31.03.15

УДК 811.13 (04)

Artyna M.K., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, English Language Department, Tuvan State University (Kyzyl, Russia), E-mail: mirartyna@yandex.ru

IDEOGRAPHIC DESCRIPTION OF PHRASEOLOGICAL UNITS CHARACTERIZING THE SPEECH ACT AS THINKING PROCESS. This article considers the problem of anthropocentric approach to language learning, to its psycho-mental manifestations at the preliminary intellectual stage of speech utterance. The author raises the problem of possible representation for mental sphere of human speech activity by only linguistics means, using data of allied sciences, such as psycholinguistics, as an explanatory material. Having posed the problem, the author gives its preliminary theoretical foundation before moving to its practical solution, i.e. to analysis of idiomatic French fund to identify and describe those of phraseological units, which reflect mental aspect of human speech activity in their semantics. Finally, the author concludes that there are two phraseological groups that are associated with the speech act of silence and expression of speech act presupposition allocated on the basis of pragmalinguistics criteria.

Key words: theory of speech acts, phraseology, speech and thought activity, speech act of silence, presupposition.

М.К. Артына, канд. филол. наук, доц. каф. английского языка, Тувинский государственный университет, г. Кызыл. E-mail: mirartyna@yandex.ru

ИДЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ РЕЧЕВОЙ АКТ КАК МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ

Настоящая статья рассматривает проблему антропоцентрического подхода к изучению языка, к его психо-ментальным проявлениям на уровне предречевых этапов речевого высказывания. Автор задаётся проблемой возможной репрезентации ментальной сферы речевой деятельности человека исключительно языковыми средствами, используя при этом данные смежных наук, таких как психоллингвистика, в качестве объяснительного материала. Сформулировав проблему, автор

даёт её предварительное теоретическое обоснование прежде, чем перейти к её практическому решению, т.е. анализу фразеологического фонда французского языка для выявления и описания тех фразеологических единиц, которые имеют в своей семантике отражение мыслительного аспекта речевой деятельности человека. В результате исследования автор приходит к выводу о наличии двух фразеосемантических групп, которые связаны с речевым актом молчания и эксплицированием пресуппозиции речевого акта, выделенных на основе прагматических критериев.

Ключевые слова: теория речевых актов, фразеология, речемыслительная деятельность, речевой акт молчания, пресуппозиция.

К концу XX века в лингвистической науке прочно утвердился антропоцентрический подход, была доказана взаимосвязь мышления и речи, что заставило многих лингвистов отказаться от понимания языка только как знаковой системы и обратиться к нему как к феномену психики с учётом всех её проявлений в речевой деятельности человека. Еще в 1916 году Ф. де Соссюр в своём знаменитом труде «Курс общей лингвистики» вводит дихотомию «язык» (*langue*) – «речь» (*parole*), которые являются составными частями речевой деятельности (*langage*) человека. Язык он представляет как систему знаков, речь – как «индивидуальный акт воли и понимания» (говорение), а речевую деятельность, или речевой акт, – как сложное целое, состоящее из явлений, вторгающихся в несколько областей – в психику, так как определённые понятия порождают в мозгу соответствующие акустические образы, затем следует физиологический процесс (передача импульсов, соответствующих определённым образам, от мозга к органам речи), который заканчивается физическим процессом, или «вибрацией звуков».

Впоследствии Гюстав Гийом уточнил термин «речь», разграничив понятия «*parole*» и «*discours*»: в первом случае имеется в виду «виртуальное говорение» (*parole virtuelle*) или нефизическое говорение, мысленная речь, во втором – физическое, реальное говорение (*parole effective* или *discours*).

Современные учёные также указывают на присутствие мыслительной составляющей в речевой деятельности человека. Так, например, Л.П. Рыжова пишет: «Эволюция подходов от рассмотрения говорящего человека как субъекта мыслительной деятельности к его рассмотрению в качестве субъекта коммуникации подтверждает концептуальное единство в понимании категории субъективности и обосновывает эпистемологическую преемственность французской лингвистики. Указанный угол зрения открывает важную исследовательскую перспективу: движение от внешних форм языковой коммуникации к внутреннему миру субъектов, владеющих языком, порождающих и понимающих его дискурсы, мотивы, цели и смыслы речевых действий субъекта» [1, с. 8].

В связи с вышеизложенным ученые задаются вопросом о возможности фиксации языковыми средствами подобного промежуточного языка (термин Ю.Н. Караулова), не поддающегося прямому наблюдению. Возможный ответ можно найти в трудах Н.Н. Кирилловой, изучающей эгоцентрический аспект речемыслительной деятельности во фразеологии. Термин «сознание» понимается учёным как «глубинная» реальность, хранимая в недрах человеческого подсознания. Эта реальность, по мнению исследователя, передаётся посредством языка метафор, богатым источником которого является, например, язык Пруста. Объектом изучения являются в данном случае те фразеологизмы, которые включают бессознательные воспоминания и выступают в качестве своего рода интроспективного фильтра сознания литературного героя.

В данной статье мы предлагаем идеографическое описание фразеологизмов французского языка, которые, на наш взгляд, характеризуют мыслительный аспект речевой деятельности человека. В ходе работы над фразеологическим фондом французского языка нами были выделены две фразеосемантические группы: «Речевой акт молчания» и «Эксплицирование пресуппозиции речевого акта», при этом мы опираемся на научную базу теории речевых актов, а также объяснительный потенциал психолингвистики.

В результате исследования нами было выявлено 39 фразеологических единиц (*далее* ФЕ) в составе группы «Речевой акт молчания» и выделено пять подгрупп, таких как «когнитивная функция (нулевой локутивный акт)», «иллокутивная функция», «медитативная функция: молчание – припоминание», «медитативная функция: молчание – размышление» и «перлокутивная функция».

Группа «Эксплицирование пресуппозиции речевого акта» насчитывает 13 ФЕ, в которой мы выделили три подгруппы: «ло-

кутивно-когнитивная функция», «когнитивная функция» и «иллокутивная функция».

Обратимся более подробно к первой фразеосемантической группе. В настоящее время молчание является предметом изучения многих учёных. В нашем случае молчание представляет интерес как средство вербальной коммуникации, имеющее сложную, интерактивную схему коммуникативного процесса: «It is not merely the opposite of speaking, but a complementary activity, implying an active rather than a passive state ... he (the interlocutor) will be able to interpret the silence, not as a hostile or impolite move, but as a logical element of the exchange. / Оно [молчание] не просто противоположность говорению, а дополнительная деятельность, включающая в себя скорее элемент активного, а не пассивного состояния ... он (собеседник) может интерпретировать молчание не как враждебное или невежливое действие, а как логический элемент обмена» (перевод наш. – М. А.) [2, 68, 70].

Молчание как характеристика состояния физического покоя соответствует неинтенциональному молчанию, его мы относим к когнитивной сфере нулевого локутивного акта или «означающее с нулевым означающим» [3, с. 5].

В данном случае состояние физического покоя можно рассматривать как собственно состояние физического покоя (*faire* или *garder le silence* 'молчать, соблюдать молчание; замолкнуть'; *tenir sa langue (au chaud)* 'помалкивать, держать язык за зубами') и как операцию памяти (*être sur la langue* 'быть готовым сорваться с языка, быть на языке: всегда держать наготове слово'):

Un long moment M. Stauff garda le silence. Il fumait avec application... [4, с. 118].

...le mot de Cambronne est sur la langue comme s'il n'y avait posé de naissance. P. Daninos, Snobissimo [5, с. 881].

Во втором случае операция памяти подразумевает под собой функцию хранения информации в памяти. Следует отметить, что эта функция является одной из наименее представленных во французском фразеологическом материале в рамках речевого акта как мыслительного (в наличии имеется лишь один выявленный пример контекстуального употребления), что согласуется с сообщением Л.Н. Ребриной [6] о наименьшей экспликации данной операции памяти (на примере глагольных единиц немецкого языка). Полученные данные могут свидетельствовать, по-видимому, об общей языковой тенденции к недостаточной репрезентации операции хранения информации в памяти.

Интенциональное молчание выполняет иллокутивную функцию (*serrer les dents (les lèvres, les mâchoires)* 'стиснуть зубы; хранить молчание, держать язык за зубами':

Adrian vit Coline serrer les dents pour éviter une repartie violente [7, p. 379].

Интенциональность присутствует в следующих двух подгруппах «Медитативная функция: молчание – припоминание» и «Медитативная функция: молчание – размышление». Под медитативной функцией, по С.В. Меликян, подразумевается использование акта молчания для совершения определённых умственных действий, необходимых для того, чтобы говорящий собрался с мыслями, обдумал следующую реплику и нашёл аргументы для убеждения собеседника.

Эти подгруппы отделены от подгруппы со значением иллокутивного акта в связи с тем, что входящие в их состав фразеологизмы отражают не только намерение говорящего, но и одновременно подразумевают протекание дополнительных специфических процессов, связанных с речемыслительной деятельностью человека. Эти процессы долгое время являлись предметом исследований в психолингвистике и лингвопатологии и на сегодняшний день достаточно хорошо изучены.

На настоящий момент существует много исследований по изучению феномена «висения на кончике языка» или «акустико-мнестической афазии» в речи нормальных носителей языка (Т.А. Ахутина, А.Р. Лурия и др.). По данным афазиологии, кратковременное нарушение операции выбора слова затрагивает только акустический уровень, не затрагивая его семантическое

понимание: «Характерные для этой афазии трудности актуализации звуковой формы слова проявляются в невозможности припомнить нужное слово, в звуковом поиске слова...» [8, с. 114].

В подгруппе «Медитативная функция: молчание – припоминание» отобранный фразеологический материал подразделен на три фразеосемантических ряда. В первом ряду, состоящем из двух ФЕ, отчетливо выступает сема тщетной попытки вспомнить известное, хорошо знакомое высказывание, но забытое на момент высказывания (*avoir un mot sur le bout de la langue, avoir un mot sur le bord des lèvres, sur les lèvres* 'вертеться на языке (о слове)', дословно: 'иметь слово на кончике языка'):

– *Quel est le nom de votre ami?...*

– *Attendez, on l'appelle «Sel fin», mais... Ah! je l'ai au bout de la langue!* [9, p. 286].

Если в предыдущем ряду выражений наблюдается преимущественное отражение процессов психо-когнитивной сферы, то второй ряд характеризуется доминированием прагматического фактора над интеллектуальной сферой, передающимся в страстном, но невыполнимом желании сказать что-либо в силу тех или иных обстоятельств (*brûler la langue à qn, brûler les lèvres (le bord des lèvres)* 'вертеться у кого-либо на языке: говорится о том, у кого есть желание сказать, выразиться'):

– *Une question me brûle les lèvres...* [10, с. 177].

В третьем ряду представлен психо-когнитивный процесс в «чистом» виде, – кратковременные провалы в памяти, затрудняющие процесс коммуникации (*avoir un blanc (des blancs)* 'внезапно забыть что-л., делать паузы: короткое молчание в разговоре; провал в памяти, кратковременное забытие', дословно: 'иметь пробел'; *perdre le fil de ...* '(по)терять нить (разговора, мыслей, рассуждений и т.п.): не знать больше продолжение рассказа или других операций'):

Juste au moment d'ouvrir la bouche, je ne savais plus parler. Je ne bégayais pas, il y avait un grand blanc, suivi d'une phrase incompréhensible, tarabiscotée, mes entiments restaient intraduisibles [11, p. 319].

Четвертая подгруппа «Медитативная функция: молчание – размышление» представлена двумя рядами ФЕ. Первый ряд состоит из 4 ФЕ, значение которых отражает протекание мыслительного процесса говорящего в виде кратковременных остановок во время разговора, известных в лингвистике под названием «гезитационных пауз». Они способствуют взаимопониманию коммуникантов, смягчая последствия одного из основных ограничений, затрудняющих диалогическое взаимодействие, а именно неизбежной одновременности произнесения слов и планирования дискурса.

Второй ряд фразеологизмов представлен единственным провербиальным выражением *tourner sept fois sa langue dans sa bouche avant de parler* 'хорошенько подумать, прежде чем сказать' и отражает собственно процесс размышления перед непосредственным производством высказывания. В этом случае молчание выполняет прогностическую функцию, т.е. говорящий тщательно обдумывает возможные последствия своих слов для себя и окружающих:

Et après sept kilomètres et demi à peu près, pendant lesquels j'avais tourné cent cinquante fois ma langue dans ma bouche, j'ai demandé à Carolina comment se faisait-il qu'elle n'avait pas eu du tout la pétoche quand nous filions vers le bateau, à Newhaven, sous la lune? [9, p. 280].

В отличие от гезитационных пауз, нарушающих линейное построение внутри фразы, этот вид размышления находится на «предречевой» (невербализованной) стадии речевого акта и может занимать продолжительное время. Фразеологизмы подгруппы «Медитативная функция: молчание – размышление», скорее всего, отражают тот процесс «думания», который рассматривается как своеобразная форма взаимодействия человека с самим собой, как предварительный оценочный этап собственного рече-производства. Этот вид речевой деятельности был предложен И.А. Зимней в качестве дополнения к основному четырем: слушанию, говорению, чтению и письму.

Эмотивная функция молчания реализуется во фразеологизмах пятой подгруппы со значением перлокутивного эффекта. Первый ряд фразеологизмов в данной подгруппе имеет значение негативного последствия эмоционально-психологического стресса в виде неспособности или нежелания говорить (*s'enfermer dans le mutisme* 'проглотить язык, упорно молчать: не иметь сил для произнесения звуков, психологический отказ в гово-

нии, в результате эмоционального шока, невроза, психоза в отсутствии физиологических дефектов):

Pour ne pas avoir l'air de m'enfermer dans un silence inamical, je l'entretenais de mes parents, de mes frères et sœurs, de Blois, de Talcy [12, p. 136].

Во втором ряду перлокутивный эффект проступает в виде эмоционального реагирования на выдачу нежелательной информации с оттенком сожаления, досады на самого себя и т.п. (*se mordre la langue* 'прикусить язычок, промолчать'; *se mordre la langue d'avoir parlé* 'раскаиваться в своих словах: жалеть, что вырвалось слово', дословно: 'укусить свой язык; укусить язык после того, как уже было сказано'; *se mordre les lèvres* 'кусать губы (от гнева, от досады, от удивления и т.п.): сожалеть о том, что только что сказал'...). В этом случае к осуществлению эмотивной функции добавляется оценочный компонент, как правило, негативного свойства (неодобрение, осуждение собственного высказывания):

«*Vous boirez du vin, monsieur?*

– *Rouge, merci*», *répondit-il, avant de se mordre la lèvre...* [13, p. 237].

К языковым явлениям речемыслительного характера исследователи причисляют также всевозможного рода оговорки в речи человека, которые, по словам Дж. Ингрэм, «вызывают не только смех, но и способны нас подтолкнуть к изучению очень интересных вещей о языке и способе их хранения в мозге / ... ces lapsus qui peuvent non seulement provoquer quelques rires, mais aussi nous apprendre des choses très intéressantes sur le langage et la manière de l'emmagasiner dans le cerveau» (перевод наш. – М. А.) [14, p. 113].

В ходе работы над языковым материалом по данной тематике были выделены следующие фразеосемантические подгруппы: 1) «непроизвольная выдача информации с преобладанием ошибок фонетического плана»; 2) «непроизвольная выдача информации»; 3) «намеренная выдача информации».

Первая подгруппа представлена 1 ФЕ *la langue lui a fourché* (или *lui a tourné*) 'оговориться, обмолвиться':

Il fit un lapsus dont le rapport l'abattit considérablement. Vou-lant dire "après la mort de mon fils", sa langue fourcha, et il dit "après ma mort" (Cingria) [15, с. 1430].

Оговорки фонетического плана включают в себя перестановки букв или слогов в двух близлежащих словах, или даже перестановку слов.

О существовании особого кода нарушений, который заключаются в игровом манипулировании языком, включающего намеренные оговорки, сообщает также К. Ажеж. Намеренно вставляемые оговорки преследуют различные цели участников коммуникации, этот тип речевых «ошибок» нельзя отнести к нарушениям психо-физиологического плана, так как в них четко прослеживается сознательный расчет. Такого рода оговорки фиксируются языком во фразеологизмах третьей подгруппы «Иллокутивная функция» (*éventer la mèche* (тж. *vendre la mèche*) 'разболтать тайну, выболтать секрет, проболтаться'; *manger le morceau* 'проболтаться, признаться, выдать сообщников'...):

Au bout des cinquante minutes réglementaires, il quitterait le divan, me paierait et se dirigerait vers la patère pour y décrocher sa fameuse cape. Quel instant choisirais-je pour lui casser le morceau? [16, p. 156].

Бессознательная выдача информации, часто вопреки желанию самого говорящего, содержится во фразеологизмах второй подгруппы «Когнитивная функция». Причинами появления таких оговорок являются, по признанию исследователей, наши тревоги и наши мотивы, глубоко запрятанные в подсознании и периодически всплывающие помимо нашей воли. В количественном отношении эта подгруппа является наиболее многочисленной (*lâcher un mot* 'сболтнуть, ляпнуть'; *lâcher une énormité* 'брякнуть, сморозить глупость'; *cela m'est sorti de la bouche* 'это сорвалось у меня с языка'...):

Les mots étaient sortis tous seuls de ma bouche, et déjà je les regrettais [17, p. 240].

Итак, мы попытались представить идеографическое описание фразеологизмов французского языка, отражающих в своей семантике предречевой этап речи. Результаты исследования дают нам основание утверждать о том, что работу человеческого подсознания можно исследовать также и языковыми средствами. В распоряжении языка достаточно собственных средств для фиксации многих проявлений речемыслительной деятельности человека.

Библиографический список

1. Рыжова Л.П. *Становление прагматического направления во французском языкознании*. Автореферат диссертации ... доктора филологических наук. Москва, 2005.
2. Hiltunen. R. Telling the Anchorite Code: Ancrene Wisse on Language. *Pragmatics & Beyond New Series*. Amsterdam (Philadelphia), 2003.
3. Меликян С.В. *Речевой акт молчания в структуре общения*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Воронеж, 2000.
4. Cessole B.de. *L'heure de la fermeture dans les jardins d'Occident*. Paris, 2008.
5. *Новый Большой французско-русский фразеологический словарь*. Под редакцией В. Гака. Москва, 2005.
6. Ребрина Л.Н. *Репрезентация операций памяти в семантике глагольных единиц немецкого языка*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2007.
7. Cauvin P. *Villa Vanille*. Paris, 1995.
8. Ахутина Т.В. Единицы речевого общения, внутренняя речь, порождение речевого высказывания. *Исследование речевого мышления в психолингвистике*. Москва, 1985.
9. Duneton C. *Rires d'hommes entre deux pluies*. Paris, 1989.
10. Balland Ph. *Affaires de goût*. Paris, 1992.
11. Angot Ch. *Rendez-vous*. Paris, 2006.
12. Bourin J. *Les amours blessées*. Paris, 1987.
13. Bramley Serge. *Le premier principe. Le seconde principe*. Paris, 2008.
14. Ingram J. *Les mystères du langage*. Sainte-Foy, 1994.
15. *Le nouveau Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris, 2009.
16. Chabrol J.-P. *Les aveux du silence*. Paris, 1995.
17. Claudel Ph. *Le rapport de Brodeck*. Paris, 2007.

References

1. Ryzhova L.P. *Stanovlenie pragmaticheskogo napravleniya vo francuzskom yazykoznanii*. Avtoreferat dissertacii ... doktora filologicheskikh nauk. Moskva, 2005.
2. Hiltunen. R. Telling the Anchorite Code: Ancrene Wisse on Language. *Pragmatics & Beyond New Series*. Amsterdam (Philadelphia), 2003.
3. Melikyan S.V. *Rechevoj akt molchaniya v strukture obscheniya*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Voronezh, 2000.
4. Cessole B.de. *L'heure de la fermeture dans les jardins d'Occident*. Paris, 2008.
5. *Novyj Bol'shoj francuzsko-russkij frazeologicheskij slovar'*. Pod redakciej V. Gaka. Moskva, 2005.
6. Rebrina L.N. *Reprezentaciya operacij pamyati v semantike glagol'nyh edinic nemeckogo yazyka*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2007.
7. Cauvin P. *Villa Vanille*. Paris, 1995.
8. Ahutina T.V. *Edinicy rechevogo obscheniya, vnutrennyaya rech', porozhdenie rechevogo vyskazyvaniya. Issledovanie rechevogo myshleniya v psiholingvistike*. Moskva, 1985.
9. Duneton C. *Rires d'hommes entre deux pluies*. Paris, 1989.
10. Balland Ph. *Affaires de goût*. Paris, 1992.
11. Angot Ch. *Rendez-vous*. Paris, 2006.
12. Bourin J. *Les amours blessées*. Paris, 1987.
13. Bramley Serge. *Le premier principe. Le seconde principe*. Paris, 2008.
14. Ingram J. *Les mystères du langage*. Sainte-Foy, 1994.
15. *Le nouveau Petit Robert : dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris, 2009.
16. Chabrol J.-P. *Les aveux du silence*. Paris, 1995.
17. Claudel Ph. *Le rapport de Brodeck*. Paris, 2007.

Статья поступила в редакцию 31.03.15

УДК 811.161.1

Bykova D.V., postgraduate, Intercultural Communication Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg), E-mail: yugin06@gmail.com

Vasil'eva G.M., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Intercultural Communication Department, Herzen State Pedagogical University of Russia (Saint Petersburg), E-mail: galinav44@mail.ru

ISSUES OF IDENTIFICATION OF LEXICAL AND GRAMMATICAL CATEGORIES IN THE ASPECT OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (BASED ON RUSSIAN ABSTRACT NOUNS). In the work the author describes basic research works of lexical and grammatical categories of Russian concrete and abstract nouns and their difference. This work is based on fundamental academic grammar works of the Russian language. It is also based on modern grammar-lexicological and linguoculturological research works, which are engaged in sorting out the category of Russian abstract nouns among other groups of Russian nouns. Due to the special function of abstract Russian nouns to act as spacious lexical-semantic group, in this work the author had proposed a hypothesis of necessity of elaboration in methodology of teaching Russian as a foreign language a special approach to teaching Russian abstract nouns. The Abstract lexics is presented by words that go "form an idea" that the author distinguishes as a special category that appeared in our time, during the epoch of logical thinking.

Key words: lexical and grammatical category, abstract Russian nouns, concrete Russian nouns, concept, Russian as a foreign language, teaching Russian as a foreign language.

Д.В. Быкова, аспирант каф. межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: yugin06@gmail.com

Г.М. Васильева, д-р филол. наук, проф. каф. межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, E-mail: galinav44@mail.ru

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ В КАЧЕСТВЕ ПРЕДМЕТА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ)

В работе представлена традиция лексико-грамматической и когнитивной дифференциации имён существительных в русском языке с учётом категории конкретности/абстрактности (отвлечённости). Традиция выделения абстрактных имён существительных прослеживается с опорой на основные грамматики русского языка. Также выделение категории абстрактных имён существительных основано на современных лексико-грамматических и лингвокультурологических исследованиях, авторы которых предлагают разделять абстрактные и отвлечённые имена существительные. В данной работе также выдвигается гипотеза о необходимости разработки особого подхода к обучению абстрактной лексике как обширной и комплексной лексико-семантической группе в рамках задач методики обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: лексико-грамматическая категория, абстрактность, отвлечённость, абстрактные имена существительные, концепт, русский язык как иностранный, обучение русскому языку как иностранному.

Имя существительное в классе назывных имён занимает значительное место; это часть речи, которой в процессе обучения русскому языку как иностранному (РКИ) уделяется особое внимание с первых шагов обучения. Следует отметить, что номенклатура имён существительных неоднородна по своим характеристикам. Одним из подходов к их дифференциации является классификация на основании конкретности/абстрактности семантики.

Несмотря на относительно устоявшееся определение существительного в наиболее авторитетных изданиях грамматик русского языка, не все его разряды имеют чёткую дефиницию. В данной статье предлагается рассмотреть разряд отвлечённых (абстрактных) существительных, динамику его определения в грамматиках русского языка, а также некоторые современные исследования, дифференцирующие эту объёмную группу.

С этой целью были проанализированы наиболее авторитетные грамматики русского языка: «Грамматика современного русского литературного языка» (1970) и «Русская грамматика» (1980) под редакцией Н.Ю. Шведовой (далее «Грамматика-70» и «Грамматика-80», соответственно). Также мы рассмотрели более ранние издания, такие как «Грамматика русского языка» и «Русский язык (грамматическое учение о слове)» под редакцией В.В. Виноградова (1960 и 1972 год, соответственно). Перечисленные издания приходятся на период начала 60-х – 80-х гг., что позволяет проследить принципиальные изменения в дефинировании категории отвлечённости (абстрактности) на протяжении сравнительно небольшого отрезка времени. Также по данному вопросу были рассмотрены и более современные работы Л.О. Чернейко (1997) В.В. Колесова (2006, 2014), предлагающие дифференцирование категорий отвлечённости и абстрактности имён существительных.

Составители «Грамматики-70» дифференцируют имена существительные, в зависимости от характера обозначаемого, на «конкретные (название вещей, предметов, явлений, лиц) и отвлечённые (название понятий, свойств, действий, качеств)» [1, с. 305]. Также встречается упоминание о группе существительных, которые не называются «конкретных, единичных предметов». Авторы разделяют их на две группы, в зависимости от того, какими частями речи мотивированы данные слова:

1. Слова, мотивированные именами существительными и прилагательными, а также глаголами, например: *комизм, инструктаж, гордость, синева, наличие, терпение, взятие, мытье*.

2. Немотивированные существительные, например: *блеск, блаж, скука*.

Авторы предлагают называть эти группы слов «существительными *singularia tantum* (только единственного числа)». Однако, указывается, что у этих слов есть «потенциальная форма множественного числа», хотя они обычно представлены в форме единственного [1, с. 323]. Отмечается также, что существительные с отвлечённым значением в форме множественного числа «обозначают конкретные проявления различных качеств, свойств, эмоциональных состояний», например: *возможность – возможности, скорость – скорости, красота – красоты*, а также «конкретные предметы», обладающие названным качеством, например: *ёмкость – ёмкости, вредность – вредности* [1, с. 324].

Таким образом, в «Грамматике-70» предлагается классификация «существительных с отвлечённым значением» по их грамматическому признаку (отсутствие формы множественного

числа и мотивированность некоторыми частями речи). Наряду с этим отмечается изменение лексического значения у некоторых «существительных с отвлечённым значением» при образовании множественного числа.

В общем описании имён существительных, предложенном в «Грамматике-80», существительные разделяются, среди прочих, на следующие лексико-грамматические разряды – конкретные и отвлечённые (абстрактные). Примечательно, что дифференциации абстрактных и отвлечённых имён существительных не приводится. Отвлечённые (абстрактные) существительные определяются как «слова, называющие отвлечённые понятия, свойства, качества, действия и состояния»: *слава, смех, благо*, что в целом совпадает с определением, приведенным в «Грамматике-70» [2, с. 462]. Авторы дифференцируют отвлечённые имена существительные на мотивированные прилагательными и глаголами (которые составляют большую часть отвлечённых существительных) и на абстрактные имена существительные немотивированного характера. Также как и в «Грамматике-70», в «Грамматике-80» приводятся морфологические характеристики отвлечённых существительных, а именно отсутствие у них форм множественного числа в большинстве случаев. Но также «формы множественного числа образуют те слова, которые могут называть ... единичные проявления» отвлечённых свойств, качеств, состояний или действий: *боль – боли, радость – радости, движение – движения* [2, с. 462].

Следовательно, в «Грамматике-80» предлагается термин для выделяемой в ней группы «существительных с отвлечённым значением» – отвлечённые (абстрактные) имена существительные. Это лексико-грамматический разряд, противопоставленный конкретным существительным, грамматическое описание которого совпадает с приведённым в «Грамматике-70» описанием группы «существительных с отвлечённым значением».

В более ранней грамматике, вышедшей под редакцией В.В. Виноградова (1960), в общем описании имени существительного не встречается упоминаний о категории отвлечённости. Однако при характеристике существительных, употребляемых только в единственном числе, вводится понятие отвлечённых существительных: «Отвлечёнными называются имена существительные, обозначающие качество, действие, состояние или представляющие собою название каких-либо общих понятий, например: *белизна, борьба, развитие*» [3, с. 111, 113].

В этой же грамматике авторы предлагают наиболее детерминированную классификацию отвлечённых имен существительных по их лексическим и грамматическим признакам [3, с. 114 – 115]:

1. Имена существительные мужского рода с непроизводной для современного русского языка основой, допускающие в родительном падеже единственного числа окончание *-у(-ю)* при употреблении в количественном значении или в сочетании с предлогами *без, из, от, с*, например: *блеск, вздор, голод, жар, звон, испуг, лай, треск, холод*.

2. Имена существительные мужского рода с суффиксами *-изм, -аж*, например: *комизм, инструктаж*.

3. Имена существительные женского рода II склонения с суффиксами *-б-а, -от-а, -изн-а, -ин-а, -щин-а, -чин-а, -иц-а, -ур-а, -к-а, -аци-я, -н-я, -отн-я*, единичные образования с суффиксами *-ев-а* и *-ын-я*, например: *косьба, слепота, тишина, бессонница, корректура, синева, возня, беготня, теплофикация*, а также отдельные существительные женского рода II склонения

с производной основой, например: *вражда, краса, оспа, проза, скука, слава*.

4. Многочисленные имена существительные женского рода III склонения с суффиксами **-ость, -есть, -ность, -емость, -имость** и единичные с суффиксами **-знь, -ль, -ель, -ынь**, например: *близость, кипучесть, общность, успеваемость, видимость, гибель*, а также отдельные существительные III склонения с производной основой, например: *блажь, вонь, грусть, дрожь, лень, месть*.

5. Многочисленные имена существительные среднего рода с суффиксами **-ие, -ье (-ьё), -ние, -нье (-ньё), -тие, -тье (тьё), -ств-о, -еств-о, -тельств-о, -овств-о**, например: *наличие, здоровье, терпение, соседство, вмешательство*, а также отдельные существительные среднего рода, с производной для современного русского языка основой, например: *благо, горе, добро, зло, тепло*.

Приведённая выше классификация встречается и последующей работе В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» (1972). В качестве дифференциации отвлечённых имён существительных используются «суффиксы отвлечённости» и упоминается также, что только немногие из суффиксов «совмещают со значением конкретного предмета отвлечённые значения, состояния и качества», например: русский суффикс **-ок** (*бросок, щелчок*), интернациональные суффиксы **-ат** и **-т** (*эффект, контакт*) [4, с. 96]. Приведённая выше классификация дополняется тремя заимствованными суффиксами, которые имеют «отпечаток отвлечённости»:

1. Суффикс **-изм**, образующий обозначения отвлечённых понятий, названия учений, общественных, политических, научных взглядов и направлений, названия действий, состояний, качеств, склонности к чему-нибудь: оптимизм, идеализм, туризм, расизм.

2. Суффикс **-итет**, обозначающий отвлечённые или собирательные понятия: авторитет, приоритет, нейтралитет.

3. Суффикс **-з, -зис**, обозначающий процесс, действие или состояние, продукт действия: генезис, филогенезис, тезис, анализ [4, с. 96 – 97].

Итак, в грамматических работах В.В. Виноградова разных лет также встречается понятие отвлечённых существительных и предлагается их классификация, основанная на номинационных (род, число), реляционных (падеж) и морфемных (суффиксы) признаках.

Обращаясь к «Грамматике-80», следует отметить, что отвлечённые и абстрактные имена существительные составителями не дифференцируются. Однако в работе «Лингво-философский анализ абстрактного имени» (1997) Л.О. Чернейко

анализирует статус абстрактного имени (далее – АИ) в отношении «его ближайшего соседа – отвлечённого имени». Так, автор предполагает, что АИ – это мера действительности, «точка зрения» языка на мир, которую использует говорящий. По мнению Чернейко, понятие концепта и АИ находятся в тесном взаимодействии – концепт определяет содержание АИ [5, с. 6 – 7]. Таким образом, можно заметить переход от грамматико-лексических характеристик имён существительных в работах 60-80-х годов к лингвофилософскому анализу данной части речи.

Разграничение понятий «отвлечённое» и «абстрактное» по отношению к именам существительным можно также найти в работах В.В. Колесова (2006, 2014). При описании концептов национальной ментальности Колесов в своём исследовании «Русская ментальность в языке и тексте» (2006) выстраивает семантический треугольник «идея – слово (знак) – вещь» [6, с. 22], где «позиция *от слова*» представляет собой отвлечённую лексику, например, «жидкость, вещь или тело» (везде и далее сохранён курсив автора). Абстрактная лексика представлена позицией «*от идеи*», которую автор выделяет как особую категорию, возникшую «в наше время», «в эпоху разработанную практическую» [7, с. 539]. В качестве морфологических характеристик абстрактных имён существительных выделяется суффикс **-ость**, например: *знаковость, значимость, значительность*. Однако, В.В. Колесов указывает на недостаток разработанную практическую базу методов и методик, которые могут служить для структурного отбора «различительных признаков» позиций «*от слова*» и «*от идеи*» [7, с. 539]. Данное положение открывает большие возможности для проведения как теоретических, так практических исследований при дифференциации отвлечённых и абстрактных имён существительных.

Таким образом, анализ грамматик русского языка, а также лингвистических и когнитивных исследований демонстрирует, что категории абстрактных и отвлечённых имён существительных дифференцируются на разных основаниях, с учётом некоторых морфологических и когнитивных признаков. Ввиду того, что категория абстрактных (отвлечённых) имён существительных не соотносится с реалиями, данная лексико-грамматическая категория представляет особую сложность в процессе обучения русскому языку иностранных студентов. В области методики РКИ существуют отдельные исследования и пособия, в которых предлагаются приёмы работы с конкретными тематическими группами абстрактных имён существительных. [8, с. 102; 9, с. 119 – 124]. Однако необходима разработка особой методики обучения абстрактной лексике, что требует её дальнейшей дифференциации и комплексного учёта лексико-грамматических и когнитивных характеристик.

Библиографический список

1. *Грамматика современного русского литературного языка*. Под редакцией Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1970.
2. *Русская грамматика*. Под редакцией Н.Ю. Шведовой. Москва: Наука, 1980.
3. *Грамматика русского языка: в 2 томах*. Ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина и др. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1960; Т. 1. Фонетика и морфология.
4. Виноградов В.В. *Русский язык (грамматическое учение о слове)*. Москва: Высшая школа, 1972.
5. Чернейко Л.О. *Лингво-философский анализ абстрактного имени*. Москва, 1997.
6. Колесов В.В. *Русская ментальность в языке и тексте*. Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2006.
7. *Словарь русской ментальности: в 2 томах*. В.В. Колесов, Д.К. Колесова, А.А. Харитонов. Санкт-Петербург: Златоуст, 2014; Т.2.
8. Васильева Г.М. *Умом Россию не понять*. Пособие по русскому языку для студентов-иностранцев. Санкт-Петербург: Издательство «Сударыня», 2000.
9. Васильева Г.М., Ротмистрова О.В. *Культурно-географический образ России в лингвокультурологическом аспекте*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета водных коммуникаций, 2011.

References

1. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Pod redakciej N.Yu. Shvedovoj. Moskva: Nauka, 1970.
2. *Russkaya grammatika*. Pod redakciej N.Yu. Shvedovoj. Moskva: Nauka, 1980.
3. *Grammatika russkogo yazyka: v 2 tomah*. Red. kollegiya: V.V. Vinogradov, E.S. Istrina i dr. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1960; T. 1. Fonetika i morfologiya.
4. Vinogradov V.V. *Russkij yazyk (grammaticheskoe uchenie o slove)*. Moskva: Vysshaya shkola, 1972.
5. Chernejko L.O. *Lingvo-filosofskij analiz abstraktnogo imeni*. Moskva, 1997.
6. Kolesov V.V. *Russkaya mental'nost' v yazyke i tekste*. Sankt-Peterburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006.
7. *Slovar' russkoj mental'nosti: v 2 tomah*. V.V. Kolesov, D.K. Kolesova, A.A. Haritonov. Sankt-Peterburg: Zlatoust, 2014; T.2.
8. Vasil'eva G.M. *Umom Rossii ne ponyat'*. Posobie po russkomu yazyku dlya studentov-inostrancev. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Sudarynya», 2000.
9. Vasil'eva G.M., Rotmistrova O.V. *Kul'turno-geograficheskij obraz Rossii v lingvokul'turologicheskom aspekte*. Sankt-Peterburg: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta vodnyh kommunikacij, 2011.

Статья поступила в редакцию 25.03.15

УДК 821.512.141.09

Kireyeva L.R., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Bashkir literature, Sterlitamak Branch of Bashkir State University (Sterlitamak, Russia), E-mail: luiza.kireewa@yandex.ru

EPIC TRENDS IN MODERN BASHKIR POEM. In the article the problems of the genre structure of the modern Bashkir poem are discussed. Regarding the analysis of poems published in 80-90s of the 20th century, the author comes to the conclusion that the modern Bashkir poem is a dynamic integrity of the genre-forming components, on the basis of which the leading structural types of genre can be revealed that depends on one of the organizing principles: the epic-related or lyric-related beginnings. The features of the emergence and domination of one of the two beginnings are closely connected with the modern social phenomena, i.e. the requirements of the modern time. This article shows the interaction between tradition and innovation in the plot structure of the "epic" poem (a poem with an epic core idea). The author thinks that the updating of genre varieties, the emergence of new types of a poetic structure, as well as new style varieties represent new main features of a modern Bashkir poem.

Key words: genre, epic poem, romanization, lyrical epic, multiline plot, dastan.

Л.Р. Киреева, канд. филол. наук, доц. каф. башкирской литературы Стерлитамакского филиала Башкирского гос. университета, г. Стерлитамак, E-mail: luiza.kireewa@yandex.ru

ЭПИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ БАШКИРСКОЙ ПОЭМЕ

В статье рассматриваются проблемы жанровой структуры современной башкирской поэмы. На основании анализа поэмы 80 – 90-х годов XX века автор приходит к выводу, что современная башкирская поэма – динамично развивающаяся целостность жанрообразующих компонентов, на основе которых можно выделить ведущие структурные типы жанра, зависящие от одного из организующих начал – эпического или лирического. Особенности возникновения и доминирования того или иного начала связаны с требованиями времени, в связи с чем в статье прослеживаются пути взаимодействия традиций и новаторства в сюжетосложении «эпической» поэмы. Обновление жанровых разновидностей, возникновение новых типов поэтической структуры, стилевое разнообразие – основные черты современной башкирской поэмы.

Ключевые слова: жанр, эпическая поэма, романизация, лиро-эпос, многолинейный сюжет, дастан.

В настоящее время все острее ощущается необходимость определения роли и места жанров в литературном процессе; изучения особенностей жанра в историко-литературном и теоретическом аспекте. В этом плане исследование путей развития современной башкирской поэмы представляет, несомненно, одну из актуальнейших задач башкирского литературоведения. Это тем более важно, что по состоянию такого емкого и синтетического жанра, каким является поэма, в значительной мере судят и об уровне всей поэзии.

Актуальность проблемы заключена и в выдвигании на первый план ряда направлений, еще мало изученных, в том числе вопросов традиции и новаторства в развитии современной поэмы, закономерностей внутривидовых связей в жанровых разновидностях, а также связей с другими жанрами.

Исследование истории и теории башкирской поэмы, изучение ее жанровой структуры, особенностей поэтики – один из важных аспектов осмысления национального своеобразия и духовных поисков художественного творчества.

Конкретным художественным достижениям данного жанра в башкирской литературе посвящены работы Г.Б. Хусаинова, К.А. Ахметзянова, Р.Т. Бикбаева и др. Еще во второй половине 50-х годов Г. Хусаинов рассмотрел историю формирования и развития башкирских поэмы, систематизировал их по жанровым принципам [1].

Исследование К.А. Ахметзянова «Вопросы композиции башкирской поэмы» (1962) является первой монографией по данной проблеме. В книге подробно рассматриваются композиционные особенности поэмы 30 – 40-х годов, а также поэтическая структура отдельных поэмы, созданных в 50-х годах XX века [2].

В изучении лиро-эпического жанра значительное место занимают исследования Р. Бикбаева. В кандидатской диссертации «Современная башкирская поэма», он, проследившая жанровую эволюцию поэмы 1956 – 1965 годов, выделяет такие ее разновидности, как лирические и лиро-эпические [3]. Р. Бикбаев изучает проблемы поэмы и в других своих трудах [4 – 5].

Исследование Г.С. Кунафина «Башкирская нарративная поэзия XIX – начала XX веков: Вопросы жанровой системы» посвящено развитию дореволюционных форм поэмы, бытовавших в башкирской литературе [6].

Между тем, за пределами внимания литературоведов остался широкий спектр проблем, связанных со структурной поэтикой жанра последних десятилетий XX века, которые, безусловно, требуют современного научного толкования.

В 90-е гг. XX века стремление изображать реальные картины эпохи открыло путь к широким поэтическим обобщениям. В

связи с социально-исторической проблематикой, философскими размышлениями героя о событиях на стыке эпох в стихотворных жанрах наблюдалось реалистическое освещение действительности, преобладало эпическое начало.

Эпическим жанрам свойственно изображение человеческих характеров в «событийном» движении, а также охват социально-бытовых явлений. Развернутый сюжет, связывающий то и другое, является их устойчивой структурной основой. Тяготение поэмы к эпосу в некоторых случаях явление естественное, оно порождается часто требованиями и условиями времени. Очень характерно, например, при изображении таких событий, как коллективизация, индустриализация, в двадцатые и послевоенные годы в жанре поэмы на первый план вышла эпика, вытесняя лирику, что и понятно: «производственные» темы требуют «прозаического» подхода. Тема формирования нового человека одновременно потребовала постановки в литературе нравственных проблем. А решение их, как известно, всегда связано с последовательным, фабульным изображением человека и его сферы деятельности.

Л.И. Тимофеев указывает: «Уже самое наличие стихотворной формы речи говорит нам о том, что произведение отражает жизнь в лирическом плане, т.е. через переживания, ею вызванные» [7, с. 381]. Но стихотворная речь, как известно, не всегда определяет лиризм. Роман С. Кудаша «Кушкаин», к примеру, написан в стихотворной форме, но от этого он не становится поэмой.

В связи с этим делается вывод, что для данного жанра подходит не любая, пусть даже и романная мысль, но требуется свое особое, «поэтическое мышление», охватывающее возвышенные, поэтические моменты жизни героя и действительности. Поэтому для поэмы не обязательна строгая последовательность изображения событий, она может строиться на ассоциативных связях и пропускать эпизоды, которые в эпических жанрах имели бы важное, а может быть, и первостепенное значение.

Особенности эпических форм, даже романских, можно наблюдать, например, в ряде башкирских поэмы, написанных еще в тридцатые годы XX века: Б. Бикбай «Земля», Р. Нигмати «Прекрасные долины Агидели», М. ажи «Плакучая береза» и т.д. В этом плане очень интересна мысль М. Бахтина о том, что если в «большую литературу» приходит роман, некоторые жанры видоизменяются, в какой-то мере «романизируются» [8, с. 450]. В первую очередь, трансформируются структурные особенности жанров: их формальная организация начинает требовать более емких и свободных приемов. Относительно названных башкирских эпических поэмы тридцатых годов мысль М.Бахтина может

подтверждаться тем фактом, что именно в эти годы в национальную литературу пришли первые романы: «Солдаты», «Красногвардейцы», «Красноармейцы» А. Тагирова, «Кровь» Д. Юлтыя, «Кудей» И. Насыри и др.

Следует отметить, что аналогичные процессы ощущаются и в современных башкирских поэмах, возможно потому, что, во-первых, крушение старых идеалов и поиск новых приводит к усилению аналитического начала, к необходимости последовательного анализа социально-исторических процессов, к появлению повествовательного сюжета, романтической проблематики. Во-вторых, стремление к переоценке явлений прошлого, интерес к национальным истокам выдвигают на первый план историческое мировоззрение, исторический взгляд на действительность. В годы перестройки в башкирской литературе появляется, например, ряд исторических поэм: Т. Юсупов «Ищу сына», Ф. Тугузбаева «Канны – крепость птицы Хумай», Т. Ганиева «Кипчаки», «Аркаим» и т.д. Они представляют собой новое явление в поэзии, изображая человека в историческом процессе, наделяя его гражданской ответственностью за будущее: каждый имеет отношение к истории, каждый отвечает за нее.

В этих поэмах, носящих героико-романтический характер, поэты, обращаясь к историческому прошлому, раскрывают проблемы и настоящего времени. Принцип сжатости времени помогает изображать основные тенденции исторического движения. В то же время надо сказать, что в поэмах эпическое содержание сочетается с лирическим мироощущением, с глубокой, личной заинтересованностью героев в судьбах Родины.

Основным жанрообразующим началом в «эпических» поэмах является повествование о людях, о явлениях жизни. Если в «лирических» поэмах сюжет основывается на переживаниях, мыслях лирического героя, то здесь он подчинен развитию событий. Это обстоятельство, в свою очередь, порождает личностную систему персонажей. Конечно, персонажная система в поэме не столь развита, как в эпических жанрах. И эпическое повествование в жанре поэмы никогда не встречается в «чистом» виде, оно обязательно проникнуто лиризмом. Во многих случаях повествователь очень близок лирическому герою. По-разному организуется в поэмах данного типа и связь между эпическим сюжетом – фабульно-событийной основой поэмы – с развивающейся в произведении лирической мыслью.

В восьмидесятые – девяностые годы стремление изображать реальные картины эпохи открыло путь к широким поэтическим обобщениям. В поэзии наблюдалось стремление к реалистическому освещению действительности, эпической монументальности. Лирическое начало в таких поэмах связано с социально-исторической проблематикой, философскими размышлениями героя о событиях на стыке эпох.

Исходя из этих признаков, поэму Р. Туйгуна «Дорога Канифы», основанную на сюжете известной башкирской легенды о похищенной девушке Канифе (в другом варианте – о буренке Куныр буга, проданной на чужбину), которая вернулась, преодолев все невзгоды, можно было бы назвать лирическим рассказом о времени и о себе.

Композиция произведения включает несколько вариантов легенды о дороге Канифы, формируя своеобразную «ящичную» структуру. Каждый из вариантов предания служит импульсом для развития авторской мысли. Сказания о любви к Родине, о свободе личности переплетаются с противоречиями сегодняшнего дня, судьбами современников. На подобной перекличке прошлого с настоящим осмысливается и движение истории.

В последние годы в поэмах намечается усиление философского и аналитического начала, объясняемого, очевидно, обостренным вниманием к нравственному облику современника, стремлением понять смысл происходящих событий. В то же время социально-нравственная проблематика, как известно, требует изображения человека в конкретных ситуациях. Такое свойство определило и структуру некоторых поэм: Р. Бикбаев «Стрела с меткой», Б. Рафиков «Каменное извятие», Р. Туляк «Горение», Г. Зарипов «Карат», А. Утябай «Двенадцать» и т.д. В них сюжет развивается в определенных рамках, преобладает однолинейность, проявляется объективированный лиризм, часто философия жизни передается широко обобщенными образами, символикой и инсказаниями, поэтикой фольклора, мифологии.

Произведения М. Карима «Улыбка», «Тайна», Н. Наджми «Поэт и шах», основанные на поэтике народного творчества и увидевшие свет еще в шестидесятые годы, условно можно было бы назвать «маленькими» поэмами-сказками с однолинейным, замкнутым сюжетом. В наши дни с появлением национальной,

исторической проблематики в литературе традиции, связанные с фольклорной основой, возобновились в поэмах Р. Бикбаева «Стрела с меткой», Г. Зарипова «Карат», Р. Шаммаса «Цена красоты» и др. Раскрытие эпической темы в краткой форме определяет особенность названных башкирских поэм.

Решение социально-нравственных проблем в лиро-эпическом плане, стремление в повествовании к краткости и сжатости требует от поэтов совершенствования поэтического инструментария, художественных средств и приемов новеллистической композиции. Надо сказать, что новеллизм в поэме – явление не новое. Еще во второй половине тридцатых годов XX века, Галимов Салам разработал более сжатые, но в то же время объемные приемы организации сюжета, разрушая этим бытовавший в поэзии фабульный принцип повествования. Приемы новеллистической композиции удачно использованы им в поэмах «Кречет» и «Дитя».

В последние годы развитие этих традиций мы наблюдаем в поэмах Б. Рафикова «Каменное извятие», Ф. Тугузбаевой «Горят, что есть средство от смерти», Р. Туйгуна «В саду». Наиболее активно используются такие формы и приемы новеллизма в организации сюжета произведения, как «узнавание» персонажа, совпадение кульминации с развязкой и т.д.

Структурная поэтика башкирских поэм исследуемого периода многообразна. Есть поэмы, в которых движение сюжета обеспечивается формой путешествия в прошлое, т.е. приемами ретроспективной композиции. К разряду таких произведений можно отнести, например, поэмы А. Атнабаева «Раненая гармонь», А. Багуманова «Во время ледохода», М. Ямалетдинова «Память песни».

Основные события в поэме Р. Туляка «Горение» даны в композиционной форме писем, где в одном структурном русле развиваются и рассказ, и размышление. Из-за монологической формы, на первый взгляд, она напоминает лирическое произведение. Однако центральный герой поэмы (пастух) действует не как лирический, а как эпический, сюжетный герой со своим характером, судьбой, биографией. В поэме он выступает в роли повествователя и одновременно с этим является выразителем дум и чувств автора. В его уста вложены размышления о сложных проблемах современности. Как представляется, в поэме лиризм не играет самостоятельной структурной роли, а только углубляет и «одушевляет» эпические картины.

Исходя из анализируемого материала, можно сказать, что организующим центром таких «эпических» поэм является сюжет, сконцентрированный вокруг главного героя, повествование о судьбе одного человека. Авторское отношение к нему проявляется либо в эмоциональном аспекте, либо в медитациях, связанных с изображаемым характером. Эти поэмы формируются на основе эпического начала, лирика же обогащает, помогает раскрывать внутреннюю, чувственную сторону изображаемого.

Современная башкирская поэма стала многофункциональной: она показывает облик эпохи, духовный мир современника, исследует исторические истоки настоящего, несет в себе эпическое и лирическое, конкретное и аналитическое начало.

Произведения Т. Юсупова «Ищу сына», Р. Зинурова «Ибн-Фадлан, или дастан о курае», «Слово о Бепенее», Ф. Тугузбаевой «Канны – крепость птицы Хумай», Т. Ганиевой «Аркаим», «Кипчаки», «Женщина» можно определить как исторические поэмы только в тематическом плане. В главных героях произведений история и современность формируют единую художественную ткань, отсутствие границы между настоящим, прошлым и будущим составляет их композицию.

Структура этих поэм представлена многолинейной сюжетной панорамой, сложной композицией с пересечением разных планов прошлого, настоящего, будущего. Здесь широко используются формы традиционных восточных эпических структур; приемы «рамочного» сюжета, «ящичной» композиции и т.д. Не случайно ряд авторов поэм определяют свои произведения как «дастан».

В «Литературном энциклопедическом словаре» дастан определяется как «...обработка сказочных сюжетов, легенд, преданий. Дастаны бывают поэтические и прозаические, часто это проза со стихотворными вставками» [9, с. 86 – 87]. Дастан, характеризующийся сложностью интриги и увлекательным сюжетом в организации содержания, близок к сказкам, и в то же время изображением судеб героев, романтической структурой сюжета, эпичностью и масштабностью в повествовании он напоминает жанр романа. Поэтому дастан по-другому определяют как сказочный роман.

В произведениях Т. Юсупова «Ищу сына», М. Ямалетдинова «Культагин», «Последний из Сартаева рода», Т. Ганиевой «Кипчаки», «Аркаим», Ф. Тугузбаевой «Канны – крепость птицы Хумай», Р. Зинурова «Ибн Фадлан, или дастан о курае», «Слово о Бепенее», З. Зиннатуллина «Кодекс об Отечестве и Стране», Т. Карамышевой «Открытые тайны» наблюдается их несомненное родство с дастанными традициями: героическое содержание, романтический дух, сложная композиция, многолинейный сюжет, фольклорно-мифологический стиль. Однако

эти поэмы, конечно же, не являются классическими дастанами, но показывают поиски новых форм и выражений на основе традиций.

Таким образом, в девяностые годы башкирская поэма широко использовала возможности эпической формы: сюжет, композицию, последовательное изображение человеческих характеров, вследствие чего, авторы имели возможность глубже проникать в жизненный материал, делать широкие обобщения, освещать важнейшие тенденции и события своего времени.

Библиографический список

1. Хусаинов Г.Б. *Некоторые проблемы башкирской советской поэзии*. Уфа, 1957.
2. Ахметзянов К.А. *Вопросы композиции башкирской поэмы*. Уфа, 1962.
3. Бикбаев Р.Т. *Современная башкирская поэма. (1956 – 1965)*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Уфа, 1966.
4. Бикбаев Р.Т. *Поэтическая летопись современности*. Уфа, 1980.
5. Бикбаев Р.Т. *Эволюция современной башкирской поэзии*. Москва, 1991.
6. Кунафин Г. С. *Башкирская нарративная поэзия XIX – начала XX веков: Вопросы жанровой системы*: монография. Уфа, 2003.
7. Тимофеев Л. И. *Основы теории литературы*. Москва, 1971.
8. Бахтин М.М. *Вопросы литературы и эстетики*. Москва, 1975.
9. *Литературный энциклопедический словарь*. Москва, 1987.

References

1. Husainov G.B. *Nekotorye problemy bashkirskoj sovetskoj poezii*. Ufa, 1957.
2. Ahmetzyanov K.A. *Voprosy kompozicii bashkirskoj poemy*. Ufa, 1962.
3. Bikbaev R. T. *Sovremennaya bashkirskaya poema. (1956 – 1965)*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Ufa, 1966.
4. Bikbaev R.T. *Po'eticheskaya letopis' sovremennosti*. Ufa, 1980.
5. Bikbaev R.T. *Evoluciya sovremennoj bashkirskoj poezii*. Moskva, 1991.
6. Kunafin G. S. *Bashkirskaya narrativnaya poeziya XIX – nachala XX vekov: Voprosy zhanrovoj sistemy*: monografiya. Ufa, 2003.
7. Timofeev L. I. *Osnovy teorii literatury*. Moskva, 1971.
8. Bahtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki*. Moskva, 1975.
9. *Literaturnyj enciklopedicheskij slovar'*. Moskva, 1987.

Статья поступила в редакцию 26.03.15

УДК 811.512.156

Sereedar N. Ch., Cand. of Sciences (Philology), Tuvian Institute of Humanitarian, Applied Social and Economic Research (Tuva, Russia), E-mail: sereedar.62@mail.ru

STRUCTURE AND SEMANTICS OF ELEMENTARY SIMPLE SENTENCES IN THE TUVA LANGUAGE. The paper is devoted to an elementary simple sentence in the Tuva language. The object of the analysis is the elementary simple sentences understood as linguistic units, but not as speech constructions. Linguistic units do not fall under direct observation, thus the observation object is the phrases presented in texts. The elementary simple sentence model affixes the necessary components of a syntactic unit. The plane of expression of the elementary simple sentences (ESS) can be presented as a structural scheme. The plane of its contents, however, as the author notes, is the proposition, i.e. the abstraction which corresponds to the sense of the sentence as a linguistic unit. The structural scheme means the system of actants (nouns) in specific cases. The contents structure means are the sense relations between actants and predicates. The actant means the necessary component without which the sentence is not self-contained.

Key words: elementary simple sentence, model, structural scheme, proposition.

Н.Ч. Серээдар, канд. филол. наук, Тувинский институт гуманитарных, прикладных социально-экономических исследований, г. Кызыл, E-mail: sereedar.62@mail.ru

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ЭЛЕМЕНТАРНЫХ ПРОСТЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ТУВИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена элементарному простому предложению тувинского языка. Объектом анализа являются элементарные простые предложения, понимаемые как единицы языка, а не как речевые построения. Единицы языка недоступны прямому наблюдению, поэтому объектом наблюдения являются фразы, представленные в текстах. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка. Под структурной схемой понимается система актантов (имен) в определенных падежных формах. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. Под актантом называем обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно.

Ключевые слова: элементарное простое предложение, модель, пропозиция, структурная схема.

Разные исследователи по-разному представляют и по-разному описывают **элементарное простое предложение**. Этому посвящено немало работ. Так, Т.П. Ломтев представлял языковые сущности, «образцы», в виде искусственных фраз, в которых устранялось всё лишнее и оставались только структурно необходимые компоненты. Например, *Иван бьёт Петра, Иван даёт Петру книгу, Иван режет мясо ножом* [1]. Подобные предло-

жения, с одной стороны, обнажают грамматическое устройство образца, наглядно демонстрируя то, что позже будет названо *структурной схемой*, с другой стороны, так же непосредственно выражают определенный синтаксический смысл, то есть намекают некоторый класс ситуаций, которые можно описать таким же способом. Такой способ представления сблизяет своей конкретностью, но он не позволяет детализировать этого пред-

ставления, не описывает семантических возможностей данного образца.

Н.Ю. Шведова пошла по другому пути. Она предложила символическую форму представления тех минимальных синтаксических форм, к которым, по её мнению, можно свести все множество русских предложений. Эти минимальные формы по сути дела близки к предикативным узлам предложений, хотя и не тождественны им. В отличие от представления Т.П. Ломтева, который воспринимал и воспроизводил предложение как двустороннюю единицу, имеющую план выражения и план содержания, Н.Ю. Шведова, в сущности, совершенно отвлекается от содержательной стороны и говорит только о структурных схемах. Она требует от предложения формальной законченности, наличия предиката и предикандума, но остаётся безразличной к структурно-смысловой, коммуникативной недостаточности: Иван купил – что? у кого? – это остаётся за рамками описания, представленного в Грамматике -70 [2] и Грамматике-80 [3].

В.А. Белошапкова сделала следующий очень важный шаг, потребовав от представления о предложении коммуникативной достаточности. Она ввела в него, кроме главных членов, также все структурно необходимые «второстепенные члены» – дополнения. В современной литературе структурно необходимые предметные участники ситуации, описываемой данным предложением-образцом, называются актантами. В соответствии с этим она ввела, наряду с представлением о *минимальной структурной схеме*, представление о *расширенной структурной схеме*, которая также записывается символами. *Расширенной структурной схеме*, в принципе, уже можно было бы сопоставить определенный синтаксический смысл [4].

Настоящая работа пользуется положениями и терминологией Новосибирской синтаксической школы, основанной М.И. Черемисиной, подход которой в основных чертах переключается с изложенными выше. По М.И. Черемисиной, основной синтаксической единицей является элементарное простое предложение (ЭПП). ЭПП как языковая сущность недоступна прямому наблюдению, поэтому его записывают в виде моделей, в которых отражается понимание исследователем структурно-семантического устройства этих языковых объектов. Модель ЭПП фиксирует необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов» [5]. Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за пестрым, поистине бесконечным множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу [6]. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Планом же содержания ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка.

Под элементарным простым предложением (ЭПП) вслед за М.И. Черемисиной мы понимаем языковую сущность, недоступную прямому наблюдению, поэтому его принято записывать в виде формул. ЭПП отражает необходимые компоненты синтаксической единицы, которые представляются с помощью традиционных «символов классов слов». Подобный подход к описанию структурно-семантического устройства предложений позволяет за множеством фраз увидеть небольшое число минимальных «образцов», к которым это разнообразие можно и нужно свести, чтобы понять их истинную природу. План выражения ЭПП можно представить в виде структурной схемы. Что же касается плана содержания, то означаемым ЭПП является пропозиция – абстракция, которая соответствует смыслу предложения как знака языка.

Но что представляет собою смысл предложения как единицы языка? Всякое предложение описывает некоторый целостный фрагмент действительности. Разные авторы называют его по-разному: событие, ситуация, положение дел. За этими русскими словами можно видеть разные оттенки смысла: *Кончилась война* – событие, *Мы остались без копейки* – ситуация, *В углу стоит холодильник* – положение дел. Но очевидно и то общее, что объединяет событие, ситуацию и положение дел: все эти выражения подразумевают именно ту мысленную структуру, которая всегда заключается в законченном предложении. Ее называли когда-то «законченной мыслью», но позже эта формулировка была отвергнута, потому что далеко не всегда мысль заканчивается в рамках одного предложения. Термины *событие*, *ситуация*, *положение дел*, наоборот, ведут нас непосредственно к внеязыковой действительности, к «внешнему» означаемому.

Между тем, если мы говорим о предложении как *единице языка*, – а «единица» всегда предполагает множество, в которое она входит, у неё должно быть свое внутреннее содержание, противопоставленное содержаниям других предложений как единиц языка аналогично тому, как её структурная схема противопоставляется структурным схемам других предложений.

Это содержание мы будем называть термином *пропозиция*, который вызывает меньше ассоциаций с разными видами внешних означаемых речевых предложений – фраз. Таким образом, пропозиция будет обозначать не конкретное значение той или иной фразы, но именно абстрактное значение, связанное с определенной структурной схемой как ее внутренняя сторона.

Соответственно, мы будем представлять каждое предложение (единицу языка) его *моделью*, которую понимаем как двустороннюю сущность: план ее выражения есть структурная схема, план ее содержания есть пропозиция. Уточним соотношение терминов и понятий: подлинная единица высшего, синтаксического уровня языка есть *предложение* (точнее, *элементарное*, минимальное предложение, в котором представлены необходимые и достаточные компоненты). Но эта единица нам непосредственно не дана, недоступна, и потому мы *представляем ее моделью*. Модель – это зафиксированное определенным образом *наше понимание* того, что такое предложение. Поэтому в дальнейшем мы будем пользоваться термином «модель», говоря о единицах языка.

Модель предложения – это искусственное построение, *конструкт*, который создается исследователем, лингвистом, в соответствии с тем, как он понимает, представляет себе предложение как единицу языка. Модель не претендует на точное отражение того психического образования, которое хранится у каждого в подсознании, но она должна сделать явными *самые существенные* с точки зрения говорящего черты, характеристики этого объекта.

Под структурной схемой понимается система актантов (имен) в определенных падежных формах. Содержательной структурой мы называем смысловые отношения между актантами и предикатом. Под актантом называем обязательный компонент, без которого предложение не самодостаточно. К актантам относятся: 1) субъект (имя существительное в именительном (т.е. в неопределенном) падеже – $N_{\text{ном}}$; 2) прямой объект (имя существительное в винительном и неопределенном падежах) – N_i ; 3) косвенные объекты (имена существительные в дательном, напавительном падежах, имена существительные + послелог *биле*). Предикатами являются глаголы – V_f , имена прилагательные – A (*cop*), имена существительные – $N_{\text{ном}}$ (*cop*).

Валентностная структура предложений с именным сказуемым существенно иная, чем у глагольных предложений. Имена не имеют собственных валентностей. Отношения между именным предикатом и именем субъекта (подлежащим) определяются другими закономерностями. С этой точки зрения существенно, что имя, попадая в позицию предиката, закономерно приобретает семантику предикативного признака, за ним усматривается не конкретное лицо или предмет, но общая категория; если это существительное, то признак предстает как *род*, как широкое *понятие*, в которое вписывается данный отдельный предмет или данное более узкое понятие, названное, представленное подлежащим. Например: *Аян башкы*. – Аян учитель.

Предикат-имя отношения иногда открывают дополнительные валентности, поскольку отношения всегда существуют между как минимум двумя субъектами или объектами. Например: *Алдын-кыс бис=тиң хеймер кызывыс-тыр*. – Алдын-кыс наша младшая дочка. В качестве имён отношений выступают, например, термины родства, которые обязательно требуют при себе своеобразного актанта «определителя» в родительном падеже.

В отличие от существительных, *прилагательные* «высвечивают» какой-то определенный признак, который приписывается лицу или предмету, названному подлежащим. Например: *Буян шилгедек* (Кудажы, У, 78). – Буян стройный; *Галя чазык*. – Галя приветливая.

В роли именных предикатов могут выступать также *косвенные падежные, падежно-послеложные формы имен и сочетания имен существительных со служебными именами, а также и наречия места*. Такие предикаты характерны для моделей, описывающих местонахождение предметов и лиц: *Авам бажында* – Мама дома; *Бызаа кажаа чанында* – Телёнок около кошары.

Особое место в системе именных предикатов занимают предикаты *наличия, отсутствия и количества*, предсказуемые именам объектов, пребывающих или существующих где-то, в не-

котором пространстве. Такие предикаты – *бар, чок, хей, эвээш* и др.: *Менде ном бар* – У меня есть книга.

В конструкциях исследуемого типа представлены следующие типы семантического предиката: а) предикат наличия; б) предикаты отсутствия; в) предикаты количественной характеристики; г) предикаты местонахождения; д) классификационные предикаты; е) предикаты-имена отношения; ж) предикаты качественной характеристики.

В исследованных предложениях с предикатами, выраженными именами наличия/ отсутствия/ количественной характеристики, в качестве актантов регулярно выступают *субъект* и *актант-локализатор*.

Сфера именных моделей представляет большой интерес для исследователя. Нами рассмотрены в кандидатской диссертации «Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке» только основные именные модели: *две микросистемы* именных моделей на материале тувинского языка. К сопоставлению привлекали русский, что естественно и практи-

чески неизбежно, поскольку анализ вели на русском. Это, во-первых, микросистема моделей с семантикой наличия, отсутствия и количественной характеристики предметов, находящихся в определенном месте, которые, как будет показано, структурно и семантически противостоят модели местонахождения (пробытия) кого-то/ чего-то где-то, во-вторых, микросистема моделей вхождения индивида и вида в более широкий класс (род) и характеристики объекта, приписывания ему определенных признаков. По мере возможности прослеживается характерное варьирование каждой модели и системные отношения между разными моделями и их вариантами. К сопоставлению привлекаются и некоторые модели из других, «смежных» микросистем [7].

Остаются открытыми вопросы об инвентаре этих моделей, об их примерном количестве и качестве, о большем или меньшем соответствии именных моделей в разных родственных и неродственных языках. Эта подсистема в целом трудно обозрима в силу своей сложности и отсутствия четких критериев, позволяющих разграничить разные модели и их варианты.

Библиографический список

1. Ломтев Т.П. *Основы синтаксиса русского языка*. Москва, 1958.
2. *Грамматика современного русского литературного языка*. Москва, 1970.
3. *Русская грамматика*. Москва, 1980; Том II. Синтаксис.
4. Белашапова В.А. Расширенные структурные схемы русского предложения. *Русский язык за рубежом*. 1979; 5: 63 – 68.
5. Черемисина М.И. О теоретических вопросах модельного описания предложений. *Предложение в языках Сибири*. Новосибирск, 1989: 3 – 18.
6. Черемисина М.И., Скрибник Е.К. О системе моделей элементарных простых предложений в языках Сибири. *Гуманитарные науки в Сибири*. Новосибирск, 1996;4: 46 – 57.
7. Серээдар Н.Ч. *Основные типы предложений с именным сказуемым в тувинском языке*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Новосибирск, 1995.

References

1. Lomtev T.P. *Osnovy sintaksisa russkogo yazyka*. Moskva, 1958.
2. *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka*. Moskva, 1970.
3. *Russkaya grammatika*. Moskva, 1980; Tom II. Sintaksis.
4. Beloshapkova V.A. Rasshirennye strukturnye shemy russkogo predlozheniya. *Russkij yazyk za rubezhom*. 1979; 5: 63 – 68.
5. Cheremisina M.I. O teoreticheskikh voprosakh model'nogo opisaniya predlozhenij. *Predlozhenie v yazykah Sibiri*. Novosibirsk, 1989: 3 – 18.
6. Cheremisina M.I., Skribnik E.K. O sisteme modelej `elementarnyh prostyh predlozhenij v yazykah Sibiri. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Novosibirsk, 1996;4: 46 – 57.
7. Ser'e'dar N.Ch. *Osnovnye tipy predlozhenij s imennym skazuemym v tuvinskom yazyke*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Novosibirsk, 1995.

Статья поступила в редакцию 31.03.15

УДК 81'373.43
ББК Ш103.1

Kozlov Ye.V., Doctor of Sciences (Philosophy), Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russia), E-mail: jesuisbon@yandex.ru

Stramnoy A.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of Foreign Languages, Volgograd State Technical University (Volgograd, Russia), E-mail: lecha1981@mail.ru

NEOLOGY AND NINTH ART. The article offers a new approach to neology studies that in some cases allow interpreting the development of lexicon as a result of certain impact of the media on a sociocultural environment. The influence of the media on the conscious and the subconscious of its audience should be viewed as one of the most productive patterns for the development of a lexicon by means of neology. Focusing on neology as a result of the interaction with the environment (social, cultural, informational, artistic) helps to make new sense of the impact of the media on a lexicon in the context of the information society. An attempt is made to define and describe such neology system presenting it as a three-group model through the example of French neologisms coined as certain sociocultural impressions from French comics.

The first group is characterized by the highest level of generalization. With the increase of concretization the second group evolves referring to certain authors or styles and trends that denote important stages in the development of the medium. The third group is the most concrete and individualized. The first group includes neologisms coined as a result of the impression received from the medium as a whole, which is reflected correspondingly in diverse attitudes and evaluations of representatives of the sociocultural environment. We should also include into this group the components of a metalanguage comprising new words and expressions (those that have acquired a new meaning as well) that are related to the code and technical part of receiving texts recipients have to handle during their contact with a certain medium. The second group is formed by neologisms resulting as the perception of various authors' works or images of some popular personages and characters, so the new vocabulary in this case is often marked by certain subcultural axiology. Author neologisms and nonce words comprise the third group of lexemes, coined and presented to the audience within one piece of artwork. These words and expressions are marked by the language personality of the author, and, being a product of individual speech, are suitable mainly for reaching the objectives of a certain artwork.

Key words: neology, lexicography, lexical derivatives, media impressions, nonce words, comics, communication code, metalanguage, subcultural axiology, artistic objectives of an artwork, individual speech production, language personality.

Е.В. Козлов, д-р филос. наук, канд. филол. наук, доц., проф. кафедры ЮНЕСКО Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, E-mail: jesusibon@yandex.ru

А.В. Страмной, канд. филол. наук, доц. каф. иностранных языков Волгоградского Государственного Технического Университета, г. Волгоград, E-mail: lecha1981@mail.ru

НЕОЛОГИЯ И ДЕВЯТОЕ ИСКУССТВО

В работе предлагается новая модель рассмотрения неологии, позволяющая интерпретировать некоторые случаи расширения словарного запаса в качестве частных результатов медийного воздействия на социокультурную среду. Влияние медиа на сознание и подсознание своей аудитории должно быть отнесено к разряду самых продуктивных источников неологического пополнения словарного фонда. Фокусировка на неологии как эффекте от производства реальности (культурной, социальной, информационной, художественной), позволяет несколько по-новому и в контексте современного информационного общества осмысливать влияние медиа на словарь. На примере социокультурных впечатлений от комиксов, фиксируемых в виде неологизмов во французском языке, осуществляется попытка описания такой неографии в виде трехчастной модели. Наибольшая степень обобщенности свойственна первой группе. Постепенно конкретизация возрастает, и уже для второй группы характерна отсылка к отдельным авторам, стилям и направлениям, определившим важные вехи в развитии медиума. Третья группа наиболее конкретна и индивидуальна. К первой группе отнесём неологизмы как результаты впечатлений от медиума как такового, в своей целостности отражающегося в разнообразных оценках и отношениях со стороны представителей социокультурной среды. К этой группе также следует отнести составляющие метаязыка: новые (или получившие новое смысловое наполнение) слова и выражения, связанные с кодом и технической стороной рецепции текстов, поступающих реципиенту именно в ходе контакта с конкретным средством медиумом. Ко второй группе можно отнести неологизмы, возникшие в качестве отклика на творчество отдельных авторов, образы некоторых популярных персонажей. Новая лексика здесь несет оттенок субкультурной аксиологии. В третью группу могут быть отнесены авторские неологизмы – слова изобретённые и представленные аудитории в пределах одного конкретного произведения. Такие слова отмечены печатью яркой авторской языковой личности. Они представляют собой продукт индивидуального речетворчества, пригодный для выполнения художественных задач отдельно взятого произведения.

Ключевые слова: неология, лексикография, лексические деривативы, впечатления от медиа, окказионализмы, комиксы, коммуникативный код, метаязык, субкультурная аксиология, художественные задачи произведения, индивидуальное речетворчество, языковая личность.

С позиций взаимосвязей между внешней реальностью, внутренним пространством мысли и языковым выражением, слово оказывается катализатором значений, так как именно лексема выступает в качестве связующего элемента для соединения внешнего и внутреннего (миров, лежащих внутри нас и вне нас). Слово, таким образом, является инструментом культурного значения и отношения, возникающих и развивающихся в культурной действительности, принадлежащей, как известно, к символическому порядку вещей. Так, например, вполне в социолингвистическом духе сформулированы в диссертационном исследовании И.В. Рец [1] характеристики социокультурной специфики новой лексики, к которым автор относит: хронологию, наличие новой культурной референции в семантике единицы и сферу употребления единицы. Мы, в свою очередь, считаем, что неологизация детерминирована социологически, ибо любой неологизм получает социальное значение, что объясняется облигаторным функционированием языковой системы внутри структур социума.

Вклад в словарный фонд языка может осуществляться в различных социокультурных контекстах, под воздействием различных причин и мотивов. Воздействие медиа на сознание и подсознание своей аудитории должно быть отнесено к разряду самых продуктивных источников неологического пополнения словарного фонда. В современном информационном пространстве языке масс-медиа нередко становится в той или иной мере языком массовой аудитории, что ускоряет процесс внедрения неологизмов в общий языковой лексико-фразеологический фонд.

Если медиа изменяют саму жизнь, то вполне справедливым будет и то, что средства информации своей деятельностью меняют, в частности, язык. Такая фокусировка на неологии как эффекте от производства реальности (культурной, социальной, информационной, художественной), позволяет несколько по-новому и в контексте современного информационного общества осмысливать влияние медиа на словарь. Так, лексико-фразеологические новоприобретения, возникающие в языке благодаря деятельности медиа, можно, на наш взгляд, разделить на три группы. К первой мы относим неологизмы как результаты впечатлений от медиума как такового, в своей целостности отражающегося в разнообразных оценках и отношениях со стороны представителей социокультурной среды. К этой группе также следует отнести составляющие метаязыка: новые (или получившие новое смысловое наполнение) слова и выражения, связанные с кодом и технической стороной рецепции текстов, поступающих реципиенту именно в ходе контакта с конкретным средством медиумом. Впрочем, в данном случае нет неологизации в стро-

гом значении термина. Здесь чаще используются уже существовавшие в лексическом фонде единицы, употребление которых оказывается актуализированным благодаря развитию медиума. Таким, например, является слово *phylactere*, восходящее к античным изобразительным практикам, но получившее новое значение в связи с тем, что оно стало использоваться для названия специальных мест в кадре комикса, предназначенных для передачи мыслей или речи персонажей.

Ко второй группе можно отнести неологизмы, возникшие в качестве отклика на творчество отдельных авторов, образы некоторых популярных персонажей. Надо отметить, что здесь речь может идти о феноменальном успехе у публики. Неологизмы в этом случае свидетельствуют о чрезвычайной успешности проекта, что, например, проявляется даже в создании субкультуры, объединяющей поклонников некоторого героя или автора. Новая лексика здесь несет оттенок субкультурной аксиологии, отражает приоритеты в восприятии поклонников и ценителей отдельных авторов и героев.

В третью группу могут быть отнесены авторские неологизмы – слова изобретённые и представленные аудитории в пределах одного конкретного произведения. Такие слова отмечены печатью яркой авторской языковой личности. Они представляют собой продукт индивидуального речетворчества, пригодный для выполнения художественных задач отдельно взятого произведения. Впрочем, поскольку искусственные слова создаются по моделям уже существующих, то у них, произведенных *ad hoc* и выполняющих сиюминутные задачи в рамках реализации художественного замысла, все же остаются некоторые шансы на вхождение в состав общепотребительной лексики.

Наибольшая степень обобщенности свойственна первой группе. Постепенно конкретизация возрастает, и уже для второй группы характерна отсылка к отдельным авторам, стилям и направлениям, определившим важные вехи в развитии медиума. Третья группа наиболее конкретна и индивидуальна. Как резонно замечают некоторые специалисты в области неографии, окказионализмы индивидуально-авторские образования традиционно выступают объектом специального лингвистического интереса [2], ибо они характеризуются высокой степенью экспрессивности и актуализируют творческий потенциал словообразовательной системы [3].

До известной степени такие неологизмы сопоставимы с идиотизмами: у них общие характерные черты – близкая к нулю степень переводимости и весьма незначительная способность стать легитимными компонентами общезыкового лексического

пространства. Впрочем, будучи полностью освоенным общепотребительным языком, неологизм перестает быть неологизмом.

Остановимся более подробно на примерах, иллюстрируя вышеописанную классификацию и обращая внимание на приобретение французского словаря, возникшие под воздействием или по поводу комиксов. Напомним, что к первой группе мы относим неологизмы, связанные с медиумом в его целостности. Специфика комиксов как медиума или, по мнению некоторых исследователей, разновидности искусства, во многом определила особенности появления и представленности в словарях французского языка лексики и фразеологии, которая связана с вербо-иконическими повествованиями. Размышления о культурных коннотациях в предметно-лексикографическом плане могут быть представлены в свете понятия «лексический фон» [4], представляющего целостное соединение непонятных семантических долей, жестко-связанное совокупности ассоциативных значений (представлений) о данном слове. Следовательно, культурная маркированность определяет специфику лексического фона, выступающего, таким образом, в качестве немаловажного фрагмента языкового/ речевого пространства [5].

Полагаем, что процесс вхождения в словари для комиксов был оборотной стороной их культурной легитимации. Так, признаваемые европейской культурой комиксы, преимущественно франко-бельгийские, принято называть *bande dessinée*. Ален Рей в его *Dictionnaire historique de la langue française* [6] сообщает, что термин «*bande dessinée*» существует во французском языке с 1940. Но есть и другие взгляды на вхождение этого словосочетания в словарный фонд. Кроме того, в некоторых словарях словосочетание определялось в качестве синонима для *dessin animé*. Предположим, что проблемы с дефинициями и точной хронологической атрибуцией словосочетания [7] в лексикографии до определенной степени отражают различные трактовки историков искусства, связывающих появление первых вербо-иконических повествований то с одним, то с другим автором, и выводящих преемственность современных комиксов от различных периодов развития графических практик в Европе.

Впрочем, европейская вербо-иконическая повествовательность в словарных определениях не ставится под сомнение, и такой консенсус весьма точно выражает, например, энциклопедия Ларусс, говоря, что «изобретая комикс (*bande dessinée*), Европа не сразу приступила к развитию и использованию его возможностей» [8]. Итак, во французских словарях европейское изобретение (*bande dessinée*) на уровне номинаций противопоставляется американской (*comics*) и японской /корейской (*manga*, *manhua*, *манхва*) продукции. Обеспеченность экспансией азиатских комиксов на мировых рынках развлекательной печатной индустрии прочитывается в неологизме *mangalisation* (по аналогии с *mondialisation*) [9]. Замеченное лексическое разнообразие для одного референта и феномена культуры, вероятно, является языковым отражением глубинной смысловой оппозиции свое/чужое, которая в отношении комиксов оказывается специфической для французской лингвокультуры. Она совсем не близка, например, русскому языку, где слово комикс является переводным эквивалентом для всех вышеперечисленных лексических единиц.

В XX веке лексикализация акронима *BD* – *bédé* оказалась весьма удачной. На субъективном уровне, оттенок просторечного или даже грубоватого названия передает идею массовой, досуговой практики, предназначенной отнюдь не для повышения культурного и уж тем более интеллектуального уровня своего потребителя. Это даже не читиво, так как рисунки позволяют следить за развитием событий, не утруждая себя чтением.

Однако парадоксальный характер комикса отражается во французском языке вполне четко: все практики потребления комиксов передаются именно глаголом читать – *lire la BD*. Здесь следует отметить, что принадлежность комикса к цивилизации письменного знака, книжной культуре проявляется на объективном уровне, прочитывается, в частности, в использовании суффиксов, отправляющих даже к классической культурной парадигме. Так, например, лексикализированный акроним *bédé* стал производной основой для лексем, пополнивших французский язык неологизмами: *bédéthèque* (пространство, содержащее комиксы), *bédéphile* или *bédéiste* (любитель, ценитель комиксов) [10]. Несложно заметить в этих новоприобретениях античные суффиксы и, что пространно, предназначенное для хранения комиксов, названо по аналогии с книгохранилищем.

Ко второй группе мы отнесем слова и выражения, возникшие от имен персонажей, или под влиянием творчества отдельных авторов, получивших большую известность и определивших

вектор развития комикса как медиума. Отметим здесь категорию успешности того или иного проекта, которая и определяет, на наш взгляд, возникновение неологизмов этой группы. Так, феноменальный успех у публики и критики бельгийских комиксов Эрже о приключениях Тэнтэна не мог остаться без последствий в плане производства новой лексики. Индивидуальный авторский графический стиль Эрже называют *ligne claire*. От имени главного героя этих комиксов возникли *tintinologie*, *tintinologue*, *tintinesque*.

В числе примеров третьей группы, к которой мы относим авторские неологизмы-окказионализмы, можно привести слово *schtroumpf*, придуманное Пьером Кюллифором в 1958 г., который впоследствии под псевдонимом Пейо в своих комиксах об эльфических существах (смурфах) создал язык штрumpfов, смурфов. Легенда о возникновении слова и затем единственной производной морфемы искусственного языка синих человечков сообщает, что «*schtroumpf*» было выдумано Кюллифором как подлинное слово-заменитель в бытовой ситуации приятельского застольного общения. Кюллифор забыл, как по-фламандски соль, и попросил передать ему «этот *schtroumpf*».

Фламандские, германские корни легко угадываются в данном окказионализме. Французские лексикологи причисляют *schtroumpf* к сравнительно недавним приобретениям французского словаря, в которых чувствуется их «зарейское происхождение» [11]. Ларусс трактует *Schtroumpf* как имя собственное. Хотя, показателен сам факт включения этого слова в лексический фонд. Отсутствие определения, впрочем, до известной степени, говорит о беспомощности лексикографов [12]. Впрочем, можно также допустить, что решение обозначить это слово как имя собственное было единственно возможным ввиду принципиальной неопределимости данного неологизма.

Действительно, смысл окказионализма *schtroumpf* извлекается исключительно из контекста. *Schtroumpf* – пустое семантически слово, слово-индекс в своей привязке к коммуникативной ситуации. Собственно, это и обеспечивает его гибкость и применимость. Не следует забывать, что данный неологизм и его производные появляются именно в комиксах, где коммуникативная ситуация представлена *de visu*, будучи продемонстрированной графическим информационным рядом.

Исследователями неологизационных процессов отмечается, что «словообразовательные новации относительно легко встраиваются в систему языка, часто они конструируются с помощью исконных средств, быстро адаптируются и имеют большую возможность закрепиться в языке, чем, например, внешние заимствования. Если словообразовательные неологизмы созданы на базе давно известных носителям языка слов, то их значения могут легко выводиться из значений составляющих частей» [13]. Е.М. Чекалина подчёркивала очевидную способность потенциальных слов, создаваемых для непосредственной коммуникации по традиционным и продуктивным языковым моделям, передавать значительный объем разнообразной информации [14]. Кюллифор (Пейо) активно пользуется семантической выхолащиваемостью своего неологизма, создавая в своих комиксах язык штрumpfов. По сути дела, это своего рода «глокая куздра», когда искусственная и бессодержательная корневая морфема *schtroumpf* сочетается с префиксальными и суффиксальными морфемами и окончаниями. Такая морфологическая адаптация осуществляется по продуктивным моделям и в результате возникает образование, в которых вполне можно узнать части речи французского языка с их имманентными категориями. Напомним, что критерием для отнесения некоторой неологической лексемы к группе потенциальных кандидатов на вхождение в общелитературный язык, по мнению некоторых лингвистов, является именно способность данной единицы порождать словообразовательные дериваты [15; 16]. Так, возникают глаголы первой группы (*deschtroumpfer*, *enchtroumpfer*, *reschtroumpfer*), прилагательные (*schtroumpfeux*, *schtroumpfeuse*, *schtroumpfique*, *schtroumpfologique*, *schtroumpfissime*). *Schtroumpfeur*, *schtroumpfette*, *schtroumpfisme*, *schtroumpferie*, *schtroumpfiste*. Смелое применение суффиксов из морфологического арсенала классических языков сообщило, в частности, антонимические и омонимические отношения новообразованным существительным: *schtroumphobie*, *schtroumphilie*, *schtroumpfomanie*. Есть и приобретения на уровне фразеологии: *Schtroumpf alors!*; *Je vous en schtroumpf!* Вероятно, каждому франкофону в них вполне угадывается *Ça alors!* или *Je vous en prie!* Приведем, однако, пример, который демонстрирует меру авторской иронии над скоропалительными выводами о предсказуемости фразеологизмов штрumpfов и отсутствии сложностей при их переводе. Пейо рас-

суждает следующим образом: потребуется изрядная компетенция и годы упражнений для того, чтобы дать адекватный перевод высказывания "un schtroumpf qui schtroumpfe du schtroumpf", которым должно стать «un dragon qui crache du feu» [17]. Действительно, «глокая куздра» штрумпфов в своём «литературном» выражении может получать самые разнообразные интерпретации.

Забавные имитации коснулись и метаязыковых номинаций, на основе широко известного для грамматиков plus-que-parfait возникает plus-que-schtroumpf.

Говоря о неологии и комиксах, нельзя не упомянуть, вероятно, одного из самых многоречивых персонажей франкоязычных комиксов – Ахилла Талона [18], представляющего в произведениях Мишеля Грегга антитезу американским супергероям. Всякий кадр из комиксов об Ахилле Талоне представляет собой пространство, занимаемое изображением главного персонажа (иногда совместно с его собеседниками) и большим филателем – нередко равным по размерам графической части, где располагается речь героя. Это комиксы-скетчи: в них всё строится вокруг и по поводу речи. Столь активно разговаривающий персонаж производит и неологизмы. Так, в целом ряде серий было замечено использование слова *déplorableté(s)* [19]. Данный неологизм был взят на вооружение нескорыми поклонниками Ахилла Талона. Впрочем, вскоре обнаружилось, что слово это имеет более корректного конкурента, замеченного лексикографами уже весьма давно. В вышедшем в свет в 1842 г. словаре новых слов Жан-Баттиста де Рандовиллье [20] появилось слово *déplorableté*. Его корректность объяснима большей сообразностью словопроизводной модели: прилагательным на –able соответствуют существительные на –abilité. Таким образом, новое слово из комиксов об Ахилле Талоне не имеет больших шансов на вхождение в пласт легитимной лексики. Впрочем, с достоверностью судить о судьбе конкурирующей пары *déplorableté / déplorableté* смогут лексикографы следующих поколений.

Завершая эти размышления о комиксах и новых словах, следует отметить следующее: балансирование вербо-иконического повествования на границах легитимной культуры и андеграунда, произведений искусства и продуктов массовой индустрии развлечений, нашло отражение и в новой лексике, появляющейся во французском языке синхронно процессам развития комикса в 19-20 вв. Выразительные возможности комикса и его успех у массовой аудитории превратили этот медиум в площадку для творческих экспериментов в области франкоязычной неологии.

Завершая эти размышления о комиксах и новых словах, следует отметить следующее: балансирование вербо-иконического повествования на границах легитимной культуры и андеграунда, произведений искусства и продуктов массовой индустрии развлечений, нашло отражение и в новой лексике, появляющейся во французском языке синхронно процессам развития комикса в 19-20 вв. Выразительные возможности комикса и его успех у массовой аудитории превратили этот медиум в площадку для творческих экспериментов в области франкоязычной неологии.

Библиографический список

1. Рец И.В. *Лингвокультурологические и эколлингвистические аспекты неониминации*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 2014.
2. Страмной А.В. Графически гибридизированные окказионализмы (на материале отечественной и французской прессы). *Вестник Волгоградского государственного медицинского университета*. 2006; 4 (октябрь-декабрь): 13 – 14.
3. Шумилова А.В. *Новообразования в газетном заголовке: структурно-функциональный аспект: (на материале нижегородских СМИ)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Нижний Новгород, 2011.
4. Шамне Н.Л. *Семантика немецких глаголов движения и их русских эквивалентов в лингвокультурологическом освещении*. Волгоград: Издательство Волгоградского университета, 2000.
5. Кубрякова Е.С. Категоризация мира: пространство и время. *Категоризация мира*. Москва: Диалог-МГУ, 1997.
6. *Dictionnaire historique de la langue française* / dir. A. Rey: 3 vol., 3-е éd. Paris: Le Robert, 2006.
7. Available at: http://fr.wiktionary.org/wiki/bande_dessin%C3%A9
8. Available at: http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/bande_dessin%C3%A9/185578
9. Available at: http://www.du9.org/wp-content/uploads/img/Rapport_ACBD_2005.pdf
10. Available at: <http://fr.wiktionary.org/wiki/b%C3%A9d%C3%A9th%C3%A8que>
11. Available at: <http://www.arte.tv/fr/le-mot-le-schtroumpf/705958,CmC=705960.html>
12. Available at: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/Schtroumpf/121305>
13. Жданова Е.А. Лексикографическая фиксация неологизмов в словарях разных типов / Е. А. Жданова. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2012; 3 (1): 388 – 392.
14. Чекалина Е.М. *Язык современной французской прессы*. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991
15. Заботкина В.И. Когнитивно-прагматический подход к неологии. *Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сборник научных трудов*. Калининград: Калининградский университет, 1999.
16. Рец И.В. Национально-культурная специфика новой лексики нидерландского и английского языков. *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2: Языкознание 2014; 1
17. *Jblain.pagerperso-orange.fr*.
18. Козлов Е.В. Nomen est omen: авторская подпись на обложке развлекательного текста. *Культ-товары: феномен массовой литературы в современной России*: сборник научных статей. Санкт-Петербург: Петербургский институт печати, 2009.
19. Available at: <http://www.etudes-litteraires.com/forum/topic36411-deplorablete-une-deplorable-absence.html>
20. Randonvillier R. *J-B de. L'enrichissement de la langue française* Paris: ed. Lacombe, 1842.

References

1. Rec I.V. *Lingvokulturologicheskie i `ekolingvisticheskie aspekty neonominacii*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 2014.
2. Stramnoj A.V. Graficheski gibrizirovannye okkazionalizmy (na materiale otechestvennoj i francuzskoj pressy). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo medicinskogo universiteta*. 2006; 4 (oktyabr'-dekabr'): 13 – 14.
3. Shumilova A.V. *Novoobrazovaniya v gazetnom zagolovke: strukturno-funkcional'nyj aspekt: (na materiale nizhegorodskih SMI)*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Nizhnij Novgorod, 2011.
4. Shamne N.L. *Semantika nemeckih glagolov dvizheniya i ih russkikh `ekvivalentov v lingovkul'turologicheskom osveschenii*. Volgograd: Izdatel'stvo Volgogradskogo universiteta, 2000.
5. Kubryakova E.S. Kategorizaciya mira: prostranstvo i vremya. *Kategorizaciya mira*. Moskva: Dialog-MGU, 1997.
6. *Dictionnaire historique de la langue française* / dir. A. Rey: 3 vol., 3-е éd. Paris: Le Robert, 2006.
7. Available at: http://fr.wiktionary.org/wiki/bande_dessin%C3%A9
8. Available at: http://www.larousse.fr/encyclopedie/divers/bande_dessin%C3%A9/185578
9. Available at: http://www.du9.org/wp-content/uploads/img/Rapport_ACBD_2005.pdf
10. Available at: <http://fr.wiktionary.org/wiki/b%C3%A9d%C3%A9th%C3%A8que>
11. Available at: <http://www.arte.tv/fr/le-mot-le-schtroumpf/705958,CmC=705960.html>
12. Available at: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais-anglais/Schtroumpf/121305>
13. Zhdanova, E.A. Leksikograficheskaya fiksaciya neologizmov v slovaryah raznyh tipov / E. A. Zhdanova. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2012; 3 (1): 388 – 392.
14. Chekalina E.M. *Yazyk sovremennoj francuzskoj pressy*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991
15. Zabolotkina V.I. Kognitivno-pragmaticheskij podhod k neologii. *Kognitivno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovanij: sbornik nauchnyh trudov*. Kaliningrad: Kaliningradskij universitet, 1999.
16. Rec I.V. Nacional'no-kul'turnaya specifika novoj leksiki niderlandskogo i anglijskogo yazykov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya 2: Yazykoznanie <http://cyberleninka.ru/journal/n/vestnik-volgogradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-seriya-2-yazykoznanie> 2014; 1

17. *Jblain.pageperso-orang.fr*.
18. Kozlov E.V. Nomen est omen: avtorskaya podpis' na oblozhke razvlekatel'nogo teksta. *Kul't-tovary: fenomen massovoj literatury v sovremennoj Rossii: sbornik nauchnyh statej*. Sankt-Peterburg: Peterburgskij institut pečati, 2009.
19. Available at: <http://www.etudes-litteraires.com/forum/topic36411-deplorablete-une-deplorable-absence.html>
20. Randonvillier R. *J.-B de. L'enrichissement de la langue française* Paris: ed. Lacombe, 1842.

Статья поступила в редакцию 13.02.15

УДК 811.161.1

Tyurin V.B., postgraduate, Department of Russian Language and Methods of Teaching, Arzamas branch of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Arzamas, Russia), E-mail: vovantyr@mail.ru

CONCEPT OF "HOMELAND" IN N.M. RUBTSOV'S LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD: GENERAL VIEW. The article provides a general view on the concept "Homeland" in N.M. Rubtsov's language picture of the world. This concept reveals the main theme in the poetry of Rubtsov. We consider the structure of the concept as the following: the core and the periphery. We are finding data explanatory and etymological dictionaries with results conceptual analysis of poetic texts. In-depth study of contextual links tokens allows to select five the main conceptual components of the concept of "Homeland" in N.M. Rubtsov's language picture of the world: Homeland-Nature, Homeland-Light, Homeland-Sorrow, Homeland-Peace, Homeland-Dream. These components determine the features image of the Homeland of the writer's lyrics. The study is part of cognitive linguistics, cultural linguistics and a linguistic poetics. Also this article is important for further study of Rubtsov's lyrics.

Key words: concept «Homeland», language picture of world, N.M. Rubtsov's lyrics, lexeme, semantics.

В.Б. Тюрин, аспирант каф. русского языка и методики его преподавания Арзамасского филиала Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Арзамас, E-mail: vovantyr@mail.ru

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА Н. М. РУБЦОВА: ОБЩИЙ ВЗГЛЯД

В статье даётся общий взгляд на концепт «Родина» в языковой картине мира Н.М. Рубцова. Данный концепт раскрывает главную тему в творчестве поэта. Рассматривается структура концепта: ядро и периферия. Производится сопоставление данных толкового и этимологического словарей с результатами концептуального анализа поэтического текста. Глубокое исследование контекстуальных связей лексем позволяет выделить пять главных понятийных составляющих концепта «Родина» в языковой картине мира Н.М. Рубцова: Родина-Природа, Родина-Свет, Родина-Грусть, Родина-Покой, Родина-Сон. Данные составляющие определяют особенности образа Родины в лирике поэта. Исследование проходит в рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвистической поэтики. Кроме этого данная статья имеет важное значение для дальнейшего изучения творчества Н.М. Рубцова.

Ключевые слова: концепт «Родина»; языковая картина мира; лирика Н.М. Рубцова; лексема; семантика.

В последние годы в отечественной лингвистике утвердился интерес к изучению когнитивных проблем, связанных с понятиями концепта, концептосферы и языковой картины мира. Причём главным объектом исследований становится языковая личность (в том числе писатели и поэты). С помощью когнитивных методов можно более глубоко и полно проанализировать язык и стиль художника слова. Исследованию различных концептов в творчестве отдельных авторов посвящены работы многих филологов [см.: 1; 2; 3; 4; 5 и др.].

Понятие концепта рассматривается такими учёными, как З.Д. Попова, И.А. Стернин [6], С.Г. Воркачёв [7], В.В. Колесов [8], Ю.С. Степанов [9] и др. Большинство сходится в том, что концепт — это дискретная категория, обладающая ментальным содержанием (то есть связана с мышлением и памятью) и отражающая культуру нации. В поэтическом тексте можно выделить художественный концепт, который «понимается как универсальный художественный опыт, зафиксированный в культурной памяти и способный выступать в качестве фермента и строительного материала при формировании новых художественных смыслов» [10, с. 42]. Художественный концепт предстаёт одним из главных фрагментов языковой картины мира поэта.

Концептуальная картина мира Николая Михайловича Рубцова включает несколько ключевых концептов: «Родина», «Природа», «Свет», «Путь», «Грусть», «Покой», «Любовь» и др. Главным является концепт «Родина», который выражает основную тему творчества поэта, используется во многих (прежде всего, в программных) произведениях автора. Это подчёркивается и высокой частотностью употребления лексем, обозначающих разные компоненты концепта «Родина»: *Русь, Россия, отчизна, деревня, село, дом, земля* и др.

Концепт «Родина» является одним из базовых русских национальных концептов. Наряду с концептами «Любовь», «Добро», «Тоска», «Жизнь», «Милосердие» он составляет русскую языковую картину мира [см. 11, с. 10].

Чтобы определить ядро концепта, нужно проанализировать словарные дефиниции (данные толкового и этимологического словарей). Слово *родина* по происхождению общеславянское, образовано от существительного *род* с помощью суффикса *-ин-*.

Первоначально в русском языке имело значение «семья», позже употреблялось в значении «место рождения» (еще у А.С. Пушкина), а в конце XVIII века в текстах Г.Р. Державина слово *родина* впервые употребляется в значении «отчизна, отечество» [12, с. 491]. В современном русском языке лексема *родина* — полисемант, имеет 2 лексико-семантических варианта и 2 оттенка. 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. // Место рождения кого-либо 2. Место зарождения, произрастания чего-либо // Место возникновения чего-либо [13]. Слово *родина* есть во многих славянских языках, хотя значение имеет разные: в украинском, белорусском, чешском, словацком и польском языках оно означает «семья», в сербохорватском и словенском — «обилие плодов». Самое близкое к русскому значение имеет болгарская лексема *родина* — «место рождения» [13].

В лирике Н.М. Рубцова концепт «Родина» выражает глубокую привязанность лирического героя к родной земле. С родиной ассоциируются не только местность, где вырос и живёт человек, не только его родные и близкие люди, но и вся природа (живая и неживая). Например, в стихотворении «Тихая моя родина» рассматриваемый концепт выражен не только лексемой *родина*, но и лексемами, обозначающими природный мир: *ивы, река, соловьи*.

Тихая моя родина!

Ивы, река, соловьи... («Тихая моя родина») [14].

В стихотворении «Привет, Россия — родина моя!» Н.М. Рубцов использует риторическое обращение, чтобы выразить любовь к родной земле, радость пребывания на ней:

Привет, Россия — *родина* моя!

Как под твоей мне радостно листвою! («Привет, Россия...») [14].

Концепт «Родина», как ментальное образование, в лирике Н.М. Рубцова имеет пять понятийных составляющих:

1. Родина — Природа
2. Родина — Свет
3. Родина — Грусть
4. Родина — Покой
5. Родина — Сон

Эти понятийные составляющие, включающие в себя ассоциативные ряды и коннотации, образуют периферию концепта «Родина» в лирике Н.М. Рубцова.

Среди элементов периферии концепта «Родина» на первом месте и по важности, и по частотности употребления в творчестве поэта стоят слова-репрезентанты концепта «Природа». Одним из символов русской, именно северной, природы является лес. В стихотворении «Видения на холме» автор признаётся в любви к родине, и в том числе, к родным лесам: *Люблю твою, Россия, старину, // Твои леса, погосты и молитвы...* («Видения на холме») [14].

Богатство родных лесов показано с помощью гиперболического в стихотворении «Сапоги мои – скрип да скрип»: *Сапоги мои – скрип да скрип // Под берёзю, // Сапоги мои – скрип да скрип // Под осиною, // И под каждой берёзой – гриб, // Подберёзовик, // И под каждой осиною – гриб, // Подосиновик!* («Сапоги мои – скрип да скрип») [14].

Применительно к русскому лесу Н.М. Рубцов в качестве эпитета использует устаревшее слово **достославные** в значении «достойный, заслуживающий славы» [13]. А сама Русь наделяется эпитетом **лесная**: *Таковы на Руси леса // Достославные, // Таковы на лесной Руси // Сказки бабушки* («Сапоги мои – скрип да скрип») [14].

Привычным символом Родины у многих русских поэтов является берёза. Н.М. Рубцов также часто использует образ этого дерева в своих стихах («Я люблю, когда шумят берёзы», «Северная берёза» и др.). Но главным, любимым деревом поэта является сосна. Не случайно, целый сборник стихов Н.М. Рубцова озаглавлен «Сосен шум». В стихотворении «Утро» сосны входят в ассоциативный ряд **Родина-Природа-Свет**: *Когда заря, светясь по сосняку, // Горит, горит, и лес уже не дремлет, // И тени сосен падают в реку, // И свет бежит на улицы деревни...* («Утро») [14].

Символом бескрайних русских просторов, выражением воли и широты русского характера является слово **поле**. Лирический герой испытывает глубокую привязанность к родному вологодскому полю: *Только знаю: потянет на Русь! // Так потянет, что я поневоле // Разрыдаюсь, когда опущусь // На своё вологодское поле...* («На злобу дня. Экспромт») [14]. Слово **поле** входит в состав описательного оборота **край родных полей и роц**, обозначающего малую родину: *Не грущу о том, что где-то // Луг цветёт и зреет рожь. // Да простит меня за это! // Край родных полей и роц!* («Долг») [14]. Ивы, река, соловьи – приметы простого русского пейзажа в стихотворении «Тихая моя родина». Репрезентантами концепта «Природа» в лирике Н.М. Рубцова являются лексемы **облако, ветер, цветы, волна, река, луг, рожь, нива, снег** и др.

Вторым важным компонентом в структуре периферии концепта «Родина» в лирике Н.М. Рубцова является ассоциативная зона во главе с концептом «Свет». В лирике Н.М. Рубцова большую роль играет поэтика света, в отличие, например, от С.А. Есенина, у которого критики выделяют поэтику цвета. Действительно, трудно найти ещё одного автора, который так много использовал слов с символическим светом. В поэзии Н.М. Рубцова концепт «Свет» имеет богатую ассоциативную зону.

Начиная с самых ранних детских стихотворений, поэт использует слова-репрезентанты концепта «Свет», символизирующие счастье, покой. В тяжёлое время начала Великой Отечественной Войны маленький Коля, оставшийся в детдоме, несмотря ни на что, сохраняет в душе надежду на лучшее и видит в жизни светлые моменты. В стихотворении «Детство» используется лексема **огонёк** как символ надежды и покоя: *Вот говорят, // Что скуден был паёк, // Что были ночи // С холодом, с тоскою, – // Я лучше помню // Ивы над рекою // И запоздалый // В поле огонёк.* («Детство») [14].

В произведении «Жар-птица» слово **огонёк** ассоциируется с теплом домашнего очага: *И манят меня огоньками уюта // Жилища, мерещится, лучших людей* («Жар-птица») [14]. Позже этот **огонёк** загорится с новой силой в знаменитом стихотворении «Русский огонёк», где свет уже символизирует тепло русской души: *Спасибо, скромный русский огонёк, // За то, что ты в предчувствии тревожном // Горишь для тех, кто в поле бездорожном // От всех друзей отчаянно далёк...* («Русский огонёк») [14].

Звезда стала главным образом-символом концепта «Свет» в лирике Н.М. Рубцова. Слово **звезда** ассоциируется, в первую очередь, с родиной: *И надо мной – бессмертных звёзд Руси, // Спокойных звёзд безбрежное мерцанье...* («Видения на хол-

ме») [14]; **Звезда полей во мгле задеденелой, // Остановившись, смотрит в полынью. // Уж на часах двенадцать прозвенело, // И сон окутал родину мою... («Звезда полей») [14]. Эпитеты **бессмертных** и **спокойных** выражают вечность и покой родины. Свет звезды в стихотворении «В горнице» оказывается настолько ярким и сильным, что освещает дом лирического героя. В данном произведении поэт использует гиперболу: *В горнице моей светло. // Это от ночной звезды* («В горнице») [14].**

Свет звёзд связан с верой в лучшее, с оптимизмом: *В этой деревне огни не погашены. // Ты мне тоску не пророчь! // Светлыми звездами нежно украшена // Тихая зимняя ночь* («Зимняя песня») [14].

Концепт «Свет» в лирике Н.М. Рубцова часто выражается с помощью лексемы **гореть**, которая символизирует яркое постоянное вневременное свечение: **Горишь, горишь, как добрая душа, // Горишь во мгле, и нет тебе покоя...** («Русский огонёк») [14]. Стоит обратить внимание, что во многих стихотворениях слова с семантикой горения усилены лексическим повтором. Поэт таким образом акцентирует внимание на длительности, бесконечности этого горения.

Одной из главных особенностей рубцовского восприятия родины является **грусть**, с которой лирический герой смотрит на родную землю. В ранних стихотворениях печальное настроение вызвано расставанием лирического героя с родиной: *Любимый край мой, нежный и веселый, // Февральских нив серебряный покров, // И двор пустынный, снегом занесенный...* («Как я грущу у дальних берегов!») («Грусть») [14]. Прочитываемое стихотворение, несмотря на название «Грусть» проникнуто возвышенной интонацией, которая основана на оксюморе – **грусть, похожая на радость**. Воспоминания о малой родине, с одной стороны, навевают грусть лирическому герою, а, с другой стороны, – помогают служить: *Что эта грусть, похожая на радость, // Мне помогает Родине служить!* («Грусть») [14]. Грусть лирического героя связана с разрушенными церквями, символизирующими духовную основу русского человека: *Эх, Русь, Россия! // Что звону мало? // Что загрустила? // Что задремала?* («Зимним вечером») [14]. В стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» состояние грусти лирического героя, смотрящего на родину, усилено повтором лексемы **грустно** и восклицательным знаком: *Россия! Как грустно! Как странно поникли и грустно // Во мгле над обрывом безвестные ивы мои!* («Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны») [14]. Н.М. Рубцов соединяет в одном контексте лексемы **грусть** и **святость**, говоря о прошлом нашей страны: *И эту грусть, и святость прежних лет // Я так люблю во мгле родного края* («Над вечным покоем») [14].

Таким образом, репрезентанты концепта «Грусть», связанные с концептом «Родина» (лексемы **грусть, грустный, грущу, загрустила, печаль, печальный** и др.) у поэта часто имеют положительную окраску. Хотя в позднем творчестве Н.М. Рубцов использует семантику грусти для выражения своего тяжёлого внутреннего состояния расставания с родиной, которое для лирического героя его стихов возможно лишь в случае смерти: *Всё движется к темному устью. // Когда я очнусь на краю, // Наверное, с резкою грустью // Я родину вспомню резко.* («Что вспомню я?») [14]. Чувство грусти усиливает эпитет **резко**.

Для создания образа Родины Н.М. Рубцов часто использует слова **покой, тихий, тихо спокойный**, образующие концепт «Покой». В раннем стихотворении «Вспомнилось море» автор описывает свою малую родину, используя словосочетание **светлый покой**: *С детства мне дорог такой // Родины светлый покой* («Вспомнилось море») [14]. Данная синтагма выражает тёплое отношение лирического героя к своей родине и создаёт образ умиротворённого, близкого сердцу родного края. В стихотворении «Тихая моя родина» Н.М. Рубцов пять раз употребляет слова с корнем **тих**: **тихая** и **тихо**. Эти лексемы акцентируют внимание на таком важном признаке рубцовского образа Родины, как покой. Тишина любимой деревни помогает поэту осмыслить свою жизнь и жизнь Родины вдали от суетных городов. В стихотворении «Чудный месяц плывёт над рекою» Н.М. Рубцов дважды использует эпитет **полной покоя**, говоря о родине: *И над родиной, полной покоя, // Опускается сон золотой! ... И над родиной, полной покоя, // Так светлы по ночам небеса!* («Чудный месяц плывёт над рекою») [14]. Так поэт создаёт образ не просто спокойной, но даже таинственной, сказочной Родины. В стихотворении «Ночь на родине» автор усиливает мотив ти-

шины за счёт использования гиперболы: *И тихо так, как будто никогда // Природа здесь не знала потрясений!* («Ночь на родине») [14].

С семантикой **покоя** в лирике Н.М. Рубцова очень тесно связана семантика **сна**. Лексемы **сон, спит, дремлет, задремавшей, видение** входят в концепт «**Сон**», имеющий важное значение в концептосфере Н.М. Рубцова, в том числе в связи с концептом «**Родина**». Поэт часто изображает родину в состоянии сна: *Уж на часах двенадцать прозвонело, // И сон окутал родину мою...* («Звезда полей») [14]. В данном контексте слово **сон** используется без коннотаций, в отличие, например, от стихотворения «Тайна», где поэт использует словосочетание **сон золотой**, имеющее явно мелиоративную окраску. С помощью данной синтагмы Н.М. Рубцов стремился показать таинственность и красоту Родины, придать ей особый волшебный колорит. В произведении «Зимним вечером» лексема **задремала** как репрезентант концепта «**Сон**», напротив, имеет пейоративную окраску. Это доказывает и лексема **загрустила**, находящаяся в

одном контексте и образующая ассоциативный синонимический ряд: *Эх, Русь, Россия! // Что звону мало? // Что загрустила? // Что задремала?* («Зимним вечером») [14]. Лексема **задремавшей** в стихотворении «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» выражает ирреальность происходящего: лирический герой движется по родине во времени – от прошлого к настоящему. Похожий мотив мы находим в стихотворении «Видения на холме», где лексема **видение** изображает картину прозрения лирического героя, увидевшего с высоты обычного холма великие события отечественной истории. Таким образом, концепт «**Сон**» в лирике Н.М. Рубцова имеет богатую семантику, насыщенную ассоциациями.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что языковая картина мира Н.М. Рубцова включает концепты «**Родина**», «**Природа**», «**Свет**», «**Грусть**», «**Покой**», «**Сон**» и др. Главным является концепт «**Родина**», выражающий основную тему творчества поэта. Периферия данного концепта содержит богатую ассоциативную зону.

Библиографический список

1. Беспалова О.В. *Концептосфера поэзии Н.С. Гумилёва в её лексическом представлении*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Санкт-Петербург, 2002.
2. Бычкова Т.А. *Концепт «жизнь-смерть» в идиолекте Михаила Зощенко*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Казань, 2004.
3. Габдуллина С.Р. *Концепт ДОМ / РОДИНА и его словесное воплощение в индивидуальном стиле М. Цветаевой и поэзии русского зарубежья первой волны (сопоставительный аспект)*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Москва, 2004.
4. Погосян Р.Г. *Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба*. Георгиевск: ГТИ СевКавГТУ, 2007.
5. Пустовалова А.А. *Концепт «природа» в системе языковой образности поэзии Н. Рубцова*. Диссертация ... кандидата филологических наук. Тамбов, 2009.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. *Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях*. Воронеж, 1999.
7. Воркачёв С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании. *Филологические науки*. 2001; 1: 64 – 72.
8. Колесов В.В. *Философия русского слова*. Санкт-Петербург, 2002.
9. Степанов Ю.С. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва, 1997.
10. Миллер Л.В. Художественный концепт как смысловая и эстетическая категория. *Мир русского слова*. 2000; 4: 39 – 45.
11. Зализняк А.А., Левонтина И.Б., Шмелёв А.Д. *Ключевые идеи русской языковой картины мира*. Москва, 2005.
12. Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка: в 4-х томах*. Москва, 1987; Том IV.
13. *Словарь русского языка: в 4-х томах*. Под ред. А.П. Евгеньевой. АН СССР, Институт русского языка. Москва, 1985-1988.
14. *Душа хранит: жизнь и поэзия Николая Рубцова*. Available at: http://rubtsov.id.ru/poetry/cont_poetry.htm

References

1. Bespalova O.V. *Konceptosfera po'ezii N.S. Gumileva v ee leksicheskom predstavlennii*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Sankt-Peterburg, 2002.
2. Bychkova T.A. *Koncept «zhizn'-smert'» v idiolekte Mihaila Zoschenko*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Kazan', 2004.
3. Gabdullina S.R. *Koncept DOM / RODINA i ego slovesnoe voploschenie v individual'nom stile M. Cvetaevoy i po'ezii russkogo zarubezh'ya pervoy volny (sopostavitel'nyj aspekt)*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Moskva, 2004.
4. Pogosyan R.G. *Koncept «sud'ba» i ego yazykovoe vyrazhenie v po'eticheskom tekste F.K. Sologuba*. Georgievsk: GTI SevKavGTU, 2007.
5. Pustovalova A.A. *Koncept «priroda» v sisteme yazykovoj obraznosti po'ezii N. Rubcova*. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Tambov, 2009.
6. Popova Z.D., Sternin I.A. *Ponyatie «koncept» v lingvisticheskikh issledovaniyah*. Voronezh, 1999.
7. Vorkachev S.G. Lingvokulturologiya, yazykovaya lichnost', koncept: stanovlenie antropocentricheskoy paradigmy v yazykoznanii. *Filologicheskie nauki*. 2001; 1: 64 – 72.
8. Kolesov V.V. *Filosofiya russkogo slova*. Sankt-Peterburg, 2002.
9. Stepanov Yu.S. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury*. Moskva, 1997.
10. Miller L.V. *Hudozhestvennyj koncept kak smyslovaya i esteticheskaya kategoriya*. *Mir russkogo slova*. 2000; 4: 39 – 45.
11. Zaliznyak A.A., Levontina I.B., Shmelev A.D. *Klyuchevye idei russkoj yazykovoj kartiny mira*. Moskva, 2005.
12. Fasmer M. *Etimologicheskij slovar' russkogo yazyka: v 4-h tomah*. Moskva, 1987; Tom IV.
13. *Slovar' russkogo yazyka: v 4-h tomah*. Pod red. A.P. Evgen'evoj. AN SSSR, Institut russkogo yazyka. Moskva, 1985-1988.
14. *Dusha hranit: zhizn' i po'eziya Nikolaya Rubcova*. Available at: http://rubtsov.id.ru/poetry/cont_poetry.htm

Статья поступила в редакцию 13.02.15

УДК 82-5

Suhoterina T.P., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: tatsu81@mail.ru

HYPER GENRE OF NATURAL WRITTEN RUSSIAN SPEECH “CONGRATULATION” AS A PHENOMENON OF PHATIC COMMUNICATION. The paper is devoted to consideration of a hyper genre of natural written Russian speech “congratulation” as a phenomenon of phatic communication. Consideration of genre characteristics of congratulation is carried out taking into account environment, in which there are producers of texts. Congratulation is understood as a genre form of manifestation of social environment, which can be treated as realization of human creativity and freedom, in which connection culture national, but not elite. As any other phatic genre, the hyper genre of “congratulation” has a certain sign sense, which is characterized by the relation, recognition / non-recognition, the status relations between communicants and so on. Functioning in the conditions of a holiday, the hyper genre of congratulation performs a big semiotics loading. The paper give a definition of a hyper genre. The hyper genre of congratulation is first of all a symbol of value.

Key words: natural written Russian speech, hyper genre of “congratulation”, communicative and semiotics model, phatic purpose.

Т.П. Сухотерина, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: tatsu81@mail.ru

ГИПЕРЖАНР ЕСТЕСТВЕННОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ «ПОЗДРАВЛЕНИЕ» КАК ЯВЛЕНИЕ ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению гипержанра естественной письменной речи «поздравление» как явления фатической коммуникации. Рассмотрение жанровых характеристик «поздравления» осуществляется с учётом среды, в которой находятся продуценты текстов. «Поздравление» является проявлением культуры общества, которую можно понимать как реализацию человеческого творчества и свободы, причём культуры народной, а не элитарной. Как и любой фатический жанр, гипержанр «поздравление» имеет определённый знаковый смысл, характеризует отношение, признание/непризнание, статусные отношения между коммуникантами и проч. Функционируя в обстановке праздника, «поздравление» несёт на себе большую семиотическую нагрузку.

Ключевые слова: естественная письменная речь, гипержанр «поздравление», коммуникативно-семиотическая модель, фатическая цель.

Задачей настоящей статьи является рассмотрение гипержанра естественной письменной речи «поздравление» в рамках фатической коммуникации. Термином «поздравление» обозначаются тексты, различные по внешнему оформлению, но имеющие одинаковое содержание, включающие поздравление (и в большинстве случаев пожелания), выполненные на разных субстратах, объединённые одной интенцией [1, с. 67]. Народная культура выработала различные виды «поздравления»: альбомы, поздравительные газеты, включающие поздравление, надписи на подарочных вещах и проч., выбор которых продуцентом свидетельствует об особом проявлении коммуникативности, учёте интересов, близости/отдалённости адресата, о типе отношений между коммуникантами. Продуценты текстов пишут часто в свободной манере, в которой соотносятся реализация текста и личностное начало, являющееся важнейшим стимулом речевой деятельности. «Поздравление» функционирует в сфере подготовленного, полуофициального, неофициального/официального общения. Праздничный модус, фатическая коммуникация, функционирование в ситуации праздника являются важной составляющей частью «поздравления».

Гипержанр «поздравление» и входящие в его состав жанры «поздравительная открытка», «поздравительная записка», «валентинка», «поздравительный коллаж» и др. функционируют в обстановке праздника, а следовательно, содержат в себе большую семиотическую нагрузку, поскольку все, что связано с праздником, максимально семиотично, символично. Факт сохранения на протяжении нескольких веков традиции написания «поздравления» поддерживается стремлением человека занять свое место в этом мире, оставить о себе след, воспоминание, освоить новое пространство. Продуцент поздравительного текста пользуется знаковыми системами: языковой, символической, средствами которых он может маркировать своё место в социальном окружении. Функционируя в социальном пространстве, «поздравление» имеет свою знаковую систему. Гипержанр «поздравление» как явление фатической коммуникации представляет семиотическое явление – знак, который по своей сущности является ценностью. Функционирование «поздравления» сопровождается, с одной стороны, соблюдением кодифицированных знаков культуры, с другой – стремлением к непосредственности, индивидуальности. Коммуникативное поведение в гипержанре «поздравление» обусловлено меньшей степенью спонтанности, в отличие от других жанров естественной письменной речи (таких, как *граффити*, *записка*, *книга жалоб и предложений* и др.), продуцент в некоторой степени ограничен рамками праздничной коммуникации, поэтому он актуализирует в тексте «поздравления» внешнюю красоту, «приукрашенность», а также содержание, выражение своего хорошего отношения к адресату. «Поздравление» как явление ритуально-праздничной, этикетной культуры представляет собой комплекс ритуалов, ценностей, устоев, норм, предполагающих соблюдение определённых господствующих стереотипов поведения.

Гипержанр «поздравление» представляет собой особый специфический вид празднично-фатической коммуникации, народной культуры, отражающей национальные особенности; это народное творчество, способ самовыражения человека. Гипержанр «поздравление» функционирует в привычных формах общения между людьми, выработанных культурой, является традицией, элементом социального и культурного наследия, ценностью, общественно-установленной нормой поведения; он

также выступает универсальным «настройщиком» эмоционального фона. «Поздравление» выполняет институциональную функцию, это явление принято в русской культуре, обществе. По мнению В.А. Масловой, «... в каждой культуре поведение людей регулируется представлениями о том, как человеку полагается вести себя в типичных ситуациях в соответствии с социальными ролями» [2, с. 74]. Согласно такому подходу, «поздравление», являясь этикетным жанром, выступает способом социального взаимодействия людей, главным признаком которого являются этикетные формулы. Поздравительный дискурс – это возможность для автора выразиться, эмоционально раскрепоститься.

Как разновидность естественной письменной речи гипержанр «поздравление» представляет собой в некоторой степени стандартизованный жанр. Стандартизованность речевого оформления гипержанра «поздравление» связана с соблюдением этикетных норм, ритуальностью отношений к праздничной дате.

Под стандартом (стереотипом, речевым клише) понимается «стилистически окрашенное средство речи, отложившееся в коллективном сознании носителей данного языка как устойчивый, «готовый к употреблению» и потому наиболее «удобный» знак для выражения определённого внеязыкового содержания» [3, с. 588]. При условии частого и регулярного употребления в разряд речевых клише переходят различные единицы – от слова до предложения и высказывания. Лексические и синтаксические единицы, получившие статус стандартных обозначений в определённой сфере общения, закрепляются в ней в одном из своих значений и поэтому воспроизводятся и понимаются в нём автоматически. Стандартные элементы – жёсткие, по выражению А.П. Ершова, средства выражения – ориентированы на адресата и служат удовлетворению потребности обеспечить быстрое и точное взаимопонимание между участниками общения, принадлежащими к одной денотативной сфере [4, с. 7].

В наибольшей степени стандартизованность обнаруживается в конструкциях вводной и заключительной частей гипержанра «поздравление», в строгом соблюдении композиционного построения, в выборе для поздравления преимущественно поздравительной открытки. Стандартизованность также проявляется и в содержательной части текста поздравления, где минимально проявляются индивидуальные особенности пишущего, отсутствуют паравербальные элементы, текст поздравления не совсем ярко отражает отношение автора к адресату.

Стандартизованность языковых элементов композиционной части «поздравления» проявляется в использовании языковых клише (в 26,3% исследованных поздравительных текстов): *Поздравляю с праздником, желаю счастья, здоровья, удачи. Поздравляю с Днём Рождения! Желаю здоровья, счастья, хорошего настроения. Поздравляем с профессиональным праздником! Желаем хорошего настроения, добра, света, счастья и всего наилучшего!*

Стандартные языковые формулы, характеризующиеся широким использованием речевых клише, – это обращение, поздравление, заключительная часть. К более вариативным частям «поздравления» относятся пожелания, характеризующиеся более свободной организацией, включающей всевозможные пласты лексики, эмоционально-оценочные выражения, проявлением авторской индивидуальности, варьируемые в определённых пределах.

Речевые стереотипы наиболее ярко проявляются в официальных «поздравлениях» (преимущественно в поздравительных

открытках), что подчеркивает официальный характер отношений между автором и адресатом.

«Поздравление» как гипержанр характеризуется признаками, позволяющими относить его к жанрам естественной письменной речи (письменная форма, спонтанность, непрофессиональность исполнения). Однако признак спонтанности, как отмечалось выше, в «поздравлении» ослаблен, поскольку в процессе создания «поздравления» (поздравительная открытка, поздравительный альбом, поздравительный «плакат» и проч.) имеется некоторая доля подготовленности. Продукт «поздравления» имеет возможность продумать текст поздравления, красочно оформить его и т.д. Ослабленный признак спонтанности, с одной стороны, способствует творческому оформлению (стремление автора к креативности), с другой стороны, обретает искусственную форму (подготовленность, стремление к искусственной письменной речи).

Яркой чертой «поздравления» как гипержанра празднично-фатической коммуникации является красочность, креолизованность. Однако степень креолизованности отличается в разновидностях «поздравления», обуславливается возрастными характеристиками автора. Так, преимущественно креолизованными являются тексты, созданные авторами детской (7,8%), молодежной (28,4%) групп. Менее креолизованными являются тексты взрослых, некреолизованными – тексты пожилых авторов. Для креолизации используются рисунки, параграфемные элементы, разнообразная цветовая гамма пишущих средств.

Таким образом, продукт «поздравления» представляется эмоциональным, экспрессивным креолистом, создающим креолизованные тексты поздравлений, соблюдающим этикетную формулу. «Поздравление» – это этикетный речевой гипержанр, цель которого – осуществление особого события в социальной сфере, предусмотренного этикетом данного социума. Несомненно, первейшей и важнейшей целью общения является коммуникативная, где реализуется основная функция языка – служить орудием общения, то есть орудием обмена мыслями, «быть важнейшим средством человеческого общения» [3, с. 264].

Среди многих, обозначенных исследователями функций языка, реализующих определённые цели высказывания, Т.Г. Винокур предложила выделить и противопоставить две основные: «фатическую» и «информативную» [5]. «Фатика» понимается Т.Г. Винокур как вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение. Генеральной фатической интенцией является удовлетворение потребности в общении – кооперативном или конфликтном, с разными формами, тональностью, отношениями (степенью близости) между коммуникантами. «Информатика» понимается как вступление в общение, имеющее целью сообщение чего-либо [5]. Согласно В.В. Деметьеву, каждый из этих двух, наиболее общих коммуникативных замыслов «задаёт набор более частных коммуникативных интенций» [6, с. 37]. Придерживаясь распространённой точки зрения, информативный замысел лежит в основе всех информативных РЖ, фатический замысел – в основе фатических РЖ.

Для установления целевого параметра «поздравлений» исследуемые тексты сопоставлялись и анализировались по наличию/отсутствию в них какой-либо информации, выделялись тексты информативные и неинформативные (под информативностью понимается проведение «различных операций с информацией; её предъявление или запрос, подтверждение или опровержение» [7, с. 91]).

«Поздравление» представляет собой вид речевой фатической коммуникации, осуществляемой между участниками в условиях пространственно-временной разделённости посредством письменной формы речи с целью осуществления межличностного взаимодействия, поэтому главенствующую роль в «поздравлении» играет фатическая функция, соответствующая контакту адресата и адресанта, которая приводит «в соприкосновение не практические интересы, а внутренние миры людей... Чередуясь и объединяясь, фрагменты внутреннего проговаривания, даже не сцепляясь друг с другом и не образуя тематического единства, создают не собственно диалогический вид коммуникации, в котором адресованность проистекает из внешних по отношению к содержанию сообщения целей. Если собеседники близки друг другу, экстернизация их мыслей поддерживает психологический унисон» [8, с. 364]. Таким образом, поддерживается психологическое сотрудничество коммуникантов. Фатическая речь поздравления включает коннотивную функцию вступления в контакт, его поддержку, завершение контакта. Фатическая речь – это

область речевого этикета. Фатическую функцию «поздравления» мы, согласно Т.Г. Винокур, понимаем как вступление в общение, имеющее целью предпочтительно само общение. Фатическое речевое поведение в «поздравлении» (воплощенное, в частности, в фатической функции «поздравить») – это также один из способов разделения коммуникантов на «своих/чужих», роль определителя при этом играют употребляемые автором слова, символы, понимание которых наряду с соответствием невербальным элементам культурного кода (стереотипы поведения, оформления, нормы и ценности) обеспечивает успешное вхождение в праздничный мир «поздравления».

В гипержанре «поздравление» наблюдается варьирование функций. Выделяется доминантная фатическая функция – поздравить, с разновидностями этикетной, контактоустанавливающей, контактоподдерживающей и прагматической, которая детерминирует остальные: аппеллятивная, условно-императивная, экспрессивно-эмоциональная; информативная, эстетическая, игровая функции, которые являются периферийными и вариативными.

Анализ гипержанра «поздравление» показал, что тексты поздравлений относятся к текстам фатической иллокутивной направленности (97,3%). Фатическое речевое поведение предполагает «понимание не только смысла высказывания, сколько понимания человека» [5, с. 157]. Своим существованием оно обязано «фактору адресата», а также взаимообусловленной адресат-адресантной заинтересованности в установлении определённых связей и не в последнюю очередь – связей, объединяющих в социальную-групповую общность (например, мир поздравительной открытки). Фатическая речь «поздравления» включает коннотивную функцию вступления в контакт, его поддержку. Фатическая речь – это область речевого этикета.

Если рассматривать гипержанр «поздравление» как форму проявления народной культуры, как традицию, ритуал, то «поздравление» будет выступать соответственно средством хранения и передачи культурной информации, отражением традиций социума. В ходе анализа выявились тексты поздравлений, в содержании которых обнаруживается информация, имеющая разный характер. В отличие от письма или бытовой записки в «поздравлении» информация представлена минимально. Однако это вовсе не означает, что отсутствие информации отрицательно сказывается на содержании текста поздравления. Общение посредством «поздравления» идёт не ради сообщения информации (это прерогатива других жанров естественной письменной речи (например, *письмо, записка*)), а ради установления и поддержания контакта. Но в некоторых исследуемых текстах поздравлений – в 6,3% поздравительных текстов содержится информация, то есть наблюдается синкретизм функций («поздравление» выполняет фатико-информативную функцию). Например, поздравительная открытка: *Здравствуйте, дорогие наши Борис, Маша и вся ваша семья. Сердечно поздравляем Вас с Новым, 1989 годом, Желаем всех благ, а главное здоровья. И пусть вас не покидает надежда и вера в лучшее Боря, твоё письмо получили, спасибо. Обиделся ты зря, так как эту лидузу, когда мы пытались купить и достать, то так и не получилось. Маму оперировали на аорте в Ленинграде и там ей достали (так как вроде там её делают) и провели курс, а больше не удалось. Что тут поделать, не всё в наших силах. Как ваши сыновья? Есть ли изменения в жизни? Пиши иногда, расщедрись. У меня пока всё на том уровне, что писала. Обнимаю вас. Галя.*

Признак информативности является вариативным (это периферийная функция «поздравления»). Такие тексты характерны для *поздравительных открыток, поздравительных газет, поздравительных записок* (2,7%), что, на наш взгляд, объясняется фактом того, что, к примеру, открытка у своих истоков была открытым письмом. В подобных поздравительных открытках наблюдается синкретизм жанров: поздравительная открытка и письмо, для которого информативная функция является доминантной. Признаки письма в подобных поздравительных открытках следующие:

- 1) Трёхчастная структура: обращение-приветствие, основная часть, концовка;
- 2) информативная функция, то есть автор сообщает адресату какую-либо информацию.

Например: *Здравствуй, Дорогая, славная моя Ниночка, сердечно поздравляю тебя и семью с Новым годом!!!!...Роденькая моя, я очень болела 2 недели, была на б/л. Очень хочется выкабкаться к Новому году!!! Лена.*

Наличие информации в *поздравительной записке* обусловлено тем, что *записка* – это короткое письмо, по своему основному предназначению призвана удовлетворять потребность в общении и сообщении информации здесь и сейчас, имеющей важное значение на момент написания записки.

Таким образом, по реализации в «поздравлении» информативной цели смежным РЖ ЕПРР будет являться *записка, письмо* и др. В некоторых *поздравительных открытках* помимо текста поздравления выделяются такие фатические коммуникативные функции, как просьба, приглашение, извинение. Приведем ряд примеров.

Просьба: Люсенька, милая, здравствуй! Поздравляю тебя и всю твою семью с праздником весны и труда... Отзовись, напиши хоть пару строк о себе.

Извинение: Дорогая Наташенька! Поздравляю тебя с Новым годом. Желаю тебе крепкого здоровья, успехов в труде, отличного настроения и счастья в жизни. Извини, что долго молчу, ездила домой.

Приглашение: Уленька! Поздравляю тебя с днём 8-е марта. Желаю тебе наилучшего в жизни. Здоровья, личного счастья, успеха в учёбе, полного благополучия, радости. Приезжай на 8-е марта. Почему не попишешь? не звонишь? Я переживаю, в чём дело? Приезжай.

В коммуникативных установках автора «поздравления», как выяснилось в ходе анализа материала, прослеживается стрем-

ление к выражению своего отношения к адресату и происходящему в его жизни событию, способ речевого поведения, стремление к употреблению в текстах эмоционально-экспрессивной лексики, желание обрадовать адресата, сделать ему приятное, отметить его, выделить.

«Поздравление» – это этикетный гипержанр, основная цель которого – соблюдение этикета, принятого в обществе, вступление в контакт с адресатом ради самого адресата, ради того, чтобы выразить своё отношение, чувства к адресату. «Коммуникативно-прагматический подход позволяет вывести для высказываний, реализующих интенцию поздравления, следующую структуру фатической коммуникативной ситуации: Адресант – Речеконтекст – Адресат, в пресуппозиции которой есть цель данного речевого действия – сохранить контакт в нужной тональности, поддерживать тёплые, дружеские отношения с коммуникантом посредством выражения собственного эмоционального состояния» [9, с. 7].

Таким образом, основная цель гипержанра «поздравление» – писать, чтобы поздравить, чтобы выразить своё отношение, улучшить эмоциональное состояние адресата. На первое место выходит не сообщение информации, а установление контакта. Иницируемая автором фатическая интенция достигается различными, свойственными данной сфере общения, способами. В «поздравлении», как и в любом речевом жанре, предполагается достижение коммуникативных эффектов.

Библиографический список

1. Сухотерина Т.П. «Поздравление» как гипержанр естественной письменной русской речи. Диссертация ... кандидата филологических наук. Барнаул, 2007.
2. Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва, 2001.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. редактор В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990.
4. Ершов А.П. К методологии построения диалоговых систем: Феномен деловой прозы. *Вопросы кибернетики: общение с ЭВМ на естественном языке*. Москва, 1982: 3-19.
5. Винокур Т.Г. *Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения*. Москва: Наука, 2005.
6. Дементьев В.В. Фатические и информативные коммуникативные замыслы и коммуникативные интенции: проблемы коммуникативной компетенции и типология речевых жанров. *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997; Выпуск 1: 34 – 44.
7. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра. *Жанры речи*. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997; Выпуск 1: 88 – 99.
8. Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. Москва: Языки русской культуры, 1999.
9. Маринин Ю.Н. Речеконтекст «поздравления» (на материале текста *поздравительной открытки*). Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Волгоград, 1996.

References

1. Suhoterina T.P. «Pozdravlenie» kak giperzhanr estestvennoj pis'mennoj russkoj rechi. Dissertaciya ... kandidata filologicheskikh nauk. Barnaul, 2007.
2. Maslova V.A. *Lingvokulturologiya*. Moskva, 2001.
3. *Lingvisticheskij 'enciklopedicheskij slovar'*. Gl. redaktor V.N. Yarcova. Moskva: Sovetskaya 'enciklopediya, 1990.
4. Ershov A.P. K metodologii postroeniya dialogovykh sistem: Fenomen delovoy prozy. *Voprosy kibernetiki: obschenie s 'EVM na estestvennom yazyke*. Moskva, 1982: 3-19.
5. Vinokur T.G. *Govoryaschij i slushayuschij. Varianty rechevogo povedeniya*. Moskva: Nauka, 2005.
6. Dement'ev V.V. Faticheskie i informativnye kommunikativnye zamysly i kommunikativnye intencii: problemy kommunikativnoj kompetencii i tipologiya rechevykh zhanrov. *Zhanry rechi*. Saratov: GosUNC «Kolledzh», 1997; Vypusk 1: 34 – 44.
7. Shmeleva T.V. Model' rechevogo zhanra. *Zhanry rechi*. Saratov: GosUNC «Kolledzh», 1997; Vypusk 1: 88 – 99.
8. Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*. Moskva: Yazyki russkoj kul'tury, 1999.
9. Marinin Yu.N. *Rechekompleks «pozdravleniya» (na materiale teksta pozdravitel'noj otkrytki)*. Avtoreferat dissertacii ... kandidata filologicheskikh nauk. Volgograd, 1996.

Статья поступила в редакцию 16.03.15

УДК 81

Shpilnaya N.N., Cand. of (Philology), senior lecturer, Department of General and Russian Linguistics, Altai State Ped. University (Barnaul, Russia), E-mail: venata85@mail.ru

ON THE LINGUISTIC STATUS OF THE DIALOGUE TEXT. In this paper the researcher studies and defines the status of the dialogue text in a hierarchical system of language, taking into account the taxonomic relations the way they are treated within the framework of structural linguistics. The author also conducts the research in accordance with the modern concepts of a language as a dynamic system, whose dynamics develops due to its derivation nature. Using this approach, the author proves that it allows treating oppositions of dialogic texts as a set of integral and differential signs, including a sign and dialogic. According to the method of communication test, dialogic text is considered as a variant of the structural organization of the text. Using the methods of analysis for the constituents suggests that the dialogical text is an independent unit of language. In this paper we prove there is the possibility of considering the dialogic text as a derived unit of language.

Key words: dialogic text, monologue text, units of language.

Н.Н. Шпильная, канд. филол. наук, доц. каф. общего и русского языкознания ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет», г. Барнаул, E-mail: venata85@mail.ru

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ДИАЛОГИЧЕСКОГО ТЕКСТА

В работе с опорой на таксономические методики, сложившиеся в рамках структурной лингвистики, и с учётом современных представлений о языке как о динамической системе, динамика которой обусловлена его деривационной природой, определяется статус диалогического текста в иерархической системе языка. Использование методики оппозиций позволяет трактовать диалогический текст как совокупность интегральных и дифференциальных признаков, в числе которых и признак диалогичности. Согласно методике коммуникационной проверки, диалогический текст представляет собой вариант структурной организации текста. Использование методики анализа по непосредственным составляющим позволяет говорить о том, что диалогический текст – это самостоятельная единица языка. В работе доказывается возможность рассмотрения диалогического текста как производной единицы языка.

Ключевые слова: диалогический текст, монологический текст, единицы языка.

В связи с осознанием нового «после длительного периода господства “монологической” лингвистики и лингвистики монологического текста» [1, с. 305] объекта исследования – диалогического текста, возникла потребность определить лингвистический статус нового языко-речевого феномена. Как известно, теория диалога, или теория диалогического текста, сформировалась в отечественной лингвистике в рамках системно-структурной концепции языка – в конце 40-начале 50-х годов XX в. [2]. Несмотря на значительный интерес лингвистов к изучению диалогической речи и её продукта – диалогического текста, лингвистический статус последнего до сих пор не определён, не проясненным остается вопрос и о соотношении диалогического и монологического текстов. Какое место занимает диалогический текст в иерархической системе языка, является ли он самостоятельной единицей языка или он представляет собой вариант структурной организации текста – решению данных вопросов и посвящена настоящая статья.

Лингвистический статус диалогического текста определяется нами с опорой на таксономические методики, сложившиеся в рамках структурной лингвистики, и с учётом современных представлений о языке как динамической системы, динамика которой обусловлена действием внутренних источников развития языко-речевой материи. Начиная с Ф. де Соссюра, лингвистический статус речевого факта определялся, как правило, либо на основе методики анализа по непосредственным составляющим, либо на основе методики коммуникационной проверки, либо на основе методики оппозиций.

Диалогичность и монологичность как дифференциальные (экстралингвистические) признаки текста. Одна из первых попыток определить лингвистический статус диалогического текста (диалогической речи) была предпринята А.А. Холодовичем в работе «О типологии речи» [3], в которой текст интерпретируется как совокупность дифференциальных признаков; в числе последних выделяются и такие признаки, как диалогичность и монологичность. Используя методику оппозиций, учёный выделяет пять оппозитивных признаков, позволяющих дифференцировать один текст от другого: средство выражения, коммуникативность, ориентированность, квантикативность и контактность речевого акта. На основе пересечения данных признаков, как отмечает А.А. Холодович, можно построить типологию речи, включающую 32 типа речевого поведения и, как следствие, 32 типа текста, каждый из которых будет характеризоваться своим набором дифференциальных признаков на уровне формы и содержания.

Первый признак – средство выражения речевого акта – принимает три значения: звук, письменный знак и жест, при этом под жестом понимается супraseгментный элемент, который лишь в некоторых случаях приобретает автономную роль. Как следствие, данный признак является двужначным, а не трёхзначным.

Второй признак – коммуникативность речевого акта – принимает два значения: отсутствие коммуникативности и наличие коммуникативности. В первом случае речевой акт осуществляется, но отсутствует партнер, его присутствие не предполагается; такой речевой акт называется некоммуникативным, или монологическим. А во втором случае партнер налицо и, таким образом, имеет место ситуация «говорение/написание – слушание/чтение». В последнем случае имеет место коммуникативный речевой акт, или «немонологический» (но не диалогический).

В рамках третьего признака дифференциации речевого акта – его ориентированности – различаются переходные и взаимные речевые акты. Переходные речевые акты – это акты, в которых участвует только одна сторона: один только говорит или пишет, другой только слушает или читает. Взаимные речевые акты – это речевые акты, в которых участвуют обе стороны попеременно. Взаимные речевые акты автор и называет диалогом.

Согласно четвертому признаку – квантикативности, или потенциалу речевого акта, – А.А. Холодович предлагает различать речевые акты индивидуального характера и речевые акты массового характера. Речевые акты индивидуального характера – это речевые акты, ориентированные на одного человека, а речевые акты массового характера – это речевые акты, ориентированные на множество людей. При этом индивидуальные речевые акты имеют несколько разновидностей: реплицирование, разговор (его конститутивный признак – наличие определённого сквозного содержания при многократном обмене репликами) и беседа. К разновидностям массовых речевых актов относят политическое, академическое и пр. виды красноречия.

Контактность речевого акта – пятый признак идентификации речевого поведения – принимает два значения: наличие контактности и отсутствие контактности (наличие дистантности). Контактный речевой акт – это речевой акт, при котором адресат находится в поле зрения говорящего, в противном случае речевой акт дистантен. Примерами дистантного речевого акта могут служить беседа по телефону, переписка и пр.

Как видим, диалогичность и монологичность как дифференциальные признаки текста не образуют антиномическую пару; другими словами, монологичность текста не противопоставляется его диалогичности – каждый из данных признаков характеризуется наличием другого члена в оппозиции дискурсивных признаков. Монологическим (некоммуникативным, по терминологии автора) считается текст, который создается в ситуации, не предполагающей адресата, а диалогическим – текст, который создается в ситуации попеременного обмена репликами носителя языка. Его отличительной чертой является наличие вербализованной реакции адресата на речевое произведение адресанта, при отсутствии таковой текст квалифицируется как непреходный.

Исходя из сказанного, можно выделить 16 типов текстов, соотносимых с признаком диалогичности (взаимных речевых актов). Так, взаимные речевые акты могут быть 1) звуковыми или письменными, 2) коммуникативными или некоммуникативными, 3) индивидуальными или массовыми, 4) контактными или дистантными. Иначе говоря, можно выделить 16 типов текстов, обладающих признаком диалогичности (= диалогических текстов).

Предлагаемый А.А. Холодовичем подход к определению лингвистического статуса диалогического текста позволяет показать изоморфизм между бинарной моделью коммуникации и бинарным принципом актуализации языковых единиц. Иными словами, экстралингвистические дифференциальные признаки становятся основой для типологизации представлений о тексте как пучке дискурсивных признаков, которые определяют его существование как самостоятельной единицы языка-речи. Аналогично: дифференциальные признаки фонемы, являющиеся акустическими и артикуляционными признаками (шумность, сонорность, твердость, мягкость и пр.), являются в то же время фонологически (функционально) релевантными признаками, позволяющими дифференцировать одно «звуковое представление» от другого.

Диалогический текст и монологический текст как варианты реализации структурной организации текста. Наиболее распространенной в лингвистике является точка зрения, согласно которой *диалогический текст* и *монологический текст* противопоставлены как варианты реализации структурной организации *текста* – единицы текстового яруса языковой системы, представляющей собой текстотип, имеющий определённые принципы организации и реализующийся в речи в виде конкретного экземпляра – *текстового экземпляра*, актуализация которого позиционно обусловлена. Экстралингвистическая обусловленность двух вариантов актуализации текста как еди-

ницы языка определяется их распределением между сферами общения – научной, официально-деловой, публицистической, художественной – для монологического текста; разговорной и художественной – для диалогического текста.

Подобное понимание статуса диалогического текста, по всей видимости, объясняется осознанием того, что последний представляет собой форму функционирования языка, то есть особую композиционно-речевую (внешнюю) форму организации текста. Так, считается, что монологический текст – это вариант текста, структурная организация которого отражает одну точку зрения, а диалогический текст – это вариант текста, структурная организация которого отражает различные точки зрения [4]. Иными словами, утверждается, что в реальной действительности мы имеем дело с текстом как языковой единицей, способ структурной организации внешней формы которой при её актуализации [единицы] может быть либо монофоническим, либо диафоническим. Отсюда два варианта речевого воплощения текста – монологический текст, представляющий собой единичное цельное высказывание, и диалогический текст, представляющий собой цельное, но не единичное высказывание.

Выделение диалогического текста в качестве варианта структурной организации текста стало возможным в силу применения *методики коммуникационной проверки*, сложившейся в общем виде в трудах датских лингвистов и предполагающей учёт соотношения плана содержания и плана выражения в пределах языковой единицы в синтагматической цепи. В общем виде методика коммуникационной проверки, применяемая в основном при исследовании фонемного яруса языковой системы, формулируется следующим образом: «... если в звуковой последовательности АВ оба элемента А и В или один из этих элементов (либо А, либо В) не могут быть заменены другим элементом, в том числе и нулевым, то АВ является реализацией одной фонемы; в противном случае комплекс АВ может рассматриваться как реализации двуфонемного сочетания» [5, с. 183].

Согласно данному правилу, диалогический текст, представленный в речевой цепи в виде последовательности двух элементов А и В, рассматривается как реализация одного текстотипа, так как элементы А и В могут быть заменены другими элементами (см. табл. 1).

Лингвистический статус диалогического текста
(согласно методике коммуникационной проверки)

А – первая реплика	В – вторая реплика
вопрос	ответ / уточняющий вопрос / переспрос
просьба	согласие или отказ / уточняющий вопрос / переспрос
требование	согласие или отказ / уточняющий вопрос / переспрос
утверждение	подтверждение / уточняющий вопрос / переспрос

Очевидно, что отношения между монологическим текстом и диалогическим текстом в таком случае подобны отношениям между монофтонгами и дифтонгами как вариантами реализации звукотипа – фонемы, где дифтонг, представляющий собой отдельный самостоятельный звук, а не комбинацию образующих его звуков, – это тем не менее сочетание монофтоном, а не самостоятельная фонема (не бифонема). Хотя вопрос этот, как показывает анализ литературы, остается до сих пор открытым.

В рамках указанного подхода нередко признается, что актуализация монологического текста сопряжена с его соотносённостью с другим текстом, что служит доказательством его структурной неоднородности – наличием в его структуре «призвучков» других монологических текстов. Ср. с понятием *дифтонгоид*.

Диалогический текст и монологический текст как самостоятельные языковые единицы. Наряду с указанными, в лингвистической литературе высказывается и другая точка зрения, согласно которой диалогический текст – это самостоятельная языковая единица, единица, выделяемая по принципу синтагматики (*и... и*) (ср. *синтагматическое единство*, по Ф. де Соссюру), тогда как монологический текст, будучи самостоятельной языковой единицей, выделяется по принципам парадигматики (*или... или*). Так реализуется образ языка как шахматной доски, «где горизонтальные линии – синтагмы, а вер-

тикальные линии – парадигмы» [6, с. 153].

Комбинаторный принцип организации языковых единиц, предполагающий возможность их воспроизводства/производства в силу того, что правила комбинации учитывают принятое в данном языке «поведение» языковых единиц как членов тех или иных парадигм в одних и тех же синтагмах, даёт основание говорить о том, что схемы и правила создания языковых единиц также являются единицами языка (единицами языкового знания, по Н. Хомскому). Ср. с высказыванием В.М. Солнцева: «Мы храним не сам чувственно осязаемый материальный знак, а храним в своей памяти обобщённый идеальный образ этого знака, а также умение и навык в нужный момент «сделать» этот знак. Иначе говоря, мы храним не сами реальные знаки, а их абстрактную форму, знание о них» [7, с. 17]. Иными словами, связанные по принципу бинарности языковые единицы образуют не только конкретные, но и абстрактные синтагмы, построенные в соответствии с законами сочетаемости языковых единиц, объективно закреплённых в языковой системе.

Синтагматический принцип выделения языковых единиц, противопоставленный парадигматическому (инвентарному) принципу, предполагает учёт реальной коммуникативной (функциональной) нагрузки единиц языка. Иными словами, если с точки зрения языковой статистики (парадигматики) основными элементами языка являются лексемы, морфемы, синтаксические конструкции, то с точки зрения динамики языка (синтагматики) «минимальной языковой единицей, функционирующей в реальном процессе коммуникации, является текст, состоящий из двух структурно соподчинённых единиц, в его самой элементарной форме – из двух высказываний в виде вопроса и ответа» [8, с. 89]. В числе синтагматических единиц языка наряду с диалогическим текстом (диалогом) может быть выделен, например, слог.

Что касается производного слова и морфемы, то они являются единицами языка, выделяемыми не с парадигматико-синтагматических позиций, а с эпидигматических позиций: производное слово отражает правила интерпретации лексем, а морфонема – правила комбинаторного взаимоприспособления морфем (фономорфем).

Осознание диалогического текста в качестве самостоятельной единицы языка соотносится с **методикой анализа по**

Таблица 1

непосредственно составляющим, которая была впервые использована Л. Блумфилдом при описании языков американских индейцев. Как известно, одним из теоретических положений методики непосредственных составляющих является положение, согласно которому языковые единицы, реализуясь в линейной последовательности, связаны попарно, по принципу бинарности [9, с. 446]. Это означает, что и на уровне абстрактной синтагмы данные единицы связаны определёнными правилами сочетаемости.

Согласно указанной логике, диалогический текст предстаёт как единица языка, образуемая особым типом синтаксической связи между монологическими текстами, которую условно можно обозначить как управление, при котором форма зависимого монологического текста определяется формой исходного монологического текста. Специфика диалогического текста в этом смысле заключается в том, что он предстаёт как синтагматическая комбинация монологических текстов, опосредованных меной субъектов речи. При этом монологические тексты, занимающие одно и то же место в абстрактной синтагме, составляют парадигму. Кроме того, комбинированные монологические тексты обладают интегративным значением, не сводимым к сумме выражаемых ими значений, что позволяет квалифицировать диалогический текст в качестве самостоятельной единицы языка. Сказанное со-

гласуется с положением, согласно которому **условием перехода одной единицы в разряд другой является наличие определённого присущего (приобретаемого) ей значения, которое не сводится к сумме значений составляющих её единиц** [10, с. 129 – 140]. Иными словами, языковой знак-интегрант представлен в речевой цепи как минимум двумя субзнаками, каждый из которых имеет своё значение.

и др., а актуальный – с конкретным воплощением «новой» языковой единицы.

Специфика диалогического текста как производной языковой единицы заключается в том, что он существует в двух измерениях – на дотекстовом уровне, то есть уровне абстрактного языкового функционирования (уровне дискурсивной организации диалогического текста) и на текстовом уровне – как верба-

Таблица 2

Лингвистический статус диалогического текста
(согласно методике анализа по непосредственным составляющим)

Парадигмы	Первая реплика	Вторая реплика	Синтагма
	вопрос	ответ	
	просьба	отказ/согласие	
	требование	отказ/согласие	
	утверждение	подтверждение/возражение	

Будучи единицей языка, диалогический текст репрезентируется в речи в виде *диалогического дискурса* – синтагматической последовательности монологических текстов, актуализация которых определяется сферой общения (позицией употребления), ср.: медицинский дискурс, политический дискурс, образовательный дискурс и пр. Данные разновидности дискурса предстают как варианты (оттенки) диалогического текста (ср.: *слог – фонема – фон – аллофон*).

Диалогический текст как производная единица языка. Монологический текст как план выражения диалогического текста. Новый виток развития науки о языке способствовал появлению деривационных моделей представления диалогического текста, который, однако, уже моделируется не в «статичных», а в «процессуальных» терминах [11; 12]. Деривационная сущность подобен производному слову и морфеме. Это означает, что комбинаторные отношения между языковыми единицами описываются уже не как синтагматические, линейно упорядоченные, и парадигматические, номинативно упорядоченные (находящиеся в отношениях парадигматики единицы языка обладают смысловоразличительной функцией), а как суппозиционно связанные, основанные на ассоциативно-вербальной потенции языкового знака. В таком случае диалогический текст – это производная единица языка, возникающая вследствие комбинаторного соподчинения текста-объекта и текста-цели в языко-речевой цепи, при котором наблюдается процесс их формального (формально-интерпретационного) взаимоприспособления друг к другу. Отдельные наблюдения о формальной взаимоподгонке реплик в структуре диалогического текста отражены в научных исследованиях [13; 14].

Значимым для деривационной грамматики является положение о двух уровнях функционирования языковых единиц – абстрактном и актуальном. При этом абстрактный уровень функционирования языковых единиц связывается с процессами их образования, среди которых контаминация, компрессия, универбализация, метафоризация, конверсия

лизованный продукт. Охарактеризуем в общих чертах каждый из данных уровней.

1. На *дотекстовом уровне организации производного – диалогического – текста* (уровне абстрактного языкового функционирования) наблюдается **процесс имманентизации** текстообразовательной базы как исходного языкового материала в создаваемый текст по линии ее формального согласования с дериватором.

2. На *текстовом уровне организации производного – диалогического – текста* мы имеем дело со словесно оформленным текстом – единичным (экземплярным) текстом.

Таким образом, **монологический текст является планом выражения производного – диалогического – текста** и это вполне закономерно, так как он обладает смысловоразличительной функцией, обнаруживаемой в способности дифференцировать фрагменты внеязыковой действительности. Как известно, к числу единиц плана выражения также относятся фонема и морфема. Разница между ними заключается только в том, что фонема, как единица плана выражения, служит для различения плана выражения (звуковой) морфемы, а морфема, в свою очередь, дифференцирует план выражения лексемы, тогда как монологический текст служит для различения внеязыковых фрагментов, поскольку «имеет точный референт – ситуацию – не представляющий собой результат условного языкового членения» [15, с. 355].

Представление монологического текста в качестве единицы плана выражения соотносится с принципом экзemplарности, предполагающим единичную актуализацию языковых единиц. Подобные отношения характерны и для производного слова, которое также существует и на уровне абстрактного языкового функционирования (ср.: *способы словообразования*) и на уровне реального языкового функционирования (ср.: *производное слово как готовая единица, статус которой подобен лексеме как единице лексического уровня*).

Обобщая сказанное, отметим, что решение вопроса о лингвистическом статусе диалогического текста отнюдь не однозначно. Оно определяется исходными методологическими установками учёных, соотносимых (об установках) с тем или иным «образом языка».

Библиографический список

- Падучева Е.В. Прагматические аспекты связности диалога. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1982; Т. 41, № 4.
- Валюсинская З.В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. *Синтаксис текста*. Москва, 1979.
- Холодович А.А. О типологии речи. *Проблемы грамматической теории*. Ленинград, 1979.
- Валгина Н.С. *Теория текста*. Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/>
- Общее языкознание. Методы лингвистических исследований*. Москва, 1973.
- Рожественский Ю.В. *Общее языкознание*. Москва, 1990.
- Солнцев В.М. Языковой знак и его свойства. *Вопросы языкознания*. 1977; 2.
- Колшанский Г.В. От предложения к тексту. *Сущность, развитие и функции языка*. Москва, 1987.
- Хроленко А.Т., Бондалетов В.Д. *Теория языка*. Москва, 2004.
- Бенвенист Э. *Общая лингвистика*. Москва, 1974.
- Сметюк И.Н. *Диалогический текст: коммуникативно-динамический и лингводидактический аспекты (на материале английского и русского языков)*. Автореферат диссертации ... кандидата филологических наук. Пермь, 1994.
- Макаров М.Л. Деривация диалога. *Деривация в речевой деятельности*. Пермь, 1990.
- Арутюнова Н.Д. Диалогическая цитация (к проблеме чужой речи). *Вопросы языкознания*. 1986; 1.

14. *Диалогическая речь – основы и процесс. I международный симпозиум: доклады и выступления.* Йена (ГДР), 8-10 июня 1978 г. Тбилиси, 1980.
15. Гак В.Г. Высказывание и ситуация. *Проблемы структурной лингвистики.* 1972. Москва, 1973.

References

1. Paducheva E.V. Pragmatische aspekty svyaznosti dialoga. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka.* 1982; T. 41, № 4.
2. Valyusinskaya Z.V. Voprosy izucheniya dialoga v rabotah sovetskikh lingvistov. *Sintaksis teksta.* Moskva, 1979.
3. Holodovich A.A. O tipologii rechi. *Problemy grammaticheskoy teorii.* Leningrad, 1979.
4. Valgina N.S. *Teoriya teksta.* Available at: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook029/01/>
5. *Obschee yazykoznanie. Metody lingvisticheskikh issledovaniy.* Moskva, 1973.
6. Rozhdestvenskiy Yu.V. *Obschee yazykoznanie.* Moskva, 1990.
7. Solncev V.M. Yazykovoy znak i ego svoystva. *Voprosy yazykoznaniiya.* 1977; 2.
8. Kolshanskiy G.V. Ot predlozheniya k tekstu. *Suschnost', razvitiye i funktsii yazyka.* Moskva, 1987.
9. Hrolenko A.T., Bondaletoy V.D. *Teoriya yazyka.* Moskva, 2004.
10. Benvenist E. *Obschaya lingvistika.* Moskva, 1974.
11. Smetyuk I.N. *Dialogicheskij tekst: kommunikativno-dinamicheskiy i lingvodidakticheskiy aspekty (na materiale anglijskogo i russkogo yazykov).* Avtoreferat dissertatsii ... kandidata filologicheskikh nauk. Perm', 1994.
12. Makarov M.L. Derivatsiya dialoga. *Derivatsiya v rechevoj deyatel'nosti.* Perm', 1990.
13. Arutyunova N.D. Dialogicheskaya citatsiya (k probleme chuzhoj rechi). *Voprosy yazykoznaniiya.* 1986; 1.
14. *Dialogicheskaya rech' – osnovy i process. I mezhdunarodnyj simpozium: doklady i vystupleniya.* Jena (GDR), 8-10 iyunya 1978 g. Tbilisi, 1980.
15. Gak V.G. Vyskazyvanie i situatsiya. *Problemy strukturnoj lingvistiki.* 1972. Moskva, 1973.

Статья поступила в редакцию 16.03.15

УДК 821.161.1

Shastina T.P., Cand. of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Gorno-Altai State University (Gorno-Altai, Russia),
E-mail: tshliteratura@mail.ru

CREATION OF THE WORLD AND THE DEATH OF GODS IN A MOTIF COMPLEX OF THE NARRATIVE "ALTAI AND CITIES" BY ANTON SOROKIN. The article's investigation is an attempt to come back to a forgotten page of "the Altai text" in the Russian culture – the narrative story of "Altai and Cities" by Anton Sorokin (1925). This literary work is understood as an intellectual game narrative, a puzzle-text, with elements of fantasy. The author of the paper finds literary masks of A. Sorokin, which are "Siberian Kipling, Jack London and Maeterlinck", "King of 6th Nation" and "Benecco Clown". The historical time of the narrative is the beginning of World War I. The literary space stretches from the center of Eurasia to America. The literary work actualizes early Soviet motifs of breaking of the old world and the creation of the new world. The basis of the plot is autochthonous myths of Gorny Altai about the competition of Ulgen, a kind god, and Erlik, an evil god, in the process of world creation. In the chaos of ruining the old world Ulgen symbolizes the beginning of nature, and Erlik symbolizes the beginning of civilization. At the described period of the world's history the gods start a conflict in the human world that is sunk in depravity and banality. Altai (the Golden Mountains) is treated as the last shelter of naturalness, kindness, and beauty on earth.

Key words: Anton Sorokin, Altai, narrative, myth, god, motif.

Т.П. Шастина, канд. филол. наук, доц. Горно-Алтайского государственного университета, г. Горно-Алтайск,
E-mail: tshliteratura@mail.ru

ТВОРЕНИЕ МИРА И СМЕРТЬ БОГОВ В МОТИВНОМ КОМПЛЕКСЕ ПОВЕСТИ АНТОНА СОРОКИНА «АЛТАЙ И ГОРОДА»

В статье предпринимается попытка рассмотрения забытой страницы «алтайского текста» русской культуры – повести Антона Сорокина «Алтай и города» (1925 г.). Повесть трактуется как интеллектуально-игровой нарратив, текст-ребус с элементами жанра фэнтези. В нем просматриваются литературные маски А. Сорокина: «сибирский Киплинг, Джек Лондон и Метерлинк», «король VI державы» и «шут Бенеццо». Историческое время произведения – начало первой мировой войны, художественное пространство – от центра Евразии до Америки актуализируют революционные мотивы слома *старого мира* и создания *мира нового*. В основе сюжета – автохтонные мифы Горного Алтая о соперничестве доброго божества Ульгена и злого божества Эрлика в процессе творения. В хаосе слома Ульген символизирует природное начало, Эрлик – цивилизационное. На этом витке мировой истории боги вступают в конфликт в человеческом мире, погрязшем в разврате и пошлости. Алтай (Золотые горы) интерпретируется как последнее на Земле прибежище естественности, добра и красоты.

Ключевые слова: Антон Сорокин, Алтай, повесть, миф, бог, мотив.

Введение в научный оборот забытой страницы «алтайского текста» русской литературы – повести Антона Сорокина (1884 – 1928) «Алтай и города» (1925 г.) стало возможным после выхода одноименного сочинения писателя, подготовленного фондом «Возрождение Тобольска» [1]. Состав сборника позволяет значительно расширить диапазон устоявшихся оценок личности и творчества самого эпатажного сибирского писателя. По нашим наблюдениям, повесть являет собою единственный среди раннесоветских текстов, посвященных Горному Алтаю (см. наиболее типичные из них в новейшей антологии [2]), интеллектуально-игровой нарратив, представляющий гибель *старого* бога как неизбежное следствие творения *нового* – советского – *мира*. Его создатель – неординарная личность, чуткая к «новой истори-

ко-культурной ситуации, когда литература вмешивается в жизнь, а художник, писатель становится знаковой фигурой...» [3, с. 71].

Новизна подобных оценок высвечивается в сравнении с первыми отзывами о творчестве А. Сорокина. Так создатель и идеолог Сибирского союза писателей В.Я. Забурин относил Сорокина к категории писателей «старых», вступивших на литературное поприще до октября 1917 г. [4, с. 222]. Он утверждал, что сибирские писатели – это «люди, по-звериному влюбленные в таежные просторы Сибири», которым «тяжела мысль о городе, о городской культуре, о лязге фабрик и заводов» [4, с. 224], но сам готов был смириться с техническим прогрессом во имя «железного братства всего человечества». Сорокин – не смирился, что отмечается в современных интерпретациях творчества

художника, в частности, в пионерской статье О.М. Гончаровой, рассматривающей роль Сорокина в истории русских литературных мистификаций и соотносящей игровое поведение писателя с социокультурной ситуацией начала XX века, актуализировавшей идеи сибирского областничества как противовеса централизации культуры [5]. Наблюдения и выводы Гончаровой позволяют применить к Сорокину-писателю типологическую характеристику областника: «...секулярный интеллигент, воспитанный прессой и литературой, проповедовавший деколонизацию территории и депроvincialизацию её культурной среды» [6, с. 78]. Автор цикла статей о творчестве Сорокина И.Е. Лошилов, развивая выводы Гончаровой, выводит Сорокина далеко за пределы локального текста, предлагая постмодернистскую трактовку его творчества [7, с. 11].

Горный Алтай (Ойротия) в раннесоветской сибирской литературе символизировал восточную национальную окраину, формированию этого образа в немалой степени способствовали «Сибирские огни» [8]. Благодаря этому журналу скандально известный в Омске Антон Сорокин (согласно автохарактеристике, «сибирский Киплинг, Джек Лондон и Метерлинк», «король VI державы» и «шут Бенеццо») входит в широкий контекст региональной литературы; его дореволюционный опыт изображения казахов (киргизов) оказывается весьма востребованным. На наш взгляд, по масштабу личности и степени одарённости он стоит в одном ряду с фигурами первой величины среди «огнелюбых» – В. Итиным и В. Зазубриным. Но Сорокин не поддерживал зазубринские лозунговые определения Сибири («В настоящем Сибирь – равноправная часть РСФСР плюс индустриализация, Сибирь – жирная рыхлость пашен плюс трактор, Сибирь – чернь таёжная плюс электрификация» [4, с. 223]), скорее, ему ближе были определения П. Казанского: «... от сибирской литературы всегда веяло тайгой, тундрой, свежим смолистым воздухом, и вместе с тем сибирская литература всегда была предвестницей революции» [4, с. 224]. Но подобные одорические и ностальгические ассоциации Зазубрин пресекал, требуя, «...чтобы в будущем от сибирской литературы пахло не только тайгой, тундрой, но и человеческим потом, кровью, человеком» [4, с. 225].

Запахом крови и густым смрадом физиологических «запахов человека» разит от зазубринского рассказа «Общежитие» (первая публикация – «Сибирские огни», 1923, № 5-6) и от его повести «Щепка». Герой повести кист Срубов шизофренически мыслит себя ассенизатором – мясником – палачом. Кровь и человеческое мясо – «сырое красное тесто» – атрибуты его существования. Но и Сорокин смотрит на мир сквозь если не потоки крови, то сквозь её каплю, символизирующую жизнь: «...я впитываю жизнь человечества, в одной капле крови я вижу отраженное небо, и не моя вина, что оно багряное» [1, с. 330]. Характерно, что цвет и запах мяса как знаки эпохи переносятся Зазубриным на образ Сорокина, талант и мастерство которого он безоговорочно признавал: «...он берёт и показывает свою страну во всей её первозданной чистоте и силе <...> пишет о Сибири, не мудрствуя лукаво, и его образ реален и пахуч, как красный кровавый кусок сырой, парной баранины. Сорокин хорошо показывал киргиза, для которого аэроплан – птица, несущая ящца, родящая гром...» [1, с. 476 – 477]. Произведённое Зазубриным сравнение мотива «дикарь и аэроплан» в произведениях В. Итина и А. Сорокина указывает на «алтайские» публикации «Сибирских огней» 1926 г. – поэму в прозе В. Итина «Каан-Кэрдэ» (№ 1-2) и рассказ А. Сорокина «Почему улетела птица» (№ 5-6), составившие диптих о восприятии алтайцами-младенцами гор достижений технического прогресса.

В поэме Итина алтайские боги Ульгень и Эрлик выступают соперниками в процессе творения, у них разные материалы для творчества. Иносказательность этой трактовки прозрачна – новый мир может быть живым, а может быть и железным, всё зависит от того, из чего «мы наш, мы новый мир построим...». Экзотические алтайцы В. Итина с их колоритным шаманом Куано произвели тогда на Зазубрина-критика сильное впечатление естественностью и солнечным жизнелюбием. Итин, пишет он, «доказал, что «Башкирия» или «Ойротия» звучит не только так же, как «Мадагаскар», но и сильнее» [9, с. 199]. Топонимический ряд Башкирия – Ойротия – Мадагаскар можно интерпретировать как вариант новой советской географии, представляющий периферию мозаикой из экзотических пространств. Горный Алтай мог быть для Зазубрина тем «неведомым миром», о котором грешил лирический герой стихотворения Н. Гумилева «Мадагаскар», местом создания «самых лучших» поэм [10, с. 304]; позднее Зазубрин попытается развить эту мысль в романе «Горы».

Сорокин в рассказе о железной птице создает свой нарратив о соперничестве богов, в котором Эрлик – эпитон, он по образцам Ульгёна «стал творить из пота и труда людей. Из железа <...> создал железных китов, железных плавающих гусей, железных коней, железных птиц» [11, с. 43]. Плоть и кровь как материал для создания *нового мира* – образ актуальный, не хватает лишь мясорубки... Итина и Сорокина в диптихе объединяет идея естественной предопределённости человеческого мира и обречённости на провал всякой попытки вмешательства в этот процесс. Мир един, он не может быть «старым» или «новым».

Мотив гибели богов развивался в раннесоветской литературе параллельно с мотивом гибели старого мира. Известно, что один из создателей «Сибирских огней» Емельян Ярославский (Миней Губельман), с 1920 г. работавший в Омске и «прославившийся» осквернением мощей Симеона Верхотурского, станет главным идеологом партии по «церковному вопросу», возглавит «Союз воинствующих безбожников». Это он будет вопрошать с трибуны первого съезда советских писателей: «Революция свергает богов, чертей, святых. И эта гибель богов – где она описана?» [12, с. 240], это он создаст бестселлер советской антирелигиозной пропаганды – «Библию для верующих и неверующих» [13].

В первой части повести Сорокина «Алтай и города» («Создание жизни») усматривается пародия на «Библию...» Ярослава, написанная с опорой на дарвинизм: случайно встретившиеся два одиноких духа Ульгень и Эрлик от скуки решили заселить землю. Они «выпустили жизнь на свободу», они творили многие тысячью веков, много раз меняя формы жизни, «и каждое существо было продумано». Два вопроса богам пришлось решать при помощи силы: будут ли живущие поедать друг друга и быть ли человеку с разумом Ульгёна или Эрлика. Обманным путём победил Эрлик, после чего «прекратилось творение жизни, новых форм».

Ульгень (алтайская персонификация доброго начала), его помощник шаман Ано и Эрлик (злое божество-антипод Ульгёна) оказываются в повести Сорокина среди людей в эпоху грядущего переустройства созданного ими мира, накануне первой мировой войны. События начинают разворачиваться в горах Алтая, а завершаются в Нью-Йорке. Алтай (дословно: Золотые горы) противопоставит миру золота как последнее на Земле прибежище естественности, добра и красоты, суммарно сочетая в себе образы Беловодья и Шамбалы. Алтай Сорокина – символ природных твердынь в социальном хаосе (как в тот период и у Г. Гребенщикова, и у К. Бальмонта), а потому название повести может быть прочитано как «горы и города» (природное и цивилизационное – природное vs цивилизационное); в голливудских сценах повести «Алтай и города» – это название супербоевика, который по воле Ульгёна не суждено увидеть элитарному зрителю. Геополитическая привязка сюжета о сотворении нового мира и гибели богов к Алтаю у Сорокина, гордившегося тем, что нигде не выезжал из Омска, может быть объяснена литературными фактами: в Омске вышла первая книга фольклорных алтайских текстов [14], Г. Вяткин опубликовал сборник лирики «Алтай» [15].

Рассмотрение повести подобно разгадыванию ребуса, этот ход подкасан мемуарами М. Никитина; начинающего очеркиста поразило, что Сорокин, человек с репутацией сумасшедшего, «создавал обманчивое впечатление действительности в своих рассказах», «рассказы его напоминали ребусы», «он строил рассказ не на реальном жизненном материале, а на игре литературными приёмами» [1, с. 459 – 460]. Сорокин рисует буколический Алтай Ульгёна, этот бог принял вид человека, женился, родил девять дочерей и «зажил киргизской жизнью». В алтайской мифологии у Эрлика и Ульгёна – по девять дочерей: у первого они отличаются крайней распущенностью: «голозадые», «бесстыдные», «насмешливые», «задницами влияющие, грудями болтающие» [16, с. 9], у второго – просто «чистые девы» [16, с. 12]. Сюжет повести можно рассматривать как превращение девяти чистых в девять нечистых и последовательное изъятие последних из человеческого мира.

Для выбора имён персонажей Сорокин использует географическую карту Алтая, откуда в именослов переходят гидронимы Аргут (человеческое имя Ульгёна), Катунь (его жена), Аржан, Еломан, Катанда, Челюш, Чульча, фольклорного происхождения гидроним Кызымилы [17, с. 16 – 17]; ороним Алтын-ту; топонимы Кебезень и Онгудай. Домосед Сорокин выстраивает сюжет повести по принципу воображаемого путешествия по географической карте, избирая интроспективную стратегию травелога [18, с. 19]. «Никогда города не будут стоять на горах Алтая! Никогда на ледниках не будут построены их (пришельцев из городов – Т.Ш.) ка-

менные дома, и никогда не будет вырублен кедровый алтайский лес. Никогда звери Алтая не будут уничтожены» [1, с. 2] – восклицает Ульгень, отправляясь собирать по свету полюбившихся на «чужое» дочерей, а вместе с ним и автор, пытающийся философски осмыслить роль природной стабильности в эпоху смены общественно-экономических формаций, когда все сдвигается со своих мест, все переходит в свою противоположность.

Дочери же Ульгения по мере удаления от Алтая радостно узнают, что есть на земле еще другая жизнь. Так в повесть вводится имагологический аспект. Рассказ об изъятии дочерей Ульгения из «другого» мира – мира пошлости строится по трёхчастной схеме: погружение красавицы-инородки в пучину порока – приход отца – превращение её в деревянную куколку. На наш взгляд, в этой схеме проявляется не только знакомство с этнодеталью – фигурки девяти дочерей Ульгения пришиваются на запячье ритуального шаманского одеяния – маньяка [16, с. 40], но и увлечение Сорокина театром М. Метерлинка, считавшего, что «куклы могут сыграть символ, передать архетип его героя» [19, с. 126].

Маршрут движения богов: Горный Алтай – Омск – Самара – Петербург – Берлин – Нью-Йорк; из мира нетронутой природы – в мир цивилизации. Первая остановка – Омск. Образ города создаётся при помощи стилистики комсомольских диспутов о мещанстве и атеизме, обличительных речей, клеймющих великодержавный шовинизм (с использованием этнофоллизмов «киргизье», «грязный киргиз», «киргизская лопатка»). Вторая остановка на пути Эрлика-Ичменева – Самара, это увеличенное до размеров города «общество» В. Зазубрина; грязь, побои, сифилис, скотство, вырождение. У Эрлика там реальная перспектива погибнуть или от творческого кризиса, или от сифилиса. В этой части повести получает дальнейшее развитие мотив кукольности, сопряженный с мотивом театральности. Помещение одной из дочерей бога на театральные подмостки вызывает виток рассуждений автора о смерти богов: «Пришла смерть божеству, больше никому не нужному. Жизнь уже не нуждается в новых формах. Жизнь может обходиться и без богов, без создателей жизни» [1, с. 292]. Сорокин развивает мысль, что творение вышло из-под власти творца, а потому близка смерть богов.

Москва предстает в повести средоточием звериного начала (еда и похоть); великий театр жизни превращается в кабаре. Дочь бога Алтын-ту становится любовницей негра Тори Яра, танцовщика-людоеда. Далее трансформируя мотив кукольности-игры-театральности-иллюзорности, Сорокин вводит в текст образ художника Терентьева, в котором хорошо узнаваемы творческие установки «бубновых вальетов». Собирательным словом «люди» автор иронически называет в московских сценах четырех персонажей: алтайский бог Ульгень, дикарь-людоед племени мусанго Тори Яра, полупьяный художник Терентьев и шансонетка Варен Гай (Алтын-ту).

В петербургских картинах повести шесть дочерей Ульгения совершенно забыли про «дикарскую жизнь» и свое прошлое –

на их пути возникли *футуристы*. В разговоре с поэтом Асфатом Ульгень ставит вопрос о роли литературы в социуме, на что получает ответ «культурного человека» «сумасшедшему дикарю». В новой интерпретации звучит в этих частях мотив смерти богов: бог должен погибнуть, потому что он побежден современным искусством; гармонию живой жизни футуристы разложили на технодетали: глаза – киноаппарат, уши – телефон, нервы – телеграф, мозг – библиотека, живот – котел, руки – молоток – всё использовано.

Далее Эрлик со своими спутниками оказывается в Берлине. Столица Германии трактуется как место для бесчеловечных экспериментов (газ как средство массового уничтожения, медицинские опыты над людьми). Там Ульгень приходит к выводу: «Бессмертие жизни – в смерти» (мысль, которая заставляла самого Сорокина дважды объявлять о своей смерти, писать завещания и явно присутствовала в повседневности больного туберкулезом писателя во время написания повести).

Заключительные сцены разворачиваются в Америке. Миллионер Аткинсон вдохновлен мыслью, что американцы – боги, он произносит панегирик американской мечте, мощи технического прогресса и господству человека над силами природы. В этих сценах Эрлик будто превращается в одного из *Богов торжищ* любимого Сорокиным Р. Киплинга, соответственно, Ульгень может рассматриваться как *Бог азбучных истин* [20]. Нью-Йорк, где «жизнь из костей и мяса и рядом – жизнь железных машин» [1, с. 328], становится местом последней битвы богов Добра и Зла за первенство в мире людей. На поле битвы остался лежать поверженный Ульгень, Эрлик исчез, позднее исчез и труп Ульгения. Таким образом, финал остается открытым – боги покинули мир людей, но они могут вернуться в новом воплощении.

Конструируя фэнтезийный мир своей повести, А.С. Сорокин не позволяет читателю усомниться в непреложности закона гибели *старых богов в новом мире*, но предлагает каждому выбрать свой вариант причины их гибели (исчезновения): 1/ новый мир не нуждается более в новых формах, 2/ творение вышло из-под контроля творца, 3/ новое искусство победило старых богов.

Соединение модернистской эстетики с областнической идеологией в художественном решении инородческой темы, обращение к популярной в раннесоветскую эпоху идеологии *угнетённых народов Востока* ярко проявилось в повести Сорокина «Алтай и города», где на основе мифопоэтики шаманских мистерий алтайцев была создана модель мира, в котором *старые* боги-творцы в очередной раз померились силами, и победило Зло. В отличие от традиционной этнографической беллетристики тех лет Сорокину удалось избежать прямых идеологических и пейоративных оценок, этнографизма и бытовизма и в глобальном масштабе поставить вопрос о разрушающем региональную и национальную идентичность (природное начало) влиянии цивилизации. Горы Алтая предстали в повести кочевом человечности, носящимся в хаосе строения нового мира.

Библиографический список

1. Сорокин А.С. *Сочинения. Воспоминания. Письма*. Тобольск, 2012.
2. *Образ Алтая в русской литературе XIX-XX вв. Антология*: в 5 т. Барнаул, 2012; Т.3.
3. Плеханова И.И. *Русская литература Сибири. Ч. 2. Период революции и советского строительства 20–30-х годов*. Иркутск, 2010.
4. Первый Сибирский съезд писателей. *Сибирские огни*. 1926; 3.
5. Гончарова О.М. «Игра» в жизни и творчестве Антона Сорокина. *Культура и текст. Славянский мир: прошлое и современность*: сборник научных трудов: Санкт-Петербург – Самара – Барнаул, 2001.
6. Анисимов К.В., Разувалова А.И. Два века – две грани сибирского текста: областники vs «деревенщики». *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2014; 1.
7. Ложилов И.Е. «Лучше быть идиотом, чем Антоном Сорокиным!» Об «Екклезиасте писательском». *Уральский филологический вестник*. 2014; 4.
8. Шастина Т.П. Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины. *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2014; 4.
9. Пятилетие «Сибирских огней»: стенограмма. *Сибирские огни*. 1927; 2.
10. Гумилев Н. *Стихи. Письма о русской поэзии*. Москва, 1989.
11. Сорокин А. Почему улетела птица. *Сибирские огни*. 1926; 5 – 6.
12. *Первый Всесоюзный съезд советских писателей*: Стенограмма. Москва, 1934.
13. Ярославский Е.М. *Библия для верующих и неверующих*. Москва, 1923 – 1925; Ч. 1 – 5.
14. Никифоров Н.Я. Анонский сборник. Собрание сказок алтайцев. *Записки Западно-Сибирского отделения ИРГО*. 1915; Т.37.
15. Вяткин Г. *Алтай: лирика*. Омск, 1917.
16. Анохин А.В. Материалы по шаманству у алтайцев. *Сборник Музея антропологии и этнографии при Российской Академии наук*. 1924; Т. IV.2.
17. Иванов В. *Когда расцветает сосна: рассказы, сказки*. Москва, 1925.
18. Янушкевич А.С. *Ментальные особенности и нарративные стратегии немецких и итальянских травелогов В.А. Жуковского. Россия – Италия – Германия: литература путешествий*: коллективная монография. Томск, 2013.
19. Мандель Б.Р. *Всемирная литература: Нобелевские лауреаты (1901-1930)*. Москва-Берлин, 2015.
20. Киплинг Р. *Боги Азбучных истин*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Cipl/bg_azb.php

References

1. Sorokin A.S. *Sochineniya. Vospominaniya. Pis'ma*. Tobol'sk, 2012.
2. *Obraz Altaya v russkoj literature XIX-XX vv. Antologiya*: v 5 t. Barnaul, 2012; T.3.
3. Plehanova I.I. *Russkaya literatura Sibiri. Ch. 2. Period revolyucii i sovetskogo stroitel'stva 20-30-h godov*. Irkutsk, 2010.
4. Pervyj Sibirskij s'ezd pisatelej. *Sibirskie ogni*. 1926; 3.
5. Goncharova O.M. «Igra» v zhizni i tvorchestve Antona Sorokina. *Kul'tura i tekst. Slavyanskij mir: proshloe i sovremennost'*: sbornik nauchnyh trudov: Sankt-Peterburg – Samara – Barnaul, 2001.
6. Anisimov K.V., Razuvalova A.I. Dva veka – dve grani sibirskogo teksta: oblastniki vs «derevenschiki». *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2014; 1.
7. Loschilov I.E. «Luchshe byt' idiotom, chem Antonom Sorokinym!» Ob «Ekkleziaste pisatel'skom». *Ural'skij filologicheskij vestnik*. 2014; 4.
8. Shastina T.P. Ojrotyia na stranicah zhurnala «Sibirskie ogni»: nachal'nyj `etap formirovaniya obraza sovetskoj nacional'noj okrainy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*. 2014; 4.
9. Pyatiletie «Sibirskih ognij»: stenogramma. *Sibirskie ogni*. 1927; 2.
10. Gumilev N. *Stihi. Pis'ma o russkoj po'ezii*. Moskva, 1989.
11. Sorokin A. Pochemu uletela ptica. *Sibirskie ogni*. 1926; 5 – 6.
12. *Pervyj Vsesoyuznyj s'ezd sovetskikh pisatelej*: Stenogramma. Moskva, 1934.
13. Yaroslavskij E.M. *Bibliya dlya veruyuschih i neveruyuschih*. Moskva, 1923 – 1925; Ch. 1 – 5.
14. Nikiforov N.Ya. Anoskij sbornik. *Sobranie skazok altajcev. Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya IRGO*. 1915; T.37.
15. Vyatkin G. *Altaj: lirika*. Omsk, 1917.
16. Anohin A.V. Materialy po shamanstvu u altajcev. *Sbornik Muzeya antropologii i `etnografii pri Rossijskoj Akademii nauk*. 1924; T. IV.2.
17. Ivanov Vs. *Kogda rascvetaet sosna: rasskazy, skazki*. Moskva, 1925.
18. Yanushkevich A.S. *Mental'nye osobennosti i narrativnye strategii nemeckih i ital'yanskikh travelogov V.A. Zhukovskogo. Rossiya – Italiya – Germaniya: literatura puteshestvij*: kollektivnaya monografiya. Tomsk, 2013.
19. Mandel' B.R. *Vsemirnaya literatura: Nobelevskie laureaty (1901-1930)*. Moskva-Berlin, 2015.
20. Kipling R. *Bogi Azbucnyh istin*. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Fiction/Cipl/bg_azb.php

Статья поступила в редакцию 23.03.15

УДК 398.8.243

Tsybikova B.-H., Cand. of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Institute of Mongolia, Buddhism and Tibet Studies (Ulad-Ude, Russia), E-mail: bch58@yandex.ru

CULT AND HERITAGE OF TIBETANS IN RELIGIOUS AND CULTURAL TRADITIONS OF THE MONGOLIAN PEOPLES (ON MATERIAL OF THE EXPEDITION IN 2014). The paper analyzes the influence of Northern Buddhism on religious outlook and cultural traditions of Mongolian peoples, as well as its transformation in the multi-ethnic and poly-confessional social space. The undertaken in-depth study of traditional archetypes of Buryats and Mongols of the Inner Mongolia Autonomous Region in comparison with the contemporary realities reveals the existence of the particular historical and current status of tradition, specifies the forms of its genesis and development and shows innovative features transformed on the ground of pan-Mongol ethnic and cultural traditions. Religion, being an integral part of the spiritual culture of the people, has absorbed many universal moral values, which have played a considerable positive role in society and human life. Buddhism for centuries has influenced the lives of many generations of Buryats and Mongols, as a symbol of their ethnic identity, it made a significant contribution to the nation, creating a peculiar national culture incorporated into the world culture.

Key words: Tibetan Buddhism, folklore, ethnocultural traditions of Mongolian peoples.

Б.-Х.Б. Цыбикова, канд. филол. наук, доц., Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, E-mail: bch58@yandex.ru

КУЛЬТОВОЕ И ПИСЬМЕННОЕ НАСЛЕДИЕ ТИБЕТЦЕВ В РЕЛИГИОЗНОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ МОНГОЛЯЗЫЧНЫХ НАРОДОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ЭКСПЕДИЦИИ 2014 ГОДА)

В статье анализируются особенности влияния северного буддизма на религиозное мировоззрение, культурные традиции монгольязычных народов и его трансформации в условиях иноэтнического и иноконфессионального окружения.

Предпринятое исследование системы традиционных архетипов монголов и бурят Автономного района Внутренняя Монголия в сравнении с современными реалиями в комплексном аспекте позволяет выявить особенности исторического бытования и современного состояния традиции, конкретизировать генезис и формы её развития, показать инновационные и трансформировавшиеся черты на фоне общемонгольской этнокультурной традиции. Религия, будучи неотъемлемым элементом духовной культуры народа, вобрала в себя многие общечеловеческие моральные ценности, которые играли и играют немалую позитивную роль в жизни общества и человека. Буддизм на протяжении нескольких столетий влиял на жизнь многих поколений бурят и монголов, являясь символом их этнической идентичности, внёс весомый вклад в становление нации, в создание своеобразной национальной культуры, органически входящей в культуру мировую.

Ключевые слова: тибетский буддизм, фольклор, этнокультурные традиции монгольязычных народов.

Для исследования влияния тибетского буддизма на этнокультурные традиции шэнэхэнских бурят, проживающих в Автономном районе Внутренняя Монголия Китая (АРВМ КНР), выходцев из Агинского округа Забайкальского края, и баргутов, в 2014 году проведены экспедиционные исследования в Хулун-Буирском аймаке АРВМ КНР. Полевые работы этого сезона явились

логическим продолжением экспедиции предыдущего (2013) года, целью которой было изучение объектов культового и письменного наследия тибетцев (тибетских автономных округов Восточного и Центрального Тибета) в историческом и культурном единстве центральноазиатского сообщества. Кроме того, было запланировано исследование локальных форм бытования, жанровых

модификаций и условий современного исполнения фольклора монгольских народов, выявление традиционных архетипов в контексте основных фольклорных жанров.

Научная новизна и значимость исследований определяют тем, что полученные данные позволяют сделать анализ изменений, произошедших в материальной, письменной, духовной культуре бурят Китая, исторической родиной которых является Прионюнь, выявить влияние на неё тибетской и китайской культур, показать инновационные и трансформировавшиеся черты локальной, в какой-то степени законсервировавшейся традиции на фоне общемонгольской культуры.

В ходе экспедиционных работ мы пришли к выводу, что тибетское влияние сохраняется в фольклоре и соблюдении бытовой обрядности шэнэхэнских бурят, при этом совершенно не прослеживается влияние китайской традиции. Особо показателен в этом отношении песенный жанр, в котором темы и сюжеты многих обрядовых и бытовых песен перенесены со старых мест проживания, потому имеют отчётливое буддийское содержание в рамках традиции гелукпа. Примечательной представляется запись песни-восхваления «Арьяа Баалын магтаал» («Восхваление Арья Баалы»), она исполняется специфически, напоминает молитву, в куплете троекратный повтор мантры:

Тэбүүн сэлэн ергэсэдэн бээтэй, Тэгэс хамаг номуун алдар гэгээнтэй, Тогоологсон Шэгэмаанин шамада Тодоорхолсон санан бээе мургэмэ. Арьяа Баала ом маани бад мез хум, Арьяа Баала ом маани бад мез хум, Арьяа Баала ом маани бад мез хум,	С расправленным, светлым, гармоничным телом Прославленный своим неугасающим учением, Всемогущий Шакьямуни тебе, Ясным умом, мыслями молюсь. Арьяа Бала ом мане пад ме хум, Арьяа Бала ом мане пад ме хум, Арьяа Бала ом мане пад ме хум,
---	--

(Исп. Баа Базарай Шойжид, Содномой Дэжэд) [1].

Наши опросы по выяснению исполнения и бытования подобного восхваления Арьяа Баалы у российских бурят, в частности, еравнинских, не возымели успеха. Единственное, что удалось сделать, это уточнить смысл отдельных слов этой песни.

Материал, собранный в этом полевом сезоне, позволяет сделать вывод о том, что песни свадебные, обрядовые, обязательно содержат буддийское составляющее. Широко бытующая у шэнэхэнцев и в настоящее время обрядовая песня-наказ («уусын дуун»), которую исполняют для невесты на свадьбе, является ярким этому подтверждением. Бурятами Российской Федерации она практически забыта, исполняется сокращенный вариант, где есть мотив прощания с дочерью, которая выходит замуж, между тем слова наказа о том, чтобы не забывала поклоняться божествам, которые почитались родителями, возжигать лампадку, помнить, что на всё есть воля божья и т.д., забыты.

Нами зафиксировано исполнение песни, восхваляющей Цугольский дацан, состоящей из 18 куплетов [1], что, несомненно, явилось удачной находкой экспедиции этого года. В ней воспеваются красота архитектуры Цугольского дацана, с любовью

описываются символы буддизма, нашло отражение глубокое почитание лам, возвращающихся в Лхасу. Содержание следующей песни из 8 куплетов, которую можно условно назвать «Будлантын уулын оройдо» («На вершине горы Будланты»), составляет мотив воспевания буддийского вероучения.

Песни подобного религиозного содержания в этнической Бурятии нами не зафиксированы, что может свидетельствовать об их безвозвратной утере.

Непременным сюжетным атрибутом в зафиксированных у шэнэхэнских бурят фольклорных произведениях является обращение героя (героев) к ламе за советом, объяснением, с просьбой о даровании детей (это в большинстве случаев), что в повседневной жизни всегда практиковалось бурятами: «Тиийай-тараа гэнтэ нэгэ хөөрэлдэбэ ха, хойто нэгэ даяанша ехэ лама байгаа ом ха даа. Тэрэ ламаһаа, хүүгэдгүй гээшэ гүбди даа гэлсээ ха даа, тиигээд хүүгэдэй хүлдэ гуйжа тэрэ ламада ошко гэшэ гү гэжэ. Тиигээд ошоод ерхэдэн, тэрэ даяанша ламаһаа нураа ха даа, хүүгэдэй болхо гээшэ гүбди гэжэ. Тиихэдэн тэрэ лама хэлээ ха:

– Хүбүүтэй болхота, хүбүүтэй болходоо, Андир Зади гэжэ нэрэ үгөөрэйгты, – гэжэ» («Так жили и однажды завели разговор, на севере жил один лама-отшельник. Детей у нас, похоже, нет,

надо пойти к тому ламе и у того ламы надо испросить счастье займёт ребенка. Так сходили они, у того ламы-отшельника спросили они, будут ли дети. Тогда тот лама сказал:

– Родится у вас сын, когда сын родится, дайте имя Андир Зади, – сказал») – Сказка «Андир Зади» («Андир Зади»), исп. Батсухын Ханда.

Также молятся перед бурханом, чтобы он одарил жилищем, богатством, едой, одеждой: «Бурханайнгаа урда табяад лэ мургэе, – гэжэ. – Бидэ ядуу зомди, үри бээтэй болоһойбди, үшөө зөөритэй болоһойбди, эдихэ, үмдэхэтэй, гэртэй, бараатай болоһойбди, – гээд мургөөд садхалан шэнги унташоо ха. Үглөөгүүр бодходоо, гэртэй, адуу малтай болшоһон, иимэ байба ха, юмэн хуу хүсэшээн» («Поставим перед бурханом и давай молиться, – говорит. – Мы бедные люди, пусть будут у нас дети, пусть ещё займеем состояние, пусть появится у нас еда, одежда, дом, домашняя утварь», – сказав, помолившись, легли спать, как будто сытые. Проснулись утром, появилось у них жилище, скот-табун есть, так было, всё полностью исполнилось») – Сказка «Эрхий Мэргэн» («Эрхи Мэргэн»), исп. Батсухын Ханда [1].

Фрагменты из песни «Будлантын уулын оройдо»

Будлантын уулын оройдо Бурхан багшын субарга. Бусадхан нүгэлөө наманшалжа, Бурхан болохо болтогой!	На вершине горы Будланта (Есть) субарга бурхан багши. Замаливая все свои грехи, Пусть переродимся бурханом!
Агуулын оройдо Арьяа Баалын субарга. Алдадаа нүгэлөө наманшалжа, Амитан болохо болтогой!	На вершине высокой горы (Есть) субарга Арьяа Балы. Раскаившись в своих грехах, Пусть переродимся живым существом!
Далил жэгүүртэйл шубуунда лэ Дабаан гэжэл байдаггүй. Дасан хийдэй орондо Дайсан гэжэ байдаггүй.	Птице с крыльями-опереньями Не бывает перевалов (непреодолимых). В стране дацанов-храмов Не бывает врагов.
Үдэл жэгүүртэй шубуунда лэ Үндэр гэжэ байдаггүй. Үржэн Хандын орондо Үхэл гэжэ байдаггүй.	Птице с крыльями-перьями Не бывает высот (недосягаемых) В стране Уржэн Ханды Не бывает смерти.

(Исп. Содномой Дэжэд) [1]

Показательны комментарии сказительницы по поводу существующей линии перерождений, глубоко укоренившейся в сознании простых мирян в рамках учений ламаизма: «Эхэ эсэгэ мүнхэ бэшэ, үри хүүгэд залгаа юм бэ даа, тиигэжэ түрэлөө олжо түрдэг гэхэн удхатай» («Мать и отец не вечны, дети-ребята – связующее звено (поколений), так они перерождаются в потомках») [1].

Своеобразное переплетение сказочных мотивов с использованием имён божеств из буддийского пантеона составляет особенность исполнения устных произведений шэнэхэнскими бурятами. Пример, иллюстрирующий один из таких моментов: «Носолдобаа хоюулаа, Хоншон Боди Садиин урдуур хорин табан хоног носолдоо, Арьяа Баалын урдуур арбан табан хоног носолдоо, тиигээд носолдоод лэ, арай гэжэ диилээ ха даа» («Стали бороться оба, двадцать пять дней перед Хоншон Боди Сади боролись, пятнадцать дней перед Арьяа Балой боролись, так поборовшись, кое-как одолел его») – сказка «Гунан Улаан баатар» («Гунан Улан батор»), исп. Батсухын Ханда [1].

Анализ текстов устных произведений, записанных в Шэнэхэне, позволяет сделать следующий вывод: религиозные мотивы в них отражаются в той степени, в какой воспитаны наши информанты-бабушки – их мировосприятие основано на буддийской духовности, её нравственных ценностях.

Параллели с тибетским вариантом находим в записанном нами сказочном сюжете «Һама бурхан тухай» («О богине Лхамо»), повествующем о богине, которая родилась в бедной семье (сказительница убеждена, что хорошие люди с божественными функциями рождаются у неимущих, бедных людей) и которую шолмос насильно сделал своей женой, от него родился ребёнок, потенциально представлявший угрозу роду человеческому. И эта женщина умертвила своего ребенка, тем самым предотвратила эту угрозу, хотя этот поступок противоречит десяти заповедям благих деяний, но он оправдан высоким предназначением богини Лхамо. По тибетской легенде, первоначально она была красивой девушкой, которая вступила в сексуальную связь с демоном, чтобы умиротворить его. Впоследствии выяснилось, что она забеременела. Монах сообщил ей, что она имеет во чреве страшного демона, тогда она из милосердия к людям убила своего сына [2]. Таким образом, в отличие от исходного тибетского варианта в бурятском изложении богиня переродилась в облике женщины, чтобы исполнить свое предназначение – защитить людей от уничтожения: «Тэрэ басаганһини Һама бурхан өөрөө байгаа. Тэрэ Һама бурхан Һаа яагаа гэжэ таа: тэрэ хаанай үри хүүгэд гарһан Һаа, юундэш диилдэхгүй муухай амитан болхо байгаа. Тэрээниие хэбэлдээ хэжэ, тэрэ хүнэй һамган болжо, тэрээндэ дураа хүргэжэ, тиигэжэ тэрэ дайсагнии дараа гэхэн удхатай юм бэ даа» («Та девушка была сама богиня Лхамо. Та богиня Лхамо вот что сделала: тот ребенок ханский если бы родился, то он стал бы никем не победимым злодеем. Его-то она поместила в свое чрево, став женой того человека, влюбив его в себя, таким образом она победила этого врага, вот такой смысл») – «Һама бурханай түүхэ» («История богини Лхамо»), исп. Батсухын Ханда [1].

Участниками экспедиции для сравнительного анализа записаны сведения о бытовой обрядности бурят и баргутов. Собранный материал свидетельствует о сходных во многих случаях элементах в отправлении ежедневных религиозных потреб у бурят и баргутов. Необходимо также констатировать, что материал, записанный у бурят, проживающих в нашей республике, и у бурят, проживающих в Китае, подтверждает существующую единую в отправлении бытовых потреб традицию, имеющую тибетское происхождение, т.е. начитывание ежедневных мантр, похоронная обрядность, гимны-восхваления отдельным крупным божествам не подвергаются разночтениям, соблюдаются и практикуются как бурятами Китая, так и религиозными бурятами России, за исключением отдельных новшеств, которые введены в новейшее время некоторой частью бурят. Имеется в виду современное проведение обряда по усопшему – «сангарил». На наш вопрос: «Практикуется ли начитывание вслед за ламой обрядовых текстов во время сангарил?» наш информант в Шэнэхэне ответила: «Уншалсаха хаана эрьдмн байба гэштээ» («Откуда знания будут, чтобы читать вместе?»), т.е. не практикуется. В то время как в Бурятии кроме приглашенного священнослужителя (священнослужителей) активное участие в чтении священных текстов «Этигэл», «Ногоон Дара эхэ», «Сагаан Дара эхэ», «Санжад Монлом» принимают женщины почтенного возраста (в основном), мужчины (их немного), а в последние годы усиливается тенденция омоложения состава участников сангарила. Как пояснила Валентина Шойдоковна Раднабазарова, которая наизусть знает вышеперечисленные тексты, раньше такой практики не было,

нынешняя ситуация стала наблюдаться, по её мнению, с 1990-х годов, с возрождением религиозных духовных ценностей [3].

Кроме того, бытуют легенды и предания о ламах и дацанах, также привезённые со старой Родины и почти не подвергшиеся трансформации. Нами зафиксированы тексты об известном лама-зурачине (художнике) Сойдон, который для достижения совершенства своих произведений бесчисленное количество раз сжигал эскизы, переделывал, снова создавал, пока не был удовлетворён результатом. Не перестаешь удивляться, как бережно хранят пожилые люди түүхэ (истории), которые слышали от своих предков о Цугольском дацане и его высокообразованных священнослужителях, знаменитых лекарях – эмчи-ламах. С сожалением констатирует Баа Базарай Шойжид, что канули в лета времена выдающихся, образованнейших лам, которые собственноручно, кропотливо собирали лекарственное сырьё, перерабатывали и составляли ценнейшие лекарства. С горечью она говорила, что нынче зачастую больного считают безнадёжным и оставляют наедине с болезнью, раньше не было таких случаев, потому что эмчи-ламы, получившие фундаментальное образование в Тибете, были способны излечить человека от любых болезней («ямарш үбшэни аргалжайха шадалтай байгаа»).

Нами обследован крупнейший храмовый комплекс баргутов – Ганжуур сумэ. В народе его называют «Баргын Улаан Ганжуур сум» – дословно «Баргутский красный храм», красный, потому что храмовый комплекс покрыт красной черепицей и издалека виден именно этот красно-бордовый цвет.

Строительство его было начато по согласию Манчжурских властей в 1773 году и завершено в 1785 году. В то время он был одним из крупнейших культурных и торговых центров Китая, т.к. в период проведения больших молебнов-хуралов он превращался в центр не только сборища верующих, но и торговли, куда стекались торговцы из Пекина, Шанхая, Цзицкара, Харбина, Мукдена (Шэньяня), которые предлагали на продажу чай, стёгна мяса, соль, рис, промышленные товары и т.д. Количество штатных лам составляло две тысячи человек. Вокруг храма было очень много домов, принадлежавших священнослужителям. Но в 1964 году (в период «культурной революции») храм был сожжён, ламы репрессированы, священные писания тоже преданы огню. Во времена оккупации японских войск остатки храма служили своего рода военной ставкой, поэтому, по мнению нашего информанта, сооружение не подверглось разрушению. Новое возрождение – реставрация храма началось в 2003 году, этому предшествовала большая подготовительная работа – предпринята поездка в Тибет, изучались архитектурные особенности многих храмовых комплексов, осуществлены поиски проекта старого облика дацана. Как пояснил наш гид Элбэрэлтын Энх-Баяр, к счастью, нашёлся человек – баргут, прятавший и сохранивший рисунок прежнего Ганжуур сумэ. Самое большое вложение средств на восстановление храма выделено государством, конечно, не обошлось без добровольных пожертвований мирян в виде денег, скота, посильного участия в строительстве дацана. На вопрос, кто были строители, оказалось, что в основном участвовали в строительных работах китайцы (строила Мукденская строительная компания). В настоящее время насчитывается 60-70 лам, но в наш приезд, к сожалению, лам в дацане не было. В полном составе ламы собираются только в дни больших хуралов во время праздника Майдари, в дни сагалгана (празднование нового года по лунному календарю) и т.д. Такая же особенность наблюдается в случаях посещения баргутскими прихожанами дацана, оказывается, они массово приходят в храм в основном только в дни больших хуралов – в летний, зимний, осенний молебны. В будние дни «дежурные» ламы принимают своих прихожан в отдельном, менее помпезном, дацане, который называется Аршан сум, расположен рядом с целебным источником, посещается активно из-за своих лечебных свойств, он полезен для желудочно-кишечного тракта.

В храмовом комплексе Ганжуур сумэ нельзя не заметить оригинальное явление при составлении алтаря, заключающееся в смешении изображений буддийских божеств, как монгольских, так и китайских. Практически на каждом алтаре представлена богиня позднего китайского пантеона Гуаньинь. В Китае культ этой богини, истинной «матушки-заступницы» (изначально она была известна как буддийское божество бодхисатва Авалокитешвары), считается самым благожелательным среди божеств. Кроме того, непременным составляющим алтаря является китайский бог богатства, или смеющийся Будда большого счастья (Майтрейя или Ми Ло Фо).

Процесс объединения разнородного мифологического материала ярко представлен на своеобразном алтаре, посвящённом властителю (хозяину) водной стихии – Лусад хану, изображённому с головой мифического дракона. Как нам пояснили, здесь помещены китайские божества природы и стихий (бог грома Лэйгун, богиня молнии Дяньму, божества ветра, вод), рядом с ними соседствуют буддийские персонажи – Авалокитешвара, Амитаюс и Балдан Лхамо.

Как отметил наш информант, обряд почитания духов водной среды входит в число обрядов, основная функция которых заключается в улучшении жизнедеятельности человека – устранении проблем, связанных с отсутствием дождя, дарование обильного урожая, счастья и благополучия для жителей данной местности. Они выполняются в так называемые «дни лусов».

В целом, в отношении религиозной ситуации баргутов на современном этапе наблюдается, с нашей точки зрения, так называемый религиозный синкретизм, что выражается в тенденции «окитаизирования» архитектуры культовых сооружений, оформления внутреннего убранства храма, появлении сводного пантеона божеств. Это касается баргутов. Для Шэнхэнского дацана абсолютно не характерно влияние китайских элементов.

В целом же, анализ полученного в полевом сезоне 2014 года экспедиционного материала показывает, что традиция тибетского буддизма, прочно вошедшая в национальную культуру монгольских народов, нашла отражение в мировоззрении, бытовой религиозности, произведениях устного народного творчества, стиле буддийской храмовой архитектуры бурят, и в основе своей не подверглась трансформации.

Библиографический список

1. Фонды Центра восточных рукописей и ксилографов Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук. Инв. № 2892.
2. Сыртыпова С.-Х. Культ богини-хранительницы Балдан Лхамо в тибетском буддизме (миф, ритуал, письменные источники). Москва, 2003.
3. Информант: Раднабазарова Валентина Шойдокровна, 1947 года рождения, родилась в местности Арын Горхон (рядом с аршаном Муухэй) Еравнинского района, род – бодонгууд. Отец – репрессированный лама Раднабазаров Шойдог Аюшеевич, 1908 года рождения, уроженец с. Шандали Дульдургинского района Забайкальского края. Мать – Цыгуева Цыремжит Очировна, уроженка Еравнинского района, 1908 года рождения.

References

1. Fondy Centra vostochnykh rukopisej i ksilografy Federal'nogo gosudarstvennogo byudzhetnogo uchrezhdeniya nauki Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii Sibirskogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk. Inv. № 2892.
2. Syrtypova S.-H. Kul't bogini-hranitel'nicy Baldan Lhamo v tibetskom buddizme (mif, ritual, pis'mennye istochniki). Moskva, 2003.
3. Informant: Radnabazarova Valentina Shojdokovna, 1947 goda rozhdeniya, rodilas' v mestnosti Aryn Gorhon (ryadom s arshanom Muuh'ej) Eravninskogo rajona, rod – bodonguud. Otec – repressirovannyj lama Radnabazarov Shojdog Ayusheevich, 1908 goda rozhdeniya, urozhennec s. Shandali Dul'durginskogo rajona Zabajkal'skogo kraja. Mat' – Cyngueva Cyremzhit Ochirovna, urozhenka Eravninskogo rajona, 1908 goda rozhdeniya.

Статья поступила в редакцию 27.03.15

УДК 81'42: 81'371

Danilova Yu. Yu., Cand. of Sciences (Philology), Department of Russian Language and Contrastive Linguistics, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), E-mail: danilovaespu@mail.ru

Nurieva D. R., student, Yelabuga Institute of Kazan Federal University (Yelabuga, Russia), E-mail: nurievadinara@yandex.ru

SOVIET POSTERS AS A MEANS OF VISUAL AND VERBAL POLITICAL PROPAGANDA. This article considers posters as a means of visual and verbal propaganda in the Soviet society. In fact posters occur as creolized texts (further – CT) representing the unity of verbal and iconic components, which are caused by a communicative and cognitive tasks of the sender, pronounced manipulative function, use of rational reasoning strategy and belief. The authors of the research state that the pragmatic potential of the Soviet posters is caused by their multifunctionality, for the functions of an iconic component are closely interconnected, interact with each other. All this, in turn, is defined by the socio-political importance of posters. The authors believe that this is the ideology of socialism that puts the collective beginning in the predominating position. Unlike the new types of CT, the image in the poster carries out the satirical function whereas the comic one more often isn't observed or is minimized.

Key words: Soviet political poster, creolized text, iconic component functions, communicative tactics and strategy, propaganda, ideology.

Ю.Ю. Данилова, канд. филол. наук, доц. каф. русского языка и контрастивного языкознания Елабужского института ФГАОУ ВПО «Казанский федеральный университет», г. Елабуга, E-mail: danilovaespu@mail.ru

Д.Р. Нуриева, студент Елабужского института ФГАОУ ВПО «Казанский федеральный университет», г. Елабуга, E-mail: nurievadinara@yandex.ru

СОВЕТСКИЕ ПЛАКАТЫ КАК СРЕДСТВО ВИЗУАЛЬНО-ВЕРБАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АГИТАЦИИ

Авторами данной статьи рассматриваются плакаты как средство визуально-вербальной агитации в советском обществе. По сути своей плакаты являются креолизованными текстами (далее – КТ), представляющими единство вербального и иконического компонентов, которое обусловлено коммуникативно-когнитивной задачей адресанта, ярко выраженной манипулятивной функцией, использованием стратегий рационального аргументирования и убеждения. Прагматический потенциал советских плакатов обусловлен их полифункциональностью: функции иконического компонента тесно взаимосвязаны, взаимодействуют друг с другом. Все это, в свою очередь, определяется социально-политической значимостью плакатов: идеология социализма, ставившая коллективное начало в главенствующее положение. В отличие от новых типов КТ, изображение в плакате чаще выполняет сатирическую функцию, тогда как юмористическая в данном типе КТ не наблюдается или сведена к минимуму.

Ключевые слова: советский политический плакат, креолизованный текст, функции иконического компонента, коммуникативные тактики и стратегии, агитация, идеология.

Рассвет визуальной информации пришелся в России на начало XX века. В. Полонский в 1925 г. отмечал, что коммунистическая революция победила не штыками, а печатным станком [1, с. 14]. Плакатное искусство изначально рассматривается новой властью в одном ряду с прессой, радио и кино, благодаря своим возможностям осуществления контроля: массового распространения, охвата широкой аудитории. Искусство советского плаката наиболее близко подошло к идеалу массовости и технологичности. Техническая сторона производства плакатов изначально была делом коллективным, включающим художников, граверов, типографических рабочих. Фактически существовала целая индустрия, в которой «бок о бок» трудились художники, журналисты и редакторы, фотографы и полиграфисты. Журналисты совместно с редакторами готовили яркие, как правило, короткие, запоминающиеся тексты, художники и художественные редакторы их оформляли. Полиграфисты печатали миллионные тиражи. Кроме того, с первых месяцев советской власти и до середины 1930-х гг. можно зафиксировать очевидные усилия по привлечению масс к созданию художественного образа плаката. Советский политический плакат достиг исключительно высокого уровня в годы Гражданской войны 1919 – 1920 гг. Плакатное искусство в СССР развивалось строго в рамках социалистического реализма.

Плакат – это КТ, единичное произведение искусства; лаконичное, броское (обычно цветное) изображение с кратким текстом (как правило, на большом листе бумаги), выполненное в агитационных, рекламных, информационных или учебных целях [2, с. 124]. В данном случае понятие «креолизованный текст» употребляется для определения любого печатного материала, рассматриваемого как совокупность гетерогенных знаков, для которого необходимо установить соотношение между его вербальными и невербальными составляющими.

Тематика советского плаката менялась в разные годы, что было обусловлено экстралингвистическими факторами: политикой, идеологией, социальным и экономическим положением страны. Идеинная целеустремленность, революционная страсть, высокий художественный уровень сделали плакат подлинно массовым средством агитации и политико-просветительской работы.

В 20-х – начале 30-х гг. важную роль в развитии советского плаката сыграли А.А. Дейнека, Г.Г. Клуцис, Л.М. Лисицкий, Ю.И. Пименов, А.М. Родченко, братья Стенберг. В этот период, кроме политических, развитие получили плакаты, острые, с легко запоминающимися стихотворными текстами, разоблачавшими врагов молодой Советской республики, например, Окна РОСТА (рис. 1-2). Плакат с использованием рифмованных слоганов прижился в нашей стране благодаря влиянию В.В. Маяковского, создававшего яркие, меткие рисунки и подписи.

Рис. 1

Рис. 2

Во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и в послевоенные годы плакат был действенным средством мобилизации народа на борьбу с врагом (В.С. Иванов (рис. 3), Кукуры-ники (рис. 4), Л.Ф. Голованов).

Рис. 3

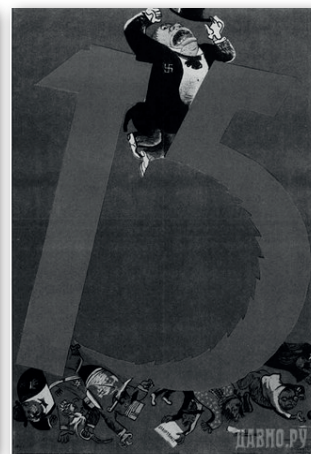

Рис. 4

Во времена сталинизма широкое распространение получили плакаты, изображающие желанную, а не реальную действительность. Прагматика таких плакатов продиктована дидактической функцией, идеализацией (положительная визуализация) образа вождя мирового пролетариата (рис. 5-6).

Рис. 5

Рис. 6

В 1960-70-е гг. наряду с политическим особое распространение получили рекламный, кинорекламный, театральный, выставочный, санитарно-просветительский плакаты (рис. 7-8).

Рис. 7

Рис. 8

Советский плакат отличается от новых (современных) типов КТ не только способом создания, но и прагматическим – манипулятивным – эффектом, направленным на адресата [3]. Для плаката характерна тесная когнитивная спаянность компонентов (визуальная и вербальная составляющие), включённость их друг в друга. Примером может послужить плакат (рис. 9) В.Н. Денни «Долой пьяниц!» (1929 г.).

Рис. 9

Целостность КТ задается коммуникативно-когнитивной установкой адресанта, единой темой, раскрываемой вербальным и иконическим компонентами (рис. 9). План содержания КТ не ограничивается выражением информации только языковыми средствами, в разной степени в этом процессе участвует и иконический компонент. На рисунке 9 вербальный и иконический знаки настолько тесно спаяны, что выделить главный компонент трудно. Изображение иллюстрирует вербальную часть, выступает аргументом высказыванию. Вербальная и иконическая части относительно автономны, могут существовать друг без друга, но по отдельности их смысловая нагрузка не будет настолько сильной и бесспорной. Подобная реализация семантики свойственна всем советским плакатам как средствам агитации и политико-просветительской работы. Авторы подобных КТ используют коммуникативные стратегии рационального аргументирования и убеждения, реализуемые с помощью тактики иллюстрирования: полная визуализация вербальной части посредством тематической картинки в карикатурном ключе [4, с. 89].

Изображение в разной степени участвует в организации текста [5, с. 17]. На наш взгляд, феномен советского плаката обусловлен тем, что подобным КТ, как правило, свойственна частичная креолизация, т.е. изобразительный компонент сопровождает вербальную часть и является факультативным элементом в организации текста. Так, на рисунке 9 «Долой пьянство!» изображение в полной мере повторяет, иллюстрирует вербальный текст,

буквально встроено в него в интересах совместной передачи и акцентуации социально значимой информации.

Отметим, что на содержательном уровне вербальный компонент плаката обладает смысловой самостоятельностью вне изобразительного компонента, между изображением и вербальной частью существует прямая денотативно-сигнификативная соотносительность: знаки обоих кодов обозначают одни и те же предметы/ситуации объективного мира. В частности, изображение рабочего в нетрезвом состоянии, сломавшего станок, и созданная деталь дублируется вербально: «Долой пьяниц! Заявим громко. От пьяниц только хулиганство и поломка!». Рифма в руках советской власти стала настоящим оружием в борьбе за умы людей, которые нуждались в разъяснении «что такое хорошо и что такое плохо». Ответ очевиден: «хорошо» – всё то, что одобряет партия.

Плакату как жанру КТ не характерна строгая структура. На содержательно-композиционном уровне прослеживается связь изображения со всем произведением. Изображение выступает в качестве визуальной парафразы, передающей смысл и настроение вербальной части. Например, на плакате (рис. 10) «Да здравствует Первое мая!» В.Н. Дени (1929 г.) изображен ликующий рабочий, идеальный образ, похожий на В.И. Ленина, со знаменем коммунистического интернационала, разрывающий цепи, дарящий свободу миру – типичная советская политическая метафора.

Рис. 10

Изображение в данном случае связано со всей вербальной частью, передает её патетику, восклицательную эмоциональную окрашенность. Кроме того, здесь прослеживается включённость вербального компонента в изображение. Это усиливается восприятием обоих компонентов как лингвокогнитивного единства. Концептуальная зависимость одного компонента от другого подкрепляется соответствующими языковыми маркерами в вербальной части «Под Ленинским знаменем Коминтерна – вперед!». При этом связность выражена эксплицитно, маркеры непосредственно соотносят вербальную часть текста с иконической. Языковым маркером лингвокогнитивной связи здесь является лексема «Ленин/Ленинский», которая в изобразительной части текста дублируется дважды: в образе рабочего прослеживаются черты Ленина, на знамени присутствует профиль отца мирового пролетариата. Подобная структура плаката производит эффект 25-го кадра: попытка воздействовать не только на сознание, но и на подсознание людей в идеологических целях – навязать одобренное правительством мнение человеку и пресечь инакомыслие.

В зависимости от типа КТ изображение выполняет в нём универсальные и частные функции. Как правило, иконический компонент плаката выполняет все основные универсальные функции.

На плакате Кукрыниксов 1941 г. (рис. 11) изображение привлекает внимание адресата, участвует в организации визуального восприятия текста: выполняет аттрактивную функцию. Изображение передает определённую информацию – реализуется информативная функция. Экспрессивная функция изображения

Рис. 11

заключается в его назначении выражать чувства адресанта, воздействовать на эмоции адресата. Кроме того, иконический компонент воздействует на эстетические чувства адресата.

Плакат (рис. 11) выполнен в карикатурной графике: на нем изображен маленький Гитлер, который на фоне больших, сильных, уверенных рук выглядит беспомощно. Создавая карикатурный образ фюрера, художники преследовали цель не только вдохновить народ на подвиги, но показать истинную сущность Гитлера, которая производит отталкивающее впечатление благодаря сходству фюрера с крысой и тени фюрера с Наполеоном. Тем самым создаются визуальные антитезы: Гитлер (Наполеон) и советский (русский) человек. Образы Гитлера и Наполеона объединяет историко-политический контекст и, как следствие, в семантике — коннотативная сема 'поражение': Наполеон потерпел поражение, то же будет и с зазнавшимся Гитлером! Изображение создаёт определённый сатирический эффект, вызывает улыбку или смех у адресата; в намеренно преувеличенном виде, заостренно показывает характерные черты фюрера с целью его унижения, осмеяния и осуждения. Плакат призывает «Не дадим наполеоновским планам Гитлера сбыться!» Вербальная аналогия актуализируется за счет фразеологизма «наполеоновские планы» в значении «о несбыточных мечтаниях, о далеко идущих (завышенных) планах, которым не суждено сбыться».

Частные функции изображения определяются характером плаката. Интересен по своему художественному решению плакат Кукрыниксов 1942 г. «Превращение фрицев» (рис. 12).

На плакате изображена немецкая армия, с которой происходит пошаговая метаморфоза: «колонна фрицев» сначала превращается в «колонну «шагающих» немецких крестов» (в данном случае, свастика — символ национал-социалистической немецкой рабочей партии и фашистской идеологии), затем свастика трансформируется в «ряд могильных березовых крестов». Плакат иллюстрирует знаменитые слова Александра Невского: кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет. Можно уловить им-

Рис. 12

PLICITную ассоциацию «Гитлер — Смерть»: сухой, худосочный, с костлявыми конечностями, в черном одеянии. Созданная изобразительная метафора символизирует победу русских над «фрицами» и усиливает вербально выраженный призыв всеми силами приблизить эту победу. В данном случае иконический компонент выполняет символическую функцию, которая заключается в назначении изображения выражать посредством наглядных образов абстрактные понятия и идеи, а вербальная часть представляет собой подтверждение визуальной концепции.

Обобщая вышесказанное, отметим, что советским плакатам, как правило, свойственна частичная креолизация, вербальный и иконический компоненты могут существовать автономно, это обусловлено коммуникативно-когнитивной задачей адресанта, использованием стратегий рационального аргументирования и убеждения, реализацией манипулятивной функции. В отличие от новых типов КТ, плакаты не дают информации о конкретном образе автора, это обусловлено идеологией социализма, ставившей коллективное начало в главенствующее положение.

Функции иконического компонента тесно связаны, взаимодействуют друг с другом. Изображение выполняет все основные универсальные функции и некоторые частные, что обусловлено содержанием и коммуникативно-прагматическими задачами плаката. Изображение в плакате чаще выполняет сатирическую функцию, собственно юмористическая же функция минимизирована, что отличает их от новых типов КТ.

Библиографический список

1. Полонский В.П. *Русский революционный плакат*. Москва: Государственное издательство, 1925.
2. Полевой В.М. *Популярная художественная энциклопедия*. Москва: Советская энциклопедия, 1986.
3. Нуриева Д.Р. Креолизованный текст как феномен современного лингвосоциума. *Сборник научных статей Казанского федерального университета 2013 года*. Казань: Казанский университет. 2013: 414 — 416.
4. Иссерс О.С. Стратегии и тактики русской речи. Москва: УРСС, 2008.
5. Анисимова Е.Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на основе креолизованных текстов)*. Москва: Академия, 2003.
6. Данилова Ю.Ю., Нуриева Д.Р. Демотиватор как лингвокогнитивное единство иконической и вербальной информации. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014; 12., Ч. 3: 66 — 71.
7. Данилова Ю.Ю., Нуриева Д.Р. Мем как структурное, функциональное и визуальное-коммуникативное целое. *Наука и мир. Международный научный журнал (Science and world. International scientific journal)*. Волгоград: Научное обозрение, 2015; 1(17), Т. 2: 37 — 41.

References

1. Polonskij V.P. *Russkij revolyucionnyj plakat*. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925.
2. Polevoj V.M. *Populyarnaya hudozhestvennaya enciklopediya*. Moskva: Sovetskaya enciklopediya, 1986.
3. Nurieva D.R. Kreolizovannyj tekst kak fenomen sovremennoho lingvosociuma. *Sbornik nauchnyh statej Kazanskogo federal'nogo universiteta 2013 goda*. Kazan': Kazanskij universitet. 2013: 414 — 416.
4. Issers O.S. Strategii i taktiki russkoj rechi. Moskva: URSS, 2008.
5. Anisimova E.E. *Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikaciya (na osnove kreolizovannyh tekstov)*. Moskva: Akademiya, 2003.
6. Danilova Yu.Yu., Nurieva D.R. Demotivator kak lingvokognitivnoe edinstvo ikonicheskoj i verbal'noj informacii. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. Tambov: Gramota, 2014; 12., Ch. 3: 66 — 71.
7. Danilova Yu.Yu., Nurieva D.R. Mem kak strukturnoe, funkcional'noe i vizual'no-kommunikativnoe celoe. *Nauka i mir. Mezhduнародnyj nauchnyj zhurnal (Science and world. International scientific journal)*. Volgograd: Nauchnoe obozrenie, 2015; 1(17), T. 2: 37 — 41.

Статья поступила в редакцию 29.03.15

Kasumova A.Sh., postgraduate, Russian Language Department, Dagestan State Technical University (Makhachkala, Russia),
E-mail: rutul2010@yandex.ru

FEATURES OF NICKNAME METAPHORIZATION: SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECT: CASE STUDY OF NICKNAMES OF CAUCASIANS. The research was conducted since 2009 till 2014. The author analyzed more than 9580 nicknames of Russians in the social networks (vk.com, odnoklassniki.ru, facebook.com, instagram.com, etc.). 3,850 of names among them are the nicknames of the Caucasians people. The study proved that the nicknames of Caucasians differ from the nicknames of all other citizens of Russia in a number of features. Some of them are considered in this article. The bulk of nicknames created by people of the North Caucasus (especially by young people), is a nomination with both direct (over 1047 units) and figurative meaning (more than 2803 units). Nominations with a figurative meaning are called secondary nominations: metaphor, epithet, simile, personification, oxymoron, hyperbole, litotes, allusion. A metaphorical way of creating this kind of names (over 840 units) is especially widely spread among the means of secondary nomination. It was found that web users evaluate themselves mostly in a positive way: in 521 out of 840 analyzed metaphors web users see themselves in a positive way, in 319 – in a negative. This phenomenon is motivated psychologically and socially, especially in young people's nicknames. It should be noted that there is a high proportion of estimates, expressive metaphors and word-formation models for the formation of proper names in the virtual space. At the same time a major role in the formation of neologisms in visual onomastic space of Internet plays such way of word formation as a graphic language game.

Key words: graphic language game, means of secondary nomination, metaphorization, positive assessment, nicknames, negative assessment.

А.Ш. Касумова, аспирант каф. русского языка Дагестанского государственного технического университета;
г. Махачкала, E-mail: rutul2010@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ МЕТАФОРИЗАЦИИ НИКНЕЙМОВ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (НА МАТЕРИАЛЕ НИКНЕЙМОВ КAVKAZЦЕВ)

Анализу были подвергнуты свыше 9580 никнеймов россиян в социальных сетях (vk.com, odnoklassniki.ru, facebook.com, instagram.com и др.) за 2009 – 2014 гг., из которых никнеймы кавказцев составили около 3850 единиц. Было выявлено, что они отличаются от ников всех остальных жителей России по ряду особенностей. Некоторые из них рассматриваются в данной статье. Корпус никнеймов, создаваемых жителями Северного Кавказа (особенно молодежью), составляет номинации как с прямым (свыше 1047 единиц), так и с переносным (свыше 2803 единиц) значением. Номинации с переносным значением представляют собой вторичные номинации: метафору, эпитет, сравнение, олицетворение, оксюморон, гиперболу, литоту, аллюзию. Среди средств вторичной номинации особое распространение получил метафорический способ создания данной разновидности оников (свыше 840 единиц). Выявлено, что пользователи в Сети оценивают сами себя в основном с положительной стороны: из 840 рассмотренных метафор в 521 – пользователи оценивают себя с положительной стороны, в 319 метафорах – с отрицательной. Данное явление мотивировано психологически и социально, особенно в молодежных никах. *Необходимо отметить, что в виртуальном пространстве наблюдается высокая доля оценочных, экспрессивных метафорических и словообразовательных моделей образования имен собственных. При этом большую роль в образовании визуальных неологизмов в ономастическом пространстве Интернета играет такой способ словообразования, как графическая языковая игра.*

Ключевые слова: средства вторичной номинации, метафоризация, никнеймы, мелиоративная (положительная) оценка, пейоративная (отрицательная) оценка.

В отличие от существующих работ по проблеме функционирования сетевых имён (роль сетевого имени (никнейма) во взаимодействии виртуальной коммуникации (А.С. Балкунова, 2012); никнейм как особая группа имён собственных (В.В. Казяба, 2013); никоним в виртуальном дискурсе: лингвопрагматический аспект (А.А. Соков, 2014); проблемы виртуального дискурса (Г.Н. Трофимова, 2004; Н.Г. Асмус, 2005; Н.А. Ахренова, 2009; О.В. Лутовина, 2009; К.С. Цибизов, 2009 и др.), проблема искусственной номинации (Е.А. Концесвитная, 2003; Л.В. Шалина, 2005; А. Мартин, 2006; В.В. Мизин, 2007 и др.), исследования Интернет-коммуникации (А.В. Жичкина, 2000; Н.Д. Чеботарева, 2000; И.И. Зубова, 2010 и др.); особенности мужского и женского вербального поведения (Е.И. Горошко, 1996 и др.)) данное исследование не ограничивается рамками описания лингвистических и прагматических особенностей никнеймов. Значимость рассматриваемой в статье темы определяется необходимостью изучения этого явления в этнолингвистическом и социально-психологическом аспектах. В связи с этим изучение средств вторичной номинации, способствующих созданию образных никнеймов, позволяющих пользователю завуалированно передать собственный характер, пристрастия, психологические и национальные особенности, настроение в тот или иной период жизни представляется, на наш взгляд, перспективным и целесообразным.

Анализу были подвергнуты свыше 9580 никнеймов россиян в социальных сетях (vk.com, odnoklassniki.ru, facebook.com, instagram и др.) за 2009 – 2014 гг., из которых никнеймы кавказцев составили 3850 единиц. Было выявлено, что они отличаются от ников всех остальных жителей России по ряду особенностей, в

частности, особенностями метафоризации при создании виртуальных антропонимов.

Наука, изучающая имена, природу наименования, средства, обозначения и их типы, называется ономастикой. Её основная цель – создание теории номинации, изучение средств и способов называния элементов действительности. «Номинация есть закрепление за словом понятия, отражающего определённые признаки предметов», по-другому – «номинация есть закрепление за языковым знаком понятия – сигнификата, отражающего определённые признаки...» [1].

В соответствии с различными способами процесса номинации, имена могут создаваться прямым, или косвенным путем. Первичная номинация является начальной, и считается производной в современной лингвистике. Вторичная – производная, так как она образована путем изменения значения готовых языковых средств, выполняющих свою второстепенную функцию (такие имена являются мотивированными). Вторичной лексической номинацией В.Г. Гак и В.Н. Телия считают использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения. По их мнению, в языке закрепляются такие вторичные наименования, которые представляют собой наиболее закономерные для системы данного языка способы наименования и восполняют недостающие в нем номинативные средства [2, с. 230-293; 3, с. 129-221].

Второй вид номинации является наиболее распространенным при создании никнеймов. В данной статье никнейм понимается как компьютерное или виртуальное имя [3, с. 19], используемое при общении посредством электронных средств и в сети Интернет. Виртуальный оним не тождествен реальному:

во-первых, он всегда мотивирован, так как является продуктом индивидуального сознания имидателя; во-вторых, он изначально концептуален, ибо создан как выявление смыслов Вторичного мира [4, с. 30]. Корпус никнеймов, создаваемых жителями Северного Кавказа (в семантическом аспекте), составляет номинации как с прямым (свыше 1047 единиц), так и с переносным (свыше 2803 единиц) значением. Номинации с переносным значением представляют собой вторичные номинации: **метафоры** (*Одинокый Волк, Бродяга, Конфетка и др.*), **эпитеты** (*Чужой Даргинец, Наглый Горец, Просто Лезгин и др.*), **сравнения** (*Аварец без аварки, как чай без заварки, Лезгин без лезгинки, как спортсмен без разминки, Я без тебя Как Анжи без Траоре и др.*), **олицетворения** (*Разбитое сердце, Ходячее золото, Ходячее ЧП и др.*), **оксюмороны** (*Грустный Смайлик, Нежный Яд и др.*), **гиперболы** (*Четкий до беспредела, ЦветОк МиРа, Ресницами Касаясь Неба и др.*), **аллюзии** (*Ежик в тумане, Спанч Боб, Сбежавший Брюнет и др.*).

Среди средств вторичной номинации особое распространение получил метафорический способ создания данной разновидности онимов (свыше 840 единиц).

Как известно, метафора играет важную роль в построении языковой картины мира и в членении действительности. В данной работе наше внимание направлено на метафору виртуальных онимов кавказцев в социально-психологическом аспекте. Семантическая интерпретация и системный анализ виртуальных имен в аспекте языковой метафоры позволят нам выявить и классифицировать ценностные ориентации молодых кавказцев и изучить структуру личности в аксиологическом аспекте.

Опираясь на классификацию семантических моделей Г.Н. Скляревой [5], относящихся к апелляциям, предлагаем обновленную классификацию метафорических переносов (моделей) виртуальных имен собственных, что в лингвистике еще до сих пор не было осуществлено. При этом следует отметить, что толкования изучаемых лексем приводятся нами из Базы электронных словарей (dic.academic.ru), в случае отсутствия той или иной лексики в словаре в переносном значении, нами были предложены собственные толкования метафор. Для никнеймов кавказцев в обобщенном и схематизированном виде характерны следующие типы метафорических переносов:

1. Предмет → человек (*Жемчужина* – человек, выделяющийся своими достоинствами, являющийся сокровищем, *Летучий Голландец* – скиталец (легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря).
2. Животное → человек (*Ночной Волк* – человек, который ведет ночной, опасный образ жизни, *Багира* – грациозная девушка, *Лебедь Белая* – стройная, грациозная девушка, *Ранимая Бабочка* – ранимый человек, *ПЧЕЛКА*) – трудолюбивый человек).
3. Человек → человек (*Бродяга* – человек, с хорошим чувством юмора и высокой самооценкой, *Парфюмер* – человек представляющий опасность для красивых девушек, *Игрок* – любитель азартных игр).
4. Растение → человек (*Божий Одуванчик* – добродушный человек, *Изюминка* – своеобразный человек).
5. Физический мир → человек (*Лучик Света* – приятный, добрый человек, *Солнце* – приятный, добрый человек, *Сердце-лед, Дыханье-стужа* – безучастный, равнодушный человек).
6. Психический мир → человек (*Кусочек Счастья, Маленькое Счастье* – человек, который может осчастливить, *СЛЕЗА ЛЮБВИ* – влюблённый человек).

Необходимо отметить, что многие метафоры представляют собой прецедентные феномены. Например: Божий Одуванчик (идиома), Лучик Света (идиома), Парфюмер (герой из книги / фильма «Парфюмер»), Летучий Голландец (легендарный парусный корабль-призрак, который не может пристать к берегу и обречён вечно бороздить моря).

Рассмотренные метафоры объединены общим для них психологическим и психолингвистическим свойством перенесения наименования с одного предмета на другой на основании сходства. В лингвистике принято различать языковую и речевую метафоры. Метафора в виртуальных никнеймах носит смешанный характер: совмещает в себе черты языковой метафоры (отражает коллективные предметно-логические связи, анонимна,

воспроизводима, имеет системный характер) и речевой (индивидуальна, окказиональна, выполняет эстетическую функцию и обладает максимальной синтагматической, контекстуальной обусловленностью).

В целом мы можем говорить о характеризующей антропоцентрической метафоре в виртуальных онимах, охватывающей все стороны человеческой личности: внешний облик (*Конфетка* – конфетная внешность (перен. слащаво-красивая), *Чебурашка* – игрушка, напоминающая медвежонка с большими круглыми ушами, *Багира* – очень элегантная, изящная, красивая), психические свойства (черты характера, темперамент, умственные способности, эмоциональное отношение к кому-л. и т.п.: *Львиное Сердце* – храбрый, *Огонек* – шустрый, *Солнышко* – добрый), особенности характера (отношение к людям, реакция на ситуацию и т.п.: *Дьяволенок* (злой дух), *Одинокый Волк* (одинокий, сторонится окружающих), *Бродяга* – человек с высокой самооценкой), положение в социуме и сформированные этим положением свойства личности, которые в данной работе обозначены как социальные качества (*Король Сайта* – высокомерный, *Президент* – амбициозный, высокомерный, *Хамелеон* – не имеет устойчивых взглядов). При этом важно отметить, что характеристики человека обычно содержат не только указание на признак, но и, как правило, на оценку.

В исследованиях известных лингвистов сделан вывод о существенном преобладании в языке пейоративной (отрицательной) характеризующей языковой метафоры над мелиоративной (положительной). [6; 8]. Учёные полагают, что это явление обусловлено тем, что человеку свойственно называть «не своим именем» того, кто заслуживает порицание, например: *свинья, паук, жаба, сундук, тумба*. В связи с этим интересным представляется тот факт, что в Интернете, т.е. в виртуальной реальности, наблюдается обратная тенденция, связанная с «самоименованием». Люди (пользователи) оценивают сами себя в основном с положительной стороны, т.е. преобладает мелиоративная оценка: из 840 единиц рассмотренных метафор в 521 (62%) – пользователи оценивают себя с положительной стороны (*Багира, Лебедь Белая, пантерка, kiska и др.*), в 319 (38%) – с отрицательной (*Чебурашка, Змей-Горыныч, ур0D*) и др.). Данное явление мотивировано психологически и социально, особенно в молодежных нишах, так как внутреннюю механику создания виртуальных онимов составляют два взаимодополняющих процесса: социализация («личная забота о соответствии ожиданиям общества в его конкретной общности: семья, партнер, группа, коллектив, нация в целом») и индивидуализация личности («личная забота о реальном воплощении неповторимого «Я»») [7, с. 31].

Никнеймы, относящиеся к разряду антропоцентрических метафор **мелиоративной** (512 единицы из 840) оценки, достаточно многочисленны. Как правило, в них положительно оценивается собственная внешность обладателя ника (красота, привлекательность, стройность), его собственный характер (мужественный у парней и добрый у девушек), социальные качества обладателя никнейма (подчеркивается собственная значимость в обществе). (См. табл.1). Кроме того, следует отметить, что в процессе метафоризации никнеймов используются различные словообразовательные способы и средства. Рассмотрим некоторые из них:

1. Графическая игра:
 - 1) капитализация + использование смайликов: (((*СЛАДКАЯ Конфетка*))), (*ПЧЕЛКА*)),
 - 2) граморфоактуализация: *Van Tik*,
 - 3) грамма-редупликация: *Багира*,
 - 4) грамма-редупликация: *Багира*,
 - 5) неузальное чередование строчных и прописных букв: *ЦвЕтОк МиРа, УлыбКа на ТвОиХ ГуБаХ, AnGeL, ЛюБиМаЯ ПрынцеСса*,
 - 6) графигибридация + использование символов: *Мøè BèlîççтΨø, Kørøль*), подарок судьбы),
 - 7) курсивизация: *ГРАФиня* и др.

2. Диминутивы (суффиксация): *Конфетка, Шоколадка, Вкусняшка, пантерка, kiska, Кусочек Счастья, Огонек, zaichik, Лучик Света, Солнышко, Звездочка и др.*

Следует отметить, что самыми распространёнными способами графической игры (среди 840 проанализированных никнеймов кавказцев, образованных метафорическим путем) являются: неузальное чередование строчных и прописных букв (свыше 150 никнеймов), графигибридация (свыше 267 никнеймов), использование символов (свыше 317 никнеймов). Среди диминутивов наибольшую продуктивность имеют суффиксы: «-к-», «-ек-», «-ик-».

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
Внешность	
1. Красивый, привлекательный, стройный, нарядный и т.п.)	Шоколадка, Вкусняшка, Конфетка, Amor, (((СЛАДКАЯ Конфетка))) Ban Tik
2. Грაციозный	Багирра, Лебедь Белая, пантерка, kiska
3. Полный	Бублик
Характер	
1. Смелый, отважный	Львиное Сердце, Орел, Лев
2. Живой, активный	Огонек, zaichik
3. Добрый, приятный	Божий Одуванчик, Лучик Света, Солнышко
Поведение	
1. Подвижный, резвый	Дьяволенок
Социальные качества	
1. Наделенный властью, могущественный	Король Сайта, Президент, Heart of Caucasus, ЦвЕтОк МиРа, Мое ЁлічѐсѓЩо
2. Играет важную роль в жизни общества (знаменитый, прославленный)	Ангел-хранитель, Звездочка, Принцесса, Маленькая Фея, AnGeL, Ангелочек с крыльями, ГРАФИня, Принцесса, Император, ЛюБиМаЯ ПрынЦеСсА
3. Кого любят, кому поклоняются	Жемчужина, Кусочек Счастья, Маленькое Счастье, Твое Солнце, Белое золото, Лунный свет Азизова, (ʒʏ)Зимняя Сказкаʒ (ʒʏ), Зайка твоя, ♥♥♥твоя радость♥♥♥, Қателіккә (қайтыя) УлыБка на ТвоИХ ГубАх

Языковая метафора пейоративной оценки

Параметры оценки и символ метафоры	Примеры ЯМ
Внешность	
1. Некрасивый, нелепый	<i>Чебурашка, Змей-Горыныч, ур0D))</i>
2. Низкорослый, маленький	<i>Пятачок</i>
Характер	
1. Бесчувственный, равнодушный	<i>Сердце-лед Дыханье-стужа</i>
2. Наглый	<i>Наглый фрукт (λ</i>
3. Грустный человек	<i>Грустный Смайлик, Дождик Дождик, СЛЕЗА ЛЮБВИ, Осколок сердца, Капля Дождя</i>
4. Ранимый	<i>Ранимая Бабочка, Butterfly</i>
5. Человек, который представляет угрозу для других, жестокий (мучитель)	<i>Легальный Кокаин, Нежный Яд, Парфюмер, Паук, Наследник Дьявола, Хищник, Кровавая МЭри Cobra175, Demon _(Devil)_, Злая Тапочка</i>
Поведение	
1. Одинокий человек, скиталец	<i>Одинокий Волк, Бродяга, Летучий Голландец, Ежик в Тумане, Дикая кошка</i>
2. Образ жизни (опасный)	<i>Ночной Волк</i>
Социальные качества	
1. Жизненный опыт (молодой, неопытный, наивный)	<i>Молодой Барон, Цыпленок</i>
2. Жизненная позиция (не имеет устойчивых взглядов, твердого мнения)	<i>Хамелеон</i>

оценку, что является следствием процесса самономинации, так и отрицательную, обусловленную претенциозностью и желанием выделиться. Кроме того, пейоративная оценка помогает пользователям передать свое душевное состояние: чувство одиночества и грусти.

Между положительной и отрицательной метафорической системой оценок в виртуальном пространстве наблюдается незначительная разница: мелиоративные оценки чрезвычайно разнообразны и проявляются в самом широком диапазоне качеств человека – физиологических (Багирра, Лебедь Белая), психологических (Орел, Лучик Света), нравственных (Дьяволёнок), социальных (Цветок Мира, Принцесса). Пейоративные оценки также представлены достаточно широко, но чаще обусловлены не самокритикой, а попыткой произвести впечатление на аудиторию.

чатление, выделиться из толпы, показать свою решительность, мужественность, агрессивность, претенциозность (Наследник Дьявола, Злая Тапочка, Паук, Ночной Волк). Однако чаще всего пользователи за счет пейоративной оценки показывают свое внутреннее состояние одиночества, неопределенности в жизни (Грустный Смайлик, Летучий Голландец, Одинокий Волк). Исходя из вышесказанного, можно сказать, что у кавказцев достаточно высокая самооценка, обостренное самолюбие и ярко выраженные амбиции. Между тем, многие из них чувствуют себя одинокими и потерянными. Данное явление свидетельствует о том, что для пользователей характерно передавать через никнеймы свое внутреннее состояние и эмоции.

Для молодежи никнейм – это уникальная возможность воссоздать себя заново. В отличие от имени, которое пользователям

дают при рождении, ник – это то, что они могут выбрать сами с учетом своих особенностей, потребностей, интересов, состояния внутреннего мира. Пользователи выбирают никнеймы, которые позволяют им наиболее полно выразить себя, а также почувствовать внутренний комфорт и уверенность в себе. Выбор виртуального имени – это уникальная возможность охарактеризовать свою личность одним словом (Одинокий Волк, Капризная Принцесса).

Таким образом, пользователи проецируют на никнейм свое идеальное «Я», которое мотивировано психологически (личная забота о реальном воплощении неповторимого «Я») и социально (личная забота о соответствии ожиданиям общества в его конкретной общности: семья, партнер, группа, коллектив, нация в целом).

Библиографический список

1. Серебренников Б.А. *Языковая номинация. Виды наименований*. Москва: Наука, 1977.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. *Языковая номинация: Общие вопросы*. Москва: Наука, 1977: 230 – 293.
3. Телия В.Н. Вторичная номинация и её виды. *Языковая номинация (Виды наименований)*. Москва: Наука, 1977: 129 – 221.
4. Лукьянова Н.А. *Экспрессивная лексика разговорного словоупотребления: Проблемы семантики*. Новосибирск: Наука, 1986.
5. Складневская Г.Н. *Метафора в системе языка*. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
6. Ильясова С.В., Амири Л.П. *Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы*. Москва: Флинта, 2009.
7. Харченко В.К. *Современная речь*. Москва: Издательство литературного института А.М. Горького, 2006.

References

1. Serebrennikov B.A. *Yazykovaya nominaciya. Vidy naimenovanij*. Moskva: Nauka, 1977.
2. Gak V.G. K tipologii lingvisticheskikh nominacij. *Yazykovaya nominaciya: Obschie voprosy*. Moskva: Nauka, 1977: 230 – 293.
3. Teliya V.N. Vtorichnaya nominaciya i ee vidy. *Yazykovaya nominaciya (Vidy naimenovanij)*. Moskva: Nauka, 1977: 129 – 221.
4. Luk'yanova N.A. *Ekspressivnaya leksika razgovornogo slovoupotrebleniya: Problemy semantiki*. Novosibirsk: Nauka, 1986.
5. Sklyarevskaya G.N. *Metafora v sisteme yazyka*. Sankt-Peterburg: Filologicheskij fakul'tet SPbGU, 2004.
6. Il'yasova S.V., Amiri L.P. *Yazykovaya igra v kommunikativnom prostranstve SMI i reklamy*. Moskva: Flinta, 2009.
7. Harchenko V.K. *Sovremennaya rech'*. Moskva: Izdatel'stvo literaturnogo instituta A.M. Gor'kogo, 2006.

Статья поступила в редакцию 23.03.15